К63.3(2)
П 53

Александр Полынкин

МАЛОАРХАНГЕЛЬСКИЕ ИСТОРИИ

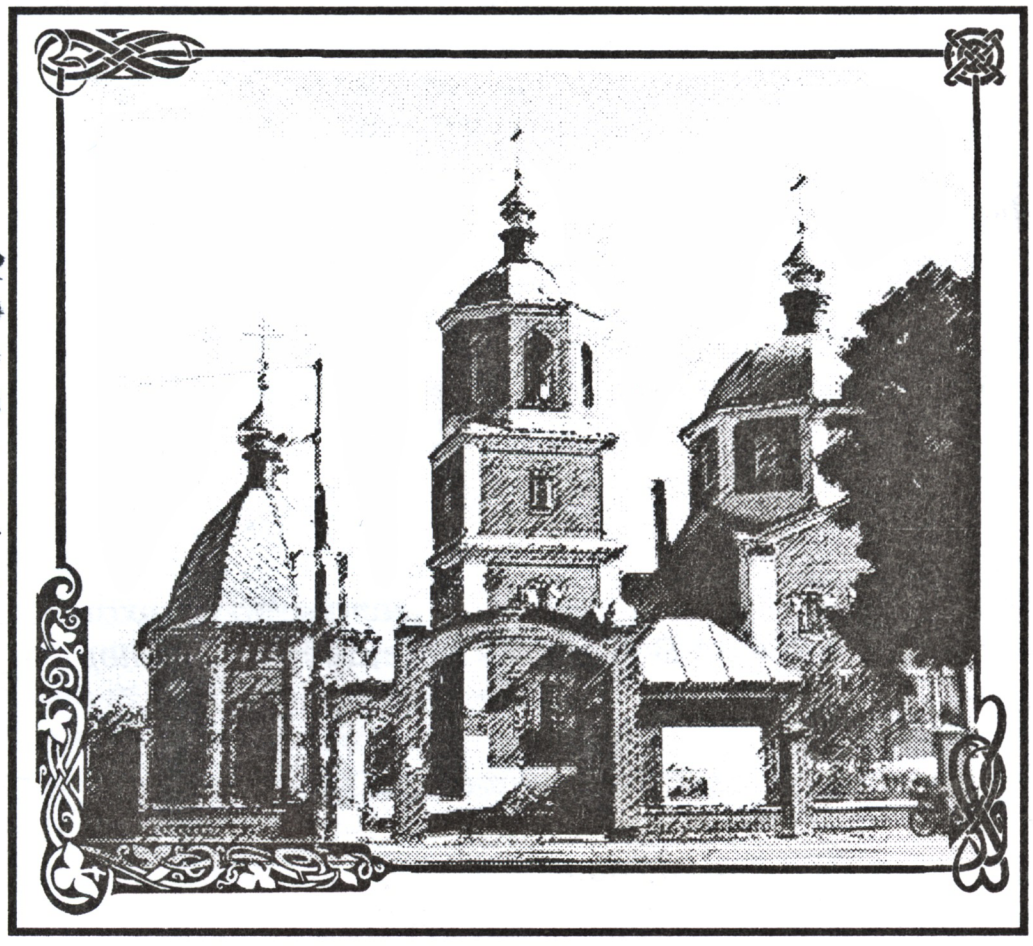

К 63.3(2)
П 53

Александр Полынкин

МАЛОАРХАНГЕЛЬСКИЕ ИСТОРИИ

12+
А 3010082

Издательство Картуш
Орёл – 2019

КР2024

БУКОО
«Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 82-1+908(470+571)
ББК 49.0
П 49

Александр Полынкин
П 49 Малоархангельские истории – Орёл: «Картуш». 2019. – 444 с., фото.

ISBN 978-5-9708-0786-6

Новая книга известного орловского краеведа Александра Полынкина включает в себя опубликованные ранее в периодической печати и на сайте «Малоархангельск.Ру» очерки, в которых речь идёт о событиях и людях Малоархангельского края – замечательного и во многом уникального. В ходе работы в Государственном архиве Орловской области и благодаря присланным многими земляками и их потомками документам и фотографиям автору удалось выяснить и уточнить некоторые моменты в истории края и в биографиях известных малоархангельцев.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей страны и своей малой родины.

УДК 82-1
ББК 49.0

Фото на обложке:
***Лицевая сторона**: Храм Михаила Архангела в Малоархангельске;*
***Оборот**: Памятник Юлии Вревской в селе Дубовик (автор – Юрий Черкасов), фото – Александра Полынкина*

***Автор благодарит**: администрацию ООО «Дубовицкое» и лично его руководителя, Генерального директора Петра Васильевича Матвейчука за финансовую помощь, понимание и представленные материалы и фотографии.*

ISBN 978-5-9708-0786-6

© А.М.Полынкин, 2019
© ПФ «Картуш» (оформление), 2019

Вместо вступления
(несколько слов от автора)

В 2018 году исполнилось 240 лет со дня рождения Малоархангельска – небольшого, но славного города, оставившего заметный след в орловской и российской истории. О Малоархангельском уезде (районе) уже выходили статьи и отдельные книги, стоит назвать, хотя бы, «Малоархангельские истоки» Василия Агошкова (1999 год). Но история этого края изучена ещё очень неполно, поскольку, к примеру, документы Государственного архива Орловской области практически не использовались предыдущими авторами.

Я достаточно часто рассказывал в своих очерках, публиковавшихся в периодических изданиях, о событиях и людях Малоархангельского края. Когда число моих «Малоархангельских историй» достигло более трёх десятков, мне захотелось свести их в книгу. И вот она перед тобой, уважаемый читатель. Я надеюсь, что написанные в течение нескольких лет очерки, часть которых выставлялась на сайте «Малоархангельск.Ру», будут со вниманием прочитаны и оценены. Практически все они написаны на документальной основе, хотя в некоторых присутствует и небольшая доля фантазии. А одна глава, «Документы и люди», - позволяет читателю ознакомиться с событиями прошлых лет непосредственно с помощью первоисточников.

В добрый путь, уважаемый читатель, надеюсь, что чтение не станет для тебя скучным, а будет приятным и полезным. Известные тебе события сверкнут новыми красками, другие – откроются тебе, а биографии многих героев этой книги вызовут у тебя искреннее удивление, восхищение или возмущение: вот такие они были – наши земляки…

Александр Полынкин

Глава первая.
Малоархангельск и его жители во второй половине XIX – первой трети XX века *(по воспоминаниям уроженцев города)*

1. Из Санкт-Петербурга и Красноярска о Малоархангельске – с любовью от Варвары Яковлевой

В самом начале апреля 2016 года, при посредничестве моего хорошего знакомого, админа сайта «Малоархангельск.Ру» Александра Белевцева, состоялось моё заочное знакомство с Дмитрием Борзовым. Уроженец и житель Санкт-Петербурга, он прислал мне электронное письмо, в котором повёл речь о своих предках, уроженцах Орловской губернии. Долгое время на свои родословные корни Дмитрий Эдвардович не обращал внимания, но после рождения двух сыновей «возник интерес к истории семьи, начали собирать все, что осталось нам от уже ушедших близких людей – фото, воспоминания. Увлекло, и возникло желание поделиться – это наша общая история».

Дмитрий Борзов

Родная бабушка Дмитрия Борзова по отцу – Ксения Ивановна Яковлева, уроженка Орловской губернии, оказалась в Санкт-Петербурге перед войной, она преподавала в блокадном Ленинграде в одной из школ и была эвакуирована вместе с учениками, потом вернулась в северную столицу и прожила до 1982 года, скончавшись в возрасте 73 лет. Именно от бабушки Дмитрий Борзов и его сестра Ольга получили первые сведения об Орловщине.

А теперь слово сестре Дмитрия Ольге:

«В далекие теперь уже 80-е годы 20-го столетия к нам Ленинград приезжали погостить родные сестры нашей бабушки Ксении Ивановны Яковлевой – Варвара и Екатерина Яковлевы. Они проживали в Орле, но с удовольствием посещали родственников в разных городах. Обе были преподавателями

русского языка и литературы (Варвара Ивановна работала на факультете начальных классов Орловского государственного пединститута и очень многое сделала для его становления). С появлением бабушек атмосфера в квартире менялась, наполнялась интересными воспоминаниями о былом, о детстве, о семье. Мы с ними открывали старые альбомы и разглядывали фотографии начала XX века с комментариями бабушек о тех, кто был запечатлен на них. Слушать было очень интересно, и возникла у внучки Оли просьба к бабушке Варе написать «Воспоминания о семье Яковлевых-Троицких». Варвара Ивановна с удовольствием исполнила эту просьбу в 1991 году, когда, будучи на пенсии, уже проживала в Красноярске. Сегодня, благодаря этим «Воспоминаниям», мы – внуки и правнуки – имеем уникальную возможность знакомства с историей семьи по линии нашего отца, Борзова Эдварда Александровича, сына К.И. Яковлевой».

«Воспоминания Варвары Ивановны Яковлевой» писались с марта по октябрь 1991 года, и посвящены они её близким родственникам из семей священнослужителей Орловской губернии Ждановых, Троицких и Яковлевых. Это очень интересные, живые и подробные мемуары, события в которых происходят большей частью в уездном городе Малоархангельске, а также в селе Дмитровское Орловского уезда. Упоминаются и другие населённые пункты губернии (Малоархангельского и Орловского уездов), сам город Орёл – как в XIX-ом, так и в первые десятилетия XX века (до 1935 года).

«Воспоминания» (в них свыше 50 страниц печатного текста) автор (В.И. Яковлева) разделила на 7 частей:

Оглавление

1. ***Ждановские дома***
2. ***Троицкие***
3. ***Семья***
4. ***Малоархангельск***
5. ***Революция***
6. ***Гражданская война***
7. ***Последняя страница.***

Для удобства чтения и восприятия я сделал смысловые подзаголовки и к отдельным частям внутри самих глав. А теперь, уважаемый читатель, прежде чем ты приступишь к чтению первой главы, для того, чтобы ты быстрее сориентировался в именах, разбросанных по страницам

«Воспоминаний», представлю тебе главных действующих лиц из семейства Яковлевых:

Глава семейства, священник ***Яковлев Иван Ильич*** *(1869, Фошня? – 1920, Малоархангельск); отец и мать его были из села Фошня Малоархангельского уезда, ныне – Колпнянского района Орловской области;*

Его жена, ***Яковлева (Троицкая в девичестве) Александра Ивановна****, дочь священника Ивана Павловича Троицкого и Александры Ивановны Троицкой (дочери священника Ивана Жданова), все – из Малоархангельска;*

В семье ***Яковлевых*** *выросли – сын Серафим (погиб в 1919-ом году) и сестры Мария (Маруся), Елена, Варвара (автор представляемых «Воспоминаний»), Екатерина, Ксения (Оксана) – бабушка Дмитрия Борзова, скончавшаяся в Ленинграде в 1982 году.*

А теперь, дорогой читатель, приступай к чтению и насладись ароматом эпохи, вникни в знакомые и доселе неизвестные моменты орловской истории, только будь внимательнее, и тогда ты получишь настоящее наслаждение от соприкосновения с неприукрашенной историей родного края.

(Александр Полынкин)

Варвара Яковлева
«Воспоминания»

Часть первая.
Ждановские дома в Малоархангельске

Более восьмидесяти лет память хранит сон, посетивший меня в раннем детстве. Я представляю все так отчетливо, словно приснился он мне прошедшей ночью.

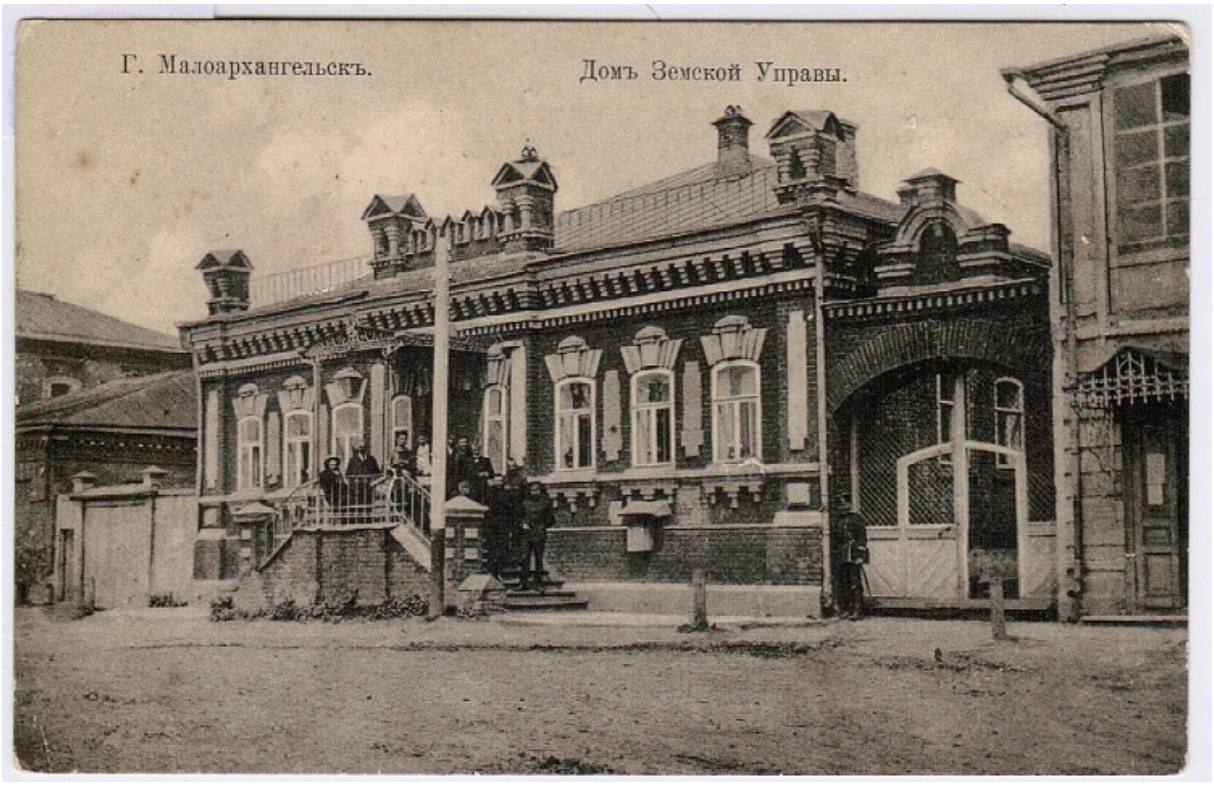
Получен в приданое

Дом деда в Малоархангельске, куда мы переехали за год до этого из Дмитровского, был построен по принятому в этом городе обычаю: на каменном фундаменте, облицованном штукатуркой, он имел семь окон на улицу, четыре в сад – и ни одного с узких боковых сторон. Вдоль западной стороны был пристроен деревянный коридор, который там принято было называть «парадным», хотя ничего красивого в нем не было. Крытый

железом, он был аршина на полтора ниже стены дома, над которой нависал спуск крыши. В трех-четырех саженях от него тянулся деревянный забор, который против коридора перерезал собою сруб колодца с тяжелым воротом и весело гремящей цепью. Вторая половина колодца отходила к соседке. Рядом с нашей частью колодца новая чистая бочка, всегда наполненная водою.

Мне снилось, что я, маленькая, босая, стою у колодца и с интересом слежу за кем-то из старших, гремящих бадьей с плещущей водой. И вот, слышу, как меня кто-то окликает. Оглядываюсь. Над крышей коридора открылись четыре или пять круглых окошек, в каждое смотрит на меня старушка. Все старушки примерно одного возраста, на каждой чепец, и на плечах темные полушалки. Они очень приветливо смотрят на меня, и некоторые улыбаются. Что-то кричали, не разобрала. Подошла поближе к коридору и услышала что-то вроде: «не бойся ничего … мы здесь всегда за тобою смотрим». Может быть, и еще что сказано, но я не разобрала.

И вот с тех пор я помню этих старушек из-под крыши дедовского дома. И возникал этот сон снова и снова впоследствии на поворотных этапах жизни.

Здание Малоархангельской земской управы

Дом этот принадлежал деду, священнику Ивану Павловичу Троицкому. Был получен в приданое за женой, Александрой Ивановной Ждановой, дочерью священника, на место которого после его смерти И.П. Троицкий пришел в ту же церковь. Ждановы, видимо, были богатыми людьми и принадлежали к старинному роду священнослужителей.

Иоанн Елецкий и Иннокентий Херсонский

Двоюродный дядя бабушки был известен в середине XIX века, как провидец и иерей особо праведной жизни. Город Елец хранил память об отце Иоанне, присвоив ему новую фамилию «Елецкий».

Архиепископ Иннокентий Херсонский (Иван Алексеевич Борисов)

Об отце Иоанне Елецком есть предания, некоторые напечатаны (кое-что в старых книгах XIX века имеется у сестры моей Екатерины Ивановны Яковлевой, проживающей в Орле). В последние годы жизни возглавлял в Ельце мужской монастырь, где был и похоронен с большим почетом. Место захоронения уничтожено вместе с монастырем, там теперь что-то вроде автобазы. Известен был в роду Ждановых и архиепископ Иннокентий Херсонский. Проповедник (вития!) богослов, устроитель монастырей и церквей Иннокентий (или его монастыри) владели землями вокруг Малоархангельска. На них работала целая слобода (2-я Подгородняя), обслуживая экономию, поэтому уже после освобождения крестьян жители продолжали звать себя «экономическими». … Так, Кономиченой, звали ее в моем детстве, еще и сейчас старожилы зовут себя «кономическими».

Красавицы из рода Ждановых и один сумасшедший из этого же рода

Моему прадеду Жданову принадлежали три дома, стоявших в ряд и занимавших ровно полквартала. Я была мала, чтобы интересоваться прошлым рода, и лишь обрывочные эпизоды из рассказов старой родственницы помню, говорили, что женщины в роду были красавицы. Хранился миниатюрный портрет тетки

моей матери, игуменьи – женщины редкой красоты. Была легенда, что еще одна была в роду предметом восхищения И.С. Тургенева. Она погибла трагически: болела горячкой, в бреду убежала из дома и утопилась в колодце, вырытом на улице, против третьего в ряду домов Ждановых. В мое время колодец был закрыт, но посреди улицы всегда стояло озерцо, не просыхающее и в летний зной.

Говорят, прабабушка была властной и своеобразной женщиной. Вырастив детей, заперлась в одиночестве в пустынном доме, требовала, чтобы всегда на столе гудел самовар. Из ее детей я не знала никого. Оставила она детям порядочное, по тем временам, наследство, видимо, немного денег, кусок земли на окраине города. Впоследствии папа арендовал эту землю у троюродного брата моей мамы, который не жил в Малоархангельске, хотя у него был дом тоже ждановский на другой улице города, сдаваемый в наем до 1914 г.

Летом 14-го года Михаил Ал. Жданов нежданно явился к нам с женой и запасом хорошей мебели. Война подняла их из г. Луги, где он был начальником ж.д.станции. Привез он вагон имущества и некоторое время жил у нас, пока освободилась часть его дома. С ним мама поддерживала отношения, главным образом потому, что Мария Александровна, очень энергичная, напористая барынька, сильно привязалась к нашему семейству. Орловская дворянка известного рода Нарожницких, она прекрасно играла на рояле и шила – вышивала, своими рукодельями торговала на базаре (из шелковых своих нарядов шила чепчики и кофточки для маленьких, очень нарядные), брала и работу по вышивке на дом (за хлеб, пшено) и мне при этом давала заработать. Я-то стеснялась брать заказы. Пишу о М.А.Жданове потому, что он вскоре сошел с ума, невылазно сидел дома и вел войну с «чертями», которые ему чудились.

Моя мама говорила, что это сумасшествие и бездетность его семьи – наказание Божие за грехи его отца. Тот Жданов будто бы не исполнил волю своих родителей о разделе наследства и обманул жестоко свою сестру (мать и бабушку моей матери). Безумным он и умер в 22-м или 23-м году.

В доме Зерновых

Других Ждановых я не знала. Преданий об этом роде немало знала мамина троюродная тетка Зернова Ольга Ивановна, возможно, она была урожденная Жданова. Со стареньким своим Евгением Ивановичем жили они в городском доме, хотя верстах в 12-14 было у них имение. Любопытно, что в своем маленьком

домике в 4 окошечка (4-5 комнат) они сумели сохранить черты усадебного быта. Выход на двор был через «людскую», где жили 3-4 старых слуг, за сенечками была просторная пристройка – кухня. За ней маленькая теплица, был садовник, хотя садик был крошечный.

Барыня Ольга Ивановна требовала, чтобы мама в праздники ее поздравляла утренним визитом. Если ехали вечером, мама брала меня в этот уютный старосветский дом со скрипучими полами и поющими дверями. Часто у нее гостила родственница из Орла, Анастасия Ивановна Вавилова, очень красивая старуха, воспитательница из института благородных девиц. Трудно передать своеобразный аромат этих вечеров, когда велась неторопливая беседа об орловских знакомых. Кофе пили с ванильными сухариками, чашечки старухи держали с оттопыренным мизинчиком, слуг вызывали звонком, хотя людскую отделял от зальца лишь крохотный коридорчик.

Иногда, в зимние вечера, Ольга Ивановна, чаще одна, приезжала к маме попить кофе. Помню 2-3 вечера, уже в годы 15-16-й, когда у нас жила и тетя Настя с маленьким Митей. Тогда Ольга Ивановна долго и интересно рассказывала о моих прабабушках, о быте и нравах в семье Ждановых. Я не очень этим интересовалась, но осталось впечатление о тяжелых событиях, трагедиях, странных женских характерах.

Настя с волнением слушала, нервничала, и однажды, я помню, сказала: «Я узнаю в себе эти черты, я тоже такая». Помню, мама ее успокаивала.

Евгений Иванович Зернов, тихий старичок, скончался в годы войны незаметно. А Ольга Ивановна (урожденная Жданова) в годы революции совсем порвала с нами отношения, стала очень странной, много лет ею командовала старая служанка, обиравшая и обобравшая старую барыню (а у нее, по словам мамы, было немало ценностей), и умерла уже в середине 20-х годов. Хоронила ее, в основном, наша мама. Принесли мы с чердака чемодан с письмами и дневниками Евгения Ивановича. Я с интересом кое-что читала, т.к. в молодости Евгений Иванович участвовал в Балканской войне. Но ничего не сумели сохранить. Думалось, зачем? Да и кому? Мы к этой поре разъехались, а вскоре и маме пришлось оставить родной дом, бросив в нем немало и своего.

Ждановский дом – детдом – немецкое казино

Вот все, что знала о предках Ждановых. Мало, конечно. Ждановские дома долго еще стояли. Самый дальний, добротный,

каменный …Третьякова был куплен Полевым; мы с ними дружили, я любила их сад, где было много вишен. Средний, самый просторный, на моей памяти менял хозяев. А наш родной дом был в 1932 г. вынужденно передан мамой в Горком с просьбой отдать его детдому. Там и был небольшой уютный детдом, который немцы осенью 41 г. разогнали и устроили там казино. При отступлении в феврале 43 г. туда заложили мины замедленного действия. Взрыв произошел 23 февраля, днем. Дом был разрушен полностью.

(P.S. В Государственном архиве Орловской области, во «Владенных ведомостях Всесоюзной переписи населения по Малоархангельскому уезду Орловской губернии» – ф.224, оп.1, ед.хр.527, мне удалось найти запись со сведениями об этом доме и его владелице: «Адрес: г.Малоархангельск, улица Карла Маркса (бывшая Архангельская), д.86, владелица – Яковлева Александра Ивановна, площадь земельного участка – 2321,64, огорода нет, плодовый сад – 455,22, колодец. Строения: жилой дом – деревянный, оштукатурен, сарай, погреб – все деревянные, живности нет.

Три квартиры:

№1. Жилая квартира – 3 комнаты – 45м – 1 кухня – эл.освещение – 5 личных листков;

№2. Жилая квартира – 2 комнаты – 31м – эл.освещение – 6 личных листков;

№3. Пустующая квартира – 2 комнаты – 12,5м;

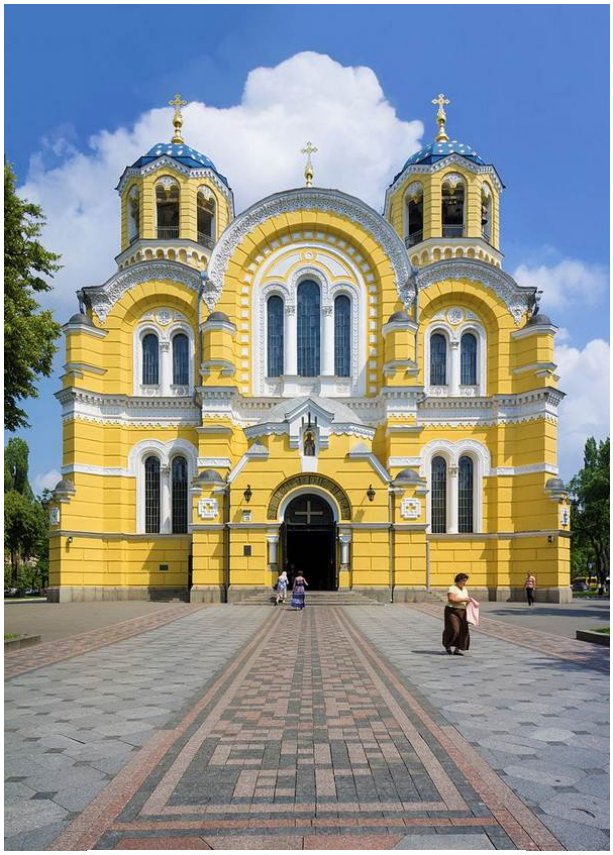
Сарай для топлива – 25м, сарай для топлива – 10м, погреб – 4,5м

В доме во всех квартирах проживало 11 человек, в том числе мужчин – 3, женщин – 8» – А.П.)

Часть вторая.
Троицкие

Мой дед Иван Павлович был тоже из семьи священника, служившего в каком-то сельском храме. Он учился в Орловском духовном училище (4-х летний подготовительный курс), а потом окончил Орловскую духовную семинарию.

Воскресенский храм Малоархангельска – копия Владимирского собора в Киеве?

Владимирский собор в Киеве

Мама моя говорила, что ее дед, отец Павел Троицкий, получил эту фамилию при посвящении в священники. До этого момента фамилия семьи была Калинниковы. Возможно, что при выпуске из духовной семинарии или при посвящении в сан заменяли «светскую» фамилию на вновь образованную по наименованию храма, где предстояло служить или в котором служил отец семинариста.

В Малоархангельске он служил сначала в Соборе, где по штату полагалось два священника. Позже была построена Воскресенская церковь, ее и при мне просто называли «новая». Приход был, видимо, небогатый, т.к. большая часть купцов и деревни покрепче остались при Соборе. Большая часть прихода была бедная. Первая Подгородняя слобода и несколько бедных деревень.

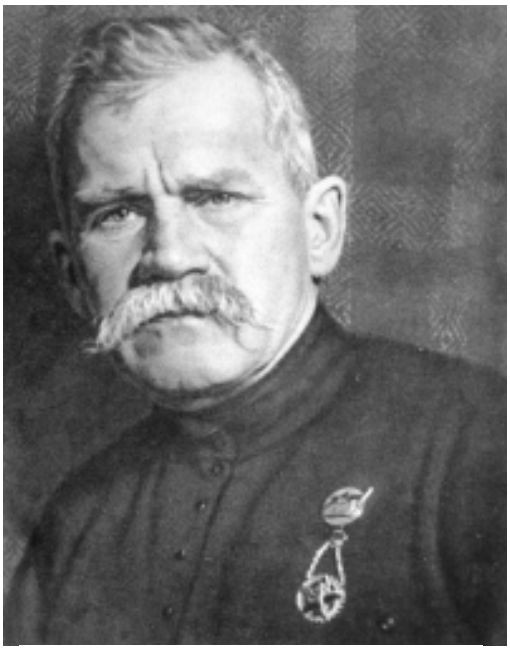

Воскресенская церковь

Воскресенская церковь

Храм Воскресения строил мой дед, Иван Павлович. Он создал его в подобие Владимирскому собору в Киеве. По архитектуре новая церковь в уменьшенном виде повторяла Киевский собор св. Владимира. Задумано было расписать его копиями с картин Владимирского собора, который незадолго до того был расписан под руководством Васнецова лучшими художниками России.

Художник Николай Струнников

При жизни своей священник Троицкий не успел осуществить задуманное. Но мой отец в 1912-1914 г.г. выполнил завещание тестя. Им был приглашен художник Струнников, в свое время работавший с Васнецовым в Киеве над украшением Владимирского собора. Струнников приезжал два или три раза на летние месяцы и упорно трудился, воспроизведя владимирскую роспись.

Храм получился чудесным. Художественная живопись в светлом, высоком храме возвышала дух молящихся и была подлинным

произведением искусства. В 20-е годы советская власть церковь закрыла, там устроили амбар. Но она выстояла до 1943г., когда немцы, отступая в феврале, эту церковь взорвали. Стояла она на самом возвышенном месте и была подлинной красой городка.

(В качестве приложения приведу описание Воскресенской церкви из документов Российского Государственного исторического архива – ф.799, оп.33, д.1252 «Страховые оценки 1-ого Благочинического округа Малоархангельского уезда. 1910-ые гг.»:

«…1. Храм Воскресения Господня – каменный, внутри оштукатурен, до панели окрашен масляною краскою, а выше – клеевою, покрыт железом. Длина церкви с колокольнею и алтарём – 20 сажен, ширина – 9 сажен, высота до карниза – 4 саж. Высота колокольни до карнизу – 11 сажен. Над храмом имеется 5 глав. Окон имеет в 1-ом ярусе 22 штуки, во втором – 8 штук и в куполах – 8 штук; дверей – 8 штук, все створчатые. Иконостас главного алтаря имеет в ширину 12 аршин, в высоту – 11,5 аршин. Иконостасы боковых приделов главного храма Серафимовский и Богородицкий шириною 6,5 аршин, а высотою – 11 аршин. Оценены все три в 8000 рублей (главный – в 5000 рублей, а боковые – по 1500 рублей). Иконостасы тёплого храма Никольский и Знаменский – длиною по 8 аршин, а высотою – 6 аршин. Печей имеется четыре. Ближайшая чужая постройка – дом купца Никулина – отстоит от храма в 17 саженях. Церковь построена в 1876 году, сохранилась хорошо. Оценена вместе с иконостасами и колокольнею в 30000.

2. Храм отделяется от Дворянской улицы и Базарной площади каменной с железной решёткой оградою, в которой имеются двое ворот железных и три калитки, протяжение ограды с воротами и калиткой – 36 сажен. Оценена в 300 рублей.

3. Сторожка сего храма – деревянная, покрыта железом, снаружи и внутри оштукатурена, в длину имеет 14 аршин, ширина ея 7 аршин, высота стен – 3,5 аршин, окон имеет 7 штук, дверей – 3, печь – одну и тесовое крылечко. Построена в 1885 году, сохранилась хорошо. Оценена в 750 рублей.

4. Сарай для склада отопления, деревянный, пластовый, покрыт железом, в длину имеет 17 аршин, высота стен – 3,5 аршин, имеет 2 двери и 1 ворота. Построен в 1885 году, сохранился хорошо, оценён в 250 рублей.

5. 1-ая лавка (угол Дворянской и Орловской улиц) – каменная, покрыта железом, в длину имеет 14 аршин, в ширину – 14 аршин, высота стен – 4,5 аршин, имеет три окна и три

раствора. Построена в 1890 году, сохранилась хорошо. Оценена в 1000 рублей.

6. 2-ая лавка – на Орловской улице, каменная, покрыта железом, в длину имеет 17 аршин, в ширину – 18 аршин, высота стен – 4,5 аршин, имеет 4 раствора. Построена в ? (дата пропущена – А.П.), сохранилась хорошо. Оценена в 1000 рублей».

Документ был прислан мне Дмитрием Борзовым, а он получил копию его из РГИА. И здесь же, рядом, я размещу несколько фотографий церкви Воскресения Господня, разысканных в интернете, в основном, на сайте «Малоархангельск.Ру», а один снимок – из семейного архива Яковлевых-Борзовых – А.П.).

Базарная площадь Малоархангельска и Воскресенская церковь

Школа по завещанию

Оставил дед и деньги, помнится 1,5 тысячи, для построения на 1-ой Подгородней слободе школы. Несколько больших, но бедных деревень начальной школы не имели, и эта школа на Саловке, близ города, стала маленьким культурным центром. На место ее строительства папа брал меня несколько раз, и я помню, как она возводилась *(в документах Российского Государственного исторического архива – ф.799, оп.33, д.1252 «Страховые оценки 1-ого Благочиннического округа Малоархангельского уезда. 1910-ые г.г.» сохранилось описание школы: «…деревянная, на каменном фундаменте, покрыта железом. В длину имеет 18 аршин, в*

ширину – 13,5 аршин, высота стен – 4,5 аршина. Окон имеет 11 штук, дверей 5 штук, печей 3. Построена в 1909 году, сохранилась весьма хорошо» – А.П.). Была это типично церковно-приходская школа с двумя классными комнатами. Перегородка между ними легко раздвигалась для собраний. Здесь устраивался показ «волшебного фонаря», беседы, а позднее и ставились любительские спектакли. Папа устраивал в зимние вечера чтения с показом диапозитивов, всегда брал нас на эти маленькие праздники для крестьян. Учительницей в школе была, согласно завещанию деда, его племянница – Анна Григорьевна Троицкая. Это единственная семья родных по деду. Его брат был воспитателем или учителем в Орловском духовном училище. После его смерти Иван Павлович заботился о вдове с тремя детьми. Старшая получила заведывание в школе, бесплатную квартиру, куда перевезла больную мать. Ее братья где-то учились, изредка приезжали в Малоархангельск. Школа была построена на деньги, завещанные Дедом.

Орловская улица и Воскресенская церковь

Иван Павлович Троицкий и его дом

Ни его, ни бабушку мне увидеть не пришлось. Но смутно помнится, будто я все-таки видела его на смертном одре. Возможно, мать привозила детей на последнее благословение. Дед, по-видимому, был самым уважаемым священником в

Малоархангельске, даже церковь часто, уже в мое время, называли люди «Троицкой». Жили Дед и Бабушка в достатке. Дом имел 5 больших комнат, две прихожих, подвальную кухню и отличный погреб в подвале. Печи кафельные, окна большие, из детской дверь вела на балкон, откуда – ступеньки в сад. Из задней прихожей – дощатый коридор с большой кладовой и спуск во двор, отделенный от сада забором. Двор был застроен с двух сторон: каретный сарай, конюшня, хлев и сарайчик с ледником, всегда набитым к лету большим запасом льда.

Комнаты дома были хорошо расположены. Маленькая прихожая, из которой и топился дом, вела в двухсветный зал: два окна – на «парадный» коридор, три – на улицу. Из зала в каждую сторону, в ряд с прихожей – уютный «кабинет», спальня родителей и самого младшего ребенка.

Зал широкой аркою соединялся с гостиной, из нее по прямой – дверь в спальню («угловая»), с южной стены – дверь в большую детскую. Так звались комнаты уже в нашей семье. Позже балкон из детской был убран и пристроен к парадному коридору уже в 12-13 году.

Дети священника Троицкого: четыре сына и четыре дочки

В этом доме Дед и Бабушка вырастили восемь человек детей: Митрофана, Александру, Михаила, Ивана, Марию, Анну, Анастасию и Сергея.

Все были хороши собой, довольно рослые блондины, с благородными и умными лицами. Младшие дочери были очень изящными темными шатенками с большой обаятельности лицами, хорошие музыкантши (в Епархиальном училище хорошо учили музыке). Сыновья окончили Орловскую духовную семинарию, а дядя Митроша еще и учительский институт, был он уже в Киеве преподавателем в реальном училище. В моем детстве только раз приезжал с женой и двумя дочками к нам, а потом, летом 14-го года заехал ненадолго по дороге из туристической поездки в Европу и в Палестину, ко гробу Господню. Он был очень умным и образованным. О нем, вероятно, может рассказать сестра Катя, т.к. в 20-х годах жила у них в Киеве около года.

Увеличенный портрет Марии висел у нас на почетном месте. Она была в ученической форме, поражали необыкновенно глубокие добрые глаза. Лоб ее мне казался мудрым. Говорят, была она особенная по уму и нравственным качествам. Умерла она рано, едва окончив Епархиальное училище. Приехала из Орла к

нам в Дмитровское, чтобы ухаживать за моей мамой, заболевшей брюшняком. Сама заразилась и, кажется, уже выздоравливая, нарушила необходимую при брюшном тифе диету, быстро скончалась. Ее смерть сразила Бабушку. Говорили, что она после этого заболела и недолго прожила. Было это в 1904 году.

Дядя Ваня и дядя Миша окончили семинарию и готовились к университетскому образованию. Духовная семинария давала тогда очень широкое образование, гуманитарное, музыка и пение и, конечно, богословское, при изучении еще греческого языка. Дядя Миша и дядя Ваня принимали участие в революции 5-го года, принадлежали к партии эсеров (правых). После разгрома революции им было запрещено поступать в Университет, да, по-видимому, и проживать в г.Малоархангельске. Правда, в летние месяцы дядя Ваня приезжал в Малоархангельск, но жил постоянно в Закавказье, где-то в предместье г.Баку, работал в начальной школе с «татарчатами», как мы дети считали.

Михаил Троицкий – ветеринарный врач

Дядя Миша закончил ветеринарный институт (кажется, в Харькове). О нем дядя Ваня говорил много позже, в 48 году, что был он «из нас самый способный, одаренный, и все погибло». Попал он на работу в глушь – село Шандриголово близ г.Славянска, женился на акушерке, всю жизнь там прожил, к нам наезжал редко. Жена была добрая женщина, но, видно, ему неровня по всему. И помнится, что после империалистической войны, которую он провел всю на Турецком фронте, почему-то не поехал сразу к жене, а приехал к маме и жил у нас несколько месяцев. Было у него двое детей. Сын, Клавдий, погиб в Великую Отечественную войну, а дочь Лиза, которая уже и замужем учительствовала в том же Шандриголове, имея близ себя дочь и сына, а другой сын пошел по науке.

Я бывала у дяди Миши в 20-е годы, когда дети были еще маленькими. Мария Игнатьевна хорошо принимала нас, да и сама раз приезжала в те годы в Малоархангельск, по-родственному, с подарками.

В 30 (31?) году дядя Миша был арестован, и ему грозил лагерь, или хуже: вредительство – падеж телят, отобранных при раскулачивании. Но, выяснилось, что никто животных не травил: тесно запертые в сараях, они лизали шерсть других животных, от скопления шерсти в желудках и был падеж.

Именной Список №

Секретно
Экз. №1

Безвозвратных потерь офицерского состава 282 стр. Тартуской дивизии за период с 19.03 по 14.04.45

№№ пп	Фамилия Имя и отчество	Военное звание	Должность и специальность	Партийность	Год рождения	Уроженец какой обл. и р-на	Каким РВК призван	Когда и по какой причине выбыл	Где похоронен	Ближайшие родственники: Имя, Отчество и фамилия	Ближайшие родственники: Адрес местожительства
1.	Троицкий Клавдий Михайлович	Лейтенант	Ком. пул. взвода	Член ВЛКСМ	1924	872й стр. полк Сталинской обл. Красно-Лиманского р-на Щигр.	1942г. Питерским РВК Саратовской об.	Умер от ран 19.03 1945г.	Германия, Вер. силезия р-н Нейсе д. Эрлиндорф	отец Троицкий Михаил Иванович	Сталинская об. Красно-Лиманский р-н, с. Шандриколово
2.	Лещенко Василий Иванович	Ст. Лейтенант	пом. нач. штаба полка	Член ВЛКСМ	1923.	877 стр. полк Краснодарский край ст. Бурсак с. Балковское	Прохладинским г. Прохладный	Умер от ран 24.03 1945г.	Германия, Вер. силезия р-н Нейсе д. Эрлиндорф	Родственников нет	

Написано 3 экз.
Экз. №1 Усу ГУК НКОП
Экз. №2 ОК Орг. фронта
Экз. №3 в дело
Испол. Терехм.
30.04.45 В.Т.

Начальник штаба 282 стр. Тартуской дивизии подполковник (Светлосников)

Уполномоченный Отдела кадров 282 стрелковой Тартуской дивизии Капитан (Терехов)

86. Лейтенант ТРОИЦКИЙ Клавдий Михайлович – командир пулеметного взвода 872 стрелкового полка 282 стрелковой дивизии. Умер от ран 19.3.45 г.

1924 г. чл. ВЛКСМ, в КА с 1942 г.
Отец Троицкий Михаил Иванович – Красно-Лиманский р-н.
Список вх. 031059.

После тюрьмы дядя Миша, говорят, очень переменился, скоро отделился от семьи в другую половину дома. Катя бывала у них в ту пору, может написать подробнее. Последние годы жил в одиночестве.

В 1948 г. оба брата съехались в Орел, к племянницам, и несколько дней провели вместе. Расстались – долго рыдал дядя Ваня, проводив брата на вокзал.

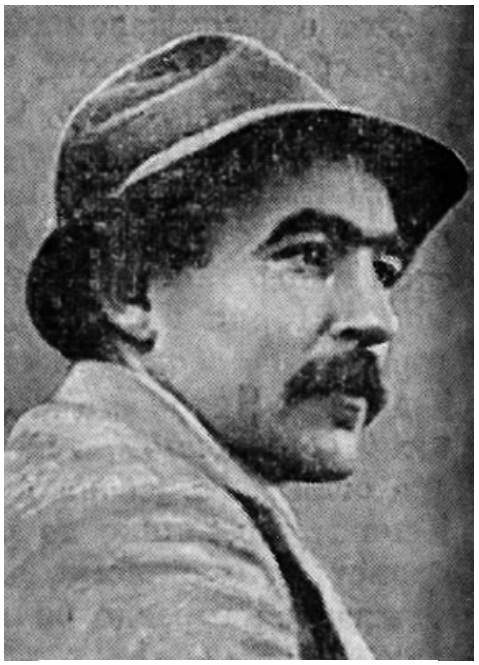
Иван Троицкий – революционер и учитель

Дядя Ваня в тот год работал в школе села Минино Брянской области. Это было добровольное изгнание, после осени 1917г.

Весной, после февральской революции, дядя Ваня свободно приехал в Малоархангельск, собрались старые товарищи эсеры. Вернулся писатель И.Е. Вольнов, после 1905г. эмигрировавший в Италию, где позже подружился с Горьким и Пешковой. Дядя Ваня, помнится, был уездным комиссаром. Вместе с Вольновым, матросом Лаушкиным, активистом из села Губкина – кузнецом Арх.Ив. сколотили свою организацию, много и радостно работали по подготовке к учредительному собранию, по проведению земельной реформы. Это были очень насыщенные, деятельные месяцы. Поздней осенью все неожиданно оборвалось.

Помню, что в летнем театре (в городском саду, при открытых местах) проходило последнее собрание эсеров. Я в свои неполные 13 лет не все понимала, но помню, что это собрались даже из

губернского города Орла. Все были очень встревожены, обеспокоены. Оратор, эсер Володин, с возмущением говорил, что большевики перехватили и присвоили себе основные положения земельной программы эсеров. 75 лет прошло, а ясно помню то состояние тревоги и безнадежности, которые переживали эти мужественные люди (интеллигентов было немного), как, не споря, они растерянно почему-то жаловались на положение в их селах. Был пасмурный день, голые ветви деревьев заглядывали вокруг огороженной эстрады, качались от ветра. Я ничего не понимала, конечно, но устроившись где-то около забора, слушала, всматривалась в тревожные лица, и сама, девчонка, почему-то тревожилась.

Писатель и революционер
Иван Вольнов

На этом, собственно, и оборвались светлые, деятельные дни лета 1917г. Все эти месяцы у дяди Вани собирались Вольнов и другие однопартийцы, дружно и бодро строили планы, все были веселы.

А дядя Ваня в ту же осень навсегда уехал из Малоархангельска. Он скрылся навсегда в с.Ивот Дятьковского района, где в начале века учительствовал в заводской школе, где были у него верные друзья.

Лишь в августе 41 г. он, провожая в эвакуацию жену и падчерицу, доехал до Орла, здесь и остался до 44 г., откуда поехал в те же края, в село Минино, где и скончался от инсульта. Жена его умерла в эвакуации, а падчерица, бестолковая и неумная женщина, вернулась к нему, в Минино, с мальчиком, больным хореей. Дядя Ваня посвятил себя заботам о больном ребенке, т.к. мать была «со странностями». Но когда он скончался, внезапно, ее не оказалось в Минино, что-то вздумалось в другое место, и он был один. Я ездила его хоронить. Заботилась обо всем школа, где он преподавал русский язык. Хоронили с искренней печалью и взрослые, и школьники.

Так, в изгнании, в вечном страхе прожил этот талантливый и благородный человек. А как богато и интересно сложилась бы его

жизнь, не навались на его судьбу в самом начале эта революция: и при царском режиме изгой, и при «народной» власти – изгнанник.

Политикой он занимался всерьез (до осени 17г.) и, имея тесные связи с подпольем в Баку, где тогда было много революционеров. Но для нас, детей, он открылся человеком большой душевной щедрости и какого-то органического глубинного веселья, оптимизма. Летом, в Малоархангельске, он бесплатно готовил девушек к экзамену на учительницу приходской школы. Заметил мальчика – сироту Никиту Ушакова, мать которого жила в страшной нужде в землянке (я однажды была с отцом у постели парализованной сестры Никиты – страшно!). Взялся за беспризорника и подготовил в городское высшее начальное училище для мальчиков, откуда довольно широкая дорога в жизнь. Никита впоследствии учился в Москве, в престижном (кажется, дипломатическом) вузе. Исчез загадочно в конце 20-годов. Думаю, был обвинен в каком-нибудь троцкизме.

Да и не одному Никите дал дядя Ваня дорогу в жизнь. А вот его дорога была поломана в начале жизни.

Торты «микадо» от Сергея Троицкого

Дядю Сережу я знала мало. Младший в семье, он не был замешан в революции 5-го года и, видимо, беспрепятственно поступал в Дерпский (тогда – Юрьевский) университет, на медицинский факультет. В годы 9-13-й он чаще других братьев приезжал в Малоархангельск, к сестре Саше, которую очень любил. Но общался он с детьми мало, хотя и был ласков. Я помню, сколько радости осталось в моем сердце, когда он в пасхальную ночь прочел нам, старшим детям, историю звездного мальчика О.Уайльда. Каждый образ, каждое глубокое переживание за злые поступки мальчика потрясали маленькое сердечко. Мне было тогда 7-8 лет. Была пасхальная ночь. Мы отстояли торжественную заутреню, она кончается в 2 часа, глубокой ночью. Мама и тетя остались стоять обедню, а нас с дядей Сережей отправили домой. Чудно было идти под звездным небом, слушая малиновый перезвон колоколен, в душе еще был свет и отзвук пасхального храма. Вошли в дом. Полутьма. Везде горят лампадки. Полы, мебель – все блестит. А на большом столе уже приготовлено разговляться, когда папа, отслужив обедню, окропит святой водой пасху, куличи, яйца – это все пока стоит под иконами в зале. И в этой святой, полной тайны и ожидания тишине дядя Сережа усадил нас возле себя на диван в гостиной. И мы слушали, затаив дыхание, забыв об усталости и сне.

Наверное, это пасхальное чтение заложило неизгладимый никакими испытаниями душевный опыт, помогавший жить в трудные годы.

Дядя Сережа отличался от братьев каким-то налетом «светскости». Наверное, жизнь в «европейской стране» придала особые манеры, поведение. Очень высокий, красивый, в пенсне, он тихо и мало говорил, был очень ровен. Каждый вечер уходил в клуб (да, в маленьком городке нашем был дворянский клуб), где увлекался карточной игрой и, наверное, выигрывал.

От своей квартирной в Юрьеве хозяйки он привозил маме торты «микадо», а потом самые вафли, шоколад, орехи, машинку для орехов – и рецепт, по которому уже мама в окружении детворы делала сама «микадо», слаще и вкуснее которого мы не знали ничего. Сережа ездил в 13-14 г.г. все реже, закончил хирургом, женился на красивой разведенной польке. Мы видели только карточку молодых. В 14-м году стал военным хирургом, ни разу не приехал, мы его потеряли. Позже от киевских родных узнали, что он скончался от сыпняка. Говорят, что был он блестящим хирургом. Но и ему счастья в жизни не было, он едва до 30 лет дожил, военный тиф его сгубил.

Несчастливая «звезда» Анастасии Афанасьевой (Троицкой)

Сестры Аня и Настя жили в Малоархангельске много больше братьев. Каждое лето с 1909г. по 1912г. они проводили у нас. Зимой они где-то чему-то учились, я не знаю, но не дальше Орла. Настя, кажется, зубоврачебному делу. Деньги у них от отца были, кажется по 1,5 тысячи.

Настя была очень талантливая, хорошая пианистка. Драматический талант, видимо, был незаурядный. Каждое лето вокруг сестер группировалась местная молодежь, ставили любительские спектакли. Душою и звездою сцены была Настя. Но была она очень нервная, я помню, что у нее так болели на этой почве руки, что она теряла сознание, падала в обморок.

В 1912 г. Настя вышла замуж за Якова Федоровича Афанасьева. Был он студентом Петровско-Разумовской академии, возможно, уже заканчивал, т.к. весной-летом 13-го года поступил в армию вольноопределяющимся, что давало немало льгот интеллигентам. Они прожили год-полтора в Орле на квартире с маленьким сыном. Яша отбывал службу в Орле и летом в Лужках. Семью Афанасьевых я тогда мало знала, старший брат или отец был провизором в аптеке. На свадьбе присутствовали две сестры,

Мария и Анна, молодые, но седые, это у них фамильное: Яша стоял под венцом седым. Я этих женщин и тогда запомнила, потому, что про них уважительно говорили, что учились медицине в Швейцарии. Потом я встречала кого-то из них только в годы гражданской войны. Яшу взяли на фронт прапорщиком, очень скоро он был ранен (тяжело), попал в плен в Австрию. Писал редко, жизнь у него была тяжелая. Настя с Митей приехали в Малоархангельск. Папа для нее построил в саду флигелек. Наша няня его называла «фигель». Маленькая спаленка и двухоконная комната. Возможно, что флигель был построен еще в 1911 г. для родных мамы, съезжавшихся летом.

Настя поселилась там с 14 года. У Мити была верная няня, «посиделая» девушка, как у нас незамужних называли. Все они, Настя, Митя, Лиза, столовались у нас (застолье было большущее). Еще и лето 13-го года, когда и Яша был в отпуске, они тоже там жили, и это было очень веселое время.

Настя была очень общительная, собирала все эти годы (14-17) вокруг себя молодежь, особенно прибились к ней эвакуированные с запада музыканты. Перенесли во флигель рояль, и Настя по вечерам устраивала концерты. В 1914г. она познакомилась с молодым скрипачом из с.Губкино и вскоре вышла за него замуж. Когда из плена вернулся Яша, то он взял сына к себе, поселился на отдельной квартире, начал учительствовать в высшем начальном училище. Жили они с Митей очень бедно и убого, трудно жили. Помогали им мои родители, которые Яшу очень любили. И для нас, детей, он был самым любимым и близким тогда дядей. Митя рос вместе с нашей Лелей, которая была его моложе на год, и моя мама никак их не разделяла. Митю мы всегда считали братом. Настя с новым мужем, Орловым, уехали учительствовать в деревню, но и там что-то не заладилось. Один год она жила в д.Костюрино, под городом, очень бедно и одиноко, Митю она взяла к себе, после того, как Яшу, осенью 1919-го года мобилизовали в белую армию. Деникинцы пришли в сентябре, хозяйничали около месяца, забрали всю молодежь и бывших офицеров. Я помню, что Яша мог не идти, он сильно хромал. Но он сказал на все уговоры: «Я давал присягу». Тут же под Орлом он был ранен, попал в Крым, там подлечился в госпитале. А когда красные объявили «амнистию» всем, кто добровольно явится, пошел – и тут же был расстрелян.

Об этом написала маме какая-то медсестра, прислав при этом серебряные часы сыну. Настя после смерти нашего отца весной 20-го г. работала где-то в уезде учительницей. Митя больше жил у

теток: то в нашей семье, то у т.Афанасьевой, которая работала врачом в Малоархангельском уезде, в селе. Тетка (не то Анна, не то Мария) заботилась и лечила Митю.

Но жизнь у Насти все не ладилась. И поэтому дядя Ваня осенью 1923г. вызвал ее к себе, в с.Ивот Брянской губ., где он заведовал семилетней школой. Настя с Митей поехала к нему. Но пожить в нормальных условиях ей не пришлось. У нее с Митей была отдельная комната в мезонине при школе, тепло и светло, питание с дядей Ваней, который там хорошо обжился. Но она заболела. Возможно, это было обострение старого легочного заболевания. В Ивотской больнице определили гнойный плеврит. Две недели пролежала она, исход был предрешен. Похоронили в Ивоте. Я обмыла и одела ее в гроб, провела с ней ночь в нежилой старой школе… На утро похоронили по-церковному.

В 1961 г. мне пришлось побывать в Ивоте, пошла искать могилу, но на месте кладбища – заводские строения и забор.

Вот и у тети Насти скорбная судьба.

Анна Троицкая – красавица, спортсменка, пианистка, но…

Дольше всех прожила тетя Аня. Она скончалась в Киеве в возрасте около 90 лет. Но была ли у нее легкая и счастливая жизнь?

Как и Настя, она окончила епархиальное женское училище в Орле, в последних классах была захвачена революционными настроениями, но позже, как я понимала, не участвовала ни в каких делах. Хотя ее старшая дочь уверяет, что она выполняла какие-то секретные поручения Д.И.Ульянова, жившего в Киеве в годы перед революцией 17-го года. Были у нее и записки и документы, которые она сожгла.

Ясно, что взглядов она была самых передовых, в доме всегда были книги Горького, Андреева и др. властителей дум молодежи в предреволюционные годы. Ее толстая тетрадь с революционными песнями и стихами были для меня источником светлых мыслей и чувств.

Внешне она была необыкновенно обаятельна. Шатенка с роскошными косами, небольшого роста, вся какая-то гармоничная, изящная. Хорошо играла на пианино, где-то в Орле училась. Но никакой специальности не приобрела, и как-то не определилась в жизни.

Каждое лето она и Настя проводили в Малоархангельске, вокруг них была молодежь, музыка, беседы. Очень любили сестры

велосипедные прогулки. Была у них любимая подружка Лиза Сахарова, жившая в именье матери в Топках. Поездки туда и оттуда, в обществе Лизы, а иногда и ее старшей сестры, Юли, очень разнообразили жизнь сестер.

Почему-то Аня уехала в Киев, к дяде Митроше, у которого была хорошая квартира и дача. Не очень ей хорошо там жилось, т.к. Мария Михайловна была, говорят, дама с капризами. Но Аня там прожила года 1,5-2, работала машинисткой, стала одной из первых женщин-спортсменок. Занималась она в обществе «Сокол» соколиной гимнастикой (чешской). В 1914 г. добровольно пошла в сестры милосердия, работала в прифронтовой полосе, но не до конца войны, видимо, ей не нравилась армейская обстановка. В 1916г. вместе с фронтовой подружкой Екатериной Борисовной переехала в Москву, вместе они жили на квартире в хорошей семье, где было им, видимо, тепло и приятно. Лишь два-три раза в отпуск ненадолго приезжала к нам, веселая и довольная работой и жизнью.

Но жизнь в Москве в 18 г. стала невыносимой (голод, разруха), и Аня приехала к нам, жила в нашей семье до конца 22-го года.

Для нас эти годы были тоже нелегкими. Аня была помощницей во всем: и девочек воспитывала, и маме помогала, а когда весной 20-го года умер папа, тетя Аня была и материальной опорой. Работала она года 3-4 в детском доме, получая зарплату и паек, что в те годы было большим подспорьем. Была она большой скромницей, довольствовалась нашим, девичьим обществом, вместе с нами часто играла в теннис (и очень хорошо). Немногие партнеры по игре (а тогда молодых мужчин в Малоархангельске было мало) безуспешно пробовали ухаживать за нею. Все свободное время – музыка, разучивала серьезные вещи. На работе ее (в детдоме) не просто любили, но и уважали. Когда привезли партию особо трудных беспризорников и поместили их почему-то в здании тюрьмы, то наводить у них порядок пошла, в первую очередь, Анна Ивановна.

Для нас девочек, для меня особенно, она была образцом женственности, учила держаться с достоинством, красиво ходить, распределять время, правильно вести себя в семье. А семья была большая и сложная, да еще постоянные квартиранты, мужчины. Мама вынуждена была держать «нахлебников».

В эти годы насколько раз приезжал Константин Константинович Прокопов, знакомый по спортобществу. Как уж он пробирался через все фронты и разрухи в 18-22 годах, не знаю. Но приезжал летом, на недельку. Мы, дети радовались его приезду,

т.к. он привозил коробки чудного шоколада, другие лакомства. Это предназначалось Ане, но доставалось кое-что и нам. Видимо, он настойчиво сватался, но безуспешно. Аня не радовалась его приезду. И все-таки, в конце 22г. она поехала в Киев. Я была тогда в Москве, и Аня просила меня и Екатерину Борисовну купить ей свадебное платье. Я купила, но пришлось оставить себе: написала, что все куплено и заготовлено в Киеве.

Была ли Аня там счастлива, не уверена. Это была бывшая купеческая семья (торговцы мясом), собственный дом, небольшой одноэтажный, возле рынка. Семья большая: мать, две сестры, брат. Когда я в 39-м приехала вместе с приятельницей посмотреть Киев, то застала только старуху и дядю Костю. Аня с детьми гостила у деверя, уже жившего своей семьей, и другая сестра тоже не жила в семье. Дядя Костя был инженером, кажется, по водопроводу. Мать, с одним глазом, была домохозяйкой, а дочь преподавательница польского языка, занимала изолированную комнату и с нами двух слов не сказала. Жили более чем скромно, бедно. Хотя семьи дома не было, но какая-то напряженность чувствовалась. Катя в конце 20-х годов жила несколько лет в этой семье, надеясь устроиться на работу. Не очень ей нравилось, хотя к ней были заботливы. Так и не повидала я в тот год Аню. Но в 25-27 годах она с девочками дважды или трижды приезжала к маме. В последний приезд Кирочка сильно заболела, и приехал дядя Костя лечить дочку водными процедурами, по методу знаменитого Коминского, которого в семье чтили как бога.

С тех пор, с 27 г., я не видела Аню до 1974г., когда Митя и я приехали к Наде Троицкой по ее приглашению, и навестили Аню и Киру на даче. Я смогла побыть там один раз и хорошо не поговорила. Тетя Аня, восьмидесятилетняя старушка, очень худенькая, но подвижная, сама еще работала грабельками. Жила уже с одной дочерью, Лелей, незамужней, в новом доме. Кира с мужем, сыном и дочерью жила в соседней квартире, с общей лоджией. Но дружбы между двумя сестрами не было. Через три года мы с Катей приехали уже к Кире. Я опять была не долго, а Катя погостила. Счастья в детях Аня не имела, а муж в последние годы тяжело болел и даже с психическими припадками. Поговорить по душам присутствие Лели не давало, она все забивала жалобами на злые силы, преследующие ее и вынудившие уйти с работы до 50 лет. Она была врач, санитарный, деловая, энергичная. И сейчас ее «преследуют»: колют какой-то яд в автобусе, населяют бесов в квартире, ведут слежку. Вероятно, у

нее шизофрения, но она объясняет все злыми силами извне, которые ее чуть ли не с детства мучают.

Кира рано бросила работу, говорит, из-за болезни руки. И до сих пор жалуется на головные боли, злобное окружение духов зла. В семье она нормальная, но пишет мне, что злые силы творят с нею необыкновенные вещи, мучают. Она лечится, но все напрасно. Писала, что немного помог ей Кашпировский. Физически она очень слаба, не то, что Леля. Сын Киры, Сережа, тоже больной. Не мог учиться в вузе, хотя очевидно умен (отличный шахматист) и способен. Видимо, у них плохая наследственность, возможно, по линии дяди Кости. Тот в последние годы был, очевидно, болен, но возможно, что и раньше он был не здоров.

Аня тридцать лет жила с явно больными людьми. Только муж Киры Володя Скварик облегчал домашнюю обстановку. Он был участник войны, преподаватель вуза, живой и энергичный. Несколько раз в начале 60-х годов бывал у нас в Орле: его студенты проходили практику на орловских заводах. Привозил он и семью ко мне на несколько дней, чтоб «встряхнуть» Киру. Жить ему, видимо, в этой семье было нелегко, работал много, чтобы учить дочь Нину (она тоже с каким-то нервным заболеванием), перенес инсульт, инфаркт, продолжал работать. Скончался на улице от инфаркта в 60 лет.

Такая вот несчастливая, трудная семья была у тети Ани, которая пережила сестер и братьев Троицких. Была она, как и все в семье, талантлива, с красивой душой, высокой моралью. А вот счастья Бог и ей не дал. Правда, кончину Бог послал ей тихую, уснула в постели.

Катя ездила ее хоронить, но опоздала, т.к. в телеграмме были неправильно указаны дни смерти и похорон, на день позже. Обе дочери живы, по-прежнему душевно больны и не дружат между собой.

Часть третья.
Семья

Детство золотое!
Счастьем ты обильно ...

Отец перевез нас в Малоархангельск летом 1909 г. До этого мы жили в селе Дмитровском, в 7-8 верстах от Орла по Наугорскому шоссе. Села как такового не было: несколько деревень объединились в приход к церкви, стоявшей на высокой поляне.

Дом и усадьба Яковлевых в селе Дмитровское

С одной стороны ее окаймлял красивый лес, принадлежащий помещику В.Н. Лясковскому, культурному и деятельному, вырастившему несколько лесов вокруг Орла. С другой стороны стояла школа, а за нею мрачное старое кладбище. На церковь глядели дома «Поповки» – так звались 3-4 домика церковного причта.

Село Дмитровское (Лясковский В.Н. с сыном Владимиром)

К нашему дому примыкала усадьба, окопанная рвом, в ней был огород и сад. Каков был сад, не помню. Но крепко помню, что в нем была небольшая пасека, и запечатлелась картина, как папа с сеткой на лице раскладывал на столе рамки с медом.

Домик был скромный, но очень уютный – в 5 комнат. Строил его сам отец взамен церковного, сгоревшего в конце 90-х годов. Вход со стороны школы вел в маленькую прихожую, которая имела дверь в папин кабинетик, необычайно уютную комнатку. Маленький письменный стол, папина кушетка, застекленный шкафчик с книгами – все до сих пор кажется мне необыкновенно хорошим. Там папа читал нам сказки, мы возились на его кушетке.

Большой «зал», почти без мебели, только с узким диваном, я помню очень плохо, и только потому, что в последнюю зиму его почему-то не отапливали, и там обитал у нас, детей, голубь со

сломанным крылом. За ним шла детская, всегда казавшаяся мне золотой из-за солнечного света, проникавшего в оранжевые шторы. Налево от детской была небольшая спальня и столовая, соединенная с прихожей. Вот и весь домик! Но как легко и уютно нам жилось там.

За прихожей к дому была пристроена кухня, где нас купали, а потом в одеялах несли на закорках по дощатым ступенькам сенцев в детскую. Направо из сенцев дверь вела в маленькую пристройку, смотревшую в сад двумя небольшими окнами. Вероятно, папа соорудил ее после смерти деда Ильи Никитича Яковлева, чтобы перевезти из села Фошня бабушку Настасью Николаевну и уже не молодую сестру Анну Ильиничну. Их небольшая комнатка была обставлена уютным старьем из фошненского дома.

Такова поповская усадьба начала века. Был у папы и участок пахотной земли, вероятно, церковный. Для хозяйства держали, помню, двух коров и двух лошадей, одну из которых взяли и в Малоархангельск.

Яковлевы и Лясковские

Лясковский Валерий Николаевич

Яковлев Иван Ильич (отец Иоанн)

В Дмитровском родилось 10 детей. Очень маленькими, не дожив до 3-6 лет, умерли первые пять: Сережа, близнецы Федося и Митя и девочки Маруся и Лиза. Вероятно, унесли их дифтериты, скарлатины, от которых тогда не было средств защиты. Отец же, по роду деятельности, общался как раз среди крестьян с

больными. Детям, родившимся в XX веке, посчастливилось: выжило пятеро. Старшая, Маруся – 1901 г., брат Серафим – 1903г., Варвара – 1904 г., Катя – 1906 г., Оксана (Ксения) – 1909 г. Младшая сестра Елена родилась уже в Малоархангельске в 1915 г.

Жили мои родители в Дмитровском нескучно: в Орле в эти годы заканчивали семинарию братья и епархиальное училище сестры Троицкие. Они все праздники стремились к сестре. В приходской школе работали две молодые учительницы, дружившие с мамой и с нами, малышами.

В семье помещиков Лясковских папа и мама пользовались любовью, уважением. Жена Лясковского была крестной матерью Маруси, а дочь Ольга Валерьевна крестила Катю. Дружбу с семьей Синюхиных папа вывез тоже оттуда. Дмитрий Иванович был то ли садовником, то ли управляющим у Лясковского. Интересная семья, истинно русская. Пять великанов сыновей (истые богатыри по своему отцу), шесть дочерей. Все выросли. Но всех сынов (кроме одного) взяли войны. А некоторые дочери тоже мужей потеряли (раскулачивание, гонение на духовенство). С последней, Варварой Дмитриевной, по-родственному мы жили до ее кончины.

Няня Меланья Власьевна

Было много помещиков поблизости, врачи из психбольницы Кишкинки.

А главное, Орел был рядом, и папа был связан с ним по церковным и школьным делам. В последние годы был он, видимо, попечителем ближних школ – это общественная работа. Однажды зимою он взял меня, едучи в одну из ближних школ. По-моему, это была Мезенская двухклассная школа (5 лет обучения). Когда в 32 г. я получила назначение в эту школу учительницей, то я сразу узнала подъезд и школьное крыльцо, из далекого детства.

В церковно-приходской школе папа был заведующим и, конечно, преподавал Закон Божий. Обязанностей у него было предостаточно (еще ведь и сельскохозяйственный участок свой), но он находил время повозиться, поиграть с нами в кабинетике. Иногда водил к речке – Сухая Орлица протекала за лужком при усадьбе. На берегу стояла деревня Волобуевка. Оттуда родители взяли для нас няньку – молодую еще девушку Меланью Власьевну. Няня сопутствовала не только нашему детству, она вырастила и трех детей Маруси и скончалась в Орле в первый послевоенный год.

Сохранилась фотография: мама с тремя мальчиками и няня. Очень красивая – простой и строгой русской красотой. Говорили, что в молодости ей было видение, кажется, Божия матерь, и какие-то слова напутствия. После этого она присоединилась к толпе богомольцев и прошла весь путь до Киево-Печерской лавры пешком. Помолилась угодникам и дала обет безбрачия. Никуда никогда, кроме церкви, из дома не отлучалась. Была очень богомольна, каждый праздник и воскресенье – в церкви. Никогда не ела мяса, ни в каком виде. Постилась от молока не только в среду и пятницу, но прибавила и понедельник. Спала на войлоке, положенном на сундук. Возле стоял ее сундучок со «смертным». Христова невеста, она приготовила белое кисейное платье, саван, обувку. В теплый денек она просушивала все это и объясняла нам, как ее обрядить в последний путь.

Яковлева Александра Ивановна (справа) с детьми и няней Меланьей Власьевной

Когда семья была благополучна, она занималась только детьми. Позже, после смерти папы, да и у Маруси, она помогала на кухне. Мы с няней никогда не скучали. В Дмитровском все мы были еще очень малы, и мир ограничен был детской с оранжевыми шторами. Меня увезли оттуда 4,5 лет, а Катю – 2,5. Няня умела нас занять, устроить простенькую игру (царь и его дети, жмурки), населила мир примитивными чудесами. То на углах стола сами вырастали четыре конфетки, то прилетала

добрая птица нас разбудить. А вечером она вязала чулки и плела нехитрую сказку, хотя знала она их немного, но нам они не надоедали, не хотели мы укладываться – в окно заглядывал Змей – Горыныч, который, оказывается жил на огромной раките у крыльца. Няня была светлая, родная духом, идеально честная и бесконечно преданная нашему семейству. В нашу жизнь она внесла чистоту и любовь, немудрую поэтичность. Все в семье, не только дети, но и Троицкие, любили ее как члена семьи. В Малоархангельске, когда было уже шестеро детей, она успевала нам помогать, вставая в 5 часов и задремывая вечерком над чулком и сказкою. Счастливы семьи, где были свои Меланьи Власьевны! У нас она была. Спасибо ей!

Воздух села Дмитровского

Нас из Дмитровского никогда никуда не возили, ни в Малоархангельск, ни в Орел. Но, помню, папа взял нас троих в Сабурово, это около 10 км., а может быть, и меньше. Тогда была еще цела башня крепости жестокого помещика Каменского. Впервые я услышала страшную историю о крепостном, заживо замурованном в башне. Возил раз папа нас в Маслово, к своему однокашнику по семинарии священнику Некрасову, и два-три раза, я помню, мама водила нас на могилы братиков и сестер на кладбище в 400-500 шагах от Поповки. Запомнилось мне только, что я впервые «увидела воздух». Не знаю, видимо, весной поднимались в воздухе от земли токи, но я ясно увидела пузырьки воздуха и почувствовала их прикосновение к лицу. Таковы первые смутные воспоминания о тепле, уюте, радости, которыми нас окружало Дмитровское.

Мама очень любила его, хотя и горя там видела немало. В первые годы она каждое лето ездила туда на Казанскую – престольный праздник в Дмитровском 21 июля. Мама считала Казанскую Божью матерь своей покровительницей.

В первый раз поездка была в 1910 году. Парадная пролетка с откидным верхом была запряжена парой. Правил какой-то кучер. Возможно, тогда у папы был работник по двору. На заднем сидении помещались родители и я, меньшая. А старшие, Маруся и Сима, на передней скамеечке к нам лицами. Выехали на заре, и лишь при свете огней (часов, видимо, в 10–11, летом) въехали в Орел. Запомнился мне привал в полдень. Распрягли лошадей на паровом поле, заросшем золотой сурепкой. Мама расстелила белоснежную скатерть. Чуден этот обед на золотом поле под солнечным небом.

Уборка сена в селе Дмитровское

В Орле тогда жили тетя Анюта и бабушка, для которых папа снял квартирку на Курской улице, в начале города с Курского шоссе, возле женского монастыря. Мы, наверное, только день пробыли у бабушки. Но поездка в Дмитровское у меня в памяти не отложилась, как и две последующих, уже, кажется, поездом.

О селе Фошня и Яковлевых

Семья сложилась в Дмитровском, простая и счастливая. А завязалась она в Малоархангельске по счастливой случайности. Иван Ильич, окончив семинарию, ехал к родителям в Фошню. Предстояла дневка в городе, чтобы оттуда преодолеть 50 верст на лошадях в Колпну-Фошню. Остановился на ночлег в гостинице, единственной в городе. Узнав, что вечером предстоит венчание молодого хозяина гостиницы Н.Н.Кубарева, пошел в церковь. Увидел во время обряда подружку невесты, Шурочку Троицкую – и судьба его решилась. В то же лето они поженились, и папа был назначен священником в Дмитровское.

Он был из семьи и из рода сельских священников, о котором я ничего не знаю. Дед, Илья Н., не мог быть священником, так как у него были отняты несколько пальцев на руках. Поморозился как-то под Николин день, возвращаясь с требы из дальней деревни. Он не мог держать дарохранительницу во время литургии. И ему пришлось стать дьяконом. Село Фошня – необыкновенно красивое. Мне посчастливилось видеть его один раз, ранним утром в августе, и никогда его не забуду. Я работала в Нетрубеже в 1943 г., и мы были на учительской конференции в большой и богатой

Ярищенской школе. После первого дня ночевать было негде, и Л.Н.Высоцкая пригласила нас в свою родную Фошню, где жили ее родители и сестры. Поздней ночью мы прошли эти 4-5 верст (для сельских учительниц не расстояние) и сразу уснули у гостеприимных стариков-учителей. Но я встала до зари и сразу отправилась к реке, близ которой и дом Высоцких стоял.

Мне при восходе солнца открылась несказанная прелесть русского села. Широкая, чистая, в первых лучах золотистая река Фошня. Пологий берег, зеленый и золотой от песка. Дома села, не тронутого войной, тянулись вдоль берега за усадьбами. Еще безлюдно. Но все одухотворено. Как я хотела там остаться пожить. Но педколлектив заспешил в Ярище, меня отозвали. Но свет этого утра на родине папы остался в сердце.

Я ничего не знаю о Деде. Бабушка была доброй и тихой. Последние 2-3 года она прожила и умерла в Малоархангельске. Умирая, собрала и благословила нас, детей. Сестра папы Анна Ильинична не оставила заметного следа в детской жизни, но помнится ее необыкновенная кротость и беззлобие, умерла она уже в 1935г., в Орле, куда перевезли ее, тяжело больную, сестры мои, покинув Малоархангельск навсегда. Старшая сестра папы, Даша, говорили, была очень красива и музыкальна. Очень хорошо играла на арфе. Умерла молодой, кажется, в Туле, где была замужем за чиновником.

Других близких родных папы я не знала. В Орле был у него троюродный брат, Онуфрий Захарович, Катя его знала: в педтехникуме у них он что-то преподавал и ее признал. Его сыновья и дочь жили в Орле и в наше время, но мы почему-то не общались.

Один из них, Владимир Онуфриевич, был, говорят, выдающейся личностью, он преподавал в пединституте, и в 30-е годы погубили в Гулаге. Его сын, по слухам, талантливый математик, пошел по научной дороге.

Отец Иоанн Яковлев: душа семьи и города Малоархангельска

Семья папы была, видимо, интеллигентной и одаренной. Сам папа был человеком редких душевных качеств, редких даже для священника.

Он родился в 1869г., учился в Орловской духовной семинарии. Тогда она давала широкое образование, не только богословие. Оттуда вынес и умение играть на скрипке. Играл хорошо, часто учил нас, особенно меня, петь под скрипку романсы («Глядя на луч

пурпурного заката…») и народные песни, которых знал множество. Иногда говорил: «Назовите любое слово, я начну с него песню» – и находил ее на каждое.

Высокий, очень стройный, худощавый, с черными вьющимися волосами, он был красив какой-то одухотворенной красотой. По взглядам и убеждениям – истый христианин. Но не чуждался общественных интересов, хотя был, конечно, монархист. Не пытался влиять на «левых» родственников, а возможно в чем-то и разделял их взгляды. Висела у нас в рамке семейная фотография Ник.Ал.Романова. Как сейчас помню царевен в белых платьицах и наследника в матроске. Шутил, что они в один год родились, тоже – женились, жены – Александры, четыре дочки и сынок. Тогда еще Леля не родилась.

Доброты и щедрости он был необыкновенной. Требы у бедных крестьян отправлял бесплатно. Лично опекал вдов и сирот. Помню сиротку Клаву Акимову. Она так и росла у нас, носила наши платья. Ее брата куда-то устроил, а бабушку обеспечивал и деньгами и продуктами. То же и на Подгородней с самыми бедными, например, Наталья Ушакова, вдова с парализованной дочерью (жили в землянке – мне не доводилось видеть жилища более убогого), ходила к нам помогать по кухне и кормила от нас семью – дочь и Никиту, которому помогали папа и дядя Ваня окончить высшее начальное училище.

Началась война 14-го года – в город навезли много семейств еврейской бедноты; местечковые евреи были нищи, невежественны. Папа взял опеку над ними. Как член городской управы добился компактного бесплатного поселения их в 2-3 домах, не занимаемых самими владельцами-купцами. Хлопотал какие-то средства на их пропитание. Мама со мной ходила по богатым домам, собирала теплую одежду для старых (они все мне казались старухами) евреек и бесчисленных их детей. Потом я по поручению родителей собирала для них работу (штопку, надвязку чулок) у жительниц города. Помню ужасающую нищету и грязь, в которой они жили, жуткий запах чеснока. Несколько раз из Орла приезжал раввин и приходил к папе благодарить за помощь. Помню, как папа угощал чаем своего гостя в черном лапсердаке и в ермолке.

В 1919 г., когда ожидался приход Мамонтова и Деникина, папа укрыл у нас в подвальной кухне несколько семей, опасаясь еврейских погромов. Был папа и душою создания госпиталя для раненых, о чем расскажу позже.

Большим делом отца была отделка и роспись «новой» церкви, которая была возведена еще дедом. Благодаря своей высокой культурности, он сумел найти и уговорить одного из лучших живописцев – Николая Ивановича Струнникова, помощника Васнецова по Владимирскому собору. «Троицкая» церковь стала подлинным произведением искусства.

Дмитриевская церковь села Дмитровское

Папа пользовался огромным авторитетом у населения. Его деятельность резко отличала его от других священников, занятых только церковными требами.

Велико, видимо, было и личное обаяние о.Ивана. Служил он очень красиво, торжественно даже самые рядовые службы. Помню, я девчонкой, глаз не отрывая, любовалась священной красивой фигурой о.Ивана, когда в дни Великого поста он выходил из алтаря и произносил красивую молитву Ефрема Сирина «Господи, Владыко». Молясь вслед за ним, я верила, что «верю».

С нами, детьми, папа был настоящим другом-наставником. В моей жизни его личность оказала большое влияние – благородством, добротой, одухотворенностью. Для нас он выписал детские журналы «Путеводный огонек» и «Светлячок». Он познакомил нас с русскими былинами и начатками родной истории. Он прочитал нам «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина. Она навсегда запала в душу мне. Читал он нам и помог понять «Калевалу» – финский эпос, и другие книги, обогащавшие душу. Утешения в наших детских бедах я искала, прежде всего, у него. Наверное, я внимательнее Маруси и Симы слушала его рассказы и чтение Гоголя, Пушкина, Лермонтова. Не скажу, что он выделял меня из

других детей, но, видимо, он чувствовал, что я глубже улавливаю «искры Божии», которыми отец пытался одарить нас. Но мне он посвятил доброе напутствие, ведшее меня по жизни.

«Хочу тебя видеть, мой милый ребенок,
На узкой житейской тропе,
С огнем вдохновенья в трепещущем сердце,
С печатью ума на высоком челе».

Больше других детей папа отличал Катю, которая из нас была самая ласковая, активная, деятельная. Когда родилась Леля, папа часами возился с нею.

Папа старался приобщить нас к природе. Вечерами гулял с нами за городом (мы и жили на окраине), водил к ручью Беленькому на цветущий луг, к пруду у барского имения, и очень часто вывозил (пока была лошадка) в Мурашихинский лес. Запрягали Воронку в широкую линейку, грузили снедь и обязательно самовар, в центре – мама с маленькими, а по бокам мы, уже самостоятельные. Ездили в Мурашиху на весь день. Красивый дубовый лес рос по холмам. Чудные это были прогулки.

При опушке была сторожка Золотого. Так мы звали сторожа, инвалида войны в фуражке с золотым кантом. Он нас тепло привечал. Иногда рассказывал что-то из солдатских воспоминаний. Пока мама хозяйничала у большого самовара, мы убегали на соседние лесистые холмы. Весело было скатываться с вершины холма по цветочному ковру. Прижимали руки к бокам и катились «солдатиком»: кто дальше укатится. Папа знакомил нас с названиями цветов и грибов, учил ориентировке. Незабываемы эти беседы. А однажды папа преподавал нам наглядный урок географии. Июньским утром он вывел нас, троих старших (мне было, вероятно, восемь) к протекавшему по задворкам города ручью Куликову Ржавцу. Мы обогнули подгородненский пруд, вышли к слиянию с другим ручьем, Беленьким. Дальше шли по цветущему лугу берегом до слияния с речкой Сучья Плота, по ее берегу – до слияния с Сосной. У большого села Губкина Сосна течет недолго по глубокому каньону, который поразил мое воображение.

Так папа приобщал нас к природе. Учил нас и труду. Например, мы, особенно брат Сима, освоили переплетное дело. Папа по собственным чертежам заказал столяру переплетный станок и пресс для обрезания и сушки. В красивый мраморный переплет одели несколько классиков из приложений к «Ниве».

Когда папа арендовал у Ждановых 1,5 десятины земли, то мы все, руководимые мамой, сажали под соху картошку и позже

обрабатывали и в меру детских сил помогали убирать. Летом 17-го года он вместе с дядей Ваней сам копал торф, и мы приобщались к тяжелой работе по выноске и сушке. В следующем году мы рыли торф уже без дяди Вани с помощью наемного.

Так, через всю жизнь детскую прошел зримо и действенно этот замечательный человек с благородной душой. Он был истинно религиозным человеком, глубоко и свято верил, не «по казенной надобности». Благородным светом он освещал все и всех вокруг.

Не знаю, писал ли папа стихи. Возможно, т.к. душа его была возвышенна и поэтична. Но знаем, что в церкви он, в алтаре, вел дневники, в которых отражал общественную жизнь народа и государства.

При закрытии властями церкви (в начале 20-х годов) эти дневники забрали. Один из комиссаров, знакомый Марусе, сказал ей, что последними словами в дневнике были «Боже, спаси Россию!»

Александра Троицкая:
«Мать с самой большой буквы, солнце нашего дома»

Мама была целиком предана семье, большой семье. Ведь после смерти бабушки братья и сестры льнули к старшей сестре, и она всех их равно любила, опекала и заботилась.

Училась она в Орловском женском епархиальном училище, которое давало права учительствовать в церковно-приходской школе. Знала литературу, историю, немного играла на рояле.

Она бала очень миловидная, женственная, с роскошной русской косой. Одевалась очень просто, даже бедно. Имела одну меховую ротонду и единственное выходное платье, украшенное мозаичной брошкой, подаренной кумой Лясковской. Имела, кроме обручального кольца, только одну дорогую вещь – золотые часики с двойной крышкой, кажется, полученные еще в приданое. Никогда ничего себе не покупала, не шила у портных. Сама строчила на машинке для себя и для детей.

Всегда была ровна, ни разу при детях не повысила голоса, не показала раздражения или огорчения, хотя поводов для этого, наверное, было достаточно.

Вставала рано и провожала всех детей, кто постарше, в школу тихо и ровно. Готовила обед в основном сама и лишь «на подхвате» у нее была няня, а позже – тетя Анна Ильинична. Очень заботлива мама была к бабушке, Настасье Николаевне, которую папа вскоре из Орла перевез в Малоархангельск. Уборку дома, мойку и клейку окон и прочее делала всегда сама, пока дочери не подросли.

Готовила просто, но вкусно, особенно пироги, куличи, бисквиты, мороженое.

Все расходы лежали на ней, ходила с нами в магазины, чтоб обуть свою ораву, купить на платья. Продукты забирала по заборной книжке в одной и той же лавке, позже стала посылать нас. Все у нее были сыты, обуты, одеты, присмотрены – и все это как-то незаметно.

Нас, детей, она поднимала и укладывала сама. Следила, чтоб в детской всегда горела лампада перед иконой Богоматери, а потом – Нерукотворного Спаса, которую для папы нарисовал Струнников. Целый день она неутомимо стряпала, шила-чинила, следила за нами, когда мы бегали по саду и соседним дворам. В субботу и в праздники всех водила в церковь. Молитвам научила детей тоже она. Она была истинная Мать – с самой большой буквы.

Матерью она была и для своих сестер и братьев, которые поверяли ей все и с нею советовались. Большое сердце мамы давало отклик и тепло всем, кто к ней обращался. Выплакивала ей свои обиды и двоюродная сестра Анна Григорьевна, учительница в церковно-приходской школе. Заботиться надо было и об ее братьях, которые некоторое время жили с нею при школе. Горожанки, у которых жизнь не ладилась, тоже шли выплакаться к Александре Ивановне. Молодая, красивая Софья Фадеевна Сретенцева шла к ней как к матери. Мама жила для семьи, но, если надо, помогала папе в общественных делах (по устройству евреев-беженцев, в помощи беднякам).

С детьми мама была ласкова и в меру строга, мы не боялись ее, но слушались больше, чем папу, который мог и наказать и быстрее простить детские шалости.

Знакомых мама как-то чутьем умела выбирать. Жены купцов и чиновников бывали у нас только такие, которые были благородны по душе и нравственно красивы. В гости мама не любила ходить, навещала только старую тетку Ольгу Ивановну Зернову и ее «принимала» у себя «правилам этикета». Но на елки и праздники возила нас в дружественные дома.

Однако сердечно принимала молодежь, которая собиралась к сестрам и братьям почти ежедневно, когда те приезжали в Малоархангельск.

Я считала маму солнцем нашего дома, она объединяла и обогревала всю семью. Нас было пятеро, потом шестеро детей. Няня, которую все считали членом семьи, бабушка, Настасья Николаевна, и тетя, Анна Ильинична. Несколько месяцев в году

жили одновременно 2-4 дяди и тети, с 14-го года постоянно жила несколько лет Настя с сыном Митей и няней Лизой, потом безвыездно жила несколько лет Аня. За стол никогда не садилось меньше двенадцати человек. Семья большая, дружная. Но обо всех надо было заботиться, всех опекать, вместить в свое сердце.

И наши папа, и мама умели без нетерпеливости, без малейшей досады, но охотно и радостно объединить всех и создать детям спокойное и безмятежное детство.

Для строительства такой семьи нужен был талант. И такой талант у мамы был. Не знаю, обладала ли она дарованием к какому-нибудь искусству, хотя очень любила хорошее пение, музыку. Помню, специально ездила из Малоархангельска в Орел послушать Собинова, приезжавшего с концертом. Знаю об одной еще ее поездке – в Крым перед рождением Оксаны. Возил ее дядя Миша, с ним она и сфотографирована на веранде крымского дома.

Но был у мамы редкий талант – любви к людям. Он был неисчерпаем. Его хватило не только на построение семьи, на всех Троицких. Не иссякла эта любовь и в трудные десятилетия вдовства, бедности, в годы бездомья, в невероятных бытовых лишениях, переживаемых вместе с семьей Кати.

Два любящих талантливых сердцем человека, отец и мать, создали крепкую семью Яковлевых.

Часть четвёртая.
Малоархангельск

Летом 1909 года семья переехала в Малоархангельск. Он не был тогда подобен ни щедринским, ни гоголевским городам, но представлял небогатый культурный центр, не похожий на заклейменный Островским город Калинов.

«Всё было чистенькое, и везде был порядок...»

Лежал он 14 верстах от Московско-Курской железной дороги, в степной черноземной полосе России. Построен был очень аккуратно, правильными кварталами, усадьбы которых смыкались в центре фруктовыми садами. Улицы были немощеными, за исключением одной центральной, которая была частью прямого тракта Орел-Курск. Но тротуары были вымощены кирпичом, за этим строго следила городская управа. Население было около 7 тысяч, главным образом, хлебные купцы (побогаче) и

средней руки торговцы-прасолы, скупавшие хлеб и др. продукты в богатых селах уезда. Три параллельные улицы пересекались одной, главной, которая проходила через торговую площадь, мимо Воскресенской церкви, выходила к кладбищу с небольшой церквушкой и была обстроена большими и маленькими магазинами и лавками. Немало было и двухэтажных – земство, казначейство, жилые дома купцов с торговыми помещениями внизу. Хороший Народный дом, уютный чистенький городской сад, дворянский клуб.

Все было чистенькое, и везде был порядок. Женская прогимназия вскоре была превращена в гимназию с хорошим составом учителей. Для мальчиков было высшее начальное училище, куда принимали уже окончивших церковно-приходскую или земскую школу.

Городской управой ведали, по-видимому, порядочные люди. Мой отец очень уважал городского голову (так звался мэр) Москвитина. Молодежь как-то объединялась вокруг Народного дома и открытого «театра» (дощатое строение под открытым небом) в городском саду. Был и духовой оркестр пожарного общества. В общем, Малоархангельск был довольно культурным городом, а в уезде жили многие помещичьи семьи.

Игры и учёба

Наша семья жила в дедовском доме с небольшим садом. Росли в нем немногие, но хорошие сорта яблок и роскошное дерево – янтарка, необыкновенно вкусные поздние яблочки для варенья.

Наш мир, мир детей, недолго был ограничен детской и садом. Сдружились мы с ребятишками из двух-трех соседних многодетных семей. Летом без конца играли в войну, бегая в больших довольно запущенных садах Козловских и Сусаревых. В саду своем мы, девочки, играли в куклы, наряжаясь в шляпы и платья из огромных лопухов, росших в тени заборов. Зимою в начале сада строили гору и катались дома, а иногда и по соседнему «проулку», спускавшемуся вниз к ручью.

Учили сначала дома, читали и писали мы задолго до начальной школы, и отдавали нас в нее уже во второй класс. В моей школе было очень скучно учиться. Много времени во 2 и 3 классах отводилось на церковно-славянский язык, чтение «Псалтыря».

Учились только девочки. Темно-коричневые платья с черными фартуками. Больше городская беднота. Школа была приходская при Соборе (рядом), и внизу находился склад свечей, церковного вина и разных церковных мелочей. Сидел там толстый дьячок Орлов, и всегда приятно пахло кагором. В эту школу я ходила 2 года, а Катю отдали уже в новую земскую школу для девочек, которую строил папа и где он преподавал Закон Божий.

Сима ходил в другую школу для мальчиков в другом конце города, и в осеннюю грязь папа возил его туда на нашей любимой лошадке Воронке. Не помню, в 9 или 10 лет его отдали в Орловское духовное училище, где он учился до 17-18 г. (?), приезжая только на каникулы.

Я и сестры после двух лет в церковно-приходской школе поступили в гимназию, для которой город выстроил удобное двухэтажное здание.

Как проходили дни...

Осенне-зимнее время проходило однообразно и спокойно. На раннем рассвете вставал папа и заводил большие часы с боем в соседней с детской комнате. Потом всегда заглядывал в детскую, посмотрит на четырех детей, поправит лампаду, горящую всю ночь. Потом вставала няня и долго молилась в своем уголке. Я обычно снова засыпала, и только в 8 часов будили. На столе уютно пыхтел пузатый самовар, в ярко начищенные бока которого я любила смотреться, гримасничая. На чистое полотенце в чрево самовара мама закладывала яички – наш обычный завтрак.

Рассыльный от знакомого булочника приносил горячие французские булочки. Получив по 3 копейки на слоенки в школе к большой перемене, мы собирались в школу, ходили с малых лет одни, без провожатых. Обедали всегда в 3 часа. Питались просто, но сытно. Никаких закусок. Мясной суп или щи, гречневая каша или картофельные котлеты с грибным соусом, кисель из сухих яблок, груш. В праздничные дни мясное жаркое.

Всегда свое сливочное масло, сметана. По воскресеньям мама пекла сдобные булочки, а часто и пироги с начинкой.

После обеда папа уходил отдохнуть часок, мы зимою уходили в сад с салазками. Еще до сумерек все дети, четверо (Оксана еще не ходила в школу), усаживались вокруг большого стола в детской готовить уроки. Вечерний чай вокруг самовара собирал всех в столовую, и было очень весело, вкусно и дружно в этот предвечерний час. В будние дни гости к чаю бывали редко, но с 1913 г. к папе почти каждый день приходил адвокат Старков со своей газетой. За чаем они читали и обсуждали «дело Бейлиса» (было такое обвинение в ритуальном убийстве), события в Боснии и Герцеговине, вспоминали Балканскую войну и восстание буров, а потом и начало мировой войны стало темой ежедневных бесед.

Так с 9-10 лет я уже, слушая их, узнавала о большом мире.

В зимние вечера мы обычно играли в лото, в игре принимали изредка участие и взрослые: дядя Яша, дядя Ваня. Постоянно играла тетя Анна Ильинична. Она же научила Симу и нас, девочек, нехитрым картежным играм. Позже папа показал нам игру «66», которая очень мне понравилась. Но чаще вечерами читал папа нам вслух, а потом и сама я привыкла к Гоголю, Помяловскому.

Как отмечали праздники

Яркими были дни праздников, особенно Рождества. Привозили большую елку, на «кресте» водружали в середине зала. Приезжали Аня и Настя, привозили игрушки. Сами делали мало, только орехи обязательно золотили. Игрушек было много, и очень разнообразные. В ночь под Рождество нас, кто постарше, водили в церковь, а потом мы досыпали. Мама с тетями накрывали большой праздничный стол. Но разговляться мы садились, лишь когда приходил со второй службы (обедни) папа, святил все яства и поздравлял нас. Застолье было обильное, даже после революции мама как-то умела делать его праздничным.

В эти дни устраивались елки для детей у нас и у добрых знакомых: Кубаревых, Тихоновых, Газиных. Однажды и у

Оловениковых – моей учительницы музыки. Самые веселые – у нас и Кубаревых. Много детей, много лакомств у елки, очень интересные хлопушки, из которых появлялись бумажные костюмы для маскарада или занятные сюрпризы. Хороводы были веселые, у Кубаревых дом был устроен так, что можно было носиться кругом всех комнат.

В их семье старшие были уже студентами, приходили их веселые товарищи. Все носились с нами под музыку кавалькадой по всему дому. Чтоб успокоить нас, затевали тихие игры: «Море волнуется», «Соседи», «Испорченный телефон». Все заканчивалось легким вкусным ужином.

Чудесны были возвращения с елок. Нас, мелюзгу, насыпали в розвальни, укрывали сверху тулупом. Как дивен был звездный небосвод! Как нежно прижимали мы елочные подарки! И как жаль, что праздник кончался.

На Рождество обычно приезжал из Дерпта Сережа. Он привозил лакомства и научил маму делать шоколадный вафельный торт, для которого привозил шоколад и орехи.

Каждый день Святок был праздничным. Иногда приходили ряженые, а то и мы, став постарше, пробовали наряжаться. Взрослые на каникулах делали в саду горку, играли с нами в снежки, вечерами читали вслух.

Не хуже проходила масленица. В огромной макитре разговаривало тесто для блинов, няня четко разливала его по сковородам и быстро работала чапельником, и у загнетки на треножниках румянились блины, настоящие, из гречневой муки.

Укрыв стопку блинов салфеткой, мы бежали с ними в столовую, где ждали соусники с растопленным маслом и сметаною, селедочка в масле, иногда икра – все для заговенья. Блины и под ножом «разговаривали», шипели, истекали маслом. На масленой в городе было катанье в санях. Пока была у нас лошадка, нас тоже катали. По раскисавшим уже дорогам неслись нарядные «козырьки», покрытые ковром, или широкие сани. В воскресенье – прощенный день: ездили к некоторым знакомым и старой тетке Зерновой – просить прощения. Дома, перед сном, обязательно все просили простить каждого члена семьи.

Великий пост и Пасха

И начинался Великий пост. Взрослые семь недель не ели мясного и молочного. Нам, детям, тоже в 1-ю, 4-ю и Страстную недели не давали молока. Обычный обед – холодная картошка

ломтиками, гороховый суп, приправленный жареным луком, каша (чаще гречневая) с растительным маслом, кисель. То же и на ужин.

Школьниц, нас, водили говеть и причащаться классом, но чаще мама сама нас водила на 4 неделе. Дни были строгие, по вечерам не играли, а читали. Во всех комнатах горели цветные лампады перед иконами.

В Страстной Четверг нас обязательно вели к Стоянию, и всю службу мы выстаивали со свечами, а потом несли их домой в бумажных фонариках. Весело было смотреть на вереницы огней, с которыми подгородние шли из Собора по вечерней дороге, видной из окна детской.

У мамы к празднику стояли в холодном коридоре две макитры с творогом, одна для себя, другая – для бедных. Мы помогали делать творожные пасхи, всегда 3-4 пасошницы, одну из «красного» творога, который как-то умела делать няня.

К 12 ночи мы все шли к заутрене. Блеск и торжественность крестного хода создавали в душе умиление и ожидание чуда. Открывались двери в главный придел, обычно закрытый на зиму, и люди попадали в залитый светом, золотом храм. Духовенство – в белых с серебром одеждах, хор с лучшими духовными песнопениями, непрерывный праздничный перезвон – все давало детской душе ощущение полета и благостного озарения. Взрослые после короткой заутрени оставались на литургию, а мы под присмотром кого-либо из взрослых шли домой, умиленные и взволнованные. Темная звездная ночь, необычность нашего пути по городу, кажущемуся незнакомым, ожидание завтрашнего светлого праздника. Тут уж было не до сна. И в празднично убранном зале, при свете разноцветных лампадок, мы еще пытались не уснуть, взрослые что-нибудь читали или рассказывали. На всю жизнь остался в душе «Звездный мальчик» О.Уайльда, прочитанный нам дядей Сережей в такую ночь.

На рассвете приходили все от обедни, и папа читал молитвы и кропил святой водою куличи и яйца – все яства, приготовленные для разговения. Кроме семьи и дядей-тетей, приехавших к празднику, был всегда кто-то из неимущих. Чаще всего сиротка Клава Акимова, которая и зимой проживала у нас подолгу. После обильного разговения все ложились немного поспать. А уж с 10 часов воскресенья всю неделю в доме ни на минуту не затухал праздник. Христосовались все со всеми, брат лазал на колокольню (трезвон не умолкал ни на минуту), мы катали яички на лужайке, бились яйцами.

Обязательно вешали качели на перекладине между двумя тополями. Даже «гигантские шаги» несколько лет ладили, потом почему-то перестали, видимо, ремни истерлись.

Всей семьей ходили на кладбище, христосоваться с дедушкой, бабушками и тетей Марусей. А оттуда добегали посмотреть на огромные качели, которые на ближнем к городу хуторе Кусакиных (на «отрубе») на все лето вешали для взрослых. Жутко и весело было глядеть на пары, возносившиеся на доске необыкновенно высоко. По Орловской улице, по выгону, гуляли семьями горожане и молодежь со слобод. Пасхальная неделя и Красная горка остались в душе светлым, золотым воспоминанием.

В те годы школьные каникулы тянулись все Святки до Крещения и так же совпадали с Пасхой.

Народный Дом в Малоархангельске

О чтении, театре и граммофоне

В учебное время мы тоже не скучали. Окнами в большой мир были журналы «Путеводный огонек», а для младших – «Солнышко». В «Путеводнике» печатались увлекательные повести, помню приключенческий роман из жизни Др.Египта. Увлекателен был раздел «Из текущей жизни», приобщавший детей к жизни страны и мира. К журналам были приложения, чаще из картонажа, для поделок. «Путеводный огонек» давал картонажный театр. Была пьеска, а к ней набор декораций – панорам и бумажные фигурки

героев пьесы. Помню «Синюю птицу» по Метерлинку: текст был написан чудесными стихами, а фигурки свободно передвигались по «сцене». Очарование «Синей птицы» было особенно велико, т.к. еще раньше в одну из пасхальных (кажется) ночей, дядя Ваня поэтично пересказал нам содержание пьесы, очаровавшей его в Московском Художественном театре.

Кроме бумажного театра у нас в ходу были собственные «представления». Увы, детской драматургии мы не знали, да и была ли она в те годы? Но мы разыгрывали стишки, диалоги, сказки, которые находили в журналах, басни Крылова, любили импровизировать «живые картинки». Никто не мешал нам наполнять по-своему свободное время.

Очень обогащало нас общение с граммофоном. Его значение в те годы не сравнить с нынешним использованием проигрывателей. Для нас это было не развлечением, а могучим средством приобщения к настоящему искусству. Появился он году в 12-13, когда дяди-тети привезли его в подарок нашему папе. Красивого дерева, с блестящей трубой, он стал украшением дома. Но дороже всего был великолепный набор пластинок, привезенных с граммофоном. Это были Шаляпин, Собинов, Нежданова, Давыдов, Вяльцева, лучшие хоры… Этот набор пополнялся до 1917 года. Для нас слушание пластинок было часами общения семьи в единых переживаниях. Большое искусство открывалось нам, мы узнали о великих композиторах и знаменитых операх.

Жизнь в эти, 1909-1916 годы была спокойной, но богатой теплом, взаимной любовью, чистыми радостями и постепенным узнаванием мира.

Скарлатина

Ровный темп жизни нарушался изредка, в первую очередь, детскими заболеваниями, которые обычно укладывали всех подряд. Большим событием, поломавшим распорядок жизни, было мое заболевание скарлатиной в конце зимы 13-ого года. Вероятно, у меня была особо тяжелая форма, я сразу впала в беспамятство и, говорили, была без сознания около трех недель. Надо было изолировать от других детей. Арку между залом и гостиной заделали, и я осталась с мамой в большей половине дома. Мама, конечно, спасла меня своими заботами от смерти и от осложнений. Больше 1,5 месяцев длился карантин, да и после я, видно, была очень слаба и долго лежала. Мама не видалась с другими детьми, а с папой говорила только в холодном коридоре. Меня часто навещал старенький врач, и по его совету мама давала

мне ежедневно, когда кризис уже миновал, столовую ложку вина и кусочек чистого шоколаду, покупаемого специально для меня. Ко мне долго не возвращалось чистое сознание, и только через 1,5 месяца я смогла воспринимать мамино чтение за закрытой дверью. Кто-то из дядей, кажется, Яша, прислал для меня Тома Сойера. Это возвращало меня к жизни. Забегая вперед, скажу, что Катя и Оксана в 1915 и в 1916 годах тоже болели скарлатиной, но в незаметной, легкой форме, особенно Оксана. Но ей-то пришлось хуже всех – осложнение на почки осталось на всю жизнь.

Поездка на богомолье

Молясь за меня, мама дала обет посетить мощи Тихона Калужского, недавно, кажется, открытые. И вот, в июле 1914 г. мама взяла Марусю, Симу и меня и отправилась на богомолье. У меня остались в памяти только несколько эпизодов. Я была еще очень слаба, и часто болела голова.

Помню, что приехали мы в Орел, и мама устроилась на день-два в знакомой гостинице, чтобы завтра, в присутственный день получить в консистории (как жена священника) паспорт. В те годы жены жили без паспортов. И надо же тому случиться: в это утро была объявлена война с Германией. Введен режим военного времени. Маму, как беспаспортную, через час из номера попросили. Повезла нас мать на извозчике в другую, и там через некоторое время хозяин побоялся держать попадью. Везде полиция смотрела шпионов. В растерянности мама собрала нас и повезла просить приют в знакомом семействе Мошкиных. Дороги я не помню. А вот от станции мы ехали лесом на извозчике в монастырь. И я была поражена красотою соснового леса, там было дивно в летний день. Нигде и никогда не видела такого обилия земляники вдоль дороги: все было красно, все горело, манило. А мы проезжали на паре, не останавливаясь. В монастыре мы провели несколько дней. Жили в монастырской гостинице с тесовыми стенами, под надзором монахов. Запомнилась купальня, вода которой считалась целебной. В огромном деревянном ящике, наполненном «священной» водой, плескались, присаживаясь на деревянное дно, десятки страждущих исцеления. Зрелище для детского глаза было неприятное. Уродливые тела, калеки, больные с язвами – все оставляли лохмотья на деревянном полу и лезли в воду. Нам отвели чистый угол, вероятно, для почетных богомольцев, и мать решилась нас окунуть. Но я, помню, долго сопротивлялась.

Запомнилось посещение какого-то богослужения днем в очень большом и пышном храме. После него мы прикладывались в раке, где находятся мощи святого. Еще несколько впечатлений, и веселых, и неприятных, осталось в памяти о богомолье, но самым страшным для меня и, конечно, для мамы было возвращение домой. Из-за мобилизации было трудно (невозможно) получить билет на знакомую дневную поездку с пересадкой на Орел в Горбачево, и мама получила поезд по другой совсем дороге через Комаричи. Мы попали в пустой вагон четвертого класса, ночью, не освещенный даже фонарем. Бородатый проводник не дал огня, и мама не спала в страхе, что ворвутся разбойники. Не спали и мы, дрожали всю ночь. Но славу Богу, за ночь ни злые люди, ни добрые в вагон не заходили до утра.

Так, единственное в жизни богомолье не принесло никакого умиления и душевного мира и долго тяжестью лежало на сердце.

Первая Мировая война и Малоархангельск

Война принесла новые, тяжелые переживания. Ушел на фронт любимый всеми дядя Яша, и Настя с маленьким Митей приехала из Орла и поселилась во флигеле, который для нее построили из старой бани, стоявшей в конце сада. Получили весть о мобилизации дяди Миши, который в должности ветеринара пробыл больше трех лет на Турецком фронте. Только что закончивший Дерптский университет дядя Сережа оказался сразу военным хирургом. Тетя Аня из Киева ушла в Армию медсестрой («сестра милосердия» их звали тогда). За всех было тревожно.

У нас, детей, было реальное горе: мобилизовали нашу любимую лошадку Воронку. Без нее стало многого не хватать в жизни.

В семье у старших я не видела ура-патриотического подъема. Папа был, видимо, удручен вестями с фронтов и все чаще ставил шаляпинскую пластинку:

«Христос воскрес» – поют во храме,
Но грустно мне. Душа молчит.
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда б он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век,
Как брата брат возненавидел,
Как опозорен человек,
И если б здесь, в блестящем храме,
«Христос воскрес» он услыхал,
Какими б горькими слезами
Перед толпой он зарыдал.

Автора не помню, м.б., знает Катя *(это стихотворение Дмитрия Мережковского, написанное в 1887 году – А.П.).*

Но жажда деятельного добра звала отца к участию во всенародном бедствии полезными делами.

Хлынули беженцы из западных местечек – невозможная еврейская беднота. Куда селить? Нашли два-три дома, принадлежащих купцам, занятых у них не под жилье. Папа через городскую Управу организовал их аренду, и еврейские семейства, старухи с огромным количеством детворы, получили «коммуналки» и ежемесячную помощь от Управы. Папе принадлежала и мысль о создании в городе госпиталя для нетяжело раненых, которые могли переносить тряскую дорогу от станции в город. Помещицы-немки, обитавшие в усадьбе близ города, отдали для этого свой просторный и уютный городской дом *(вероятно, имеются в виду фон Рутцен – А.П.).* Не знаю, кто ведал хозяйством госпиталя, но руководил его жизнью наш отец, которого раненые очень любили.

Он проводил там церковные службы, на которые брал и нас, устраивал показ волшебного фонаря, беседы. Мы стали завсегдатаями в жизни раненых: писали им письма домой, читали стихи. Раненых было немного, около 50 человек, для маленького небогатого городка было по силам их содержать, хорошо кормить.

Для выздоравливающих летом папа организовал поездку в богатое село Губкино, в 12 верстах от города. На нескольких телегах поехали забинтованные и на костылях русские мужики в гости. Помню, как радушно их принимали в селе, угощали яичницей с салом на огромных сковородах, пели, играли на гармошке. Нас, детей, папа тоже посадил в телеги с ранеными, и мы провели с ними весь день. Думаю, этот праздник доставил радость и самим устроителям его.

Госпиталь существовал три года. После революции раненые перестали поступать в наш город. Почти все еврейские семьи уехали до 1920 года, но в 1919 г., когда Деникин шел на Орел, еще несколько семей оставалось. Опасаясь погрома (чего ждать от белых – не знали), папа прятал недели две у нас в подвальной кухне несколько семей. И мама всех кормила.

Очевидно, что деятельная доброта родителей воспитывала нас, детей, лучше всяких наставлений и уроков Закона Божьего, которые нам преподавали в гимназии.

Женская гимназия

Я поступила в гимназию в 1914 г. Для нее только что было выстроено небольшое двухэтажное здание, рядом с Собором и церковно-приходской школой.

Экзамены я сдала легко, учиться начала охотно. Учителей было много, все разные, по-своему интересные. С 1 класса были иностранные языки. Они преподавались интересно, с картинами, с внеклассным чтением интересных книжек. Хорошо преподавалось рисование, и даже уроки рукоделия были интересны. Не любили мы только уроки Закона Божьего. Его преподавал вечно сонный отец Василий, которого мы не слушались и всячески обманывали.

День в гимназии начинался с молитвы перед учением и общего пения. Наш класс помещался в одноэтажной постройке, за залом, и поэтому мы чувствовали себя вольготно, на переменах играли в войну, захватывая и часть урока, т.к. учителя часто не приходили со звонком. Мне доставалась роль Вильгельма (по жребию), а благородного бельгийского Альберта изображала Гланя Кубарева. Но обычно на уроках в уголку сидела классная дама, Екатерина Николаевна Заседателева. Впоследствии она у нас преподавала арифметику, математику. Постепенно количество учителей стало таять: мужчин мобилизовали. Через два года поступила в гимназию и Катя, мы дружно шли в школу, одинаково одетые. Очень гордились мы гимназической формой (пока она была), светло-серой с черным фартуком. На переменах полагалось чинно прогуливаться в рекреационном зале, но наш класс был шаловливым и чаще шумел по партам.

В гимназии не было никакой внеклассной работы, только для желающих ввели платные уроки танцев.

Как проводили свободное время

Свободное время некуда было девать. Поэтому мы, городские девочки, были очень обрадованы, когда появилась в горсаду детская площадка. Ее организовала жена нового аптекаря Четыркина, Прасковья Алексеевна. Очень энергичная, она, видимо, тянулась к искусству, но была она заметно хромая, сама не играла на сцене. Поэтому она и ее сын-студент Сережа собрали вокруг себя городскую молодежь, готовили спектакли. Наша Маруся была завсегдатаем в маленькой квартире Четыркиных, Настя тоже у них бывала. Нас, подростков, Прасковья Алексеевна собирала в городском саду, в задние аллеи которого выходили дворик аптекарского домика.

На этих аллеях и площадке возле летнего театра собирались дети, танцевали, пели. Летом устраивали карнавал – подобие троичных сельских праздников. Был поставлен прелестный спектакль-опера «Ночь в лесу». Все пели, танцевали в костюмах

лесных обитателей. Я и Гланя готовили танец кузнечиков, но перед самым спектаклем у меня появился огромный нарыв на ноге, и я, заплаканная и огорченная, довольствовалась ролью зрителя. Саму красавицу-ночь изображала Маруся. Она в красивом наряде, усыпанном звездами, чудесно читала свои монологи. Танцы были хорошо поставлены, их готовила племянница П.А., ученица балетной школы, приехавшая на каникулы. Костюмы готовила П.А. с помощью нескольких учительниц.

Начало Орловской улицы от перекрестка с Архангельской

Очень полезным делом было создание в горсаду цветников, которых раньше не было. Мы, дети, высаживали рассаду на клумбах и на пустыре, все лето по очереди поливали утром и вечером. Мне доставляло большую радость в 6-7 утра идти на свое дежурство. Все эти затеи П.А.Четыркиной были очень полезны для детей города. Не помню, когда именно, в 17-18г. Четыркины быстро уехали из города (м.б. О.Р. как-то задела их права), и наши внешкольные, общественные радости кончились.

Летом 15-го года мама отдала меня вышиванию к нашей учительнице рукоделия Е.Ф.Левкович. Старушки втроем жили в большом доме, который снимали под квартиру. Все блестело, сияло чистотой, царила тишина и запах цветов. В дальней угловой комнате была мастерская. На ручных пяльцах шила сама Евгения Фроловна и одна, иногда две купеческие дочки, которые готовили

себе приданое. Из их рук выходили красивые вещи: полотенца, подушки, блузки.

Я очень любила эти рабочие часы в монастырской тишине и охотно училась. За 2–3 месяца я хорошо освоила «настель» шелками с теневыми и радужными переходами и белую гладь. Это уменье мне немного пригодилось в жизни: сутолока и напряжение, семейные трудности – все ж не позволяли отдыхать за пяльцами.

Учились в эти годы мы и музыке. Я начала заниматься в 10 лет у красивой и модной дамы, жены члена суда. А Катя несколько позже вместе со мною у хорошей музыкантши В.О. Ораловой. Учились за деньги, как только мать выкручивалась?

Но подлинную пользу уроки принесли Оксане и Леле. Обучала их тихая старушка, бывшая институтка, потом жена врача и долгие годы провизор в нашей аптеке. Подготовку они, сестры, у Варвары Семеновны получили блестящую и без труда поступили потом (уже в 20-е годы) в Орловский музыкальный техникум, который закончили отлично, Оксана – фортепиано, Леля – класс пения. Голос у Лели был очень хороший, богатый.

Так наши родители, несмотря на материальные трудности, старались, чтоб девочки получили все, что мог им дать маленький городок.

Лето мы проводили привольно. Играли в войну с соседскими мальчишками-подростками, ходили и ездили в лес, часами пропадали в городском саду. Но знали мы и труд. Несколько лет обрабатывали картофельное и гречишное поле (участок 1,5 десятины папа арендовал), ухаживали за огородиком и цветником при доме. Цветы нас научил выращивать дядя Ваня. Он приезжал в мае, а то и раньше, на все лето из Закавказья, спланировал и оформил клумбы, высаживал цветы. А мы пололи, поливали. После 17-го года уже сами, девочки, мы выращивали богатые клумбы.

Быт семьи священника до и во время Первой Мировой войны

Мы понимали необходимость всякого труда, т.к. семья наша жила очень скромно, небогато. Приход у папы был по преимуществу беднота, доходы, видимо, небольшие. Продукты брали в долг на «заборную книжку», расплачиваясь по ней раз в месяц. Питались скромно, особенно в посты. Помогало хозяйство: своя корова, поросенок-два, куры, одно время мама с успехом водила индеек. По большим праздникам мама пекла пироги, резали курицу. На Рождество и Пасху было все в изобилии. А в обычное время мы редко видели колбасу или хорошие конфеты.

Мама всегда варила варенье, мариновала грушу (бессемянку для праздничного стола). Хлеб ржаной пекли сами, даже после революции удавалось добывать муку для хлеба. Лишь временами жили на пайковом овсяном хлебе. Одевали нас добротно, но экономно. Мы, девочки, донашивали друг за другом или переделывали старье наших тетушек. В сундуке у мамы никогда не было «отрезов» и ничего нешитого, в запас. Что покупали дешевенькое, сразу шили дешевые же портнихи; подрастая, мы сами научились простое шить. С 16-го года пропали катушки ниток в магазине. Мы стали брать в конторе шить белье для солдат, и у нас при экономии оставались белые нитки.

Постепенно в годы войны жизнь становилась все труднее. Но папа до самой революции вносил в банк свой долг за дом, который принадлежал всем наследникам, на счета братьев. К тому же папа сделал две стройки. О флигеле для Насти я уже писала. Перед самой войной пристроили к дому две комнаты под одну крышу с домом. Два окна на улицу (теперь их стало 9), и два во двор. Но сестры там не жили. Одно время реквизировали под семью беженцев, потом жил квартирант, помещик из уезда. После замужества там поселилась Маруся, но когда она переехала в Орел, мама пригласила туда Варвару Семеновну, которая учила сестер музыке и человеческой культурности.

Так жила наша семья в Малоархангельске до 1917 г., и это была благополучная, щедрая, деятельная, честная жизнь, которая обогащала души детей. Спасибо нашим родителям за эту счастливую жизнь!

Часть пятая.
Революция

Февральский переворот не был для семьи неожиданностью. В газетах и журналах печатались вести о заседаниях Думы, споры и смелые суждения оттуда, хотя и смутно, доходили и до нашего глухого городка. С лета 16г. было очень много известий о неудачах в войне, огромных потерях, о безоружности русской Армии, сидящей в окопах.

От февраля до октября 1917-ого

В разговорах папы со Старковым, обсуждавших вечерами события, мы, дети, слышали слова об измене, о злой роли царицы-немки. Появилась новая зловещая фигура – Распутин. Обо всем,

происходящем на фронтах и в Петербурге, мы имели хотя и смутное, но тревожащее, волнующее представление.

Убийство Распутина сразу стало известно у нас, и обсуждение его роли и поступка русских патриотов с ним заставляло ожидать еще чего-то, значительного.

О февральских событиях и отречении царя сначала были смутные слухи, потом обо всем рассказали «Русские ведомости», которые и мы, старшие дети, понемногу глядели.

В гимназии был взрыв восторга, отменили Закон Божий, молитвы, хождение в церковь на царские дни. Запомнилась первая первомайская демонстрация. Толпа молодежи, школьников с красными бантами, «Отречемся от старого мира» и «Вы жертвою пали». Мало я понимала в бурных событиях, но помню ощущение праздничного подъема, воодушевления.

Но было это недолго. Узнали о беспорядках в Петербурге, о развале армии, о погромах усадеб и дворцов; и я почему-то в летние месяцы 17 г. всего стала бояться.

Но в доме у нас и в городе было оживление. Вернулся из Баку дядя Ваня, стал каким-то руководителем, кажется, земельным комиссаром. Вернулся из Италии писатель Иван Вольнов, вокруг них собрались единомышленники, помню нескольких культурных крестьян.

Нас, гимназисток, привлекли к общественной работе. Сначала была учетная работа со списками крестьянских хозяйств в уезде. Мы делали какую-то картотеку, работали за большими столами во дворе управы. Потом помогали составлять перепись населения к Учредительному собранию и, позже, разносили списки кандидатов в Учредительное собрание по домам. Помнится, каждая партия давала свой список. В Малоархангельске самыми активными были эсеры; большевики, пока, не были слышны (пролетариата у нас не было). Лето было деятельное, но какое-то тревожное, больше всего пугал нас развал фронтов, поражения в войне.

«Топили соломой, лузгой от гречи, торфом»

Никаких воспоминаний об октябрьском перевороте не осталось. Никаких переживаний не помню. Все продукты сразу исчезли, лавки закрылись, деятели от Временного правительства куда-то сразу пропали, но появились какие-то темные личности, называвшие себя большевиками. Про первых комиссаров говорили с оглядкой: тот был лакеем у кн.Куракиной, тот – приказчиком в магазине. Высветилась грозная личность – Холодков, который (не знаю, в какой должности) реквизировал

дома, магазины, сажал в тюрьму, гнал «буржуев» на трудповинность.

Нашу семью не притесняли. Отобрали сначала флигель, в котором поселился комиссар Ченцов *(Владимир Васильевич, о нём в книге на стр.116 помещён отдельный очерк – А.П.)* , кажется, из рабочих. Тихий человек, с маленькой семьей. Он нас не обижал. Ощутимо было исчезновение продуктов, хлеба, топлива, всякой промышленной продукции. Все прикрылось. С топливом плохо было уже в 15-16 г.г., перестали возить в город дрова. Мы топили соломой; года 2-3, пока сеяли свою гречиху, лузгой от гречи. Папа заказал кустарю какое-то приспособление по устью трубки, через которое сыпали лузгу. Как красиво, золотом, она горела. Весело было. А летом 17 г. горожанам выделили участки копать торф своими силами. Тяжелый это труд, вручную. Копали папа и дядя Ваня, а мы носили на носилках тяжелые мокрые глыбы и ставили их в клетки на ветерке. В первое лето ушло на копку не меньше двух недель, а потом несколько раз перекладывали в конуса – сушили.

Вот такими лопатами копали торф

А это сами торфяные брикеты

Мы, дети, в первый год отнеслись к этому как к празднику, хотя и тяжелому. Начали с того, что отнесли старый самовар к папиному прихожанину, жившему в последнем доме при выходе из города. Ежедневно вся семья: папа, дядя Ваня, тетя Анна Ильинична, Маруся, Сима и я, а иногда и Катя, шли через весь город с узелками провизии, заходили за самоваром и спускались к болотам. На делянке надо было сначала снять толстый слой мокрой земли, потом торф резцом делился на крупные клетки, и начиналась тяжелая работа. Узкой специальной лопатой подрезался каждый комок и выбрасывался, истекающий болотной жижей. Чем глубже уходили в делянку, с каждым новым рядом

выбрасывать было все труднее: выше, да и комья все мокрее были. Дети на носилках относили торф на сухое место, без отдыха до обеда. В обед появлялась мама с котелком гречневой каши и кубаном кипяченого молока, иногда с картошечкой. У нас уже кипел самовар, и час-два отдыха вокруг него были очень приятны, за доброй беседой и обсуждением планов работы. Уходили домой уже на закате солнца, усталые, довольные. Так было летом 1917 г.

Но в последующие годы папе приходилось нанимать мужичка с Подгородней. А после смерти папы еще года 3-4 тот же Тихон в одиночку копал, а сестры, тетя Анна Ильинична (кто после службы, а кто с самого утра) тягали тяжелые носилки.

Торфом топил весь город, деревня, и стоял осень-зиму тяжелый запах от недосушенного топлива. Он слышен был уже на станции, когда я в 23-30 годы приезжала домой.

«Исчезли мыло, спички, керосин, питались скудно...»

Исчезло с зимы 17 г. мыло. А началась уже эпидемия сыпняка, катила с фронта по всем дорогам.

Мы стирали постоянно. Белье постепенно установилось в семье из деревенской холстины (бельевой материал, да и всякие ткани исчезли). Хорошо стирался холст белой глиной, какой-то лесной травкой «гусиное мыло». Но главное спасение было в щелоке, который в огромном чугуне наваривался на древесной золе.

Спички исчезли начисто. Сберегали в печах кучки тлеющего торфа, чтоб утром выгрести на загнетку и вздуть огонек. Если сохранить огонь не удалось (и часто), приходилось кланяться соседям. Керосину не было лет 5-6. Даже пятилинейную лампу нечем было зажечь. Если мама где-нибудь бутылочку достанет, то бережет к празднику. По вечерам дети садились учить уроки вокруг большого стола, и против каждого стояла своя коптилка – блюдечко с конопляным маслом, в котором чадил скрученный из ваты фитилек. Одно время – в 17-19 г.г. (у нас еще жили девочки Синюхины), поступившие в гимназию, и нас вокруг стола усаживалось 6-7 человек со своей коптилкой каждый. По утрам вставали с черными косами.

Питались скудно. Хлеб давали по карточкам, плохой, овсяный. Нам в школе на перемене, правда, выдавали по большому куску ржаного и по конфете. Но было это недолго. Как-то маме удавалось выменивать на холсты или вещи в деревне или у знакомых купчих муку и пшено. И пшенный кулеш составлял наш ежедневный обед лет пять-шесть неизменно. Потом мама держала

на квартире мальчиков из деревень, и они платили пшеном, картошкой, конопляным маслом. Так скудно жили, но были сыты.

Общественная жизнь в городе в первые годы советской власти

Дядя Ваня уехал навсегда из Малоархангельска. Он потихоньку спасся в Ивоте, бывшем заводском мальцовском поселке, где он учительствовал еще до 1905г., и где у него сохранились друзья. Приехала из Москвы тетя Аня Троицкая и поселилась у нас до 1923г. Она работала в детском доме с беспризорниками, которые были привезены из разных мест в наш городок. Работа была безумно трудная, хотя детдом и был небольшим, но Аня никогда не жаловалась. А в детдоме ее любили.

Маруся окончила гимназию и год или полтора учительствовала в с.Верхососенье, но что-то ей там не пожилось. Она устроилась в городе, в учреждение, называемое упродком. Я вспомнила: до упродкома она еще организовала так называемые «ясли» для всякого возраста дошкольников. Долго они не существовали, кормить было нечем. Но помню, как они ходили на прогулку с песней на революционный мотив: «Долго нас дома держали…сад наш нам дорог и мил».

Учиться стало неинтересно. Учителя были непостоянные, какие-то недоучившиеся студенты, то появлялись, то исчезали. Так, химию мы начинали изучать три раза, но дальше статьи «Три состояния вещества» не суждено было уйти. В физике мы, кажется, ограничились одним разделом «Динамика». Но эту науку я самостоятельно по прекрасному учебнику Краевича впоследствии изучила. Языки перестали преподавать, бывшая начальница гимназии скоро уехала в Москву. В школе было холодно и темно. Девчонки как умели себя развлекали. Устраивали сами (с помощью богатой купчихи-матери) себе елку, какие-то вечеринки, для которых пекли торты из молотого пшена на сахарине, и на нем же лепили какие-то бомбежки-картошки из жареной ржаной муки. В 19-20 г. (кажется) начались уже занятия в 2 смены.

Большое оживление в жизнь молодежи внесла организация в городе реального училища. Съехались гимназисты и реалисты старших классов, которые обучались до этого в других городах. Помнится, что для них созданы были только 3 старших класса реального, а подростки до 21-22 г. по-прежнему учились в высшем начальном.

Дом Рутценов, в котором помещался раньше госпиталь, был отдан под реальное училище, а раненые в Гражданскую войну в наш город не поступали.

Вообще, об образовании забота была. Все хвалили комиссара по просвещению Францева, из политкаторжан. Открылась городская библиотека в реквизированном частном аптекарском магазине, она просуществовала десятки лет. Кооператоры, которых не притесняли, открыли в 17-18 г. свою, кооперативную библиотеку, очень богатую: глава кооператоров Корнюшин летом 17 г. закупил лично в Москве несколько тысяч ценных изданий. В этой библиотеке довелось работать 1,5 года и мне, после смерти папы. Я при этом кое-как заканчивала школу, уже 2 ступени.

Новые реалисты оказались замечательными ребятами, сплотились в дружное ядро. Стали учить гимназисток математике (нашего учителя призвали в армию), создали еще какие-то кружки, одну зиму организовали обучение танцам, пригласив настоящую балерину, застрявшую в Малоархангельске на голодные годы. Было весело и интересно.

Но главным их делом в 18-ом году была организация союза учащихся. Помню шумные собрания в большом нетопленном зале бывшего начального училища. Теперь уже и не помню, какие цели были у Союза, но споров, оживления, затей всяких было множество. Его активисты Володя Самсоненко, Коля Огрызков, Ваня Коробов, Тихоновы, два Николая (Ильич и Николаевич), Никита Ушаков были серьезные, начитанные юноши. И цели Союзу они, ставили, наверное, важные по тем временам, но не забывали и о развлечениях. Организация занятий по математике для гимназисток, у которых год не было учителя, – это уже серьезное дело, были и другие: лекции, кружки. Помню несколько веселых вечеринок с танцами и невинным флиртом, которые устраивал Союз учащихся. Шла эта оживленная деятельность до осени 19 г., когда пришли в город деникинцы.

Уже при них Союз притих, а с приходом снова красных многие ребята куда-то разъехались. Союз коммунистической молодежи создавали уже другие люди, менее интеллигентные, мало известные в городе. Продолжалась и деятельность кружка Четыркиных, но в нем были люди постарше, например, наша Маруся, тетя Настя. Маруся сдружилась со студентами, приехавшими к родным из голодных столиц. Некоторые сразу занялись серьезным делом.

Так, медик Коля Морозов начал работать в больнице почти как врач. Впоследствии в Москве стал известным хирургом. Миша

Никулин взялся за работу в Петрокоммуне. Эта питерская организация арендовала бывшие помещичьи сады, участки земли – подкармливали петроградцев. В их кружок входили приезжие девушки: сестры Вера и Шура, красавица Тоня с косами ниже колен и др. Примкнули к ним совслужащие, в том числе Федя Шишов из управдома. За него Маруся в 21 году вышла замуж, с венчанием и праздником. Венчание было в селе Гнилуша, на родине Феди, т.к. в Малоархангельске наша церковь уже была закрыта.

Ранней осенью 19, 20 годов Миша Никулин вечерами водил всю свою компанию в ближний сад, бывший фон Рутцен, за яблоками. Помню эти прогулки лунными вечерами за 2-3 км от города. Меня тоже брали в компанию. Весело было по первому холодку возвращаться домой, с корзинами и карманами золотой антоновки.

Жизнь не замирала. А между тем трудностей становилось все больше. Добрался и до нашего городка сыпняк. От него спасенья не было, много смертей даже известных людей. Летом 18-го тиф взял двух подруг Наташи, одна из них – Катя Кубарева. На нашем квартале помню три смерти. Володя Козловский, товарищ Симы, и Ната Сухарева – девочка, приезжавшая всегда на каникулы из Орла в дом напротив, с которой я дружила. Скончался и еще сосед – студент Миша Уралов, который считался необыкновенным умницей.

Появились у нас новые приятели – племянники дяди Яши Афанасьева, которых отец привез откуда-то с неспокойного Кавказа. Сам дядя Яша, вернувшись из плена, жил с Митей полуголодной жизнью, поддерживаемый моими родителями. Тетя Настя в те годы учительствовала то в одной, то в другой деревне. Дети Дм.Ф.Афанасьева жили близ нас два года и запомнились потому, что с ними мы уже самостоятельно делали недалекие прогулки за город по ландыши, по незабудки, и эти цветочные радости своим изобилием и простотой оставили неизгладимые следы. Так помню: огромные холмы, сплошь заросшие крупными незабудками. Ляжешь в них и утонешь – рвать не хочется даже.

К этим детям мы относились покровительственно, заботливо. Возможно, потому, что у них умерла мать, да и были они совсем сирыми. Незаметно за бурными событиями отец их куда-то увез, осталась старшая Галина, которая в нашем городе вышла замуж и прожила всю жизнь.

У папы было много хлопот и тревоги. Помимо бесконечных похорон тифозников, он был занят и врачеванием. Посещал своих

заболевших прихожан крестьян и лечил их домашними средствами. Среди них помню конопляное масло, которое, по-видимому, обладало целебной силой. Но наша семья чудом тифа избежала. Только скарлатиной девочки переболели, но как-то незаметно, в легкой форме. Но и такая осложнилась у Оксаны на всю жизнь воспалением почек.

Жизнь в городе до сентября 19г. была какая-то неустоявшаяся, тревожная, наполненная слухами о Гражданской войне на юге страны.

А между тем война неумолимо приближалась и к нам.

Часть шестая.
Гражданская война

Лето 19-го года началось тревожно. Еще свирепствовал сыпняк, и свежи были утраты близких знакомых, детей, подростков. В городе везде пахло креозотом – средством против вшей. Жизнь была скудна до крайности. Но наша семья пока держалась. Сохранили одну корову, держали поросенка, кур, индеек. В последний раз сажали картошку на арендованном участке, и греча была своя, тоже последняя. Аня и Маруся получали пайки, очень скромные, но они все же скрашивали наш убогий стол.

О поэзии, теннисе и расстрелах «заложников»

Пристройку сдали под квартиру помещику из Колпны, Н.С.Новицкому. Он устроился на работу и поспешил вывезти из имения хорошую мебель и прекрасную библиотеку. Он тоже платил продуктами, и огромная наша семья (12 человек) была сыта. Также в это лето копали торф, но уже в другом болоте, под Мурашихой, и труд этот уже не был для нас праздничным.

Два раза приезжал из Киева будущий муж Ани, видно, настаивал на ее согласии на брак, но она не хотела его дать. Как уж он летом 19-го, да и в 20, 21 годах пробирался через фронты, не знаю – но настойчиво ездил. Он был добрый, тихий, но для нас неинтересный, хотя и привозил шоколад, которым Анечка делилась с нами.

Интереснее было с квартирантом, хотя он и был для нас чужим по духу. Во-первых, я пользовалась его библиотекой, познакомилась не только с Мережковским, Брюсовым,

Бальмонтом, Кузьминым и др. русскими поэтами, но и с романтиками, чтение которых оказало на меня сильное влияние. Поэты Ростан, Новалис и др. стали моими любимыми на всю молодость. Тогда же я увлеклась романами Гюго, которые брала в библиотеке, и Гамсуном.

Во-вторых, Новицкий привнес в нашу жизнь теннис. Он привез набор ракеток (8-10), мячи, сетку. Расчистили площадку на пустом выгоне, где когда-то были сельхоз.выставки, и каждый вечер – туда. Увлекалась Аня, отлично играла, тем более, что раньше в Киеве занималась в обществе «Сокол». Играл брат Сима (хорошо), я – послабее и с азартом, так и рвалась на площадку. Наша игра привлекала и посторонних, почти постоянно приходил какой-то красный командир Карлов, заглядывали заезжие из других городов (подкормиться к родственникам), какие-то приятные молодые люди.

Жизнь шла в начале весны – лета как будто спокойно, но уже появились небольшие красноармейские отряды в городе, ползли слухи о продвижении белых войск на север. В разговорах уже слышны были знакомые названия: Харьков, Касторное.

С половины лета начались непонятные аресты. Брали самых мирных граждан, и старых, и молодых. Это были домовладельцы, купцы среднего достатка, чиновники царских учреждений. Было арестовано около 20 (а может быть, и больше) человек, среди них и знакомые моих родителей.

Вдруг в августе месяце, комиссары как-то засуетились, хрупкий порядок нарушился, в умах поселилось смятение, страх. Газет не было, но ползли слухи. Некоторые жители уезжали.

Настал страшный час: в непоздний августовский вечер раздались ружейные залпы со стороны тюрьмы, которая находилась за городом, на горочке. Это расстреляли всех арестованных. Их называли непонятным именем «заложники». Стало страшно, кажется, впервые мы почувствовали, что революция несет не только развал, разруху, призрак голода, но и страшные, непонятные зверства.

С этого вечера все в городе замерло. Родственникам тела не разрешили брать. И захоронение этих первых в нашем городе жертв «красного террора» произошло уже позже, когда деникинская армия вошла в город. Хоронили всех сразу, везли вереницу гробов. Было торжественно, скорбно и страшно.

После расстрела заложников куда-то исчезли все комиссары и немногие красноармейцы, что были в городе. Бесшумно исчез из

флигеля комиссар Ченцов. После него остались пуды брошюр, дешевых книжонок, агиток. Когда пришли белые, все это сожгли.

В городе было безвластие. Однажды безлюдье и тишина были нарушены появлением конного отряда. Черные всадники промчались со стороны Курска на великолепных конях и заняли просторный двор Воскресенской церкви и базарную площадь рядом с нею. Мы, ребятишки, сбежались к церковной ограде и через ее решетку разглядывали небывалых всадников. Каждый – с головы до пят в черной блестящей коже. На кожаных фуражках – никаких знаков, ни кокарды, ни красной звезды.

Кто они были, передовые ли деникинцы, или один из летучих отрядов, о которых ходили страшные слухи – отряды Мамонтова, Шкуро далеко были известны своей жестокостью.

Но эти кавалеристы никого в городе не тронули, передневали, пограбили где-то в ближних деревнях и ускакали в с.Гнилуша, к северу от города.

После этого налета стало еще страшнее, ждали фронта, боя. Но оборонять город никто не собирался. Никаких войск поблизости не было. Не слышалось и артиллерийской стрельбы. Была зловещая тишина.

Белые в Малоархангельске

И когда в город незаметно вошли части Добровольческой Армии, никто не вышел их встречать. Они вошли тихо, без выстрела. По-видимому, в городе разместилась только офицерская часть. Они вели себя очень сдержанно, никаких арестов, погромов. Опасаясь погромов евреев, папа, как я уже говорила, в дни безвластия поселил у нас в подвальной кухне несколько семей. Прожили они неделю – дней десять и вернулись в свои квартиры, т.к. их никто не обижал.

На второй день прихода белых в Соборе был благодарственный молебен, но папа в своей церкви такой службы не проводил. Чувствовалось, что он и новой власти не доверяет.

Офицерская эта часть провела в городе около месяца. Видимо, главные силы прошли другими дорогами, через Кромы на Орел.

Устраивали офицеры бал в Народном доме. Помню, как вежливо приходили (только под окно) приглашать нашу Марусю на вечер. Но папа и мама ее не пустили. После похорон заложников началась мобилизация. Не знаю, как она проходила в деревнях, насколько добровольно шли мужики, но в городе нашлись добровольцы, вступившие в Добрармию.

Дядя Яша, который за два года до этого вернулся из австрийского плена, пошел сам, хотя по тяжелому ранению его не должны были мобилизовать. Но он будто бы сказал родным: «Я офицер, давал присягу». Добровольно пошел Шурик Кубарев, недоучившийся студент, из близкой нам семьи. Как и Яша, Шура был ранен в первом же бою под ст.Стишь. Забегая вперед, скажу, что он как-то дал знать родным, и они всей семьей сразу снялись с места и поехали вслед за ним на юг. Ольга и его жена сопровождали раненого до приморского города где-то на Кавказе, выходили его и почти выздоровевшего проводили его на пароход, увозивший госпиталь в Чехию. Там Шура прожил до старости, получив образование, работал инженером. Вынужденно он выехал в 46 году, когда советская власть забрала из Чехии «своих» и посадила их в свои лагеря. Лет 6-8 он сидел, сестра из Москвы переписывалась с ним, слала посылки, чему помогал какой-то архиерей (или митрополит), сумевший взять над соотечественниками опеку в лагерях.

О судьбе дяди Яши я писала. Белые были в городе около месяца, вели себя спокойно, никаких погромов, расстрелов не было. На время стало лучше с продуктами и как-то легче, но обыватели были в ожидании событий, т.к. битва за Орел началась. Торжественно уходили на Орел деникинские части из города. Был ясный солнечный день. Все горожане вышли на проводы. Армия с музыкой, с блестящими офицерами маршем пошла по выгону, повернула на Орловскую дорогу. Мы, ребятишки, тоже были там и со многими людьми проводили их далеко за город до Беленького моста.

События дальше развернулись стремительно. Уже через несколько дней дошли вести о разгроме Белой армии под Стишью, покатились назад, на юг, разбитые части и бесчисленные обозы с ранеными.

О бегстве жителей из города, бандите Михейке и свежем хлебе для красноармейцев

В городе началась паника. Ведь население, в основном, доброжелательно принимало белые части. Боялись все. В городе было безвластие. Ходили слухи, что «пролетарии» будут грабить все дома подряд, особенно дома позажиточнее. Наступили уже холода, но из города начали разбегаться по деревням, кто мог.

Паника не миновала и наш дом, нашу семью. Наш квартирант, дворянин, собрался стремительно, уехал на юг еще до прихода красных и увез с собою нашего брата, семнадцатилетнего

Симу. Они пришли прощаться неожиданно, уже в тулупах, с вещами. Папа и мама были так напуганы, так растерялись, что не решились не пустить Симу. Казалось: всем нам конец, пусть хоть он спасется.

Не зная, куда прятаться, решили разделиться. Мама с Лелечкой ушла на деревню к знакомому крестьянину, Николаю Федотовичу. Тетя Анюта, Аня и Катя с Оксаной приютились у друзей, Газина В.М., который жил в маленьком домике при ветлечебнице. Отец заявил твердо, что не оставит храм Божий, и ушел в церковь охранять ее от кощунства. Дома остались Маруся и я – самые смелые и беззащитные. С утра улица вымерла. Вдруг с ближней слободы показались подводы с грабителями, которыми предводительствовал знаменитый хулиган Михейка. Мы еще с вечера ночью попрятали кое-что (одежду, ценные вещи), немного, что было у нас, в ледник, под солому, на сеновал, в подвал. Но много милых мелких вещей осталось на виду.

Подводы с грабителями постояли по противоположной стороне квартала. На них валили всякую рухлядь из соседних домов: шубы, перины, одеяла…

Явился Михейка и к нам. Но к удивлению нашему, не разбойничал. Прошел по разоренным комнатам. Тут их внимание привлекла покинутая квартира Николая Андреевича (Новицкого – А.П.). А там … ковер, диваны чистой кожи, картины… Про нас с Марусей и наши комнаты было забыто, нашлось что грабить. У нас, к сожалению, они мимоходом забрали мелкие редкости, привезенные когда-то дядей Ваней с хрустального завода. Но и квартиру Новицкого Михейка не сумел очистить, почему-то его банда расселась быстро в телегах с награбленным и умчалась в сторону Подгородней.

Мы с Марусей остались вдвоем в опустошенном доме. Темнело. На улице – ни огонька. Посмотрели в сторону деревни Барановки (там была в этот день мама), и там было черным-черно.

Теперь, спустя 72г., я понимаю, как безрассудно, как рискованно было оставить двух девочек,18 и 15 лет, одних, в такое опасное время. Днем нас никто не обидел, но наступал вечер. Почему-то Маруся была совершенно спокойна, я тоже беспечна, глядя на нее, но мне все же, помнится, было страшновато.

В поздних сумерках пришла от Газиных няня. Мы зажгли масляную коптилку. В окна глядела черная ночь: занавески были убраны. В соседних домах темно. Мы уселись в угловой и решили пожевать мягкого черного хлеба. Накануне, ввиду возможного

бегства на юг, няня испекла пять больших круглых хлебин. Сейчас они лежали на скамейке, накрытые холщевой скатеркой, и вкусно пахли. Не помню, была ли закрыта на засов дверь на улицу, но вдруг из прихожей раздались шаги, стук сапог. В комнату вошли несколько, наверное, около десятка, солдат с красными звездами. Один, видимо, командир или комиссар. Они были вежливы. Старший осведомился, чей дом и где наш отец, священник. Маруся разговаривала с ними довольно смело. Красноармейцы заметили (или по запаху учуяли) свежий хлеб и попросили отрезать. Няня Меланья Власьевна поставила на стол огромную ковригу и оделила всех большими ломтями. Картина. При слабом свете копчушки прижались к стене две девчонки, а вокруг стола красноармейцы уплетают ломти хлеба.

Вдруг со стороны балкона спокойные ровные шаги – и в комнату вошел отец. Он, оказывается, решился на ночь оставить церковь, вернулся в потемках домой и стоял на балконе. Я его даже не сразу узнала: он переоделся в потертый пиджак, волосы убрал под шапку, на ногах высокие сапоги. В руках, как всегда, трость.

Наши гости были изумлены, молчали. Потом командир поднялся, поздоровался и спросил: «Зачем Вы, батюшка, переоделись?» Что ответил отец, не помню, но завязался дружелюбный разговор. Из него я запомнила два момента. Командир посоветовал отцу завтра служить в церкви, как обычно. Да, до начала 20-х годов красные особой враждебностью к церкви и духовенству не проявляли и еще не опасались перед «своими» высказывать свое к ней уважение. Возможно, вступив в город еще днем, они уже навели справки обо всех заметных жителях города и услышали немало хорошего об отце, которого уважал весь город и даже советские власти.

В той же беседе Маруся рассказала о библиотеке, оставленной в квартире Новицкого, и комиссар дал ей записку и адрес новой комендатуры, где ей дадут охранную грамоту на библиотеку. Маруся на следующий день этот документ получила и впоследствии значительную часть книг передала в городскую библиотеку.

Красноармейцы побыли у нас около часа. Вероятно, это был патруль из занявшего город отряда. Не задержались красные и в городе, быстро ушли преследовать Добрармию. Явились снова попрятавшиеся комиссары, возродился старый порядок. В городе было тихо. Лишь изредка появлялись то отряды на формирование, отдых, то команда ремонтеров из конзапаса.

«Кроме пшена и конопляного масла, мы мало что имели...»

Занятия в школе и в реальном училище возобновились, шевелился еще недолго Союз учащихся.

Старшие гимназистки (теперь гимназия называлась – «школа 2 ступени») гуляли и танцевали с заезжими командирами. Маруся на эти вечеринки не ходила, я изредка, т.к. чувствовала себя в этом обществе чужой, танцевала плохо, флиртовать и кокетничать не стремилась.

Да и дома в тот год было тревожно и грустно. Мама и папа тосковали о пропавшем без вести сыне. Тетя Аня приходила из детдома измученная, настрадавшаяся за беспризорников, которых ей доставляли с железных дорог, из приемников.

Маруся стала совслужащей, работала в Управдоме, у нее были совершенно взрослые поклонники и друзья. Пайков не было. Началась испанка, унесшая много жизней. Я, как всегда, болела ею с долгим беспамятством, но выжила.

Поддерживали нас материально, точнее сказать, продовольственно, два квартиранта. В кабинете папы поселился врач Острожников, бывший приятель Новицкого. Занесенный в наш уезд военными ветрами, он работал в богатом селе, а в Малоархангельск приезжал на 2-4 дня в неделю делать операции, был хороший хирург. Он, видимо, имел доход продуктами (село тогда жило хорошо) и щедро платил маме мукой, мясом. Одну комнату занимал «военспец», бывший офицер, служивший в военкомате. Родственник наркома земледелия Потемкина, он имел охранную грамоту на свое имение, и оттуда ему возили чудные яблоки, картофель. Одним словом, мама вертелась, как могла, чтобы собрать пропитание для семьи в 10 человек. Кроме пшена и конопляного масла, мы мало что имели, а сахара и не видели. Радовались сахарину. Маленькое свое хозяйство было слабым подспорьем для такой большой семьи. Уныло жилось нам в плохо отапливаемом доме при свете коптилок.

Катя и Оксана Яковлевы

Оживление в семью вносили теперь только младшие девочки. Катя и Оксана были очень дружны, разница между ними была в два года. Обе были хорошими помощницами маме по дому, не боялись никакой работы по уборке, отоплению (топили непросушенным, сырым торфом), работе в саду. Но были они очень разными.

Оксана была очень хороша собой, без особой красивости, но чрезвычайно обаятельна. Улыбка у нее чарующая, хорошие темные косы. Была она очень скромна, держалась как-то незаметно, но, тем не менее, все ею любовались. Ей было 11 лет, и у нее обнаружились большие музыкальные способности. В 20-е годы она начала учиться музыке у старушки, поселившейся у нас в пристройке.

Варвара Семеновна Вавилова, вдова врача, работала сама провизором до старости. Ее дочь, Оловенникова, бежала с мужем на юг, и спустя несколько лет В.С. узнала, что их где-то расстреляли. Позже у нее нашлись внук и внучка. Варвара Семеновна поселилась у нас с двумя старухами: бывшей нянькой и кухаркой своей дочери. Эта старуха, окончившая в свое время Орловский институт благородных девиц, была высоко интеллигентным и подлинно благородным человеком, и притом необыкновенно скромна. Обе девочки начали у нее учиться музыке. Это было оплатой за квартиру. Общение с нею было очень благотворно для семьи, особенно для девочек. Она прекрасно играла сама, и сумела так подготовить Оксану, а позже и Лелю, что их без задержки приняли в Орловское музыкальное училище, где они прошли прекрасную школу. Оксана по роялю, а Леля по вокалу блестяще закончили.

Оксана очень хорошо и прилежно училась уже в тот 19-20 год. Была очень приветливой, ровной и ласковой. Тетя Аня ее очень любила, да и все в семье; помню, как она еще в 4-5 лет шутила над своим именем: «Ок-тьфу, Сана-дуся». У нее были хорошие математические способности, и она одно время, помнится, даже преподавала математику в Малоархангельской школе.

Она была очень привлекательна, и у нее рано появились поклонники, но была она домоседка и ни на какие вечеринки не ходила.

Катя, ей было в ту зиму 13 лет, была из нас самая красивая. Похожа на папу, с правильными чертами лица, темными, вьющимися слегка волосами. В детстве очень подвижная, общительная, она любила во все вникать, сообщать несложные новости. Дядя Ваня даже прозвал ее «Орловский вестник» (была такая газета). Очень любила Катя стихи, затевала маленькие постановки. Она особенно дружила с нашей Меланьей Власьевной. Все делала вместе с нею и была первой слушательницей ее сказок.

С годами, лет с 10-12, Катя стала очень чуткой, серьезной. Переживала, видимо, очень глубоко семейные горести. Папа ее выделял из других детей. И я навсегда запомнила его слова перед

самой смертью: «Берегите Катю». Кажется, это были самые последние слова отца.

Катя, как и я, училась музыке у соседки, заезжей музыкантши Ораловой. Мать как-то ухитрялась еще оплачивать. Я училась упорно, играть любила, но способностей у меня было, видно, мало, музыкальная память слабая. Катя училась лучше, потом и у Варвары Семеновны, но музыкальный путь, как сестры, не выбрала. Она любила музыку, слушала игру тети Ани, и особенно – пластинки граммофона, очень хорошо подобранные для отца родственниками.

Из нас Катя была самой заботливой. Под ее присмотром, главным образом, росли Митя и Леля. Особенно заботлива была Катя в отношении мамы. Зная, что у мамы больное сердце, она оберегала ее от всяких волнений. После смерти папы особенно следила за нею, даже проверяла, легла ли она на правый бок, не разволновала ли ее Маруся.

Обе сестры очень заботливо относились и к младшей, Леле, которой было 4 года, баловали ее как могли. Леля была очень живым ребенком, ее звали «непоседой». Кроме верного Мити, у нее были друзья-приятели малыши всех соседей. Была она очень ласковой, доброй – и ее все любили.

«Все что-то прятали, от соседей таились, помалкивали»

Так, в эту тяжелую зиму 19-20 годов, девочки немного скрашивали грустный тон нашего дома. Маруся несколько отдалилась от других детей, у нее был круг взрослых знакомых. Она даже устроила себе праздник – день ангела 1 апреля, собрав довольно большое общество мало знакомых нам людей. Папа к ее гостям не вышел. А нас, девочек, мама тоже быстро убрала из зала, где собрались гости. Для тети Ани эта зима была тоже тяжела, т.к. поступали в детдом очень трудные подростки. Мама круглые сутки была в заботе о прокорме большой семьи.

Я в этом году стала много читать, в том числе иностранную литературу. Часто страдала головными болями, много сидела дома.

Мы, девочки, начали себе шить одежду – из ничего: у мамы в сундуках не было ничего, кроме холстов и старых тряпок ее сестер. Мы стали из холстины шить блузки. Я помню, что одна у меня была чудесная, с вышивкой по воротничку, и к ней такая же шапочка. Ниток не было. Мы стали брать работу – белье на Красную Армию. Выдаваемые нам скупо нитки мы умудрялись экономить, чтобы стачать что-то себе.

Советская власть в городе и уезде, видимо, набирала силу. Реквизировали лучшие дома, вещи, были необъяснимые аресты. Особенно злобствовал некий комиссар Холодков. Его фамилия была пугалом для обывателей. Поселился он в уютном домике маминой тетки Ольги Ивановны – старосветской старушки, муж которой умер, и потихоньку обирал ее, без реквизиций.

Поэтому мама к тетке не ходила, да и ни к кому в тот год не ходили, никто праздников не устраивал. Почти ежедневно бывала у нас Мария Александровна Жданова. Ее сумасшедший муж невылазно сидел дома, отгоняя от себя окружавших его чертей. Дворянка, белоручка, Мария Александровна была необыкновенно энергичной. Завела козу, отапливала дом, брала вышивать рубашки. И без конца шила прелестные чепчики, капорочки из своего шелкового гардероба. На базаре они шли хорошо, и она обеспечивала свою маленькую семью питанием и топливом. Ее приход к нам вносил оживление: щебетала про новости, про базар, про своего Мишечку, о котором трогательно заботилась. После смерти Мишечки в 24-25 (?)г. уехала в Москву с неожиданно отыскавшейся родственницей – старой барыней.

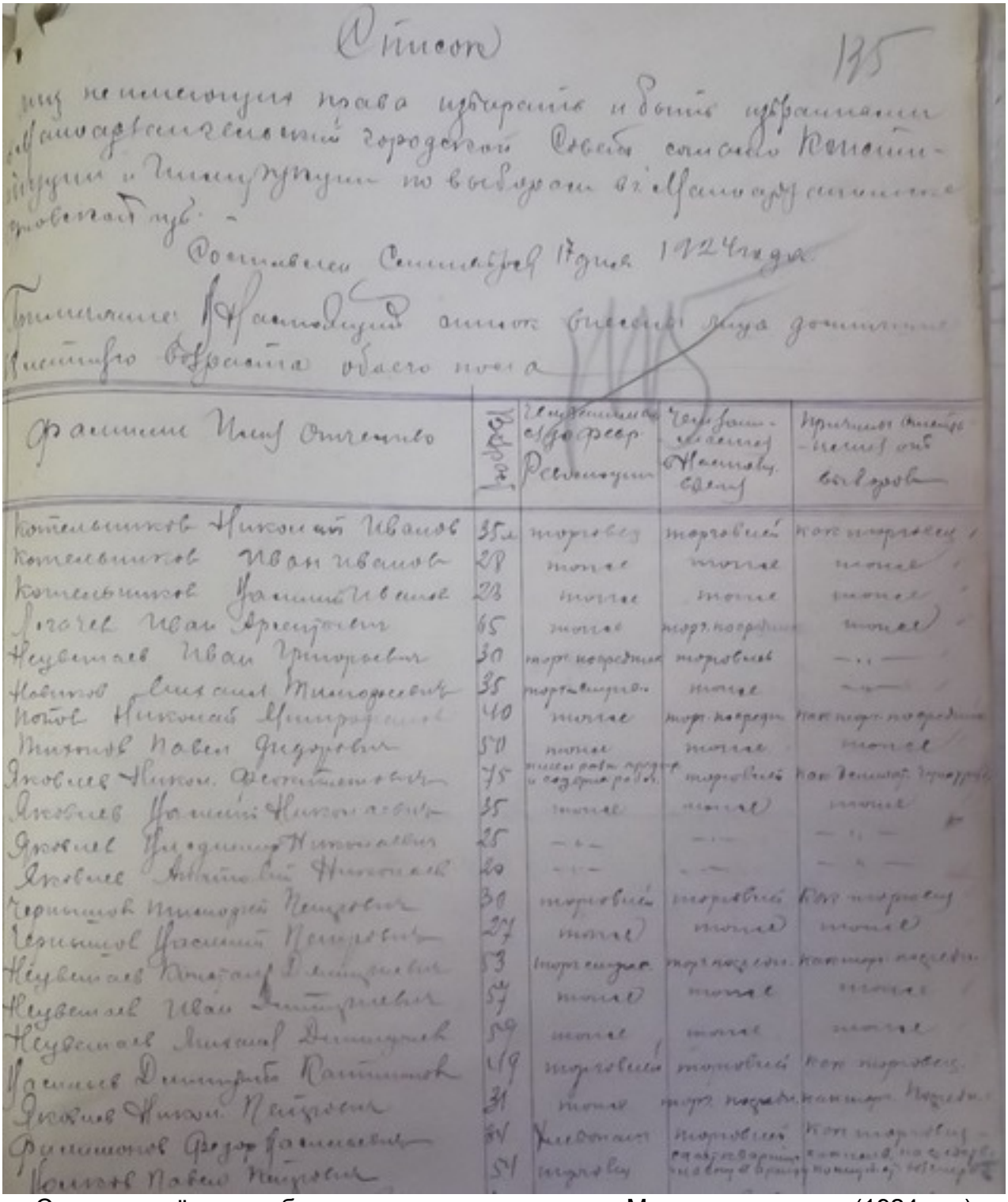
Часто приходила поплакать вдова расстрелянного купца Сретенцева и другие страдающие.

Тетя Нина Троицкая, работавшая в приходской школе, наоборот, оживилась. При школе собрала молодежь, ставила спектакли, кружки завела. Поздней осенью, помню, привезли ночью небольшую пасеку. Спасая от реквизиции, учитель Марочкин спрятал ее у моего отца. Тайно установили ульи в холодной подвальной кухне, которую отец оборудовал, когда делал пристройку к дому.

Все что-то прятали, от соседей таились, помалкивали, чувствовалось дыхание террора, приближавшегося и к нашему городку.

Зима была хоть и не самая голодная из соседних (в 21-22 будет хуже), но очень тяжелая, полная страшных слухов с фронтов и из голодающих столиц.

Рождественский праздник был печален, без Симы, без Яши и Мити, к которым мы прикипели душами. От дяди Вани не было вестей два года, хотя мама, вероятно, знала, куда он уехал после Октября. Радостью для семьи было слушание пластинок в вечерние часы и игра Ани на рояле. В гимназии не топили, учились кое-как, но старшеклассницы (2 ступень) еще пытались веселиться и устраивали вечеринки со скудным угощением. Учителя были не по всем предметам, и школа помаленьку умирала.

Список лишённых избирательных прав по городу Малоархангельску (1924 год)

«Папа был святой!»
(смерть отца Иоанна Яковлева)

Умирали и многие горожане в том страшном году. Пришло горе и в нашу семью.

В конце апреля 1920 года папа заболел испанкой, которая не впервые посетила наш дом. Форма была как будто легкая. Папа

полежал дня три-четыре. Доктор Шушлябин, старый земский врач, лечил его на дому. Папа все тревожился о храме, что нет там службы. Утром он встал, чтобы пойти в церковь и отслужить обедню. Было прохладное весеннее утро. Сады готовились зацветать раньше обычного, весна была ранняя.

Прежде чем пойти в церковь, папа направился в сарай позаботиться о корме для коровы. И там упал! Вернулся, лег – и больше не поднялся. Врачи установили отек легких. Они делали, наверное, все возможное, известное в те времена. Даже несколько раз ванну, для которой была у нас большая железная посуда. Ничто не помогало. Исход был предрешен. Лежал папа дня три. Все время в забытьи и с трудным дыханием. Невесть откуда явилась под окно бродячая собака Арапка, которую мы, дети, иногда кормили. Она простояла под окном все трое суток и выла. Мы пытались ее увести в чужие дворы, отвлечь. Ничто не помогало. Этот вой еще усугублял ту тревогу, ужас, что поселились в сердцах.

Скончался папа в ночь на 3 мая. Он пришел в себя. Очень слабый, благословил плачущую семью. Запомнилось мне: «Берегите Катю». И умолк навсегда. В семье был ужас. Мать была все время с сердечными приступами, с врачом.

Кто-то из старших послал Марусю и меня к церковному ктитору Болотскому. Положено, когда умирает священник, оповещать о кончине колокольным звоном. Была ясная лунная ночь. Мы бежали через весь город, в смятении, в беспамятстве. На стук в окно сразу выскочил Сергей Григорьевич и побежал в церковь. Домой мы шли под заупокойный перезвон колоколов, молча и, кажется, без слез, окаменевшие. Через калитку мы прошли во двор, поднялись на крыльцо, остановились, и … остолбенели: яркая до тех пор луна, стала меркнуть. Я не сразу догадалась, что это полное лунное затмение. И, пораженная, помню, произнесла: «Папа был святой!» Маруся только сказала: «Почему ты так думаешь?» Но я не могла ей объяснить, откуда пришло это осознание.

Панихиды, свечи, ладан, чужие люди все три дня – все как один тяжелый сон. С этого дня у меня начались сердечные приступы, которые давали себя знать 10-15 лет. А здоровье мамы было очень ослаблено.

Похороны были многолюдны и торжественны. Несколько священников. Много плачущих прихожан, толпа за гробом.

На гробе – веточки распустившейся березы, белые цветы вишни. После отпевания в церкви уже ничего не помню. Где, как

хоронили – меня как и не было из-за горя и слез. Помню только, что с мамой было плохо – сердце.

Вот так и кончилась наша жизнь с отцом, любимым и любящим, напоившим детские души добром и светом.

Все лето и осень мама ежевечернее ходила на кладбище со всеми дочерьми. Это было потребностью для нас.

Могила была рядом с дедовой, простая, обложена дерном. Двадцать три года спустя в нее был опущен гробик моего сыночка Алеши.

Я ежегодно могилу навещала до нынешнего 91 года. Но в сердце она навсегда.

Год 1935-й: встреча в Орле

После смерти папы мать и тетя Аня как-то еще содержали семью. Я тут же в мае 20-го года начала работать в кооп.библиотеке, куда меня поспешил устроить председатель потребительского общества, уважавший семью. А осенью 22-го года уехала в Москву, пыталась поступить в вуз, что не удавалось до 26-го года. Маруся в 21 г. вышла замуж за своего сослуживца, Федю Шишова, и тоже уехала из Малоархангельска в 1926 г. В том же, 21-м, Аня сообщила мне (сначала мне одной, вызвав меня с работы в соседний сад) о смерти Симы. Об этом ее известил Острожников, которому написал из Крыма Новицкий. Семья таяла. Девочки еще до конца 20-х годов жили с мамой. Мама была «лишенкой» – такой титул существовал в свободной России.

И девочкам нелегко было пробиться в техникумы. Катя окончила в Орле педтехникум. Оксана и Леля – музыкальный.

Много – много было пережито, испито из чаши горя. Лишь в 35-м все мы собрались в Орле. Осколки большой когда-то семьи. Разными путями, но все же съехались мы в Орел. Чтоб и там спустя 6 лет спокойной жизни снова хлебнуть черного горя по горло – и единого для всех, и отдельного для каждой семьи горя.

Писала в марте – октябре 1991 г.
Варвара Яковлева
г. Красноярск

Эпилог.
Последняя страница

Теперь я должна рассказать, как порвалась связь с родным городом, как порушилось материнское гнездо.

Зимой 32-33 г. мама оставалась в Малоархангельском доме вдвоем с тетей Анной Ильиничной. Маруся с семьей поселилась в

Орле, в квартире, оставленной мною в 1926 г. Девочки жили в квартире Оксаны, которая развелась с первым мужем, Левой Николаевым. Они имели уже самостоятельную работу. Катя – в нач. классах школы № 1, Оксана – преподавателем музыки в педтехникуме, Леля – в библиотеке пединститута. Я после долгих мытарств устроилась, наконец, в Мезенскую школу, в 7 км от Орла, а муж работал в Орле и жил у Маруси.

Мама держала мальчиков – квартирантов, этим жила. Сохранять дом в Малоархангельске было не для кого, и решено было продать. Но никто тогда домов не покупал. Мама и сестры надумали сдать его бесплатно в горкомхоз, но с условием, чтобы в нем создали детский дом. Позже это и было сделано, и дом существовал до осени 41 г., когда фашисты разогнали детдом и устроили там казино. Отступая, 22 февраля 1943 г., его взорвали.

Зимой 32 г. Маруся получила из Малоархангельска весть, что маму арестовали и посадили в подвал ЧК. От нее требуют золото. Никогда у нас его не было, ни в деньгах, ни в вещах. Одни мамины (из приданого) золотые часики были в то время у меня. А я и не знала о страшном событии, мне не сообщили, т.к. у меня была трехмесячная дочка, да и времени не было.

Маруся сразу бросилась в Малоархангельск с единственной золотой пятеркой, которая много лет назад была зашита в подушечку для иголок. Маму она увидела через окно подвала, измученную, голодную. Бросилась к комиссарам. Не знаю, как ей удалось, отдав эту монету, уговорить чекистов. Но мать была освобождена.

5 рублей Николая II (1898 год)

Теперь оставаться в Малоархангельске было уже нельзя. Быстро сдали дом. Собрали кое-какие вещи, всего перевезти было не под силу. Рояль – самое ценное – все же на телеге доставили в Орел.

Мама и тетя поселились у девочек в убогой квартирке из полутора комнат. Я тогда жила в Мезенке в проходной комнате при школе. Тетя была больна и скончалась через год, а мама жила до 84 лет в семье Кати, лишь иногда ездила к Оксане в Ленинград или к Леле в Елец. До последнего часа помогала Кате растить детей. Вся жизнь ее была подвигом во имя семьи. Вечная ей память!

10 октября 1991 г.

Послесловие к «Воспоминаниям В.И. Яковлевой» от Дмитрия Борзова (двоюродного внука), г. Санкт-Петербург, август 2019 г.

Так случилось, что по нелепой случайности был утерян документ, более ста лет хранившийся в нашей семье – метрическое свидетельство о рождении бабушки, Ксении Ивановны Яковлевой. Метрика, как водится, лежала в «специальном месте» для бумаг, среди других старых вещиц; казалось, так будет вечно, и сделать копию я как-то не удосужился. Только память удержала подробности - запись о рождении Ксении была сделана в ноябре 1908 года рукой её отца, Ивана Ильича Яковлева – священника церкви села Дмитриевского на Сухой Орлице Орловского уезда. В воспреемниках значились, тогда еще непонятные мне, и далёкие - о. Иоанн Павлов Троицкий и урожденная дворянка Ольга Валерьевна Лясковская.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло». Потеря частицы семейной истории породила необходимость её восполнить. Я впервые за много лет взял в руки «Воспоминания Варвары Ивановны Яковлевой», и прочитал их с новой целью – назовем её исследовательской. Время такое для меня наступило осенью 2016 года. Тогда же и состоялось наше заочное знакомство по переписке с Автором этой книги. Как показало время, лучшего поверенного в делах изучения орловских корней, я бы не пожелал.

Мценские служилые люди – однодворцы - крестьяне; дворянский род из-под Дёшкина; церковники всех ступеней клира Болховской, Орловской, Ливенской, Елецкой и еще из Бог весть каких округ – все они удивительным образом поднимаются из небытия, по мере изучения архивных документов. Поколение за поколением предков вновь становится осязаемо, добавляя в наше «сегодня» чуть больше смысла, исчезая где-то в глубине уже недоступных для нас мест и времен.

В уездном городе Малоархангельске прошло детство и юность моей бабушки Ксении Яковлевой, её брата и сестер. Но были до этого ещё три поколения предков-священников, несших службу в обоих городских храмах - Вознесенском соборе и Воскресенской церкви. Первым из них стал мой трижды прадед - Иоанн Егорович Жданов, священник Ахтырской церкви г. Орла, перемещенный по собственному прошению в Малоархангельский Вознесенский собор 19 августа 1838 года, на священническое же место.

Принадлежность предка к семье Иоанна Елецкого казалась красивой семейной легендой – ведь фамилия Ждановы очень распространена среди разных сословий. Еще более сомнительным

представлялось родство со Святителем Иннокентием – это очень значимая фигура в истории Русской Православной Церкви. Исследований родословия обоих персонажей я не обнаружил; оба они из разных семей и поколений, и никакой связи между ними как будто бы нет. Подумалось, что эту историю нужно воспринять, как художественный вымысел – пусть будет, для рассказов.

Но в какой-то из дней отрывочные сведения из нескольких источников XIX-начала XX вв. сложились в предположение о том, как и когда пересеклись рода двух видных священнослужителей. И, уже совсем скоро, удалось получить требуемые сведения из *Ревизских сказок 1795 и 1811 г.* по духовному сословию г. Ельца, находящихся на хранении в Орловском архиве, подтверждающие происхождение И.Е. Жданова, будущего соборного иерея Малоархангельска.

В действительности, Иоанн Егорович являлся внуком Иоанна Борисовича Жданова (Елецкого), подвижника благочестия г. Ельца, Липецка и Воронежа. Сын Иоанна Елецкого – Егор Жданов (Преображенский) – был женат на Анне Алексеевой, родной сестре Ивана Алексеевича Борисова (будущего Святителя Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического). В семье родилось двое детей мужского пола – Адриан (ок.1805) и *наш* Иоанн (ок.1808). Таким образом, документы убеждают нас в том, что семейные легенды – не всегда вымысел.

Видимо, Иван Жданов с детства обладал тягой к наукам, и хлопот родным, в отличие от старшего брата, не доставлял. Получив начальное образование, он в 1823 г. был отправлен для дальнейшего обучения в Санкт-Петербургскую Духовную Семинарию. Из *Ведомостей об учащихся* 1823-1827 становится известно, что учился Иван по 1-му разряду, обнаруживая отличные способности и прилежание, похвальные успехи и хорошее поведение. Замечу, что учиться в столицу посылали детей с незаурядными способностями из разных епархий, но «иногородних» в списках учащихся – единицы.

Любопытно, что время обучения Ивана Жданова в СПбДС точно совпадает с петербургским периодом расцвета духовной карьеры его дяди. По окончании полного курса Киевской Духовной Академии, Иван Алексеевич Борисов в августе 1823 г. был определен инспектором и профессором церковной истории и греческого языка СПбДС, заняв впоследствии должность ректора Александро-Невского духовного училища. Здесь же, в следующем 1824-м году, он принял пострижение в монашество с именем Иннокентий. Дальнейших заслуг Иннокентия Херсонского я перечислять не буду, его биография хорошо освещена. Упомяну лишь только, что на тот момент его деятельность в Санкт-

Петербурге заканчивается в 1830 г., с назначением ректором и профессором богословских наук Киевской Духовной Академии. Вероятно, будущий Святитель Иннокентий каким-то образом участвовал тогда в судьбе Ивана Жданова, призревая осиротевшего к тому времени племянника и младшего брата во Христе.

В 1828 г. Иван Жданов возвращается в Орёл, где заканчивает своё обучение, со степенью студента, теперь уже в Орловской Духовной Семинарии. В феврале 1830 года Иоанн рукоположен в священника Ахтырской Градской церкви города Орла, со вступлением в брак со старшей дочерью предыдущего настоятеля, Федора Тимофеева Калинникова – четырнадцатилетней Иулией. Отец новобрачной, на тот момент уже вдовый, удалился на покой, вступив в число братства Площанской пустыни (это было одним из условий брака – видимо, был нездоров), где вскоре и скончался. Кроме забот о прихожанах, отец Иоанн взялся опекать малолетних братьев и сестер жены до их совершеннолетия. Впоследствии, приход Ахтырской церкви переходит одному из братьев Иулии – Аполлону Калинникову. Остальные братья и сестры тоже со временем «пристроены»; старый дом при церкви оставлен для продажи, и августе 1838 г. семья Ждановых переезжает в Малоархангельск.

Приведу практически дословно, составленный в 1859г. *Формулярный список о службе И.Е. Жданова* из дела о назначении пенсии (РГИА 733-50-1173, лл.5-7). Этот документ содержит сведения о семейном положении и разных аспектах службы священника в этот период.

«Священник Иоанн Егорович Жданов, законоучитель Малоархангельского уездного училища, сорока девяти лет, православного вероисповедования. Имеет бархатную фиолетовую скуфью. Жалованья получает 142 р. 95 коп. Сын священника. Родового имения нет. У него самого в г.Малоархангельске деревянный дом. У жены имения нет.

По окончании курса Богословских наук в Орловской Семинарии по первому разряду переведен в Священника к Орловской градской Ахтырской церкви 1830 года февраля 22. Определен лектором греческого и немецкого языков в Орловскую Семинарию 1832 года октября 20. Определен учителем греческого и немецкого языка в низшем отделении 2-го Орловского Духовного Училища 1833 ноября 13. Переведен в том же классе на латинский язык 1834 октября 14. Перемещен по прошению священником в Малоархангельский Вознесенский Собор 1838 года августа 19. Определен законоучителем в Малоархангельское уездное училище 1838 года сентября 24. Награжден набедренником 1844 ноября 12.

По назначению Епархиального Начальства, по воскресным дням объяснял систематическим порядком катехизическое учение с 1845-го 1 апреля по 1850 год. Объявлено благословение Святейшего Синода за усердную службу 1848 года июня 24. Всемилостивейше пожалован бархатною фиолетовою скуфьею 1849 года июня 1. Утверждён г.директором училищ Орловской губернии законоучителем в приходское училище с согласия Епархиального Начальства 1852 года 29 мая.

В походах и сражениях не был. В 1836 году был штрафован посылкой в Архирейский дом на месяц за неправильное писание в исповедных росписях мещанина Наседкина с женою его раскольницею; каковой штраф Святейший Синод повелел не считать препятствием к поручению ему должностей и к представлению к наградам.

К продолжению статской службы способен и достоин. В отпусках не был. Вне службы учительской был с 19 августа по 24 сентября 1838 года 1 месяц и 5 дней. Женат на Юлии Федоровой. У них дети: сын Александр, род. 23 июля 1835 года, окончивший курс наук в Орловской Семинарии, дочери: Евлампия, род. 9 октября 1843 г., Александра, род. 21 февраля 1852 года. Все они находятся при отце, жена и дети православного вероисповедования. (Прим.: по другим данным, первенец Александр родился 30 июля 1834 г.; была еще дочь Мария, рожденная в 1838/39 г.).

О судьбе двух старших дочерей И.Е. Жданова сведений нет. Сын Александр пошел по гражданской службе; в 1880г., он, в чине губернского секретаря, числится гласным Малоархангельской городской думы. Вероятно, после смерти отца, основная часть наследства досталась именно ему. У А.И. Жданова и его жены Александры Павловны могло родиться несколько детей; но нам известна судьба лишь одного из них. Михаил Александрович Жданов (состоял, между прочим, в дворянском звании) действительно сделал хорошую карьеру на ж/д транспорте. Окончив в 1894 г. Александровское техническое училище г.Ельца, начал службу помощником машиниста на Полесской ж/д, и к 1906 г. дослужился до начальника паровозного депо г.Луга. В 1914 году оказался на той же должности в г. Везенберг (Эстония), и… потерял все. В марте 1918 г. был уволен «за неявку на службу с территории, занятой неприятелем». Остаток жизни М.А. Жданов провел в Малоархангельске, хлопоча о пенсии.

О смерти священника Малоархангельского собора Иоанна Жданова было объявлено в февральском номере «Епархиальных Ведомостей» 1871 года. И уже в июне, к церкви рукоположен во священника 26-летний воспитанник Орловской Духовной

Семинарии Иван Троицкий, через брак с младшей дочерью И.Е. Жданова – Александрой. Как и его предшественник, Иван Троицкий не был местным уроженцем, и принадлежал к разветвленному роду церковнослужителей, несколько поколений которых обитали в сельских храмах Болховского и Орловского уездов. Отец Ивана – Павел Иванов Троицкий – в эти годы состоял уже за штатом церкви с.Покровское (Малахово) Орловского уезда, где и скончался в 1890 году в возрасте 73-х лет. При изучении родословной П.И. Троицкого подтвердился еще один факт из мемуаров В.И. Яковлевой – фамилию он действительно получил в семинарии (среди прочих тезок, обучавшихся в 1830-х в ОДС, звался *Павел Троицкий 2-й*). Родовая же фамилия была… тоже Калинников; как выяснилось позже, очень распространённая в конце XVIII века среди священников тех местностей.

Строительство второго городского храма планировалось в Малоархангельске ещё с начала XIX века. Согласно перспективного плана застройки города, датированного 1808 г., предусматривалось обустройство центральной, «красной», площади, симметрично расположенной по обеим сторонам от Орловского тракта.

План г.Малоархангельска 1808 года

Свое место на ней должны были занять присутственные места, соляные и винные магазины, казённые кладовые, дом городничего и казначея со службами, и - новая Соборная церковь. Однако, **возведение храма началось много позже, в начале 1870-х годов**, **и выпало на долю нового священника - Ивана Павловича Троицкого. Церковь сооружалась на средства граждан Малоархангельска, старанием купцов Ильи Наумова Тихонова, Тихона Иванова Никулина и Дмитрия Николаева Иевлева. В начале 1875 года, Макарий, Епископ Орловский и Севский, освятил два придельных храма новой Воскресенской церкви, объявив жителям города и купечеству Архипастырскую признательность за усердие к построению**. Много событий для семьи Троицких должно было найти отражение в метрических книгах Воскресенской церкви, но, увы – ни единого документа от неё не сохранилось.

Отец Иоанн Троицкий, видимо, был человеком деятельным. Помимо становления нового прихода и хлопот по обустройству церкви, исполнял и административную церковную службу - на 1877г. числился помощником благочинного 1-го М.-А. участка, позже имел церковные награды. Воспитывая собственных восьмерых детей, присматривал и за семьей рано ушедшего брата Григория. Разумеется, много времени отдал учительству - проходил должности заведующего и законоучителя новой ЦПШ при Воскресенской церкви, долгие годы входил в состав Уездного отделения Епархиального училищного совета. Умер И.П. Троицкий 5 мая 1909 г. в кругу многочисленной родни, успев за месяц до кончины передать приход Воскресенской церкви зятю – И.И.Яковлеву.

Разумеется, в рамках небольшого послесловия невозможно рассказать о судьбах всех членов семей Ждановых, Троицких и Яковлевых. Чего-то мы, наверное, уже не узнаем никогда. Но многое нам еще предстоит – архивы постепенно «отдают своё» пытливым исследователям, появляется всё больше сетевых материалов, всё легче становится найти, потерянные несколько поколений назад, родственные семьи. А публикация «*Воспоминаний Варвары Ивановны Яковлевой*», сохранившей историю для потомков, пусть будет нашим ей своеобразным памятником и благодарностью.

2. Малоархангельск и его жители в начале XX века
(из воспоминаний Николая Ильича Захарьева)

Николай Ильич Захарьев – известный советский учёный, специалист в области повышения продуктивности пастбищ. Родился он в 1902 году в городе Малоархангельске. Учился в Малоархангельском училище, в Орловской мужской гимназии, в Орловском университете первого формирования (1921 год). В 1924 году закончил Московский зоотехнический институт. Работал в Москве, Новосибирске, а потом всю оставшуюся жизнь – в Киргизии, где оставил наиболее продуктивные результаты своей деятельности. Здесь Николай Ильич стал доктором сельскохозяйственных наук (1950), профессором (1952), академиком АН Киргизской ССР (1954). Долгие годы был заместителем председателя Киргизского филиала Академии наук СССР.

Захарьев Николай Ильич

Автор более 130 научных работ, Герой Социалистического труда (1969 год), лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники, Заслуженный деятель науки Киргизской ССР (1947 год), награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, «Знак Почёта» и медалями. Одна из улиц Бишкека носит имя Николая Захарьева.

В конце жизни он написал мемуары, которые на сайте «Проза.Ру» разместил его сын, Борис Николаевич Захарьев, тоже известный учёный (только физик – А.П.).

Отрывки из воспоминаний, живые, полнокровные, интересные, посвящённые городу Малоархангельску и его людям, я и предлагаю читателям. Для удобства восприятия я поделил «Записки» на смысловые части, дав заголовок каждой из них (А.П.).

Записки из личной жизни научного работника.

Моя родина – Малоархангельск

Родился я в 1902 году, 25 (12 ст.ст.) апреля, в Малоархангельске, небольшом уездном городе, учрежденном в 1778 г. в южной части Орловской губернии вместо села Архангельское.

Свою небольшую известность Малоархангельск приобрел тем, что он расположен в зоне Курской дуги, где в годы Великой Отечественной войны летом 1943 года советские войска нанесли крупнейшее поражение немецкой армии.

В начале девятисотых годов в этом городе имелось около 5-6 тысяч жителей, и его главное назначение было служить уездным административным центром, развивать торговлю, ремесленно-кустарное производство и давать общее образование ученикам в начальных школах.

Кроме начальных школ, в городе имелось одно мужское городское училище с четырехлетним сроком обучения части мальчиков после окончания трехклассного начального образования. Для девочек в первом десятилетии века открыли женскую гимназию с восьмилетним сроком обучения. В 1913 году было учреждено 4-классное высшее начальное училище, куда принимали мальчиков-учеников в первый класс после окончания начальной школы. Вскоре после Октябрьской революции в 1918 году было открыто мужское семилетнее реальное училище.

В годы моего детства и начальные годы учения, да и в последующее время в городе не было крупных заводов и фабрик. Наибольшее число рабочих работало на полукустарных предприятиях купца Рузина, где велась обработка конопли, выращенной и скупаемой в крестьянских хозяйствах уезда. В переработанном виде пенька частично использовалась на производстве веревок для местного потребления, но большая ее часть, как очень ценная продукция, отправлялась в промышленные центры. У Рузина, кроме пенькового предприятия, была крупная хлебная ссыпка. Хлебная торговля в городе была хорошо развита и, как хлебный, Малоархангельский уезд славился наряду с соседними Ливенским и Елецким уездами; он представлял главного производителя товарного зерна всей Орловской губернии.

Из крупных предприятий, которыми владели богатые купцы города, занимались скупкой зерна, переработкой зерна на мельницах, масличных семян на маслобойных заводах, имели

пекарные заведения и большие магазины, вспоминаются фамилии Москвитина (городской голова), Сретенцева, Никулина, Крылова, Синельникова, Конькова, Пракунина. Но общее число наемных рабочих у нас было невелико. Большую часть мещанского населения города составляли мелкие торговцы. Многие из них не имели собственных или арендованных лавок, но занимались разъездной скупкой или покупкой прямо с телег у крестьян кожевенного сырья, разной продукции сельского хозяйства и всякого рода кустарных поделок, сбываемых крестьянами и ремесленниками. Бойкая торговля шла на городских базарах два раза в неделю в базарные дни – в понедельник и пятницу и, кроме того, в воскресенье; эти базарные дни собирали со всего уезда продавцов и покупателей, а иногда даже из соседних уездов.

Мне, помню, доставляло иногда удовольствие походить по шумному разноцветному базару, полюбоваться на продаваемых красивых лошадей, посмотреть интересные поделки кустарей-умельцев, а то и купить по домашнему заказу кое-что из продуктов или хозяйственных предметов. Любил я прокатиться с кем-либо из своих близких на каруселях. Изредка они привозились в город, располагались обязательно где-либо с края от базара и привлекали к себе много детворы, а то и более взрослую молодежь и даже совсем взрослую подгулявшую публику.

Можно сказать, что несмотря на захолустное положение города, расположенного в 14 километрах от ближайшего полустанка и в 26 километрах от большой станции Поныри на Московско-Курской магистрали, здесь велась довольно оживленная торговля. В лавках Тихонова, Белянчикова, Данилова, Дружинина, Дорошенко, Щукина, Никулина и многих других всегда можно было купить кондитерские и булочные изделия, разных сортов свежую (с кустарных ледников) или соленую рыбу, разного качества сельдь, свежее мясо и копчености – колбасы, ветчинные изделия, разных сортов муку, крупы, овощи, фрукты, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, обувь, простого фасона готовые платья, швейные изделия, колеса, ободья, сбрую, лопаты и прочее, нужное в сельском хозяйстве и в быту городского и сельского населения.

Помимо торгового люда, подавляющую часть населения города составляли ремесленники и кустари, обслуживавшие горожан и окрестное местное население. Небольшую прослойку города составляли служащие почты, казначейства, городской и земской управы и других государственных учреждений. Интеллигентную прослойку дополняли учителя, медицинские работники, учащаяся

молодежь старших классов, местная и приезжавшая из больших городов на время зимних и летних каникул, вносившая большое оживление в жизнь города.

Отдельные гнезда города формировались усадьбами помещиков-дворян уезда, которые имели большие дома с хорошим садом и надворными постройками, собственными выездами лошадей. Владельцы этих усадеб проживали, по большей части, в своих домах недолговременно, преимущественно, в зимнее время, выезжая иногда куда-нибудь в губернские центры, в столицы и в зарубежные путешествия, а в летнее время – в свои поместья.

К их числу можно отнести усадьбу Макарьева с хорошо благоустроенным, с большим подвальным помещением, одноэтажным и многокомнатным домом, расположенным на углу, с двумя парадными фасадами на две улицы. В этом доме после революции разместилось реальное училище, где мне довелось закончить свое среднее образование.

Интересна была дом-усадьба двух помещиц фон Рутцен, в зимнее время безвыездно живших на городской усадьбе, а в летнее время выезжавших в свое имение, расположенное в 3-х километрах от города, с большим наделом земли (около 3 тысяч десятин).

Город был очень тихим, никакого общественного транспорта не было, пыли в летнее время, грязи осенью, весною и после больших дождей летом было непроходимо много и нелегко оказывалось пройти в эту пору по тротуарам, большей частью, не мощенных, а тем более, через улицы, даже в глубоких калошах. Ночью практиковалась ходьба по улицам сторожей с колотушками, чтобы оберегать покой горожан. И, несмотря на это, расположенный в низине город, не имевший ничего, казалось бы, замечательного, оставил о себе добрую память и до сих пор вспоминается своими незабываемыми прелестями – тенистыми прудами на небольшой, протекающей вдоль всего города речки Кулико-Ржавец, нависшими над ними многолетними курчавыми ветвями ракит, великолепными катками, устраиваемыми ежегодно на все зимнее время.

Замечательное удовольствие доставляло зимнее катание с горы на салазках или подмороженных плетушках и на лыжах, катание на лошадях вдоль главной Орловской улицы; это преимущественно на рождественские каникулы, в пору крещенских морозов и на масленицу. Ученики в это время получали каникулярные отпуска и составляли главную веселую и развлекающуюся часть городского населения. Беспрерывные

шумные вечера с играми, танцами, музыкой, обычно несколько больших вечеров в общественном народном доме, устройство концертов, балов-маскарадов с участием приезжавших артистов и учащихся из губернских городов и своих любителей – все это придавало веселое настроение и выводило из обычного ритма размеренно деловую и чисто провинциальную жизнь.

Мне вспоминаются с большим волнением замечательные вечерние тихие летние зори с великолепными концертами лягушек на реке, трелями соловьев в кустах сирени и таволги, мелодичный вечерний звон колоколов на соборной церкви и на новой, что находилась на Орловской улице. Красивым было и городское кладбище, заросшее крупными столетними деревьями и цветущим кустарником, куда по большим праздникам я с матерью и родными обязательно ходил на поминки моего отца, к которому все относились с большим уважением, любили за доброту и о котором сожалели, что он рано скоропостижно вышел из состава семьи. Может быть, и мне он передал часть своей доброты, за что вечная ему память.

Не могу не отметить очень простой, но хорошо заросший городской сад, где часто мы гуляли, а уже повзрослевшие ученики знакомились с гимназистками и весело проводили вечернее время до дозволенного родителями часа.

Иногда в саду приезжали давать гастрольные концерты оркестры, отдельные артисты и танцевальные группы. Регулярно вечером в саду играл духовой оркестр вольного пожарного общества.

Даже в таком маленьком городе, как Малоархангельск, казалось бы, заброшенном, была своя жизнь и прожитое в нем детство и часть юности с какой-то теплотой близкой родины всегда вспоминается с добрыми чувствами, навевая радостную грусть и сохраняя в памяти что-то хорошее, близкое, родное.

Интересны и привлекательны окрестности Малоархангельска. Самыми замечательными из них следует назвать обширный лес Мурашиху, имеющий около десятка тысяч гектаров. Он располагался в 3-4 километрах от города и служил многим горожанам местом прогулки в праздничные дни. Лес этот, главным образом, дубовый или смешанный, преимущественно лиственный с очень небольшим вкраплением других пород, местами с густым подлеском, составляет большое природное богатство города, и, конечно, заслуживает серьезного внимания к его сохранности. Помню, что наша семья раза два-три за лето бывала в Мурашихе, мы обычно отправлялись на лошадях,

нанимая извозчиков с линейками, забирали с собою все необходимое для пикника, а самовар для чаепития заказывали на месте.

Бывали случаи, когда мы ходили в лес и без родителей, группами, мальчики и девочки под наблюдением кого-либо из преподавателей. Не забуду, что возвращаясь из одной такой прогулки, я получил в подарок от гимназистки очень небольшой пучок ландышей. И это было, пожалуй, первой моей дружбой, которая хотя и не стала прочной, но сохранилась почти до конца восьмого десятка моей жизни. А ведь это было тогда, когда я имел двенадцатилетний возраст.

Хорошие, красивые предместья города располагались на востоке его окраины в направлении спадающих на юг больших склонов в долину, называемую Беленькое, где мы часто собирались для катания и скоростного спуска на лыжах к небольшому, протекавшему по самому логу одному из родоначальников притока довольно крупной реки Сосны, которая через Елец текла на восток до впадения в реку Дон.

Мои родители

Родители Захарьева Н.И. - Илья Николаевич и Анна Глебовна

Отец мой, Захарьев Илья Николаевич, из мещан города Мценска Орловской губернии, переехав в Малоархангельск, был служащим у занимавшегося торговлей своего родственника. Судя по общему уровню жизни нашей семьи, отец получал приличное

жалованье, что давало ему возможность содержать собственный небольшой дом, обеспечивать существование своей семьи и живущих у нас учеников – братьев и сестер матери. Хочется еще раз отметить, что отец был добрым человеком, в высшей степени доброжелательным, особенно к родителям моей матери и находившимся у нас ученикам, учившихся в Малоархангельских городских школах.

Захарьев Илья, отец автора «Воспоминаний»

Мать моя, урожденная Самсоненко Анна Глебовна, родилась в деревне Селихово Малоархангельского уезда, вышла замуж за моего отца в возрасте 20 лет. Отец – после смерти первой его жены – ко времени второй женитьбы имел возраст около 40 лет. Таким образом, возраст отца и матери различался почти на 20 лет.

Судя по сообщениям моих близких родственников, долгие годы живших в нашей семье, отец был уважителен к моей матери, любил ее и, как говорят, души в ней не чаял. Управляла в семье, конечно, моя мать, умно и строго.

Мать моя была старшей дочерью в большой, состоявшей из 11 человек детей, семье Глеба Силаевича Самсоненко (истинная его фамилия Самсонов) мелкопоместного землевладельца Малоархангельского уезда, выходца из крестьянской в дореформенное время крепостной семьи Ельнинского уезда Смоленской губернии.

Семья, в которой я родился, помимо моего отца, который умер в 1905 году, когда мне было только три года, матери и меня, единственного сына, имела почти постоянный состав учеников от четырех до шести человек братьев и сестер матери. Это довольно большая семья, оживленная, несколько разновозрастная, но я бы сказал, дружная, преимущественно молодежная, привлекала к себе обширную группу приходивших к нам знакомых.

После смерти отца мать моя, оставаясь вдовой, не имея никакой специальности, вынуждена была заняться торговлей и, пользуясь помощью родственников и будучи весьма энергичной, вела свое дело в небольших размерах, но успешно, обеспечивая без

накопления средства на содержание семьи и имея твердое желание дать хорошее образование сыну.

Семейство Самсоненко, деда автора «Воспоминаний»
(д.Карауловка, Малоархангельского уезда, ныне – Покровского района)

Ближайшими знакомыми нашей семьи были: семья старшего врача городской больницы Морозова, главным образом, его мальчики, семья Никольских, главного кассира уездного казначейства, семья Сысоевых. Часто приходили к нам учителя, медицинские работники и многие другие, преимущественно, мелкие служащие. Я не помню, чтобы у нас было скучно, всегда оживление. Часто бывали гости и, в то же время, это не мешало всем учиться.

Хорошие дружные отношения были у нас с родными моего отца – семейством его сестры Ольги Николаевны, двоюродного его брата Алексея Николаевича, с семьей Черкасовых, в которой воспитывался мой отец.

Учёба в Малоархангельске

Первые пять лет я обучался в Малоархангельске, поступив в первый класс начальной школы в восьмилетнем возрасте в 1910 году.

В год моего поступления в школу наиболее крупным событием, отмеченным всей страной, всей учащейся молодежью и учительством, была смерть Льва Николаевича Толстого. В школе, в классе, об этом сообщил нам учитель Ливерий Иванович. Он рассказывал, какая это великая утрата и в память о Толстом прервал обычные школьные занятия и прочел классу наиболее интересные для нашего возраста места из его произведений.

Учился я успешно, с большим желанием и все годы был первым учеником в своем классе. Очень хорошо помню своего первого учителя Ливерия Ивановича, который вел все уроки в течение трех лет школы по всем предметам, за исключением закона божия, по которому нас обучал священник большой, так называемой «Новой церкви» города отец Андрей. Ливерий Иванович – отличный учитель, строгий, справедливый, внимательный, отзывчивый сумел в течение трех лет дать ученикам вполне удовлетворительные начальные знания, хорошую грамотность и, что особенно важно, любовь к чтению книг.

По окончании начальной трехклассной школы в 1913 году, года довольно шумного празднования трехсотлетнего царствования дома Романовых, после которого этой семье пришлось поцарствовать только четыре года, мне представилась благоприятная возможность сразу поступить во вновь создаваемое в городе высшее начальное училище. Училище было в новом здании, довольно хорошо оборудованное, с большим двором, где мы бегали на переменах, еще не обросло деревьями и только постепенно привыкало к своему месту.

Наш класс располагался на втором этаже в большой светлой комнате с обширными окнами на Грузинскую улицу, называвшуюся верхней.

Учеников-товарищей по начальной школе, поступивших в высшее начальное училище со мною одновременно, было много, так что у нас сразу же образовалась хорошая знакомая компания. Но были многие ученики, пришедшие из других школ и

учившиеся до того в сельских школах, получившие трехклассное образование или подготовившиеся дома и сдавшие экзамены для поступления в первый класс.

Небольшая группа учеников, частично переведенных из городских училищ, после сдачи экзаменов была принята во второй класс.

Таким образом, новая школа сразу с первого года учения имела, как мне помнится, два класса – первый и второй.

Учителя были в училище хорошие, дисциплина строгая, требования высокие, учился я, как и в начальной школе, хорошо, обучение давалось мне легко, и я был в числе первой тройки учеников-отличников, что было важно для дальнейшего моего учения. Высшее начальное училище давало хорошие начальные знания немецкого языка, который с дополнительной помощью на дому учительницы Варвары Аркадьевны мне удалось довольно хорошо освоить.

Хорошие учителя были также по русскому языку и математике. Все это для меня было важно, когда по общему семейному решению, и, главным образом, по моему собственному желанию и настойчивому стремлению матери дать мне образование, я поступил в гимназию. Благодаря тому, что у меня были отличные отметки, мне понадобилось сдавать экзамены только по языкам - немецкому и французскому. Немецкий я сдал Павлу Карловичу на четверку с плюсом, а по французскому получил только удовлетворительную отметку. На второй день после сдачи экзаменов я вместе с матерью с утра уже отправился в гимназию и от учителя Миртова получил сообщение о моем зачислении в третий класс Орловской первой гимназии.

Радость моя была неописуема, не менее того радовалась моя мать, мечта которой сбылась – дать своему единственному сыну хорошее образование в губернской школе.

Сразу же из гимназии мы пошли в магазин, и по городу я разгуливал в гимназической серой фуражке с светлым кантом и белыми металлическими надписями моего нового учебного заведения…

(Здесь я пропускаю «Воспоминания об учёбе в Орловской мужской гимназии» и… – А.П.)

Из Орла – снова в Малоархангельск

Окончились мои последние сборы, забрал в канцелярии немногие документы, – справку, что ученик 6 класса Орловской 1-й гимназии переведен в 7-й класс, кажется еще метрику, и с

грустью покинул школу, с которой был связан четыре с лишним года лучшего времени моей жизни. В эту школу я уже не возвратился и только, бывая в Орле, заходил в старое здание, частично перестроенное, всегда с теплым чувством глубокой преданности, радостными воспоминаниями о многих преподавателях, которым всю свою жизнь благодарен за посеянные семена знаний и человеческой доброты. Не скрою и не постесняюсь сказать, что школа была хорошая, она сумела привить ученикам серьезные знания по многим предметам, особенно по литературе и русскому языку, по математике, истории и географии, неплохие начальные знания по латыни, и чем я особенно дорожу, воспитало в нас чувство дружбы к близким товарищам.

В тот же день я был в 70 с небольшим километрах к югу от Орла на своем родном полустанке. Проехав с попутной подводой 14 км, проезжал знакомые улицы в городе, где я родился, прошел начальное образование и прожил счастливую невозвратимую пору детства.

Дома меня, как всегда, радостно встретила мать, немного попечалилась, что я, не закончив старую школу, уехал из Орла, но тут же нашла мужество и достаточно такта успокоить меня, что среднюю школу можно окончить и в Малоархангельске, где, как она слышала, в доме напротив нашего открылось реальное училище.

Действительно, через несколько дней я был зачислен учеником 7-го класса реального училища и закончил его в следующем году, занимаясь в вечерние часы; вскоре реальное училище было реорганизовано в школу второй ступени.

В домашней обстановке у нас всегда было большое оживление, много интересных разговоров о текущих и ожидаемых событиях, ибо дом был насыщен всегда молодежью. Мать моя еще совсем молодая, ей не было 40 лет; с нами жили две ее незамужние сестры Тоня и Наташа, неженатый брат Алексей и скоро присоединился еще второй брат Володя, ученик реального училища, немного не закончивший в Орле полный курс и получивший аттестат зрелости в Малоархангельске в реальном училище.

Через несколько дней мне представилась возможность поступить в уездный продовольственный комитет, и я начал первый раз в своей жизни получать заработную плату, послужившую взносом на бытовые расходы в общий семейный котел.

Жизнь, конечно, потекла в новом русле, заметно отличная от прежних дней, когда я был в Орле; но к новой обстановке я скоро привык, нашлись новые знакомые, товарищи, и время как-то уходило на дела, разные занятия и развлечения без свободного остатка.

Снова я восстановил регулярные посещения городской библиотеки, где встретил Варю, уже знакомую мне по библиотечным встречам, успевшую за последний год заметно повзрослеть. Она подросла и превосходно оформилась во вполне взрослую девушку, сохранив свою таинственную способность дружелюбия, нежности и простоты в обращении. В первый момент, как только я увидел Варю, мне показалось, что я оторопел и почувствовал некоторую отчужденность, но все это быстро прошло, скоро я узнал прошлогоднюю милую девочку, ученицу последнего класса женской гимназии.

Новостью в жизни у Вари было ее увлечение теннисом, и ее первое предложение было вовлечь меня в эту интересную и полезную для физического развития игру. С большой радостью согласился, скоро познал первые навыки игры, с большим увлечением ходил на теннисный корт, который удовлетворительно был оборудован городским спортивным клубом.

Кстати сказать, спортивный клуб был создан по инициативе отличного спортсмена, видного борца по французской борьбе Ивана Сергеевича Назарова, приехавшего из Петрограда. По-видимому, приехал он в Малоархангельск подкормиться. Для борца при постоянной тренировке нужна добрая порция мяса, в Петрограде в то время было голодно, и Малоархангельск приобрел очень хорошего опытного тренера по многим видам спорта; он был добрым человеком, и мы часто бывали у него на квартире, старались помочь, кто чем мог, чтобы подкормить нашего старшего товарища и хорошего воспитателя-тяжеловеса.

1919 и 1920 годы были тяжелыми для нашей страны. В середине 1919 года южная часть Советской России была занята войсками белой армии Деникина, которому даже удалось захватить на очень короткое время близкий мне город Орел, и что-то около месяца продержаться в моем родном городе Малоархангельске, откуда после разгрома под Орлом и Кромами деникинцы откатились быстро к Курску и далее без задержек - до Харькова, Ростова и самого своего конца.

Время под оккупацией белых было кратковременным для нашего города, стоявшего в стороне от магистрального пути Тула-Курск-Ростов, быстротечным и малозаметным. Но для нашей

семьи в этот период были серьезные переживания, главным образом, из-за находившегося у нас моего родного дяди, офицера царской армии, брата матери, Николая Глебовича, получившего отпуск по болезни. Он был во время первой мировой войны учеником реального училища, по окончании которого в 1916 году мобилизован, окончил в Москве Алексеевское военное училище и в чине прапорщика или подпоручика сразу же направлен в действующую армию на Западный фронт.

Горжусь своим близким родственником, что он сумел избежать вступления в белую добровольческую армию Деникина, куда его энергично завлекали, а затем и просто принуждали. Он уехал из города, старался не показываться на виду у своих знакомых. Вскоре, после отступления белых, был снова в рядах Красной Армии, где и оставался все время, включительно до окончания Великой Отечественной войны, получив по возрасту отставку через несколько лет в чине полковника *(мне удалось на сайте «Подвиг народа» найти наградной лист, из которого почерпнул дополнительную информацию о Николае Глебовиче Самсоненко: участвовал в гражданской войне с 1918 по 1922 год, в событиях 1939 года, а с 29 июня 1941 года – в Великой Отечественной войне: воевал первое время на Западном и Брянском фронтах, позже, с 9 сентября 1944 года – в 1-ой Армии Войска Польского в качестве командира 1-го отдельного Дорожно-эксплуатационного батальона; подполковник Самсоненко был награждён орденом Отечественной войны II степени – А.П.).*

В тот же день, как только деникинцы после кратковременного боя оставили наш город, я был в своем учреждении; туда же пришли и некоторые из моих сослуживцев, и мы сразу же приступили к наведению порядка в помещении. На второй день появились наши руководители, и работа вскоре вошла в свой обычный ритм. По-прежнему потекла и моя жизнь; днем – работа на службе, после окончания работы – реальное училище, а в свободные дни – в библиотеку, в спортивный клуб и вместе с Варей – на теннисную площадку. Очень сожалею, что не знаю, куда девалась Варя потом после моего выезда из Малоархангельска; виню себя за невнимательность, потому что потерял из вида такую милую, добрую, ласковую девочку, с которой всегда было хорошо встречаться, и, думаю, надо было обязательно потом встретиться. Но теперь уже прошлого не воротить.

Быстро пробежало осеннее и зимнее время, и мне в начале лета 1920 года уже вручили аттестат зрелости,

свидетельствовавший об окончании средней школы; тогда эта фаза обучения называлась второй ступенью. Возникли новые идеи и конечно, желание поступить в высшую школу.

Куда поступать, у меня не возникало сомнения; проблема выбора вуза была заблаговременно решена и решена однозначно – в сельскохозяйственный институт. Даже название желаемой высшей школы было определено – Петровская сельскохозяйственная академия в Москве, о которой я имел обстоятельную информацию от моей близкой знакомой еще с гимназических лет – Наташи Демьяновой. В каникулярное время Наташа приезжала из Москвы в Малоархангельск, где неподалеку от города, километрах в 15-20, раньше было имение, а после революции осталась усадьба ее отца, Николая Яковлевича Демьянова – известного профессора органической химии Петровской сельскохозяйственной академии, в последующие годы (1929) избранного академиком АН СССР.

Хорошая собеседница, очень приятная девочка, вероятно, на 1-2 года старше меня, Наташа при встречах в Малоархангельске, где она часто бывала, в своих беседах о своей альма-матер давала отличную характеристику, как весьма прогрессивной школе, имеющей лучший состав крупнейших профессоров по сельскохозяйственным и фундаментальным дисциплинам. «Петровка» всегда и раньше, в первые годы ее организации, и в последующие годы славилась своими демократическими достоинствами, широкой популярностью, а после разговоров с Наташей Демьяновой буквально очаровала меня. «Петровка», только «Петровка» – высший предел моих мечтаний. И тогда для меня не было других желаний, как поступить в высшую сельскохозяйственную школу и в первую очередь в Москву, в «Петровку».

Судьба моя сложилась несколько иначе. Задумав поступать в высшее учебное заведение, конечно, надо было изыскать, определить реальные возможности осуществления своей мечты.

Пробежали подготовительные месяцы и весь 1920 год. В начале 1921 года мне и моим двум товарищам посчастливилось получить путевки-направления в Орел на курсы землемеров. И вот в один из ярких мартовских дней три путешественника – со мной было двое – Володя, младший брат моей матери, и Вася Ревякин, одноклассник Володи по реальному училищу, – с сумками за плечами отправились в поход, в новую жизнь.

Настроение было приподнятое, какое-то одухотворенное большими будущими перспективами, погода была чудесная;

весеннее солнце разливало свои лучи нещадно после морозного и вьюжного февраля; грачи с веселым шумом у гнезд на ракитах приветствовали наше шествие, поднимали нам дух и сулили светлые надежды. Для нас это был крупный рубеж новой жизни. И действительно, с этого дня нам открывался путь в большое будущее.

За городом нас догнал на телеге отец Васи, и это позволило нам быстро добраться до станции Малоархангельск, расположенной в 14 километрах от города…

(Здесь снова пропускаю несколько страниц воспоминаний, повествующих о годах учёбы Н.И.Захарьева в Орле и Воронеже – А.П.).

Последний раз на родине

Пользуясь небольшой паузой в работе, я сумел побывать в Малоархангельске, в своей родной семье, съездил в деревню Карауловку.

Теперь я уже не студент, учебные годы в высшем учебном заведении закончены. Свершилась моя мечта, и я получил высшее агрономическое образование, образование оказалось двойного значения – я стал и агрономом, и зоотехником, что, пожалуй, весьма существенное значение имело для моей последующей работы, когда я выехал в Сибирь, а затем перешел и научное учреждение.

В Малоархангельске существенных перемен не произошло, мне показалось, что все осталось на прежних местах. Новая экономическая политика как-то снивелировала жизнь во всех небольших городах и Москва, как и ранее, служила для них своего рода эталоном в смысле удовлетворения насущных жизненных нужд.

В деревне главная земельная реформа была осуществлена. Землю распределили подушно всем крестьянам. У дедушки остался тоже небольшой участок земли. Мои близкие родственники, братья матери, разбрелись по белу свету. Дядя Леша после войны 1914-1918 года нашел работу в одном из совхозов Московской области. Дядя Коля, как был, так и остался в командном составе Красной Амии и служил в какой-то воинской части в Одессе. Володя закончил мелиоративный факультет, и, живя в Москве, выезжал на летний период на полевые работы в Пермскую область. Мои тетки, сестры матери, вышли замуж, тетя Тоня – за Русанова Григория Николаевича – производителя работ по сооружению буровых при строительстве мостов, очень

приятного, добронравного, весьма положительного человека, старше тети Тони лет на десять.

Тетя Наташа вместе со своим мужем Василием Петровичем Крыловым – замечательным живописцем – мастером-механиком – вначале жили в Малоархангельске. Муж ее работал начальником электростанции, а затем они уехали на станцию Змиевка Московско-Курской железной дороги, недалеко от Орла, и наконец, переехали в одно из крупных хозяйств Московской области, где Василий Петрович работал механиком.

В начале 1925 года мой дедушка умер, и его похоронили на кладбище в селе Федоровка, волостном центре Малоархангельского уезда. Бабушка умерла раньше, в 1919 году, и ее похоронили в Малоархангельске.

На похороны дедушки приезжал из армии дядя Коля, и он организовал продажу дома и ликвидацию всего хозяйства. Земля перешла в пользование сельской общины и, насколько я помню, часть приусадебной земли и сад были переданы школьному участку…

Несколько слов в заключение.

Как читатель понял, я использовал только небольшую часть воспоминаний нашего земляка, Героя Социалистического труда, Николая Ильича Захарьева, но самую важную и существенную для нас, где речь идёт о событиях и людях Малоархангельска и уезда. В целом же получилось дополнение той картины, которую нарисовала в предыдущем рассказе Варвара Ивановна Яковлева. Покинув родные края, оба они сохранили в душах и сердцах самые тёплые воспоминания о малой родине и смогли в конце жизни запечатлеть их на бумаге. И спустя многие годы это тепло дошло, надеюсь, и до тебя, мой читатель.

Александр Полынкин

Глава вторая.
Малоархангельские лица

Как герой Очакова войну женщине проиграл

В Орловской области до недавнего времени было три населённых пункта под названием «Сабурово» – в Орловском, Глазуновском и Покровском районах. О селе Сабурово под Орлом (15 километров от центра города), наверняка, слышали очень многие, поскольку оно связано с именем крупных орловских землевладельцев, графов Каменских. Один из них, генерал-фельдмаршал Михаил Федотович, известный полководец второй половины XVIII века, был основателем Сабуровской крепости, остатки величественных сооружений которой сохранились до настоящего времени. Однако мало кто знает, что своим названием село обязано первому владельцу – орловскому воеводе (90-е годы XVI века) Михаилу Богдановичу Сабурову, отличившемуся в битве 1591 года с крымскими татарами.

Сабуровы – родственники царей

Сабуровы – один из известнейших дворянских (и боярских) родов России. Когда Великий князь Иван III выбирал жену для сына Василия, тоже в будущем Великого Князя, то лично просмотрел 500 претенденток (на Руси ещё раньше Запада до их кастингов додумались! – А.П.) и остановился на красавице Соломонии Сабуровой. А первой женой сына Ивана Грозного, Ивана, была снова Сабурова – только Евдокия. Сабуровы являлись близкими родственниками царя Бориса Годунова, и при нём на высших должностях в Московском государстве находилось аж 13 человек с такой фамилией.

Представители этого известнейшего рода были записаны в дворянские родословные книги сразу нескольких губерний Российской империи. Значатся Сабуровы и среди коренных орловских дворян, начиная с XVI века. Значит, недаром эта фамилия представлена на географической карте Орловщины. А теперь я поведу речь об одном из Сабуровых, имя которого совсем не упоминалось среди славных деятелей нашего края.

Герой «времён Очаковских и покоренья Крыма»

Иван Фёдорович Сабуров, сын бригадира (это промежуточное воинское звание между полковником и генерал-майором,

введённое Петром I и отменённое Павлом I – А.П.) Фёдора Васильевича, родился 22 мая 1752 года. Военную карьеру начал в 17-летнем возрасте, рядовым Конной Гвардии, в которой прослужил 13 лет, после чего, получив звание подполковника, был выпущен в армию и определён в Ахтырский легко-конный полк (впоследствии – 12-й Гусарский генерала Дениса Давыдова, Её Императорского Высочества, Великой Княгини Ольги Александровны полк – А.П.).

Почти вся дальнейшая служба Ивана Фёдоровича, его участие в сражениях и подвиги оказались связаны с этим известнейшим воинским соединением Русской императорской армии.

С 1782 года, в составе Ахтырского полка, Сабуров находится на самом юге рубежей России: первое время – в Крыму, а с началом сражений последней русско-турецкой войны XVIII века (1787-1791), в самом её эпицентре.

Когда турки развязали эту войну, пытаясь вернуть себе Крымский полуостров, то первым их действием стала высадка 1 октября 1787 года многотысячного десанта, под прикрытием одиннадцати кораблей, на Кинбурнской косе, находившейся на подступах к Очакову и Херсону. Небольшим отрядом, защищавшим Кинбурнскую крепость, командовал Александр Васильевич Суворов. Двумя стремительными ударами, не дав туркам опомниться, Суворов часть войск противника уничтожил, а остальных сбросил в море. Сам полководец при этом получил два серьёзных ранения и едва не погиб. Но суворовские чудо-богатыри не подкачали, спасли генерала. Храбро сражался на Кинбурнской косе и подполковник Сабуров, командовавший одним из батальонов Ахтырского полка.

14 июля 1788 года Сабуров был произведён в полковники и назначен командиром этого полка. Вместе с ним он участвовал в двух крупных сражениях второй русско-турецкой войны – осаде и штурме Очакова (1788 год) и взятии крепости Килия (1790).

Особо следует отметить очаковскую эпопею. Сильная турецкая крепость Очаков в июле 1788 года была осаждена 80-тысячной армией под командованием Г.Потёмкина. Но командующий действовал нерешительно, и осада затянулась на 5 месяцев. Наступавшая зима и просьбы самих солдат вынудили Потёмкина назначить на 6 декабря штурм крепости. В 23-градусный мороз передовой 15-тысячный ударный отряд двинулся на приступ очаковских укреплений. Обе стороны сражались с крайним ожесточением, и даже когда русские солдаты ворвались на улицы города, турки не сдались. В сражении погибло две трети турецкого

гарнизона, а оставшиеся 4,5 тысячи были взяты в плен. Русские потеряли убитыми свыше трёх тысяч человек.

Среди тех, кто храбро прорывался в Очаковскую крепость, а потом бился насмерть на её улицах, был и полковник Сабуров со своими ахтырцами. Как и все офицеры – участники осады и штурма крепости, Иван Фёдорович был награждён специальным золотым крестом «За службу и храбрость». Солдат удостоили серебряных медалей с надписью «За храбрость, оказанную при взятии Очакова».

Штурм Очакова. Гравюра Берга, 1792 г.

Турецкая крепость Килия, располагавшаяся на правом берегу Дуная, была взята русскими войсками в октябре 1790 года за гораздо более короткое время, но снова при отчаянном сопротивлении турок. И опять отличились в бою гусары-ахтырцы и их командир Иван Сабуров. За отличия во второй русско-турецкой войне он был удостоен ордена Святого Владимира 4-й степени.

Почти сразу после окончания этой войны Ахтырский полк был отправлен в Польшу, где участвовал в сражениях с восставшими поляками, которыми руководил Тадеуш Костюшко. За два года

военных действий (1792–1794) Сабуров проявил себя способным и храбрым командиром, особенно отличившимся в октябре 1794 года во время штурма пригорода Варшавы, Праги, где он командовал резервной кавалерийской колонной. Наградами за мужество ему стали Золотой крест на георгиевской ленте и Золотая шпага с надписью «За храбрость».

Взошедший на престол новый император Павел I в феврале 1797 года произвёл Ивана Сабурова в генерал-майоры и назначил его шефом Рижского кирасирского полка. Однако после повышения служба 45-летнего генерала продолжалась недолго: уже в сентябре того же года он был уволен в отставку.

Все дальнейшие сведения о жизни Ивана Фёдоровича Сабурова крайне скупы. В немногих энциклопедиях сообщается, что он, кроме русского, знал ещё и французский язык, а на 1797 год в Московском уезде, как землевладелец, имел 500 душ крестьян мужского пола. Даже дата его смерти остаётся нам неизвестной – *«после 1797 года»,* как сообщают те же справочные издания.

Генерал Сабуров и подпоручица Катерина Савенкова

Однако в Государственном архиве Орловской области мне посчастливилось найти документы, которые позволили уточнить и расширить скупые сведения о генерале Сабурове.

Оказывается (и это самое главное! – А.П.) он был орловским (а если совсем точно, – малоархангельским) помещиком, дела которого несколько раз разбирал Малоархангельский уездный суд.

Согласно протоколам этого суда, генерал-майору Ивану Фёдоровичу Сабурову в 1810 году в сельце Юдинка Малоархангельского уезда (ныне – Малоархангельский район) принадлежало 550 десятин 2160 саженей земли. Всеми хозяйственными делами генерала в его имении занимался бурмистр Афанасий Агафонов. Именно он представлял интересы Сабурова в суде по очень любопытному делу. Сосед генерала, владелец поместья в селе Алисово (Никольское тож), подпоручик Василий Савенков захватил у генерала несколько десятин его земли.

Сабуров обратился с жалобой в Орловскую Палату Гражданского суда, потом – в Правительствующий Сенат на незаконные действия Савенкова, но пока эти бумаги шли по инстанциям, сосед-помещик скоропостижно скончался. И когда пришли, наконец, ответы, что *«за насильное завладение»* генеральской земли Василий Савенков должен заплатить

4740 рублей 40 копеек (большие деньги по тем временам! – А.П.), то разбираться пришлось Ивану Фёдоровичу заново – уже с женой соседа, подпоручицей Катериной Яковлевной Савенковой.

Не буду описывать всех перипетий, скажу только, что денег генерал так и не получил, поскольку Катерина Яковлевна заявила – *«Денег наличных не имею, а имение моё принадлежит не только мне, но и детям – сыновьям Владимиру, Семёну и дочери Марии».* Пока искали сыновей (они были на военной службе), пока брали с них объяснительные, прошло 6 лет. За это время Катерина Савенкова умудрилась не только добиться отмены решения по выплате ею генералу почти 5000 рублей, но и – наоборот – **доказала**, что не муж её захватил 19 десятин генеральской земли, а генерал Сабуров незаконно владел несколько лет наследственной савенковской землёй.

Прислан был в Орловскую Палату Гражданского суда Указ Правительствующего Сената по этому поводу. Но теперь, когда 5 августа 1818 года Малоархангельский уездный суд снова обратился к земельному спору генерала Сабурова с помещиками Савенковыми, уже сам генерал не дождался его рассмотрения – скончался незадолго до этого.

Так генерал-майор Сабуров, герой «времён Очаковских», не раз бивший турок и поляков, проиграл войну из-за земли. И кому? Женщине – помещице, подпоручице, Катерине Савенковой. И не только проиграл, но и умер. Не могу сказать, что именно из-за этого, но что и из-за этого тоже – уверен.

А многолетний земельный спор был вынужден продолжать сын генерала – капитан Иван Иванович Сабуров. Но это уже совсем другая история.

О подпоручике Савенкове, который земли фельдмаршала Салтыкова и генерала Сабурова отсудил

5 августа 1818 года в Малоархангельском уездном суде, перед началом судебного заседания, гремел гром, и сверкали молнии – это судья Пётр Деревецкий давал волю своим чувствам: «Ну сколько можно по одному и тому же делу разбираться? Сколько можно твердить этому генеральскому сынку, что 19 десятин земли — не его, а соседа, так нет же, опять по новой начинай. Только теперь в суд не сам обратился, а своего бурмистра заставил!»

Но, побуйствовав (в одиночку, без свидетелей) и обозвав жалобщика и его хозяина нецензурно, судья успокоился — разбираться-то, всё равно, придётся. И потому, уже полностью взяв себя в руки, Деревецкий пригласил в комнату своих верных помощников-заседателей, титулярного советника Кононова и прапорщика Каширенинова.

Салтыков Пётр Иванович

Судья напомнил им суть дела. С осени 1816 года спорят между собой за участок земли помещик Иван Иванович Сабуров, наследник умершего генерала Ивана Фёдоровича Сабурова, и помещик Семён Савенков. Спорный участок составляет 19 десятин земли.

Капитан Сабуров утверждает, что *«изстари»* этот земельный клин принадлежал его отцу, генерал-майору и кавалеру Ивану Фёдоровичу, а Савенков, наоборот, уверен в том, что земля эта — его, и перешла к нему от матери, а к той — по наследству от прадеда, Фёдора Алисова.

Пока генерал Сабуров был жив, именно его крестьяне обрабатывали землю на спорном участке, и соседи-помещики сидели тише воды - ниже травы, опасаясь: как-никак, вояка заслуженный, с самим Суворовым Очаков брал, с турками и поляками воевал, орден Святого Георгия и Золотое оружие «За храбрость» имеет.

Но после кончины храброго и горячего генерала его соседка по владениям, помещица Катерина Яковлевна Савенкова обратилась с жалобой, и не куда-нибудь, а в Правительствующий Сенат, по поводу того, что Сабуров незаконно пользовался 19 десятинами её земли. Правда, она не только на генерала жаловалась, но и ещё на одного своего соседа — действительного камергера, графа Петра Салтыкова, сына прославленного полководца, генерал-фельдмаршала Ивана Петровича Салтыкова, который тоже часть её земель, якобы, присвоил (и не побоялась ведь не самая родовитая помещица тягаться с представителями известнейших

российских дворянских родов! Правда, к этому времени в живых не было ни самого фельдмаршала, ни его молодого сына — А.П.)

Правительствующий Сенат переслал бумагу в Орловскую Палату Гражданского суда, и та трижды, своими Указами от 15 марта, 16 мая и 4 июня 1817 года отписывала Малоархангельскому земскому суду, чтобы при рассмотрении земельного спора была соблюдена законность.

В сентябре 1817 года Малоархангельский уездный суд принял решение о приглашении в уезд землемера для перемеривания участков трёх соседей-помещиков — Сабурова, Савенкова и Салтыкова. В этом же месяце орловский уездный землемер Бессонов, при помощи сорока шести *«посторонних людей»,* произвёл новое межевание на землях указанных помещиков.

По окончании измерений оказалось, что у графа Салтыкова насчитывается 406 десятин, у капитана Сабурова — 550 десятин, у Семёна Савенкова — 249 десятин (скажу, на всякий случай, что десятина равна 1,09 га — А.П.), а всего в этом измеренном массиве — 1205 десятин. При проведении землемерных работ межевые знаки были передвинуты, и участок в 19 десятин был отмежёван в пользу помещика Савенкова. Ему же достался и ещё один участок, отобранный у графа Салтыкова (вот как судили — на чины и звания родителей не посмотрели, не удивительно ли? — А.П.)

Дворянский заседатель Малоархангельского уездного суда Фарафонов официально зафиксировал изменения в межевании и ввёл помещиков во владение их землями заново. 12 октября 1817 года судья Деревецкий своим рапортом в Орловскую Палату Гражданского суда доложил о проведённых им работах для установления законности.

Проигравший победитель

Однако, пока шли эти работы, не дожидаясь их окончания, капитан Сабуров (надеявшийся, наверное, на авторитет умершего отца-генерала) приказал своему бурмистру из сельца Юдинка Афонасию Агафонову организовать на спорном участке осенние полевые работы. На 19 десятинах в сентябре 1817 года была посеяна озимая рожь, которая созрела к началу августа 1818 года.

Именно тогда бурмистр Агафонов послал крепостных крестьян капитана Сабурова убирать созревший хлеб, надеясь, что новый владелец этого земельного участка, Семён Савенков, не станет противодействовать уборочной. Но он стал — и его люди прогнали сабуровских крестьян, отобрав у них серпы и косы.

Сам капитан Сабуров не решился обращаться в суд, но заставил это сделать своего бурмистра. Терять хороший урожай с почти 20 десятин сын генерала не хотел.

Такова предыстория разбирательства, которое должно было состояться в Малоархангельском уездном суде 5 августа 1818 года.

Главный аргумент, который бурмистр привёл в своём обращении в суд, был следующий: *«…оная земля засеяна крестьянами моего господина гораздо прежде последовавшего из сего суда указа и учинённой по оному новой нарезки земель»,* и потому урожай должен принадлежать тому, кто посеял — капитану Сабурову.

Однако, изучив внимательно все упоминавшие в предыдущих делах документы, судья Деревецкий решил, что просьба бурмистра Агафонова незаконна, и убирать созревший хлеб крестьянам помещика Сабурова он не позволил. Заседатели с таким решением согласились.

И доставшийся волею суда дармовой хлеб убирали для своего хозяина уже крестьяне Семёна Савенкова. Правда, не уверен, что даже такой приличный урожай помог подпоручику Савенкову рассчитаться с его долгами.

Дело в том, что 24 августа 1818 года тот же суд рассматривал дело по прошению коллежского секретаря Александра Шкурина по взысканию с Семёна Савенкова по двум заёмным письмам огромной (по тем временам) суммы — 9000 рублей. Подпоручик пытался вначале уклониться от разбирательства, уехав на место службы — в Ярославль, а тем временем, срочно искал покупателей на своё имение. Но продать его, чтобы не отвечать по обязательствам, Сергей Савенков не успел: бумаги суда по почте были доставлены его командиру, капитану Тутарову из Ярославского внутреннего гарнизонного батальона. И тот приказал Савенкову немедленно выехать в Малоархангельск.

Суд наложил арест на имущество подпоручика Савенкова — с тем, чтобы со временем имение его было продано, а деньги от реализации пошли на уплату кредиторам. Получается, что 19 десятин генеральской земли, доставшиеся ему благодаря настойчивости матери, Катерины Яковлевны, богатства Семёну Савенкову не принесли. Это было последнее для него радостное событие — как же, генеральского сынка по носу щёлкнул!

P.S. *Кстати, сын генерала И.Ф. Сабурова, Иван Иванович, во времена судебного процесса бывший в чине капитана, карьеру военную продолжил и дослужился, как и отец, до генерал-*

майорского звания. В каких войнах он участвовал, мне выяснить не удалось, но зато в «Ревизских сказках» по Малоархангельскому уезду за 1858 год я нашёл запись, что он владел селом Протасово (Степановское или Стефановское тож) Малоархангельского уезда с более чем тысячью крепостных душ обоего пола (564 мужского и 515 женского – А.П.), которые после смерти генерала в 1856 году по его духовному завещанию достались родной дочери, гвардии полковнице Марии Ивановне Равенковой.

Малоархангельские городничие – участники войн с Францией в начале XIX века

В Российской империи с 1775 по 1862 год существовала должность городничих. Почти 100 лет они были главами административно-полицейской власти в уездных городах, в том числе, и в Малоархангельске.

В XIX веке в городничие назначались чаще всего отставные военные или гражданские чиновники, преимущественно – из уволенных от службы раненых офицеров, состоявших под покровительством Комитета о раненых. Должность соответствовала 8 классу «Табели о рангах». Если соискатель имел более высокий классный чин, то он ему оставлялся.

В качестве начальника исполнительной полиции в уездном городе городничий ведал все отраслями полиции безопасности и благосостояния; производил суд по маловажным полицейским проступкам и взыскания по бесспорным обязательствам; имел обязанности по делам казенным, по делам военного ведомства; одним словом, на городничего с подчиненными ему частными приставами и квартальными надзирателями возлагались все обязанности исполнительной полиции, столь многочисленные и разнородные, что точное выполнение их фактически было невозможно. При чрезвычайных обстоятельствах городничему под угрозой лишения служебного места и чести запрещалось покидать вверенный ему город. Звание городничего было упразднено Указом от 25 декабря 1862 года.

Я расскажу всего лишь о двух городничих Малоархангельска, которые управляли уездным городом во втором десятилетии XIX века. Сведения о них я почерпнул в *«Формулярных списках о службе чиновников губернии»,* которые хранятся в фонде Орловского губернского правления Государственного архива Орловской области (ф.4, ед.хр. 2240 и 2242). Кроме того,

использовал я и сведения из метрических книг Вознесенской соборной церкви города Малоархангельска за 1818–1820 годы.

С 31 июля 1811 года городничим Малоархангельска стал штабс-капитан и ордена Святой Анны 3 класса кавалер Иван Васильевич Журавский. Было ему 32 года, и происходил он из дворян. Вот какие сведения о нём сохранились в его послужном списке за 1815 год:

«В службу вступил в Белозерский Мушкетёрский полк 1800, октября 29.

Уволен от службы – штабс-капитаном 1810, Генваря 26.

Был в походах в 1805 году на кораблях по Балтийскому морю – до острова Бергена, с оного – чрез Шведскую Померанию, Мекленберг и в Ганноверских владениях – потом обратно в 1806 году чрез Пруссию до России, и того года с ноября 19 в Пруссии против французов в сражениях: 1807 Генваря 23 – при местечке Янкове, 27 – при Прейшеллау (современное произношение – Прейсиш-Эйлау – А.П.), *майя 29 – при Генлиберге, июня 2 – при Фридланде в действительных находился.*

Женат на дворянской дочери Любови Ханыковой, детей не имеет…».

Свою должность Журавский в конце 1815 года сдал новому малоархангельскому городничему – Василию Васильевичу Чигирю.

Был он, как и предыдущий правитель города, из дворянского звания, но чрезвычайно молод – всего лишь 24 года. Имений у нового городничего не имелось, а вот боевого опыта он набрался вдосталь.

Вот сведения из послужного списка В.В.Чигиря:

«В воинскую службу вступил из кадетского корпуса в Гренадерский графа Аракчеева полк прапорщиком – 1807, декабря 26;

Подпоручиком – 1809, апреля 23;

Порутчиком – 1810, ноября 6;

За отличие штабс-капитаном – 1813, сентября 6;

Капитаном -1815, майя 31.

Награждён в сражениях против французских войск: Генеральное при селе Бородине 1812, августа 26 – орденом Святыя Анны 3 класса; 1814, 7 и 8 числ марта – при городе Париже и взятии оного – орденом Святого Равноапостольного князя Владимира 4 степени с бантом; по отставке – пенсионом полного жалованья; при городе Красном – 1812, ноября 5 и 6 – за атаку неприятеля и разбитие оного; 1813 мая 7-го – в Варшавском герцогстве, в Пруссии, Силезии, Саксонии, при Кенигзберге объявлены два высочайших благоволения.

Был в походах 1812 года и действительных сражениях противу французских войск:

Августа 9 – в резерве и при городе Смоленске, при деревне Любове; Августа 26 – в Генеральном сражении при селе Бородине;

Октября 6 при селе Тарутине, 14-ого Октября – при городе Малом Ярославце, ноября 5 и 6 – при городе Красном;

1813 года – в Варшавском Герцогстве, в Пруссии, Силезии и Саксонии;

Майя 7-го – при Кенигзберге, 9-го – при Бауцене, 10 – в арьегарде во время ретирады 14 и 15 при городе Дрездене в Богемии;

17 и 18 – при деревне Кульме; октября – 4, 5 и 6-го – при городе Лейпциге и при преследовании неприятеля чрез владения Французское Мекленбургское, королевство Боденское, Вестфальское и Виртембергское;

декабря 23 – во французском владении; 27, 28 и 29 – при блокаде города Белефорта;

1814 года Генваря 20 – для подкрепления союзных войск под Шатобрионом, февраля 2 и 3-го – в отряде при занятии городов Сечана и Монморанси; 5-го – в сражении под Монморильем; марта 7-го – при городе Арии, 8 – при взятии города Парижа.

Ранен в правую ногу пулею с раздроблением кости».

Вот такой боевой офицер стал управлять Малоархангельском. Да, он совсем недавно женился, но к моменту прибытия в город детей ещё не имел. Однако вскоре они появились: 20 августа 1818 года – дочь Наталья, а 1 июля 1819 года – сын Александр.

Судя по записям в метрических книгах Вознесенского собора, Василий Васильевич Чигирь наладил хорошие отношения с местными помещиками и чиновниками и был на своём месте как градоначальник. Своему преемнику он сдавал Малоархангельск в полном порядке…

О дальнейшей судьбе городничих Журавского и Чигиря сведений пока нет…

Как профессора из Парижа генеалогия на Орловщину привела

Жил-был в России в конце 80-х годов XX века один учёный. Звали его Владимир Векслер. Окончил он в своё время медицинский институт и работал в Москве во Всесоюзном кардиоцентре. В те времена это учреждение имело много научных контрактов в разных странах, и у Владимира Векслера

начинался совместный проект с французскими учёными, которые в 1991 году пригласили российского коллегу поработать год во Франции. Работа у 39-летнего кандидата медицинских наук шла успешно, но в это время «рухнул» СССР, и закончился контракт.

Владимир Векслер из университета Париж-Юг XI

В новой России новаторские подходы Владимира Векслера к изучению механизмов развития сердечных заболеваний оказались невостребованными, финансирование его проектов в России прекратилось: не до науки было. Тут-то французы и помогли российскому учёному и его семье остаться во Франции, где специалистов из СССР всегда ценили высоко. Помочь-то помогли, но пришлось научную карьеру начинать буквально «с нуля»: его взяли ассистентом преподавателя, затем он прошёл конкурс на лектора. И только через три года Векслер сдал очередные экзамены и получил место профессора университета Paris-Sud (Париж-Юг XI – один из лучших французских университетов, специализирующихся на точных науках – А.П.), где в настоящее время заведует кафедрой физиологии на факультете фармации. И не только преподаёт, но и продолжает научную деятельность в своей лаборатории. Часто ездит в зарубежные командировки.

Живёт он в пригороде Парижа уже более 25 лет – с женой, дочкой (которая за эти годы успела вырасти, получить образование и выйти замуж) и 95-летней мамой. Уехав из СССР четверть века назад, Владимир Векслер уже достаточно глубоко изучил французскую культуру и образ жизни французов. Но не потерял он за эти годы связи с Россией и русскими.

Дочь училась в обычной французской школе, но параллельно ходила и в школу при российском посольстве, чтобы не забывать русский. Выйдя замуж и родив дочь (внучку Владимира Векслера), она старается с ней дома говорить только по-русски.

После переезда во Францию Векслер познакомился с потомками многих русских эмигрантов, которые живут во Франции по сей день. Особенно хорошими знакомыми Векслеров стали Никита Струве и князь Николай Лопухин – представители известных российских дворянских родов. Дочери Векслера и Лопухина учились в одном классе французской школы. И, наконец, крепко сцементировало отношения Векслера с Россией его желание как можно больше и лучше узнать свою родословную.

Не имея возможности работать в российских архивах, главным источником получения информации по своим «корням»

он сделал интернет. С его помощью по электронной почте заказывает Владимир Векслер копии нужных документов и постоянно «шерстит» разные сайты в поисках нужных сведений.

Орловские помещики из окружения Александра Пушкина

Вот так однажды в конце 2016 года и вышел он на сайт «Мастера» Покровского районного клуба творческих личностей (http://klub-mastera.narod.ru – А.П.), админом которого являюсь я:

«Натолкнулся в интернете на Ваши интереснейшие материалы по землевладениям Орловской губернии (далее следовала ссылка на конкретный материал – А.П.). *Во-первых, хотел бы Вас поблагодарить за очень важную и полезную работу. Без Ваших исследований столько интересной информации фактически остается недоступной для исследователей – ведь далеко не всем удается работать в Орловском архиве.*

Во-вторых, хочу сказать, что меня в Ваших материалах заинтересовал один частный вопрос. Уже довольно долго я пытался найти родственные связи между двумя фамилиями – Курбатовыми и Масловыми во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Причины этого моего интереса находятся в моей семейной истории (просто в кратком письме это изложить трудно), но и не только. Например, в известном письме Василия Львовича Пушкина к Петру Андреевичу Вяземскому 1829 года есть строки:

"Дочь Варвары Марковны Мертваго идет замуж. На ней женится соученик моего племянника Маслов, двоюродный брат Курбатова".

"Племянник" – это Александр Сергеевич Пушкин, Маслов – лицеист – Дмитрий Николаевич Маслов, товарищ Пушкина. Однако, какой Курбатов имеется в виду? До сих пор все публикации пушкинистов не смогли атрибутировать этого человека. У Масловых не известно никакого кузена Курбатова; также у московского семейства Курбатовых не было известно никакого двоюродного брата Маслова.

И вот в Вашей публикации впервые прослеживается связь между этими двумя семействами. ***Сельцом Ильинским Малоархангельского уезда (в 1782 году – А.П.) владеют одновременно действительный статский советник Петр Петрович Курбатов (дед директора типографии Московского университета) и семья поручика Никифора Маслова (брата деда того самого "соученика" Александра Пушкина).*** *Вполне может быть, что совладельцы сельца*

Ильинского находятся между собой в родстве. Если бы удалось определить степень этого родства, многое бы прояснилось.

В связи с этим, хотел бы спросить Вас – нет ли в Ваших материалах каких-либо указаний на родство совладельцев Ильинского? Буду очень Вам благодарен за ответ.

Всего Вам доброго, и с наступающими праздниками. Владимир Векслер. Париж».

Честно говоря, не предполагал я, что списки землевладельцев Орловского уезда, составленные мною по «Ревизским сказкам 1782 года» (четвёртая ревизия податного населения Российской империи – А.П.) и выставленные на сайте «Мастера», могут заинтересовать кого-то в далёкой Франции. Но, однако, это произошло. Мне было очень приятно, что кропотливый труд не только не пропал даром, но подтолкнул кардиолога из Парижа Векслера к новым мыслям и поискам, которые – и это ещё более лестно – имеют прямое отношение к окружению Александра Сергеевича Пушкина и Орловщине.

Так начиналась продолжающаяся до настоящего времени наша переписка, в самом начале которой я пообещал профессору из университета Paris-Sud свою помощь. Для этого пришлось вновь вернуться к изучению «Ревизских сказок помещичьих крестьян и дворовых людей Орловского уезда» за 1782 год (ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.380). Только на этот раз я искал уже конкретные фамилии и всю имеющуюся информацию по ним. Поиск оказался удачным. На листах 533-554 искомых «Сказок» я обнаружил нужные владения:

«1782 году… вотчины действительного статского советника Петра Петровича Курбатова и детей его, надворного советника Александра и гвардии Преображенского полку сержанта Дмитрея Курбатовых, Орловского наместничества Малоархангельской округи сельца Ильинского служитель Тимофей Дмитриев по силе состоявшегося 1781 года ноября 16 дня Ея Императорского Величества к народу публикованному манифеста… господ моих сельце Ильинском по последней 1763 года ревизии в подушном окладе людех и крестьянех, бывших за женой означенного

господина моего Петра Петровича Курбатова Маврой Анисимовной, кои ныне достались означенным господам моим по наследству с показанием из того числа разными случаями убылых и после ревизии вновь рождённых прибылых…».

И рядом: *«1782 году… дня вотчины господина порутчика Никифора Анисимовича Маслова, жены его, вдовы Настасьи Алексеевой с дочерью её, девицей Аграфеной Никифоровой, Орловского наместничества Малоархангельской округи Тачуковского стана сельца Ильинского выборной Антип Васильев по силе… с ведома госпожи своей дал сию сказку о положенных в нижеписанном году моих сельце по последней 1763 года ревизии в подушном окладе людех и крестьянех с показанием…».*

Исходя из двух записей, я сделал вывод, что *«господин порутчик Никифор Анисимович Маслов»* имел родную сестру, Мавру Анисимовну, которая была замужем за действительным статским советником Петром Петровичем Курбатовым. А их дети, естественно, были двоюродными. Вот такое родство обнаружилось между Курбатовыми и Масловыми (кстати, эти Масловы никакого отношения к «Лакеям трёх императоров», о которых я писал в в другом своём очерке, не имеют – А.П.).

О сделанном открытии я сообщил Владимиру Векслеру в Париж. Он ответил сразу же:

Уважаемый Александр!

Хочу поблагодарить Вас за Вашу находку. Видите, теперь можно и атрибутировать фигурантов письма Василия Львовича Пушкина к кн. Вяземскому – может быть, поэтому пушкинисты не смогли этого сделать раньше, что В.Л. Пушкин неточен, речь идет не о двоюродном, а троюродном брате. С другой стороны, это показывает, что В.Л. Пушкин был в курсе этого родства, хоть и далекого, интересно было бы потом выяснить, откуда такие знания. Возможно, потому что П.А. Курбатов, внук упоминаемого Вами П.П. Курбатова, был в одной масонской ложе с В.Л. Пушкиным. В общем, есть интересные пути для исследования».

Вот так, в общем-то, легко и быстро были найдены данные о персонах из окружения русского поэта. А спустя несколько дней мне удалось найти сведения и ещё об одном Маслове – Александре Анисимовиче, родном брате вышеупомянутого Никифора и – одновременно – деде Дмитрия Николаевича Маслова, соученике Пушкина по Царскосельскому лицею. Александр Анисимович Маслов тоже был помещиком Орловского уезда и владел вместе с женой сельцом Быстрик со 118 душами крепостных крестьян.

А какое отношение орловские помещики Масловы и Курбатовы (вместе с Пушкиными) имели к предкам профессора из Парижа Владимира Векслера – об этом в следующем очерке.

Пушкин и малоархангельские дворяне Безобразовы

Для начала, уважаемый читатель, предлагаю тебе вспомнить крылатое выражение – «Болдинская осень». Так с пушкинских времён стали называть временной промежуток, который является наиболее плодотворным в творческом отношении для любого деятеля культуры: писателя, поэта, художника.

«…Кабы у меня было 100 000…»

В отцовском имении, селе Болдино (Большое Болдино) Лукояновского уезда Нижегородской губернии, великий русский поэт осенью 1830 года, готовясь к долгожданной женитьбе на Наталье Гончаровой и застряв в провинции на три месяца из-за холерного карантина, создал несколько своих шедевров: закончил работу над «Евгением Онегиным», циклами «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии», написал поэму «Домик в Коломне» и около 30 лирических стихотворений.

Барский дом болдинской усадьбы Пушкиных

Не менее плодотворным выдалось и второе пребывание Пушкина в Болдино – осенью 1833 года. Во время этого приезда в своё любимое имение Александр Сергеевич отправил письмо жене, Наталье Николаевне: *«Я рад, что добрался до Болдина; кажется, менее будет мне хлопот, чем я ожидал. Написать что-нибудь мне бы очень хотелось. Не знаю, придет ли вдохновение (оно, как я уже сказал, пришло – А.П.). Здесь нашел я Безобразова (что же ты так удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины Маргаритки). Он хлопочет и хозяйничает и, вероятно, купит пол-Болдина. Ох! кабы у меня было 100 000! как бы я всё это уладил; да Пугачев, мой оброчный мужичок, и половины того мне не принесет, да и то мы с тобою как раз промотаем; не так ли? Ну, нечего делать: буду жив, будут и деньги... Вот едет ко мне Безобразов — прощай.*

Ух, насилу отвязался. Два часа сидел у меня. Оба мы хитрили — дай бог, чтоб я его перехитрил, на деле; а на словах, кажется, я перехитрил. Вижу отселе твою недоверчивую улыбку, ты думаешь, что я подуруша и что меня опять оплетут — увидим. Приехав в Москву, кончу дело в два дня; и приеду в Петербург молодцом и обладателем села Болдина...».

Кто кого перехитрил?

А теперь, уважаемый читатель, объясню тебе некоторые моменты содержания этого эмоционального послания, в котором названы несколько действующих лиц. Начну с событий, известных только узкому кругу пушкиноведов.

Пушкин Александр Сергеевич

Пушкин Василий Львович

Село Болдино в течение почти 50 лет (с 1741 по 1790 год) принадлежало родному деду великого русского поэта, Льву Александровичу Пушкину, а после его смерти было поделено между двумя сыновьями – Василием Львовичем (дядей) и Сергеем Львовичем (отцом поэта). В августе 1830 года Василий Львович Пушкин скончался, не оставив наследников в законном браке. И – теоретически – теперь вторую половину болдинского имения мог бы получить его близкий родственник – брат, Сергей Львович (ну и далее – сын последнего, Александр Сергеевич).

Памятник Пушкину
в Болдино
(скульптор – О.Комов)

Однако у Василия Львовича Пушкина было двое незаконнорожденных детей – Маргарита и Лев *(двоюродные сестра и брат поэта, получившие фамилию по имени отца – Васильевы – А.П.).* Горячо любивший их Василий Львович незадолго до смерти специально влез в большие неоплаченные долги – для того, чтобы претендовавший на вторую половину имения родной брат не особо «рвался к наследству», поскольку получить его можно было только в случае выплаты долга покойного. 60 тысяч рублей (сумма долга) у Сергея Львовича Пушкина не оказалось, и он отказался от доли брата.

Эту сумму очень хотел найти сам поэт, всей душой полюбивший Болдино и мечтавший об объединении былого пушкинского имения. Но тут интересы Александра Сергеевича столкнулись с интересами его кузины *Маргаритки* (Маргариты Васильевны) и её мужа – Петра Романовича *Безобразова.* Именно о них идёт речь в процитированном выше письме.

Орловский помещик Безобразов (из брянской ветви известного дворянского рода), родился в 1796 году и в 16-летнем возрасте отправился юнкером на войну с Наполеоном. За отличие он быстро получил чин прапорщика, но уже в 1813 году в великой "Битве народов" под Лейпцигом, в составе 21-го Егерского полка, получил тяжелую пулевую рану в ногу. После этого 17-летний инвалид ушёл в отставку с мундиром и пенсионом, но через несколько лет он вновь поступил на военную службу, уже в

кавалерию. Однако разбитая пулей кость в ноге постоянно давала о себе знать, и в 1824 году гусарский офицер Петр Романович Безобразов ушёл в отставку по болезни в чине ротмистра. Из своего брянского имения он переехал в Москву, где к этому времени жила его родная сестра Елизавета Романовна, вышедшая замуж за Ивана Сергеевича Свицкого. Свицкие общались с Пушкиными, и где-то пути Петра Безобразова и Маргариты Васильевой пересеклись. Они познакомились, полюбили друг друга и поженились.

Вполне естественно, что Петр Романович с женой неоднократно бывал в Болдино, там осенью 1833 года и столкнулся с ним поэт. Самое любопытное, что стремясь обхитрить друг друга, чтобы приобрести наследство Василия Львовича Пушкина, они *«оба уверяли партнера в огромном желании приобрести это чудесное село»* (а романтичный Александр Сергеевич даже сам в какой-то момент в это поверил), но на деле у обоих с финансами были большие затруднения. У Петра Безобразова были даже не деньги, а только вексель жены, да и 60 тысяч было недостаточно, чтобы купить Болдино. А у Пушкина и того не было, а деньги шли ему только от продажи в тот момент его изданного исторического сочинения «История Пугачева». Хоть Александр Сергеевич и заявил тогда в письме, что он Безобразова перехитрил, но на деле у обоих ничего не вышло: никому приобрести вторую часть села Болдина не удалось.

Просто Безобразовы…

Вот так, уважаемый читатель, я вывел перед тобой на сцену двух представителей из дворянского рода Безобразовых. Теперь пришла пора чуть подробнее рассказать о самом роде, поскольку он имеет непосредственное отношение к Орловщине.

Несмотря на то, что несколько раз уже названная фамилия не очень благозвучна, Безобразовы с начала XVI века были хорошо известны при великокняжеском престоле. Первый из них, по прозванию Христофор, по преданию, при великом князе Василии Дмитриевиче, выехал из прусской земли в Москву, принял православную веру с именем Михаила; он-то и был в России родоначальником Безобразовых.

Безобразовы служили в воеводах, а один из членов этого рода, Юрий Васильевич, был судьей в Москве в 1507 году. Алексей Андреевич, сын боярский Дмитровского уезда, Дмитрий и Иван Андреевичи, дети боярские Вяземского уезда, получили от Иоанна Грозного поместья в Московском уезде 2 октября 1550 г.

Владимир Матвеевич в 1576 году получил редкое в тогдашнее время отличие: царскую грамоту, за верную и усердную службу ему дозволено писаться с «вичем».

Семен Андреевич и Иван Семенович, дети боярские, Брянского уезда, участвовали в избрании на царство Михаила Федоровича. В 1699 году сорок семь Безобразовых владели населенными имениями.

Обычно историки говорят о брянской, владимирской, казанской, калужской и смоленской ветвях рода Безобразовых, но при работе с «Ревизскими сказками» Малоархангельского уезда Орловской губернии мне удалось найти сразу несколько представителей этого семейства.

Сельцом Гремячий Колодезь, что было при селе Луковце, владели поручик Александр Александрович Безобразов и вахмистрша из дворян Авдотья Андреевна Безобразова. Сельцо Знаменское, *«что было в деревнях Подкопаевой и Кобозевой»*, принадлежало *«Смоленского драгунского полку порутчикам Капитону и Михайле Михайловым детям Безобразовым, Игнатию Филиппову сыну Безобразову и секунд-майору Василию Игнатьеву сыну Безобразову».*

И, наконец, здесь же, в селе Луковец Малоархангельского уезда, находилось имение генерал-майора Николая Михайловича Безобразова (1796-1839) и его жены Александры Александровны, урождённой Бибиковой. Полковник лейб-гвардии Московского, а потом – лейб-гвардии Волынского полка, генерал-майор с 1837 года, Николай Михайлович Безобразов упоминается в агентурных сведениях III отделения о Пушкине от 13 июля 1827 года среди других посетителей поэта в гостинице Демута. То есть, он тоже был в числе знакомых великого русского поэта, за которыми следила «охранка».

Но если упомянутые мною Безобразовы так или иначе были связаны с судьбой великого русского поэта, то последний из представителей этого известного рода, Александр Михайлович, оставил в русской истории следы не очень хорошие, известные, как действия «безобразовской клики». А.М.Безобразов и его сообщники способствовали поражению России в русско-японской войне 1904-1905 годов и дальнейшему неблагоприятному течению событий, приведших к Первой Мировой войне и революциям 1917 года. Правда, сам Александр Михайлович пережил своего царственного покровителя. После революции он эмигрировал во Францию и простился с миром земным в Русском старческом доме в Сент-Женевьев-де-Буа в 1931 году в возрасте 78 лет.

И в заключение скажу, что значительную часть информации о Безобразовых и их связях с великим русским поэтом Пушкиным мне сообщил профессор Владимир Векслер из парижского университета «Paris-Sud (Париж-Юг XI)», о котором я рассказывал в предыдущем очерке. Дело в том, что Екатерина Романовна Безобразова, по мужу – Свицкая – прапрапрабабка Векслера, и он, копаясь в документах по своей родословной, сумел выйти на связи Безобразовых с Пушкиным.

Помещики Мусины-Пушкины

О том, что великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин связан с Орловщиной, ты, читатель, только что прочитал. О некоторых других моментах ещё прочтёшь, например, о легенде, как Александра Сергеевича приняли в Малоархангельске за ревизора, а он потом этот сюжет подарил Николаю Васильевичу Гоголю. Так родился бессмертный «Ревизор».

«От лошадиного удара умре без покаяния...»

А вот о том, что другие Пушкины, с приставкой Мусины, из общего с великим поэтом рода, тоже были орловскими помещиками, я думаю, не знает почти никто из наших земляков. Лично я обнаружил это совершенно случайно и, удивительное дело, при изучении метрических книг Михаило-Архангельской церкви города Малоархангельска за 1790–1792 годы (Государственный архив Орловской области, ф.101., опись 1, ед. хранения 1949 – А.П.).

Мало того, что чтение такого рода документов само по себе увлекательное занятие. Чего стоит, к примеру, такого рода запись: *«11 мая 1797 года бывшего города Малоархангельска купец Илья Григорьев от лошадиного удара умре без покаяния и погребён по христианской должности».* И было этому купцу, ненароком подвернувшемуся под лошадиное копыто, всего 26 лет.

Или вот ещё одна запись – декабря 1797 года: *«города Орла мещанин Семён Горбунков утоп и по христианской должности погребён».* Трудно сказать, где зимой в Малоархангельске (там и реки-то настоящей нет, только ручей – А.П.) умудрился найти место для такой смерти 35-летний тёзка известного персонажа «Бриллиантовой руки», но, видно, очень старался – или наоборот – крупно не повезло.

«Маму для графа? Пожал-те в Костюрино!»

А теперь, перехожу, собственно, к главному предмету разговора – графам Мусиным-Пушкиным. В метрической книге Михаило-Архангельской церкви за 1790 года эта фамилия мне встретилась трижды – в январе, августе и октябре. Во втором и третьем случаях речь шла о рождении детей у крепостных крестьян графа Мусина-Пушкина: 28 августа 1790 года – у крестьянина Николая Степанова родился сын Прохор, 27 октября 1790 – у крестьянина Дениса Фёдорова родилась дочь Прасковья.

Но лучшей находкой оказалась для меня первая по времени запись*: «27 января 1790 года графа Алексея Семёновича Мусина-Пушкина крестьянин сельца Богородского Сергей Злизунов понял поручика Семёна Ергольского крепостную девку Марфу Кириллову, оба – православного вероисповедания и первым браком».* В этой записи названы не только имя-отчество графа Мусина-Пушкина, но и его владение – сельцо Богородское. На всякий случай объясню читателям, что слово *«понял»* в данном контексте в XVIII веке означало – *«взял в жёны, женился».*

Итак, граф Алексей Семёнович Мусин-Пушкин оказался орловским помещиком, хотя в справочной литературе о нём обычно говорится только о его имениях в Московской и Тульской губерниях (Московский и Богородицкий уезды). Покопавшись в генеалогическом древе графа, мне удалось найти любопытную информацию. Оказывается, его отец, Семён Петрович (по другим источникам, Семён Львович – А.П.) Мусин-Пушкин, был женат трижды. О жёнах его известно очень мало, но фамилию первой мы знаем: Костюрина. Имя-отчество её историкам выяснить пока не удалось, но именно она – мать Алексея Семёновича. А в метрических книгах Михаило-Архангельской церкви города Малоархангельска мне встретился в записях и помещик по фамилии Костюрин, и деревня с таким же именем. Деревня существует до сих пор и находится рядом с Малоархангельском, к востоку от него, почти у самой трассы на Колпну.

И наверняка, это не просто совпадение. Мусины-Пушкины, породнившись с Костюриными, стали владельцами здешнего имения, которое в документах XVIII века чаще называлось сельцо Богородское.

«Его стараньями пополнен Эрмитаж...»

А теперь, я думаю, настала пора сказать несколько слов об Алексее Семёновиче Мусине-Пушкине. Известный русский дипломат XVIII века, посланник в Великобритании и Швеции,

действительный тайный советник, граф Священной Римской империи, он свыше 30 лет представлял интересы России на международной арене. Начинал с чина поручика при русском посольстве в Вене, потом был резидентом в Данциге, чрезвычайным посланником в Гамбурге и, наконец, с середины 60-х годов XVIII века наступает пик его карьеры: посланник (в ранге полномочного министра) в Великобритании, потом – в Швеции.

В Лондоне Мусин-Пушкин жил в наёмном посольском доме на Гроссвенор-стрит, где радушно принимал многих русских путешественников, в том числе графиню Е.Р. Дашкову, А.С. Строганова, И.И. Шувалова, Н.А. Демидова, А.Б. Куракина (сына Б.И. Куракина — посла в Великобритании в начале XVIII века).

Мусина-Пушкина Елизавета Фёдоровна

Мусин-Пушкин Алексей Семёнович

Что касается собственно качеств дипломата, то, по отзывам современников, в анализе политической ситуации Алексей Семёнович был слаб. Он однажды даже вызвал гнев Екатерины II, не уведомив её об объявлении Испанией войны Англии, и императрица узнала об этом из газет. А вот донесения Мусина-Пушкина Екатерине II, касавшиеся государственных учреждений и промышленности Англии, царица прочитывала внимательно и с гораздо большим интересом, особенно приводимые дипломатом статистические таблицы.

Важную роль Алексей Семёнович сыграл и в приобретении Россией коллекции британского премьер-министра Роберта Уолпола. В декабре 1778 года через Мусина-Пушкина к императрице обратился его внук Джордж Уолпол, граф Орфорд, с предложением купить собрание деда — известного коллекционера. Несмотря на поднятую в английском парламенте кампанию с целью покупки картин в национальную собственность, через два месяца они были приобретены Екатериной II за 40 тысяч фунтов. Коллекция Уолпола обогатила собрание Эрмитажа картинами Рубенса, Ван Дейка, Иорданса, Рембрандта, работами Пуссена и других мастеров. При его содействии для Екатерины II были также приобретены «*Сервиз с зелёной лягушкой*» Веджвуда и изделия фабрики Боултона.

Умер Алексей Семёнович Мусин-Пушкин в 87-летнем возрасте, не оставив наследников. Его имения и дома в Москве перешли под управление второй жены (первая рано скончалась), Елизаветы Фёдоровны, (в девичестве – Шарлотта-Амалия-Изабелла Вартенслебен – А.П).

Когда в 1835 году скончалась и она, все имения по её завещанию были переданы Ивану Петровичу Мусину-Пушкину, племяннику мужа.

Герой Бородина и благотворитель

Об Иване Петровиче стоит сказать отдельно, поскольку он, унаследовав все имения дяди, (10 деревень в Богородском и Московском уездах, каменный дом в Москве на Мясницком бульваре, и другие владения, в том числе и в Малоархангельском уезде Орловской губернии), тоже стал орловским помещиком.

Иван Мусин-Пушкин рано лишился родителей и воспитывался в доме дядюшки-опекуна – Алексея Семёновича, оказавшись для приёмных родителей благодарным воспитанником и настоящим сыном.

Иван Петрович служил в Лейб-гвардии Измайловском полку, участвовал в его составе во многих сражениях и войнах, за отличия в которых был награждён несколькими орденами и золотой шпагой с надписью «За храбрость». За мужество в Бородинском сражении был пожалован штабс-капитаном и награжден орденом Святого Владимира с бантом (полк выстоял в каре на Семеновских высотах под жестокими ударами 400 орудий и отразил нападения тяжелой кавалерии).

20 мая 1816 года он получил звание полковника, а 21 декабря того же года был уволен «с мундиром» в отставку «по болезни».

Имея своё большое состояние и получив наследство от тётушки, Иван Петрович устроил замечательную усадьбу Старо-Никольское в Подольском уезде и построил каменную церковь Святого Николая Чудотворца в селе Оболдино Московского уезда. Денег на благотворительность он не жалел. Умер Иван Петрович Мусин-Пушкин в 1863 году, похоронили его на кладбище Новодевичьего монастыря.

В Алфавитный Указатель Дворянских родов Орловской губернии ни Алексей Семёнович, ни Иван Петрович Мусины-Пушкины внесены не были. Зато в эту главную дворянскую книгу губернии вписаны граф Алексей Павлович Мусин-Пушкин и его жена Любовь Александровна. В каких родственных связях находились они по отношению к героям моего рассказа и чем отличились – это уже отдельная история.

Как орловский губернатор Боборыкин героя взятия Парижа обидел

Иван Михайлович Казаков, 85-летний коллежский советник и помещик Малоархангельского уезда, в ночь перед Рождеством Богородицы (с 7 на 8 сентября) 1882 года, не ложился спать. Дождавшись, когда его домашние ушли к заутрене, он достал из своего английского дубового шкапа пузырек с чернилами, ручку с серебряным пером и, разложив перед собой гербовый лист бумаги, несколько раз тяжело вздохнул.

«Пусти или убью!»

Потом оглянулся на двери и окна, перекрестился на темный образ Богородицы, по обе стороны которого стояли шкафы с книгами, и склонился над столом. *«Его превосходительству Господину Орловскому губернатору прошение»* – каллиграфическим, несмотря на возраст, почерком, вывел коллежский советник первые слова.

Размышляя, как начать прошение, вспомнил Иван Михайлович своего папеньку, Михаила Андреевича, хорошо известного не только среди орловских и тульских дворян, но и при царском дворе. Михаил Андреевич Казаков был на короткой ноге с самим генералом Ермоловым. В Тульской губернии, в сельце Котельном Новосильского уезда, М.А. Казакову принадлежало имение, в котором и родился 27 апреля 1797 года Иван Михайлович.

В 12-летнем возрасте он поступил в Пажеский корпус и быстро стал в этом привилегированном учебном заведении одним из лучших учеников, которому доверили обслуживать лично Императора Александра I и его семью.

По окончании учёбы в июне 1813 года камер-паж Казаков был произведен в прапорщики гвардии и назначен в прославленный лейб-гвардии Семеновский полк. Через Орёл, Чернигов, Бобруйск и Гродно 16-летний прапорщик добирался до назначенного места. То, что молодой офицер — не из робкого десятка, Иван Казаков доказал уже на пути к действующей армии.

Между Черниговом и Бобруйском, где почти вся дорога шла лесами, его пытались ограбить местные разбойники. Вспоминал Иван Михайлович, как вдруг из кустов выскочила темная фигура и схватила за повод коренную лошадь, которая уперлась и стала пятиться назад. Выхватив пистолет, прапорщик закричал: «Пусти или убью!». Разбойник начал свистать, из чащи послышался шум; тогда Казаков выстрелил, фигура отшмыгнула в лес; а 16-летний горячий офицер выскочил из повозки с саблей и другим пистолетом, бросился за ней; однако оклик сопровождавшего дядьки: «Куда Вы, в лесу Вас убьют, садитесь скорее» — его образумил, и они поскакали дальше.

Шампанское от генерала Ермолова

Иван Михайлович встряхнул головой, отогнав нахлынувшие воспоминания, и продолжил:

«При учреждении становых приставов назначен был 1-ый стан, и квартира определена в селе Губкине, но в селе Луковце на той же большой дороге, где на площали близ церкви четыре кабака собирали по вечерам огромные толпы любителей пьянствовать, в числе много жуликов и карманников, которые обкрадывали и грабили проезжих и крестьян, заводили нарочно ссоры и драки, чтоб в суматохе удобно обокрасть, и обкраденный, избитый, не имея, кому принести жалобу, считал себе счастием уехать из этого омута.

Наконец, все эти грабежи достигли слуха начальства, и квартира 1-го стана переведена была в село Луковец, тем самым прекратилось это безобразие…».

Старый вояка снова задумался, вспомнив Париж и генерала Ермолова, к которому он явился утром 18 марта 1814 года, накануне штурма столицы Франции русскими войсками: «К вашему превосходительству от лейб-гвардии Семеновского полка

на ординарцы прислан». И последовавший разговор на долгие годы врезался в память молодому офицеру:

«Как твоя фамилия»? — «Прапорщик Казаков». «А, любезный, так ты из камер-пажей, да я и с отцом твоим знаком — смотри — будем нынче хлопотать и трудиться, а завтра, может быть, и отдых — и в Париже побываем». — Да, ваше превосходительство, если не убьют. «Ну, это кому что придется».

Трижды в течение этого славного дня 18 марта прапорщик Казаков был на волосок от гибели. Вначале он вместе со своим конём чуть не попал под колёса французской пушки, которую, спасаясь бегством, тащила бешено мчавшаяся четвёрка лошадей.

Во второй раз Казакова спас генерал Ермолов, когда ординарец в очередной раз докладывал ему о выполнении задания. Алексей Петрович, из-за оглушительной стрельбы не слыша доклада, приказал прапорщику подъехать поближе, и в это время вражеское ядро разорвалось на том месте, где несколько секунд назад находился Казаков. Убиты были трое гвардейцев, но над ухом Ивана Казакова смерть только свистнула.

Третий эпизод случился в самом конце сражения, около 16 часов пополудни, когда стрельба уже почти затихла, и вот-вот должна была состояться сдача города. С высокой трёхъярусной башни неожиданно началась прицельная оружейная пальба, под которую угодил уже не только Казаков, но и сам генерал Ермолов с охранением. Один казак был ранен, но к счастью, стрельба быстро прекратилась. Победу прапорщик Казаков отметил стаканом французского шампанского, которым угостил его генерал Ермолов (правда, осилил Иван Михайлович только половину — не пил он к этому времени ещё совсем — А.П.). Он был очень рад, что остался жив и не ранен, и что ему предстояло увидеть в Париж.

«Не имея никакой защиты...»

«Да, было время золотое», – смахнул предательскую слезу коллежский советник и, взяв себя в руки, продолжил письмо:

«Так как жительство моё и имения мои около села Луковца, то к ужасу моему и всех многочисленных добрых мирных жителей дошло распоряжение о переводе к 15 числу стана в город Малоархангельск, где вся администрация, уездная полиция, частные надзиратели, квартальные и войско – и мы, несчастные жители, остаёмся, как какие-то отверженцы, на произвол и буйство злоумышленников, не имея никакой защиты, и не к кому обратиться даже с жалобой и потому осмеливаюсь утруждать

Ваше Превосходительство всепокорнейшей просьбой – прикажите отменить это распоряжение во время Вашего отъезда отсюда.

Сентября 7 числа 1882 года.

Коллежский советник Иван Михайлов Казаков».

Запечатав письмо сургучом, старый воин закончил свои ностальгические воспоминания теми эпизодами, которые касались уже его мирной жизни в окрестностях села Луковец. Выйдя в отставку в 1827 году в чине подполковника, Иван Михайлович Казаков жил в своём имении уже 55 лет. Четырежды избирался малоархангельским уездным предводителем, поскольку как среди местных дворян, так и среди обычных обывателей пользовался огромным авторитетом – и за военное прошлое, и за деловые качества, и (это отдельно) – за охотничью страсть.

А в 1855 году его избрали начальником малоархангельского ополчения, и Иван Михайлович Казаков, сформировав дружину из местных ратников, привёл её в Крым, где разворачивались события Крымской (Восточной) войны.

В сельце Алексеевка он успел написать живописные и красочные воспоминания, опубликованные уже после его смерти в журнале «Русская старина» под названием «Поход во Францию 1814 года». Из них, дополненных биографическими заметками его внука, генерала Александра Безгина, и материалами Государственного архива Орловской области, я и почерпнул сведения, о которых сейчас рассказываю.

В общем, уважаемый, читатель, ты уже убедился, что персонаж моего повествования (которое я начал по-чеховски) был достойнейшей личностью. И его знали, конечно же, в среде губернских дворян и чиновников. Но… он был ветеран, не часто появлявшийся в последнее время в свете.

Полицейский реформатор и его оппонент

Орловский губернатор Константин Боборыкин, управлявший губернией уже пять с лишним лет к моменту описываемых событий, успел и на прежних должностях зарекомендовать себя с лучшей стороны в глазах императора Александра II, а потом – и Александра III.

В Орле Боборыкин отличился, прежде всего, организацией помощи раненым воинам, поступавшим с фронта Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. При нём в Орле были открыты два первых постоянных моста: через Орлик (Александровский, названный в честь императора Александра II) и через Оку (Мариинский – в честь императрицы Марии Фёдоровны).

И, наконец, Константин Николаевич практически сразу после назначения его губернатором начал активно проводить преобразования в уездной полиции. Проект был разработан министерством внутренних дел и предусматривал изменения численности и границ полицейских участков (станов). Под эту «раздачу» попал и Малоархангельский уезд, где становую квартиру 1-го стана (по намеченной «оптимизации») планировалось перенести из села Луковец в город Малоархангельск. С позицией Ивана Михайловича Казакова ты, читатель, успел познакомиться из его письма губернатору.

Орловский губернатор Константин Боборыкин

Участник Заграничных походов Русской армии и взятия Парижа в 1814 году, подполковник в отставке, Казаков очень надеялся на понимание со стороны Его Превосходительства как человека военного. И потому, отправив письмо в Орёл с нарочным, Иван Михайлович рассчитывал получить ответ.

Медаль «За взятие Парижа»

Мне неизвестно, прочёл ли губернатор Боборыкин письмо, которое написал ему Казаков, потому что в фондах ГАОО, среди

послужных формуляров, в которых я это прошение обнаружил, ответа просителю от Его Превосходительства не имеется.

Но даже если Константин Николаевич ознакомился с просьбой бывшего предводителя дворянства, то реакция губернатора оказалась отрицательной. Становая квартира 1-ого стана Малоархангельского уезда с 15 сентября 1882 года, как и планировалось, была перенесена из села Луковец в уездный город. И буйные посетители четырёх здешних кабаков отныне снова стали наводить страх на мирных обывателей. Так что, хоть Ивана Михайловича Казакова не ткнули «в харю» селёдкой, как его тёзку в рассказе А.П. Чехова, но, по сути, произошло то же самое.

Константина Боборыкина за 12 лет орловского губернаторства императоры удостоили чина генерал-лейтенанта, «монаршего благоволения» и ордена Белого Орла. Уволен он был от службы «по болезни» 30 января 1888 года. Скончался полицейский реформатор в 1904 году.

Герой взятия Парижа долго переживал по поводу молчания начальства на своё прошение и утешение находил в любимой охоте с борзыми. В очередной из них, когда Иван Михайлович лично загнал матёрого волка, он сильно простудился и скоропостижно скончался 7 октября 1883 года. Шёл в ту пору Казакову 87-й год. Могила его на Луковецком кладбище, к сожалению, утеряна.

Это произошло весной 1955 года, когда в селе Луковец прогремел сильный взрыв, разрушивший местную Покровскую церковь. Вместе с ней уничтожены были тогда расположенные с нею рядом старинные фамильные склепы, в одном из которых хоронили своих родственников местные помещики Казаковы. Надгробная плита одного из них, генерал-майора Петра Козакова (сына Ивана Михайловича – А.П.), оказалась потом на долгие годы заброшенной и заваленной мусором на задворках Луковецкого гражданского кладбища. Куда же исчезло надгробие его отца, выяснить до сих пор не удалось.

Но 18 ноября 2012 года в селе Луковец Малоархангельского района произошло важное событие: после 67-летнего изгнания на своё место, туда, где стояла когда-то красивейшая Покровская церковь, усилиями местных жителей возвратился надгробный камень с могилы генерал-майора и кавалера Петра Ивановича Козакова.

Будем надеяться, что найдётся и надгробный памятник с могилы его отца – адъютанта генерала Ермолова и участника взятия Парижа И.М. Казакова.

Ипполит Вревский и его Юлия

Если бы «Брильянтовый князь», как прозвали Александра Борисовича Куракина современники, жил не во второй половине XVIII-начале XIX века, а в наши дни, я уверен, он и сейчас бы пользовался большой популярностью. Некоторые уважали бы князя (или завидовали ему) за высокие чины, награды и за колоссальное состояние (значительная часть его владений находилась и в Орловской губернии).

«Брильянтовый князь» и его «воспитанники»

А вот другие постоянно удивлялись бы способностям Александра Борисовича (возможно, выражусь грубо, но суть выражу точно – А.П.) в «детопроизводстве». Проживший сравнительно долгую (66 лет) для того неспокойного времени жизнь, князь ни разу не был женат, но имел многочисленные связи с красавицами из разных слоёв российского общества, в результате чего на свет появилось до 70 (или даже 80) отпрысков «брильянтового». Такому искусству у Александра Борисовича стоило бы, наверное, поучиться очень и очень многим – в целях «не оскудения» нашего российского народонаселения.

Куракин Александр Борисович

Тем более, и это совершенно точно, что князь Куракин о своём потомстве, особенно, – о «воспитанниках» – заботился с самого их рождения и вплоть до своей смерти. «Воспитанники» – это признанные Александром Борисовичем дети, которым он, по законам Российской империи, не имел права дать свою фамилию и передать наследство, но вполне мог обеспечить им комфортное существование и дать приличное образование.

А восемнадцати самым любимым отпрыскам князь добился дворянства и баронского титула, дал своё отчество (Александровичи) и обеспечил им пожизненное содержание. Правда, все они были не Куракины, а Сердобины (11 человек) и Вревские (семеро). О первом из баронских родов я пока умолчу.

Один отец и три матери

Мой рассказ – о Вревских. Их было семеро: Борис, Степан, Мария (от крепостной крестьянки Акулины Самойловой), Павел, Ипполит, Аделаида (от крепостной Ирины Васильевой) и Александр (его мать осталась неизвестной). Первые трое получили баронский титул от австрийского императора, а Александр I спустя два года утвердил пожалование своим указом, четверо же младших Вревских стали баронами уже по русским законам.

Фамилию этих своих «воспитанников» князь Куракин образовал от села Врев, Островского уезда Псковской губернии, в котором находилось одно из его имений, полученное в дар от императора Павла I. Александр Борисович построил свою усадьбу рядом с селом, на восточном берегу озера Евсеево, недалеко от сельского погоста, и дополнил прежнее название своим именем: получилось – Александрово-Врев.

На Орловщине из всех Вревских известна, наверное, только Юлия Петровна – та, которой Иван Сергеевич Тургенев посвятил знаменитое стихотворение в прозе: *«На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая,- с лишком две недели умирала она от тифа…»*. Этой замечательной женщине, организовавшей на собственные средства санитарный поезд для помощи раненым во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, лично и бескорыстно работавшей в нём и умершей на боевом посту, посвятили стихотворения Яков Полонский и Виктор Гюго, а вспоминали баронессу Вревскую добрыми словами все, кому хоть раз довелось её увидеть. Когда же в обществе заходила речь о семейном положении Юлии Петровны, говорили: «Вдова генерала, с которым до его трагической гибели прожила она меньше года».

Герой Кавказской войны

Об Ипполите Александровиче Вревском чаще писали просто как о муже ставшей известной своей жертвенностью женщины. А между тем этот человек достоин того, чтобы его чрезвычайно интересную и героическую биографию, особенно на Орловщине, знали несколько лучше, чем сейчас.

Ипполит был самым младшим из сыновей князя Куракина: он родился весной 1814 года (в некоторых источниках называется 1813 год), когда любвеобильному отцу было уже за 60.

О детских годах Ипполита Вревского нам мало что известно. А в 18-летнем возрасте он начал военную службу, будучи зачисленным в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Ипполит Александрович учился здесь

вместе с Лермонтовым, своим одногодком. Будущий великий русский поэт, по словам одного из соучеников, А.Есакова, относился к Вревскому с большим уважением. В 1833 году Вревский был произведён в прапорщики Лейб-гвардии Финляндского полка и поступил в Военную Академию, по окончании которой был зачислен в Генеральный штаб и направлен на Кавказ, где и протекала вся его дальнейшая служба.

Послужной список Вревского свидетельствует о блестящей карьере молодого офицера. Благодаря исключительным военным качествам, он стремительно продвигался по служебной лестнице. Уже в первой своей боевой экспедиции, предпринятой в 1838 году в составе группы Раевского, Ипполит Александрович отличился при штурме Аргуани (восточное побережье Чёрного моря), где получил ранение и удостоился чина капитана.

В 1840 году он участвовал в усмирении Чечни, в 1841 году – сражался с отрядами Шамиля. В 1842 году за постройку укрепления и удачно выполненную операцию был награждён орденом Станислава 2-ой степени и произведён в подполковники. В 1844–1845 годах Ипполит Вревский участвовал в нескольких походах и в первый раз награждён был золотым оружием «За храбрость».

После присвоения в 1845 году чина полковника и назначения командиром Навангинского пехотного полка, Вревский в течение четырёх лет находился с ним на Левом фланге Кавказской линии, участвуя во многих экспедициях вглубь Чечни. В 1849 году Ипполит Александрович был произведён в генерал-майоры, а через год назначен начальником Владикавказского военного округа. В течение трёх лет охранял он пограничную линию от неоднократных покушений Шамиля, за доблесть и распорядительность был во второй раз награждён золотым оружием (с бриллиантами) и надписью «За храбрость», а вскоре удостоился ордена Св. Георгия 4-й степени.

Русские офицеры, находясь на Кавказе длительное время, обзаводились местными жёнами, не регистрируя свои браки официально. Так было у Алексея Петровича Ермолова, то же самое произошло с героем моего рассказа. Впрочем, у Ипполита Вревского был свой собственный пример для подражания – родной отец.

«Добра – бесконечно...»

Ни один из источников не сообщает нам имя гражданской жены барона. К 1852 году у генерал-майора Вревского было уже

трое детей, но вскоре после появления на свет сына Николая жена-горянка скончалась. Незаконнорожденные дети носили фамилию Терских, а их воспитание, в силу занятости службой, генерал поручил родным брату и сестре.

Прошла ещё пара лет и, находясь как-то в гостях в Ставрополе у друга-генерала Петра Варпаховского, Ипполит Александрович увидел знакомую ему с детских лет Юлию, Жюли, дочь хозяина. Увидел – после долгого перерыва – и влюбился: *«Я тебя ещё не известил о моём очень скором браке с Юлией Варпаховской,-* писал он вскоре брату. – *Жюли…блондинка, выше среднего роста, со свежим цветом лица, блестящими умными глазами; добра – бесконечно. Ты можешь подумать, что описание это вызвано моим влюблённым состоянием, но успокойся, это голос всеобщего мнения».*

Вревский Ипполит Александрович

Вревская Юлия Петровна

Женившись на юной Юлии, Ипполит Александрович увёз её во Владикавказ, где у генерала был собственный дом. 17-летней молодой жене нелегко было выполнять обязанности хозяйки (ей часто приходилось встречать многочисленных посетителей и гостей), но ведь она была дочерью военного, хорошо знала быт кавказских офицеров и потому внесла в быт семьи жизнерадостность, сердечность, тепло, нежность. Не забывала

Юлия Петровна и о незаконнорожденных детях мужа, окружив их заботой и вниманием (кстати, один из них, Николай Ипполитович, уже после гибели отца, был Орловским дворянским собранием причислен к дворянству, но без права получения отцовского наследства – А.П.).

Но семейное счастье Вревских было недолгим: генерал-лейтенант (этого звания Ипполит Александрович был удостоен в 1856 году) вернулся к исполнению обязанностей командующего войсками Лезгинской кордонной линии. В 1857 году Вревский предпринял две удачные операции и в третий раз удостоился золотого оружия с надписью «За храбрость», а 20 августа 1858 года, при штурме аула Китури (Мзгинские высоты, ныне – Цунтинский район Дагестана – А.П.) генерал был смертельно ранен ружейной пулей.

Его перевезли в город Телав (Тифлисская губерния, ныне – город Телави в Грузии – А.П.), где 29 августа Ипполит Александрович скончался на руках у своей жены, завещав похоронить себя рядом с братом Павлом в Успенском соборе в Крыму или во Владикавказе около храма, сооружённого на его средства. Однако однополчане и грузинская знать уговорили Юлию Петровну похоронить героя в Телаве, в Свято-Успенском соборе. Через пять лет генералу Вревскому установили здесь, на могиле, памятник из чугуна с решёткой, заказанной в Париже. К сожалению, до наших дней ни могила, ни памятник не сохранились.

Малоархангельские помещики Вревские

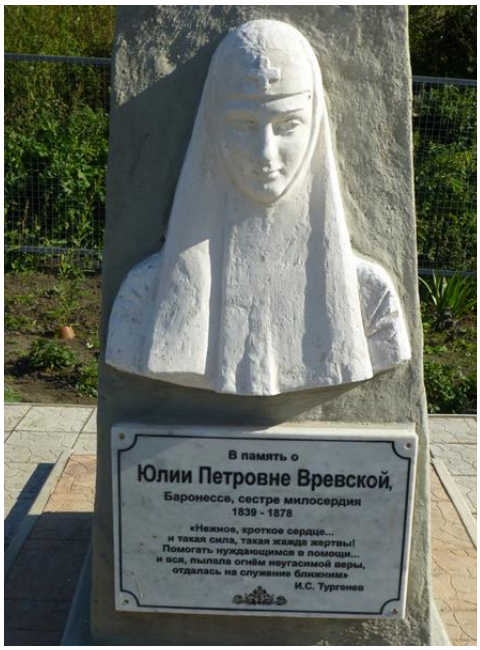
А теперь последнее – о тесной связи героя Кавказской войны с нашим краем. Вревский, как и его родной отец, князь Куракин, был орловским помещиком. Согласно данным «Ревизских сказок владельческих крестьян» за 1858 год (10-я перепись, ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр. 401), в Малоархангельском уезде Орловской губернии генерал-лейтенанту и кавалеру Ипполиту Александровичу Вревскому принадлежали деревни Степановка и Берёзовка, сельцо Мишково и село Покровское – со 152 крестьянскими дворами и 1095 крепостными душами (генерал выкупил эти имения 6 апреля 1842 года за 95 тысяч 464 рубля 28 копеек, когда они были выставлены на аукционный торг за долги их владельца, князя Алексея Борисовича Куракина – А.П.).

Если ты, читатель, обратил внимание, то год, в течение которого проводилась 10-я перепись населения, совпал с датой гибели генерал-лейтенанта Вревского, но Ипполит Александрович

ещё значится в этих документах живым. Поскольку наследников законных, от брака с Юлией Петровной, у героя Кавказской войны не успело появиться, то все орловские имения героя Кавказской войны перешли частью – к вдове генерала, а частью – к его родному брату, Борису Александровичу Вревскому.

Одно из своих имений баронесса Вревская продала для организации санитарного поезда, с которым отправилась на помощь раненым.

И там, в других горах, Балканских, и на другой войне, русско-турецкой, 20 лет спустя, её беспокойная душа соединилась, наконец, с душой любимого мужа, чтобы не расставаться им уже никогда.

Памятник Юлии Вревской
в селе Лески
Малоархангельского района

Памятник Юлии Вревской в селе Дубовик
Малоархангельского района

Александр – Борис – Александр – и далее до бесконечности (Вревские. Часть вторая)

Самыми популярными именами в роду князей Куракиных были, несомненно, Александр и Борис. Целых четыре Александра Борисовича известны историкам на протяжении 17-19 веков. Эту любовь к двум именам Куракины передавали по наследству, в том числе, и незаконно рожденным потомкам.

Знакомые Александра Пушкина

Барон Борис Александрович Вревский, один из семи «воспитанников» «брильянтового князя» с такой фамилией и родной брат героя Кавказской войны Ипполита Александровича (смотри предыдущий очерк – А.П.), своего старшего сына назвал Александром (по традиции, в честь деда – А.П.). Причём, делать ему это пришлось дважды, потому что первый из Александров скончался в возрасте одного года.

Борис Александрович Вревский окончил полный курс в Благородном пансионе при Санкт-Петербургском Университете, и обучался он на одном курсе с Львом Пушкиным – родным братом великого русского поэта. Прослужив короткое время в лейб-гвардии Измайловском полку, Борис Вревский в ноябре 1827 года вышел в отставку в чине подпоручика и переехал в построенное им имение Голубово в Псковской губернии. В 1827–1832 годах он исполнял обязанности дворянского заседателя Псковского приказа общественного призрения, позже входил в первый состав Островского уездного земского собрания и временно исполнял обязанности Островского уездного предводителя дворянства.

7 июля 1831 года Борис Вревский женился на Евпраксии Вульф, соседке из имения Тригорское (оно находилось в 35 верстах от Голубово), дочери тверского дворянина, отставного коллежского асессора, Николая Ивановича Вульфа и его супруги Прасковьи Александровны.

С раннего возраста Евпраксия была близко знакома с Александром Пушкиным, который являлся их соседом (проживал в имении Михайловское) и дружил с её родителями. Одно время Александр Сергеевич был влюблён в девятнадцатилетнюю Евпраксию Николаевну и называл её «Зина» и «Зизи». Под вторым именем она упомянута поэтом в пятой главе романа «Евгений Онегин»:

Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и блан-манже,
Цимлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

Когда Евпраксия Николаевна вышла замуж за Бориса Вревского, и молодожёны стали жить в имении Голубово, то

Пушкин неоднократно посещал их. По преданию, поэт помогал благоустраивать усадьбу: копал грядки, сажал деревья и цветы; и, как об этом писал биограф А. С. Пушкина В. В. Вересаев, *«даже принимал участие в рытье пруда»*, в который обронил свою трость. Пользовался Александр Сергеевич и библиотекой Вревских, насчитывавшей свыше 3000 томов. Среди них находились и книги самого Пушкина, например, первое полное издание «Евгения Онегина» 1833 года с надписью автора: *«Баронессе Евпраксии Николаевне Вревской. 22 сентября 1835. Михайловское».*

Упоминание, вкупе с дарственной надписью А.С. Пушкина «Твоя от твоих» к баронессе на томике 4 и 5 глав этого романа, привело к зарождению легенды и последующим спорам в литературоведческих кругах о том, являлась ли Евпраксия Николаевна прообразом героини произведения – Татьяны Лариной? Известно также, что именно ей Пушкин рассказал о своей предстоящей дуэли с Жоржем Дантесом, но, по каким-то причинам, Евпраксия Вревская никого об этом не предупредила.

У супругов Вревских было 11 детей, большинство из которых оставило свой след в российской истории. Евпраксия Николаевна умерла «от чахотки» 22 марта 1883 года в селе Голубово, и похоронили её на семейном погосте Врев. Перед смертью, несмотря на мольбы дочери, Евпраксия Николаевна сожгла все письма Пушкина, адресованные ей. Борис Александрович пережил жену на пять лет. Его могила – рядом с любимой женой.

Прообраз героя Льва Толстого

А теперь перехожу к рассказу об одном из сыновей их многочисленного потомства – Александре Борисовиче Вревском.

Он родился 31 мая 1834 в сельце Голубове Псковской губернии. В детстве, несомненно, маленькому Саше не раз доводилось видеть своего великого тёзку Пушкина – во время его приездов в это имение.

Получив первоначально домашнее образование, Александр Борисович Вревский учился в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, а с 13 августа 1852 года началась его успешная военная карьера. Отслужив несколько лет в лейб-гвардии Кирсанском Его Императорского Величества полку, Вревский блестяще закончил Николаевскую академию Генерального штаба, после чего занимал высокие должности при этом штабе, в одном из армейских корпусов и в течение пяти лет был начальником штаба Одесского военного округа.

С 28 октября 1889 года Александр Борисович являлся Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа.

По воспоминаниям одного из современников, *«по своему происхождению, связям, воспитанию и состоянию Вревский принадлежал к высшему обществу Петербурга… это был человек вполне благовоспитанный, всегда одинаково элегантный, в высшей степени корректный, вежливый и внимательный со всеми, уважавший чужое мнение, хотя бы оно шло вразрез с его взглядами. …Еще одно его свойство – это его постоянное спокойствие и сибаритизм.*

В его управлении краем имели место факты довольно угрожающего свойства; мы все начинали волноваться, но барон никогда, даже в этих случаях, не нарушал своих привычек и своим спокойствием и хладнокровием лучше всяких грозных решений успокаивал всех и направлял события к их нормальному течению».

В 1891 году, перед лицом активных попыток британского проникновения на южные рубежи Российской империи, Туркестанский генерал-губернатор предпринял ряд мер, направленных на то, чтобы предотвратить превращение Памира в антироссийский плацдарм и «восстановить права России» на эту область.

Вревский Александр Борисович

Вульф (Вревская) Евпраксия Николаевна

Генерал В.Н. Дрейер в книге воспоминаний «На закате империи», вышедшей в Мадриде в 1965 году, писал, что многие *«говорили совершенно серьезно, что Лев Толстой списал портрет Вронского с барона Вревского».*

17 марта 1898 года Вревский был произведён в генералы от инфантерии и в том же году, 17 августа, его назначили членом Военного Совета. За свою успешную многолетнюю штабную и губернаторскую деятельность Александр Борисович неоднократно получал награды и поощрения от российских императоров.

3 января 1906 года Вревский был уволен от службы «согласно прошению». Умер он 9 ноября 1910 года в городе Ментона (Приморские Альпы, Франция), но похоронили его на родовом погосте Врев (в отдельном склепе, на самом высоком месте).

Крёстный отец для сына священника

А теперь о том, как Борис Александрович и Александр Борисович Вревские связаны с Орловщиной. Дело в том, что после преждевременной смерти в августе 1858 года в результате тяжёлого ранения Ипполита Александровича Вревского его имения в Малоархангельском уезде Орловской губернии перешли по наследству его жене, Юлии Петровне, и старшему брату, Борису Александровичу. Будущая героиня русско-турецкой войны 1877-1878 годов в своих имениях некоторое время проживала – в частности, в сельце Мишково.

Бывал ли в орловских владениях Борис Александрович Вревский – пока не известно. Но зато мне посчастливилось обнаружить следы пребывания в селе Дубовик Малоархангельского уезда его родного сына, будущего туркестанского генерал-губернатора, Александра Борисовича Вревского. Вполне возможно, что он занимался здесь хозяйственными делами отца, причём, по всей видимости, находился на орловской земле не один день.

В метрической книге Покровской церкви села Дубовик Малоархангельского уезда за 1869 год я нашёл следующую запись: *«24 февраля родился, 27 февраля – крещён и назван Иоанном сын священника церкви села Дубовика Александра Егоровича Скворцова и его законной жены Марии Николаевны. Восприемниками* (то есть, крестными родителями – А.П.) *для младенца стали полковник, барон Александр Борисович Вревский и села Дубовика помещица Елизавета Васильевна Папперицъ».*

Священник Скворцов наверняка был авторитетным батюшкой, коли его младенца крестили помещики, в том числе, приехавший на какое-то время в отцовские имения полковник Генерального штаба Императорской армии (на тот период). Доводилось ли в последующие годы будущему туркестанскому генерал-губернатору заезжать на Орловщину – ещё предстоит выяснить. Но, вполне возможно, что такое событие могло иметь место, поскольку 18 марта 1885 года (через 16 лет) Александр Борисович Вревский получил в Малоархангельском уезде Орловской губернии во владение село Покровское с деревнями – по купчей от родного отца, став уже полноправным орловским помещиком.

Генерал-лейтенант Вревский (первый ряд, второй слева) и его штаб: генерал Корольков (справа от Вревского), рядом с ним британский майор Элиот, между Корольковым и Элиотом во втором ряду – Генерального штаба подполковник Галкин, крайние в первом ряду – бухарские чиновники. В третьем ряду крайний справа – военный врач Казанский.

Именем Вревского в своё время были названы посёлок в Ташкентской области, село в пригороде Чимкента и ледник на северных склонах Гиндукуша, откуда берет начало Аму-Дарья, — «ледник барона Вревского». К сожалению, в настоящее время названные населённые пункты переименованы. Что касается могилы туркестанского генерал-губернатора на погосте Врев в Псковской области, то она, как и одиннадцать других склепов, где были погребены Вревские, не сохранилась. Захоронения уничтожили в первые годы Советской власти местные мародёры.

А вот баронская фамилия продолжает жить. Профессор, доктор геолого-минералогических наук, автор шести научных монографий Александр Борисович Вревский возглавляет Институт геологии и геохронологии в Российской Академии Наук.

Четвёртый Толстой

Любой мало-мальский любитель русской литературы, наверняка, слышал о трёх русских писателях Толстых – Алексее Константиновиче, Льве Николаевиче и Алексее Николаевиче. Не буду перечислять их произведений: каждый из читателей, в меру своей просвещённости, сам сможет назвать хотя бы несколько.

Врачеватель тел и целитель душ

На звёздном фоне этих грёх графов как-то затерялось во времени имя четвёртого Толстого, который, между тем, при жизни своей был достаточно хорошо известен, особенно в среде православных читателей. А в последние годы его сочинения, после долгого перерыва, вновь стали доступны уже и нашим современникам. Думаю, что о русском писателе, историке церкви и агиографе (специалисте по житиям святым – А.П.), графе Михаиле Владимировиче Толстом пришла пора вспомнить, так как его жизнь и творчество тесно связаны с Орловщиной.

Толстой Михаил Владимирович

Родился Михаил Владимирович в Москве в славном 1812 году, незадолго до вторжения Наполеона в Россию. Родителями писателя были граф Владимир Степанович Толстой и Прасковья Николаевна Сумарокова (из рода известного писателя XVIII

века – А.П.). Прекрасное домашнее образование Михаил Толстой получил благодаря отцу, европейски образованному человеку, и преподавателю философии Троице-Сергиевой Лавры, протоиерею Фёдору Голубинскому. А потом молодой человек решил стать врачом и успешно закончил медицинский факультет Московского университета. В 1838 году Михаилу Толстому была присвоена степень доктора медицины. Он успешно лечил. Но вскоре начинающий врачеватель окончательно понял, что идёт не своей дорогой, и поступил на службу в благотворительный «Комитет для разбора и призрения просящих милостыни».

Трудясь в этом комитете, в 1830-е и начале 1840-х годов Михаил Толстой написал хорошим литературным языком несколько духовных книжек для народного чтения: *"Жизнь святого Иоанна Милостивого", "Примеры христианского милосердия", "Жизнь и чудеса святого Николая Чудотворца"* (это произведение ещё при жизни автора выдержало 12 изданий – А.П.) и ряд других. Доходы от издания книг автор использовал на благотворительные цели.

В 1847 году вышел в свет первый капитальный труд Михаила Толстого – *"Святыни и древности Ростова Великого". За ним последовали «Святыни и древности Пскова», "Книга, глаголемая Описание о Российских святых", "Патерик Свято-Троицкой Сергиевой Лавры", "Хранилище моей памяти" и, наконец, "Рассказы из истории Русской Церкви".*

Последнее из названных сочинений полюбилось православным читателям и при жизни автора переиздавалось трижды. А в 1991 году издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря впервые издало эту книгу уже в новой России – стотысячным тиражом. Почему у этого сочинения Михаила Толстого оказалась такая достойная и завидная судьба, почему оно не забыто и востребовано?

Причина здесь только одна: "История Русской Церкви" написана церковно и научает церковности. М.В. Толстой в своей "Истории..." *следует традициям как церковного летописания, так и житийного повествования, и потому читатель получает от его книги и исторические познания, и благочестивое назидание».*

Надеюсь, современник, ты получил некоторое представление о писателе Михаиле Толстом. А теперь о его связях с Орловщиной.

Михаил Толстой и Малоархангельский уезд

Несколько поколений графов Толстых в XVIII – XIX веках проживало в Малоархангельском уезде, где за ними числилось свыше

150 душ крепостных крестьян и около двух тысяч десятин земли. Вот какой документ мне удалось обнаружить в Государственном архиве Орловской области *(ГАОО, ф.760,оп.1., д.387, «Ревизские сказки владельческих крестьян Малоархангельского уезда в 1816 году»):*

Толстой Стефан Фёдорович

«Деревня Прилепы досталась графам, помещикам, коллежскому асессору Владимиру и надворному советнику Александру Стефановичам Толстым – по наследству от покойного родителя, бригадира, графа Стефана Фёдоровича Толстого (он скончался в 1809 году – А.П.) *и по разделу, учинённому в прошлом, 1815 году, с матерью, бригадиршей, графиней Александрою Никитиною Толстою, братьями, графами, лейб-гвардии Преображенского полка поручиком Стефаном, артиллерии капитаном Николаем, поручиком и разных орденов кавалером Андреем, неслужащими Михайлом, Петром, сестрами, девицами, графинями. Аграфеной, Марьею Стефановыми и сестрой, вдовою, коллежской асессоршею, графиней Елисаветой Салтыковой».*

Сразу после этого раздела крепостные крестьяне из названной деревни Прилепы были переведены братьями-владельцами в близ расположенное сельцо Кузнечик (ныне – деревня в Луковском сельском поселении Малоархангельского района – А.П.), которое и стало основным имением Владимира и Александра Степановичей Толстых.

Подчеркну, что перечисленные Толстые и великий русский писатель Лев Николаевич имеют общего предка – *Петра Андреевича Толстого* – сподвижника Петра I, сенатора, привезшего из заграницы несчастного царевича Алексея к грозному отцу. Родословные цепочки через два поколения разошлись на уровне внуков Петра Андреевича: Лев Толстой имеет своим предком Андрея Ивановича, а малоархангельская ветвь происходит от Федора Ивановича.

Братья Владимир Степанович и Александр Степанович Толстые в равных долях владели имением в сельце Кузнечик. Александр Степанович постоянно проживал здесь, а Владимир Степанович (отец главного героя нашего рассказа – А.П.) лишь

изредка бывал в своём орловском имении. К тому же, он скоропостижно скончался в феврале 1825 года, не дожив и до 50 лет. Старшему сыну Михаилу в тот момент ещё не исполнилось и 13-ти. Достигнув совершеннолетия, он с 1833 года стал владельцем части имения в сельце Кузнечик (другой половиной продолжал владеть его дядя Александр Степанович – А.П.).

Михаил Владимирович бывал в своём владении не часто, но, как и отец, считался орловским дворянином. Знаковое посещение орловского сельца Кузнечик состоялось для начинающего писателя в самом начале лета 1851 года, вскоре после его венчания с княжной Елизаветой Волконской и поездкой с нею в свадебное путешествие.

Жизнь молодых складывалась в целом благополучно, один за другим рождались дети (всего их было семеро – пятеро сыновей и две дочери), со старшими сыновьями Сергеем и Петром Михаил Владимирович несколько раз приезжал в сельцо Кузнечик.

А в августе 1872 года писатель продал один из московских домов (на улице Моховой) и купил в Ливенском уезде, в селе Медвежьем, имение помещика Еропкина, состоявшее из 836 десятин черноземной земли. Владение было оформлено на жену, Елизавету Петровну. С этого времени, на протяжении полутора десятков лет, Толстые постоянно проводили в новом имении всё летнее время, став по-настоящему орловскими помещиками. Михаил Владимирович каждый год что-то изменял или ремонтировал в поместье, внося в него различные изменения.

Ну а главное – здесь он, вдали от столиц, писал неспешно и со вкусом. Именно в селе Медвежьем был создан «Патерик Троице-Сергиевой лавры», любимое произведение самого Михаила Толстого, высоко оценённое иерархами православия. На Орловщине Михаил Владимирович написал и «Мои воспоминания», опубликованные в нескольких номерах журнала «Русский архив» за 1881 год. В них он очень подробно, живо и эмоционально рассказал о самом себе и своих родственниках из известнейших русских дворянских фамилий – Толстых, Сумароковых, Волконских, Долгоруковых и других.

Умер Михаил Владимирович Толстой, окружённый любящими детьми, на руках одного из своих сыновей. Это случилось в Сергиевом Посаде 23 января 1896 года. Там же, в ограде Лавры, рядом с женой и двумя ранее умершими сыновьями, его похоронили.

В статье по поводу кончины Толстого, напечатанной в 1896 году в "Богословском вестнике", отмечалось: *"Человек светский, не*

получивший богословского образования, он необыкновенно много сделал именно для духовного просвещения русского народа».

В советские годы имя Михаила Толстого было основательно забыто. Сейчас оно возвратилось из небытия. К сожалению, от орловских имений писателя в Кузнечике и Медвежьем (ныне – Новодеревеньковского района – А.П.) не осталось ничего.

Зато благодаря опубликованным воспоминаниям Михаила Толстого орловчане могут узнать некоторые интересные подробности, к примеру, о фельдмаршале Михаиле Федотовиче Каменском и его родственниках.

Приложение

Рассказ Андрея Яновского о своих предках – Толстых и Волконских (из письма автору от 09.04.2013)

Бригадир Степан Федорович, упоминаемый в любезно присланной Вами ревизской сказке от 1816 г., – правнук первого графа Толстого Петра Андреевича. У Степана Федоровича была целая куча детей, которых генеалоги-толстоведы придумали называть Толстыми – «Степановичами», чтобы отличать от прочих Толстых. Они, кстати, почти все перечислены всё в той же сказке (не указаны только Всеволод и Федор, погибшие в Отечественную войну 1812 г.; всего было 9 сыновей и 3 дочери).

Моим предком является надворный советник Александр Степанович, которому досталась часть Прилеп, переведенная позже в Кузнечик. Его сын, Александр Александрович (1810 г.р.), капитан л-гв. Измайловского полка, отличился при подавлении Польского восстания 1831 года и за штурм Варшавы получил Анну 4-й степени, а потом еще и Станислава 3-й ст. Он (Александр Александрович) был женат на Марии Евграфовне Кикиной – дочери Евграфа Андреевича Кикина – героя штурма острова Корфу в 1800 г. (Средиземноморский поход адмирала Ушакова). Кстати, гораздо более известен как историческая личность его младший брат – Петр Андреевич Кикин, герой Отечественной войны 1812 г., портрет которого украшает Военную галерею Зимнего дворца в Петербурге.

От брака А.А. Толстого и М.Е. Кикиной родилось две дочери, т.е. на этом мужская линия этой ветви Толстых пресеклась, и толстовская кровь далее воплощалась уже под другими фамилиями. Одна из дочерей – Мария (1840 г.р.) – вышла замуж за князя Ивана Александровича Волконского, а другая – Елизавета (1838 г.р.) – против воли родителей вышла за дворянина без титула и состояния – некого губернского секретаря Кошкарова.

Валентин Иванович Волконский – сын кн. Ивана Александровича Волконского и графини Марии Александровны Толстой. Он отличался

большой бесхозяйственностью, мотовством и еще до революции сумел разориться. Двух его сыновей (1890-х г.р.) с приходом советской власти постигло несчастье: один погиб в Белой армии в Гражданскую, другой, особенно неприспособленный к трудностям, умер в ночлежке в Москве в годы послереволюционной разрухи и голода.

В имении Волконских

Я происхожу от другой дочери – Елизаветы Александровны Толстой, которая вышла за Кошкарова. *Их ребенок – дочка Анастасия – воспитывалась вместе с двоюродным братом кн. Валентином всё в том же малоархангельском имении, а когда вышла замуж за Николая Феликсовича Яновского (мой прадед), то их дети, в свою очередь, тоже продолжали каждое лето проводить в имении Волконских, остатки которого в начале 1910-х годов еще существовали. В 1913 г. Яновские купили дачу в подмосковной Немчиновке (с Белорусского вокзала) и перестали бывать летом у Волконских, но продолжали сохранять родственные отношения.*

Относительно Вашего замечания, что Кузнечик должен входить в приход с. Луковец, а не Губкина, то я не знаю, как эту нестыковку объяснить, но у меня имеется выписка из метрической книги церкви с. Губкина о рождении дочери Александра Степановича Толстого – Ольги (1817 г.) и о венчании другой его дочери – Варвары – в 1840-м г. с подпоручиком Александром Яковлевичем Потемкиным. Этот Потемкин, кстати, сын известного героя Отеч. войны 1812 г. Якова

Алексеевича Потемкина – его портрет тоже находится в Военной галерее Эрмитажа.

Быть может Вам, как краеведу, будут интересны перечисляемые в этой выписке восприемники при новорожденной и поручители при женихе и невесте – ведь это всё тоже малоархангельские помещики, скорее всего соседи Толстых…

Если Вам действительно удастся заглянуть в метрические книги с. Губкина или какие-то другие архивные документы, то просьба посмотреть там не только Толстых, но и Волконских и Кошкаровых – я о них тоже не всё знаю. Дело в том, что в советское время Яновские были репрессированы как «бывшие»: дед расстрелян в 1937-м, его сестра попала в тюрьму и ссылку еще раньше – в 1928-м, в доме неоднократно проводились обыски, а потому многие документы исчезли или были специально уничтожены. Поэтому многие сведения мне известны только по семейной легенде, которая имеет некоторые пробелы.

В метрике об Ольге сказано (1817 г.):

«Сельца Кузнечика у Помещика Надворного Советника Графа Александра Степанова Толстого родилась дочь Ольга тысяча восемьсот семнадцатого года июня двадцать четвертого; крещена июля восьмого числа. Восприемницею была сельца Упалого Колодезя Помещица Надежда Иванова Каротеева.

Таинство Крещения совершил Священник Василий Иванов с Дьяконом Тарасовым и пономарем Петровым» (второго восприемника муж. пола почему-то нет).

О Варваре (1840 г.):

«Пехотного Фельдмаршала Графа Дибича Забалканского полка Подпоручик Александр Яковлев сын Потемкин двадцати лет и Орловской губернии Малоархангельского уезда сельца Кузнечика Графиня Варвара Александрова дочь Толстая двадцати четырех лет, оба Православного исповедания, сочетались первым браком.

Поручителями были по жениху:

Малоархангельский Помещик Коллежский Советник Иван Михайлов сын Казаков *(помнишь, читатель, очерк о нём? – А.П.) и гвардии Поручик Валериан Николаев сын Телепнев.*

по невесте:

Действительный Статский Советник и Кавалер Федор Филиппов сын Филиппов и Малоархангельский Помещик Капитан Дмитрий Федоров сын Языков.

Таинство Брака совершил села Губкина Священник Василий Богословский с Дьяконом Михаилом Сергиевским, дьячком Петром Андреевым и пономарем Феодором Петровым».

Из перечисленной компании мне, как ни странно, известен ***Дмитрий Федорович Языков,*** *потому что я знаком с его потомками: и я, и они состоим в Обществе потомков участников Отечественной*

войны 1812 г. (есть в Москве такое Общество). У них довольно подробные сведения о нем: Дмитрий Фед-ч прошел всю войну 1812 г. и заграничный поход 1813-14 гг., дошел до Парижа. В 1833-35 гг. он – малоархангельский городничий. Жительство имел в сельце Языково (Костино тож, Новая Дмитриевка тож). В 100-летний юбилей Бородинской битвы его внук – полковник Дмитрий Александрович Языков – был приглашен на юбилейные торжества на Бородинское поле. (Тогда были приглашены на поле целый ряд потомков героев исторической битвы.) В семье современных потомков Языковых хранится редкая реликвия 1912-го года – пригласительный билет на батарею Раевского для участия в торжественной церемонии, подписанный московским генерал-губернатором Джунковским. Современные Языковы даже выпустили небольшую книжку про свой древний род, где подробно рассмотрели всю родословную цепочку…

P.S. Я думаю, уважаемый читатель, эти дополнения от Андрея Яновского, с приведением документов и фотографии, существенно расширяют наши знания как о Толстых, так и о других малоархангельских и орловских дворянах, связанных с ними узами родства и дружбы.

Фон Рутцен, он же – Руцын, он же – Рудин
(о герое романа Тургенева и его орловском прообразе)

Иван Сергеевич Тургенев написал только один роман, названный именем главного героя, – «Рудин». Но большинство земляков великого писателя даже не догадывается, что человек, послуживший Тургеневу прообразом этого интересного, мечущегося в поисках смысла жизни и чревычайно неудачливого персонажа, – родился в Орле, долгое время жил в Орловской губернии и был связан со многими орловчанами прочными нитями дружбы и сотрудничества.

Немец с русской душой

Николай Карлович фон Рутцен – так звали этого человека с немецкой фамилией, но совершенно русской душой.

Получив хорошее домашнее образование и закончив Орловскую мужскую гимназию, 16-летний Николай поступил в Московский Университет, на математический факультет. Учился усердно, успевая заниматься не только математикой, но и вникая в общественные проблемы России. Этому в немалой степени способствовало близкое знакомство студента Рутцена с земляком, профессором Тимофеем Грановским, у которого все годы учёбы

жил Николай Карлович. Влияние известного русского историка отразилось потом на характере и идеях Рутцена.

Рутцен Николай Карлович

Рутцен Александра Карловна (сидит)

Вскоре после окончания Московского Университета молодой кандидат потерял свою мать, и на его руках остались две молоденькие сестры, брат, о которых предстояло позаботиться материально. На доставшихся же по наследству от матери имениях в Орловской губернии лежали такие огромные и просроченные долги казне и частным лицам, которые почти равнялись стоимости имения.

Начав заниматься приведением в порядок полученного хозяйства, спустя короткое время Николай Рутцен вполне в этом преуспел, попутно успевая готовить своего брата в Университет и ездить с сестрами для их уроков и разъяснениями в Москву и в Петербург. Младшие члены семейства, окружённые любовью и заботой старшего брата, отвечали ему безграничной привязанностью и преданностью.

Стал известен Николай Карлович и своей активной общественной деятельностью – на ниве образования и оказывая помощь крестьянам в земельных вопросах, во множестве появившихся после отмены крепостного права. В должности мирового посредника по Малоархангельскому уезду Рутцен сумел

найти золотую середину в урегулировании взаимоотношений помещиков-землевладельцев и крестьян, получавших землю. Николай Карлович получил полный карт-бланш от орловского губернатора Н.Левашова и ни разу его не подвёл.

Столь же плодотворно работал Руцен потом на аналогичных должностях в Царстве Польском и в Курской губернии, где проживал в последние годы жизни.

Но я хочу рассказать чуть больше о той деятельности Николая Карловича, из-за которой многие современники (да и сегодняшние исследователи) считали его «прожектёром и мечтателем», между тем как...

«Изобретение Рутцена повергло меня в недоумение...»

Впрочем, слово Ивану Сергеевичу Тургеневу. Получив письмо от писательницы Марко Вовчок с известием о том, что Рутцен заказал за границей свою машину для перевозки тяжестей зимою, Тургенев ответил ей 10 июля 1859 года следующее: *«Изобретение Рутцена повергло меня в недоумение... После этого найдётся человек, который придумает машину, которая будет час нести ложку ко рту».* Как видно, великий писатель с большим скепсисом отнёсся к инженерному проекту своего давнего знакомого.

Механика, машины были страстью Николая Карловича всю жизнь, но посвящал он им только свободное время, хотя и в эти короткие промежутки успел многое.

Рутцена занимал один проект, которому он придавал огромное общественное значение, — *"проект перевозки грузов по снегу и по льду посредством парового двигателя";* его увлекала и простота исполнения; он рассчитывал, что это доставит России неисчислимые выгоды, сделав общедоступными все лесные и другие богатства северо-восточной России, казенные и частные.

Проект этот был им вполне разработан дома и за границей и был напечатан в "Промышленном Листке" и издан отдельными брошюрами в Москве и Париже — в "Génie Industriel". Рутцен имел патент на этот способ перевозки, это была его идея-фикс почти до конца жизни.

Долгое время считалось, что проект Рутцена остался неосуществленным, но вот что до недавнего времени рассказывали жители деревни Костюрино, той самой, где когда-то находилось имение Рутценов (Малоархангельский район – А.П.). Историю эту передавали там уже в четвёртом поколении, и до меня она дошла через многие годы.

«Санный паровоз» и судьба его изобретателя

Конец 1859 года. Канун Рождества Христова. Помещик сельца Костюрина Малоархангельского уезда Николай Рутцен (барин Руцын – так его зовут местные жители – А.П.) устраивает праздничные катания для своих крестьян. На замёрзшем пруду, что сооружён был помещиком несколько лет назад на ручье Белом, с раннего утра, несмотря на сильный мороз – невиданное столпотворение. Собралось взрослое и мужское население не только из Костюрина и близлежащих деревень, но и из уездного города Малоархангельска. Пришли, чтобы полюбоваться невиданным зрелищем: по льду реки будут пущены Руцыным самоходные паровые сани. Идут жаркие споры. Кое-кто недоверчиво качает головой — где это видано, чтобы сани ехали без лошади, ничего у изобретателя не выйдет.

Для испытаний на пруду очищен участок длиною около полуверсты. В самом начале ледовой трассы, у берега, стоит «санный паровоз» с одной парой передних зубчатых колес и двумя парами полозьев. К нему прицеплен поезд из двух саней. «Паровозом» управляют двое: машинист и водитель, направляющий передние полозья.

Рутцен подаёт сигнал выстрелом из ружья, и под восторженные крики публики диковинное траспортное средство сдвигается с места. Из-под зубьев передних колёс летит крошеный лёд, «санный паровоз» немного потряхивает, но он всё увереннее набирает ход. Мальчишки, сопровождая его, сначала бегут рядом, но потом быстро отстают.

Полверсты ледовая машина преодолела меньше, чем за две минуты. После остановки пришлось, правда, помучиться, чтобы развернуть «санный поезд». Тут уж все подбежавшие мужики постарались.

Николай Карлович, отправляя «ледовый паровоз» во второй рейс, сам сел в первые сани и пригласил всех желающих. Храбрых мужиков не нашлось, зато мальчишек набилось более 50 человек. Когда транспорт стартовал, визг едущих слышался за версту.

На третий рейс сели в сани уже и несколько мужиков. Пролетели, с перерывами, два часа, после чего верхний слой льда на пруду превратился в крошево, и рождественское развлечение малоархангельцев закончилось.

Вот так в сельце Костюрине 24 декабря 1859 года прошло испытания транспортное средство Николая Рутцена. Сам он на следующий день стал готовить письмо в столичные газеты и в Российскую Академию Наук, но закончить отчёт не успел.

Пруд на речке Белой у деревни Костюрино (фото с сайта Малоархангельск.ру)

«Санный паровоз», стоявший в специально построенном для него ангаре, сгорел в результате внезапного и сильного пожара через три дня после публичного представления. Разговоров по этому поводу тогда в Малоархангельском уезде было много, но следов злоумышленников так и не нашли.

Рутцен слёг с нервным расстройством, и здоровье его после этой трагедии сильно пошатнулось. На вторую попытку создания самодвижущейся ледовой машины сил у изобретателя не осталось. Немного оправившись, он полностью переключился на общественную деятельность.

Николай Карлович фон Рутцен скончался 6-го декабря 1880 года в селе Покровском Фатежского уезда Курской губернии. Земское собрание этого уезда почтило его память и заслуги, учредив стипендию имени Рутцена для лучшего воспитанника Курской Земской Учительской Школы и поместив его портрет в зале этой школы, которую он же основал и поддерживал материально до последнего времени.

По Николаю Карловичу прошла в Курской Земской Учительской школе панихида, а его вдова получила письменное соболезнование от Курского Губернского Земского собрания.

«Прожектёр и фантазёр», каким представлялся подвижник Рутцен некоторым из современников, едва ли был бы так оценён земцами-практиками.

На Орловской же земле заслуги общественного деятеля и изобретателя Николая Рутцена пока никак не отмечены.

Аральская одиссея адмирала Бутакова

За неделю до Пасхи, Светлого Христового Воскресенья 1850 года, в большое село Луковец Малоархангельского уезда приехали к местной помещице, вдове-генеральше Александре Александровне Безобразовой, долгожданные гости, – её дочь Ольга с зятем.

Путёвка от Фаддея Беллинсгаузена

Как обрадовалась Александра Александровна – трудно описать. После ранней смерти мужа, генерал-майора Николая Михайловича Безобразова, дочь составляла весь смысл жизни хозяйственной помещицы. Но с тех пор, как Ольга Безобразова, выйдя замуж, стала Бутаковой, маменьку она баловала своими посещениями не часто. Оправдывалась, что муж – флотский офицер, вечно в плаваниях или других заботах, она же – как верная супруга или ждёт его, или сопровождает по мере возможности.

Предпасхальная неделя пролетела для Александры Александровны как один светлый праздничный день – столько радости доставили ей дочь и зять. И не просто любовалась генеральша красивой парой, но и слушала-внимала их рассказам, поскольку супругам Бутаковым было что поведать.

Бутаков Алексей Иванович

Алексей Иванович Бутаков происходил из династии потомственных военных моряков, которая дала России 121 офицера, в том числе 19 адмиралов и 14 капитанов первого ранга. Отец Алексея Ивановича был контр-адмиралом российского флота, отличившимся во многих сражениях. Четыре его сына тоже дослужились до адмиральских чинов.

Алексей Бутаков был старшим из братьев. Он родился в 1816 году (в некоторых источниках назван 1812 год – А.П.). Выпущенный в 1828 году из Морского кадетского корпуса гардемарином, Алексей начал службу на Финском заливе – на галере «Церера» и фрегатах «Урания» и «Беллона».

21 декабря 1832 года Бутаков был произведен в мичманы, 3 апреля 1838 года – в лейтенанты. В 1840 году на транспорте "Або" он отправился в должности старшего офицера в

кругосветное плавание на Камчатку, продолжавшееся более двух лет. Оно было очень тяжёлым и сопровождалось большою потерею людей. В глубокую осень 1842 года транспорт вернулся в Кронштадт.

Познания Бутакова по морской части обратили на него внимание главного командира кронштадтского порта, адмирала Фаддея Беллингсгаузена, который в 1846 году пригласил молодого лейтенанта флаг-офицером на эскадру соединенных дивизий на время маневров в Финском заливе, после которых Алексей Иванович был назначен командиром парусной шхуны "Радуга". Когда в 1848 году задумывались съёмка и описание берегов Аральского моря, Бутакова назначили сначала начальником этой экспедиции, а вскоре сделали и руководителем всей аральской флотилии.

В 1849 году он был произведен в капитан-лейтенанты. В течение двух лет (1848 и 1849) Бутаков на шхуне «Константин» осматривал и описывал берега Аральского моря, за исключением восточного; открыл при этом группу островов, названных им Царскими, и еще два острова, получившие название по именам наших знаменитых мореплавателей, Беллингсгаузена и Лазарева, произвел съемку морских берегов, описал почти все, тогда еще неисследованное, Аральское море и составил ему карту. Эти труды Бутакова были помещены в "Записках Императорского Русского Географического Общества" (т. V), членом которого он состоял с самого основания общества.

Император, за описание Аральского моря, пожаловал Алексею Ивановичу орден Святого Владимира 4 степени и пенсию в 157 рублей в год.

Тарас Шевченко и его поклонница

Рисовальщиком в этой результативной двухлетней экспедиции трудился сосланный в солдаты знаменитый украинский поэт и художник Тарас Григорьевич Шевченко. Начальник экспедиции (в чине капитан-лейтенанта) с большим сочувствием и уважением отнёсся к ссыльному (в чине рядового) и помогал ему, чем мог. А Шевченко, чувствуя поддержку, трудился, не покладая карандаша. Только за 1848 год (два рабочих месяца) он исполнил более 70 рисунков. Часть карандашных набросков Тарас Григорьевич закончил акварелью впоследствии в Оренбурге. Зимовку 1848 года Бутаков и Шевченко провели в укреплении под названием Кос-Арал, где художник выполнил несколько замечательных рисунков.

«Укрепление Кос-Арал» (рисунок Т.Шевченко)

Сюда, на дикий берег Аральского моря весной 1849 года умудрилась добраться Ольга Бутакова, решившая навестить мужа. Алексей Иванович познакомил её с Тарасом Шевченко и его рисунками. Молодая женщина, с успехом бравшая уроки рисования и скульптуры у известного скульптора Клодта, была в восторге от работ ссыльного солдата и тут же попыталась применить свои навыки, скопировав несколько пейзажных рисунков малороссиянина. Известны её копии следующих работ Шевченко: «Дневка транспорта в Киргизской степи», «Укрепление Кос-Арал, где зимовали А.И. Бутаков и Т. Шевченко», «Низменный берег острова Николай» и «Гористый берег Аральского моря».

«Шхуны возле Кос-Арала» (рисунок Т.Шевченко)

В 1850 году супруги вместе возвратились в Петербург, откуда, во время краткосрочного отпуска, они и приехали к матери и тёще в село Луковец Малоархангельского уезда Орловской губернии.

Во время одной из долгих задушевных бесед Ольга похвасталась матери своими успехами в рисовании. Александра Александровна Безобразова была небольшим специалистом в живописи, но рисунки дочери, как копии, так и первые самостоятельные, ей очень понравились.

На память любимой маменьке Ольга оставила несколько пасхальных картинок – очень простых, на первый взгляд, но выполненных с большим изяществом на альбомных листах, с надписями – «Христос Воскресе!»

«Гористый берег острова Св.Николая» (рисунок Т.Шевченко)

Короткий отпуск закончился быстро, и флотская служба Алексея Ивановича Бутакова продолжилась. Он снова возвратился на Арал и ещё свыше 10 лет продолжал наводить порядок в этих новых для России местах: воевал, описывал реки и земли, был награждён ещё двумя орденами и получил чин капитана I ранга.

И всюду мужа, по мере возможности, сопровождала жена. Ольга Николаевна в 1853-1861 годах постоянно выезжала в Оренбургскую губернию, подолгу жила в Оренбурге, ездила по степным укреплениям и на Аральское море. Однажды чуть не попала в плен к местным бунтарям-киргизам. Хорошо, что успел на выручку любимый муж со своим отрядом.

Это опасное приключение не уменьшило восхищения жительницы среднерусских равнин перед красотой Востока. Причём, Ольга Николаевна не просто любовалась природой, глубоко запавшей ей в душу, она одной из первых среди русских художников взялась за широкую разработку "степной" тематики в изобразительном искусстве, в частности, – в художественном офорте (это довольно сложная, тем более для женщин, разновидность гравюры на металле, техника станковой графики глубокой печати, позволяющая получать оттиски с печатных форм («досок»), в процессе работы по созданию изображения, на которых производится травление поверхности кислотами – А.П.)

Имя на карте

Прослужив в аральском краю 15 лет, Алексей Иванович Бутаков в августе 1863 года был переведен на Балтийский флот и возвратился в Петербург.

19 апреля 1864 года император Александр II удостоил его чина контр-адмирала и назначил в свиту Его Величества, с пожалованием аренды в 1500 рублей на двенадцать лет. В 1865 году Бутаков был младшим флагманом на броненосной эскадре Балтийского флота и командовал шхерной эскадрою броненосных судов. В 1866 он был награжден орденом Святого Владимира 3 степени, а в 1867 году исправлял должность эскадр-майора при императоре. Оставаясь в 1868 году на берегу, Бутаков состоял в распоряжении главного командира Санкт-Петербургского порта и за отличие был награжден орденом Святого Станислава I степени.

Осенью 1868 года он почувствовал припадки болезни в печени и для излечения вскоре отправился за границу на воды, где и скончался 28 июня 1869 года в немецком курортном городке Швальбахе.

По отзывам коллег-офицеров и многих знакомых, Бутаков представлял собой тип русского морского офицера, которым гордился бы каждый флот. Отлично образованный, знакомый со многими европейскими языками, он занимался также литературою. Выпустил в журнале «Отечественные записки» (1843 год, т.27, 1844 год, т.т.33-35) «Записки... во время путешествия вокруг света в 1840—1842 годах». Отдельным изданием вышли в Ташкенте в 1853 году «Дневниковые записки плавания А. И. Бутакова на шхуне "Константин" для исследования Аральского моря в 1848—49 годах».

Алексей Иванович был известен также как автор многочисленных переводов, в том числе, популярного романа "Домби и сын" Ч. Диккенса, "Три яхты" Ф. Марриета и других. Имя

Бутакова увековечено на географической карте: так называются южный мыс острова Барсакельмес и залив в Аральском море.

О последних годах жизни его любимой и любящей жены Ольги Николаевны сохранилось мало сведений. Будучи владелицей имения в селе Луковец Малоархангельского уезда, она общалась с соседями-помещиками – своими родственниками Безобразовыми, Милюковыми и – особенно – героем Заграничных походов Русской армии и участником взятия Парижа в 1814 году Иваном Михайловичем Козаковым.

Ольга Николаевна Бутакова пережила своего мужа на 34 года, скончалась она в 1903 году в Санкт-Петербурге, где и похоронили художницу на одном из кладбищ.

Оболенские

Те из читателей, кто любит историческую литературу, наверняка и не раз встречали на страницах многих известных произведений фамилию князей Оболенских. Основателем их рода был внук святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, князь Константин Юрьевич, который получил в удел город Оболенск, располагавшийся на реке Протве, в 20 верстах от её впадения в Оку. От названия этого старинного города-крепости, просуществовавшего четыре века, и пошла гулять по Руси красивая фамилия.

Однако с течением времени среди Оболенских оказались не только представители высшей знати. К примеру, в Орловской губернии эту звучную фамилию носили небогатые дворяне, священнослужители и даже государственные крестьяне. Особенно много Оболенских населяло Малоархангельский и Орловский уезды. Проживают они в здешних местах и до настоящего времени (село Рождественское Верховского района, село Никольское Малоархангельского района, село Трудки Покровского района и село Становой Колодезь Орловского района). Среди орловских Оболенских – множество известных личностей. Я расскажу о представителях одного семейства из маленького уездного города Малоархангельска.

«Чтоб не тонули поколенья в братоубийственной крови...»

Егор Александрович Оболенский, мелкий чиновник 14-го ранга, в 40-е годы XIX века служил здесь в земском суде (в те годы это учреждение выполняло полицейские функции), а его жена,

Елизавета Ильинична, хозяйничала по дому. Семья мало чем отличалась от других чиновничьих семей уездного города, разве что необычностью биографии супруги. Елизавета Ильинична была немкой лютеранского вероисповедания и с хорошим образованием, полученным в одном из лучших московских пансионов того времени, очень любила читать и замечательно играла на пианино. Поскольку муж её с раннего утра до позднего вечера пропадал на работе, а в городе Малоархангельске достойного общества найти молодой женщине не удалось, то всю свою энергию и любовь она тратила на детей. Основы знаний в самых разных сферах своим сыновьям Леониду и Валериану Елизавета Оболенская дала основательные.

Оболенский Леонид Егорович

Оболенский Леонид Леонидович

Потом братья обучались в Орловской мужской гимназии. Леонид провёл в ней 6 лет, оставивших в его душе как долго не заживавшие раны, так и самые тёплые чувства. В 1902 году журнал «Исторический вестник» (том 87) опубликовал написанные Л.Е. Оболенским «Литературные воспоминания и характеристики», в самом начале которых он большое место уделил как раз периоду своего пребывания в гимназии. Получив классическое образование, Леонид Егорович Оболенский к концу XIX века

превратился в популярного русского философа, социолога, журналиста, писателя, издателя и редактора популярного журнала «Русское богатство». Всей читающей России он стал известен своими романами из крестьянской жизни (написанными под псевдонимом *Матвей Красов*). Перу Леонида Оболенского принадлежит также большое число очерков на философские, социологические и литературные темы, в которых он часто полемизировал с самим Львом Толстым. Жизненное кредо писатель Оболенский выразил в одном из своих стихотворений:

Мечтал я душу человека
К сознанью правды пробудить,
Вражду, царящую от века,
Любви сияньем осветить,

Мечтал я в сердце влить стремленья
К добру, работе и любви,
Чтоб не тонули поколенья
В братоубийственной крови...

Кстати, во всех справочных изданиях датой рождения Леонида Егоровича Оболенского значится 9 марта (21 – по новому стилю – А.П.) 1845 года, но в «Метрической книге Вознесенского собора города Малоархангельска», в части первой «О рождении» за этот год я обнаружил следующую запись:

«11 марта 1845 родился, 15 марта крещён младенец Леонид. *Родители: Малоархангельского земского суда секретарь, коллежский регистратор Георгий Александров Оболенский и законная жена его Елисавета Ильина, он – православного, а она – евангелического исповедания.*

Восприемники: исправник, штаб-ротмистр Николай Васильев Пушешников и штабс-лекаря Афонасия Иванова Боровиковского жена Наталья Михайлова.

Таинство крещения – протоиерей Василий Гаврилов и диакон Василий Гурнов».

Таким образом, получается, что на самом деле, известный писатель родился на два дня позже, чем принято считать».

Теперь перейду к родному брату Леонида, Валериану. Он после обучения в Орловской мужской гимназии, закончил в Харькове ветеринарный институт и стал известным в России специалистом в области ветеринарии и коневодства. Книга В.Е.Оболенского "Коннозаводство и лечебник лошади" до революции неоднократно переиздавалась и была ценима всеми любителями конного дела.

Дети обоих братьев получили хорошее образование и тоже стали известными (и не последними) людьми в России. Сын Леонида Егоровича, Леонид Леонидович Оболенский, родившийся в Орле в 1873 году, обучаясь на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, одновременно брал уроки у выдающего русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова. И, хотя Л.Л. Оболенский не стал ни композитором, ни музыкантом, к этому виду искусства все последующие годы он был неравнодушен: несколько лет издавал и редактировал популярные серии оперных либретто и брошюр "Вопросы массовой музыкальной работы", писал статьи, в том числе, – о выдающемся русском композиторе, авторе опер «Юдифь» и «Рогнеда» Александре Николаевиче Серове.

Став юристом, Леонид Леонидович работал по линии Министерства финансов и – одновременно – увлёкся революционной деятельностью. С приходом Советской власти, в 1920 году, он получил назначение в Наркомат Иностранных дел и стал дипломатом высокого ранга.

После подписания Рижского договора 1921 года,
крайний слева - Оболенский Л.Л.

Когда 12 июля 1920 года в Москве был заключён мирный договор с Литвой, то одним из уполномоченных от Правительства РСФСР, кто поставил под этим важным документом подпись, стал Леонид Леонидович Оболенский.

Ещё более важную дипломатическую роль он сыграл в подписании 18 марта 1921 года Рижского мирного договора, завершившего советско-польскую войну. Здесь Леонид Леонидович подписывал документы как заместитель руководителя российской делегации.

А в конце 20-х годов XX века Госпожа Судьба снова даёт команду – и Леонид Леонидович Оболенский превращается из успешного дипломата в чиновника от культуры: в 1929 году его назначили начальником Главного управления по делам искусств Народного комиссариата просвещения РСФСР, а вскоре – директором Эрмитажа. В принципе, это его второе «Я», и он только-только начинает показывать миру свою творческую душу.

Как написал в одном из писем его сын, тоже Леонид Леонидович: *«...отец в музее ничего не успел продать и ничего переставить. Успел только покрасить Зимний в бирюзовый цвет, каковым он был до того, как его выкрасили в красно-коричневый, цвета запекшейся крови...».* К сожалению, большего бывший дипломат Оболенский сделать не успел: он скончался от тяжёлого заболевания в сентябре 1930 года.

Первый редактор журнала «За рулём»

Один из шести детей Валериана Егоровича Оболенского, Валериан Валерианович Оболенский, с детства свободно владел немецким и французским языками. По окончании в 1905 году гимназии поступил на экономическое отделение юридического факультета Московского университета, а в 1907 году стал членом партии большевиков. В качестве партийной клички он взял фамилию погибшего на виселице во времена Александра II народника Валериана Осинского и с тех пор стал больше известен как Н. Осинский.

Осинский-Оболенский Валериан Валерианович

После победы Октябрьской революции он был назначен

комиссаром-директором Государственного банка РСФСР и сыграл главную роль в наведении в нём порядка. Спустя некоторое время Осинский стал первым председателем ВСНХ РСФСР. В 20-е годы в течение трёх лет он фактически был наркомом земледелия, потом – политическим представителем (послом) в Швеции. С 1926 по 1935 год возглавлял ЦСУ (Центральное статистическое управление), где боролся за достоверную отчётность, за что и был смещён.

Валериан Валерианович Оболенский (Осинский) в последние годы жизни руководил (по очереди – А.П.) Институтом Народного Хозяйства и Институтом Истории науки и техники. В 1937 году он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, а 1 сентября 1938 года - расстрелян. Одновременно с отцом арестовали и его сына Вадима Оболенского, которого расстреляли раньше – в декабре 1937 года.

Оба – Валериан Валерианович и Вадим Валерианович Оболенские были реабилитированы в 1956 году.

Стоит, я думаю, сказать об одной человеской черте Валериана Валериановича – он всегда старался защитить несправедливо обвиняемых, именно по его просьбе органы на некоторое время оставили в покое известного экономиста Н. Кондратьева (спустя несколько лет, правда, его, всё-таки снова арестовали – и расстреляли – почти в одно время с его защитником – А.П.).

Кроме того, имелось у известного политического деятеля любимое занятие, хобби, как бы сказали сейчас. Валериан Оболенский страстно увлекался автомобильным делом, став одним из организаторов автомобилестроения в нашей стране (участвовал в строительстве Горьковского автозавода).

Он отлично водил машину и не раз принимал участие в автопробегах 20-30-ых годов. Был председателем общества «Автодор» и первым редактором популярного и поныне журнала «За рулём». Валериан Валерианович написал несколько книг и множество статей по экономическим проблемам, автомобильному делу и (очень актуально ныне) коммунальному хозяйству.

Долгое время имена всех перечисленных мною Оболенских, вышедших из одного семейного гнезда, оставались забытыми или находились в глубокой тени. Сейчас они понемногу возвращаются к потомкам, поскольку вклад их в российскую историю и культуру очень значителен.

Малоархангельские чиновники Исаевы

О многих людях, уроженцах Орловского края, я написал за последние годы. Но о чиновниках, да ещё судейских, да ещё живших на протяжении целого столетия (возможно, и дольше) в уездном городе Малоархангельске, до настоящего времени мне рассказывать не доводилось.

Впрочем, всё когда-то случается впервые. И я благодарен судьбе, которая свела меня однажды (хотя и в заочном, электронном виде) с Лидией Константиновной Шлык (живёт она в Сибири, но связана своими корнями с милым моему сердцу Малоархангельском – А.П.).

Почти вся её молодость прошла в недалёких от нас краях – в Брянске, где работала она на номерном заводе конструктором. А после замужества кочевала Лидия с супругом по «городам и весям», пока семья Шлык не осела в Сибири. Здесь Лидия Константиновна, уже имея двух сыновей, поступила на работу в республиканский (тогда – областной) музей, в котором стала работать научным сотрудником. Заочно окончила истфак.

В настоящее время она на заслуженном отдыхе, значительную часть которого посвящает поискам материалов по своей родословной.

Собрала уже достаточно много сведений по брянским, курским и калужским ветвям, а совсем недавно посетила Орёл и Малоархангельск. Именно отсюда прослеживается родословное древо её предков по отцовской и материнской линии. Вот о ее прапрапрадеде со стороны матери пойдёт далее речь.

Итак, в самом начале XIX века карьерой копииста (или писца) в уездном городе Малоархангельске началась служба Сергея Андреевича Исаева – потомка обер-офицерских детей, чьи предки имели отношение к Белгородской засечной черте. Сам он – 1802 года рождения, и 3 февраля 1822 года женился на дочери титулярного советника Ивана Ивановича Покровского Александре (невесте исполнилось только 14 лет – А.П.).

К 1845 году дослужился Сергей Исаев до чина губернского секретаря.

Дети в семье в течение 20 с лишним лет появлялись один за другим, и всего их родилось 14 человек. Трое из них умерли в младенчестве (Александра, 1835 года – в два месяца; Анна, 1846 года, скончалась в 9 месяцев «от кашля», а Георгий, 1849 года, ушёл в мир иной в 4 месяца «от слабости» – А.П.).

Но, к удивлению соседей Сергея Исаева (а возможно, им было все равно, т.к. крепостное право делало людей бесправными, да и такие "дела" были сплошь и рядом – А. П.), первый его ребёнок, сын Пётр, у него появился вне брака – от «дворовой вдовой жинки Ирины Григорьевой». Однако Исаев дал незаконнорожденному своё отчество и фамилию, а потом помог в учёбе и с устройством на работу.

Первым же официальным ребёнком Сергея Исаева стал родившийся в 1824 году сын Николай (прапрадед Л.К. Шлык – А.П.). После получения домашнего и гимназического образования он начинал карьеру письмоводителем (в уездном, земском судах), затем трудился в Малоархангельском Окружном Управлении государственных имуществ, дослужившись до чина титулярного советника.

Л.К.Шлык удалось найти в «Сенатских ведомостях», издававшихся в Санкт-Петербурге, любопытный документ, имевший непосредственное отношение к её прапрадеду. В 1871-1872 годах он выступил в качестве адвоката у малоархангельского купца Семёна Захарьева.

Суть дела была такая. Купец С. Захарьев в 1867 году отдал в аренду крестьянам Егору и Леону Голяевым 100 десятин земли в аренду на 9 лет, с платою за каждую десятину по 4 рубля, но в 1871 году набавил арендной платы ещё по 2 рубля за десятину и заключил с ними о том формальный контракт, получив с них 1900 рублей под расписку. Собранный Голяевыми с земли урожай стоил 1800 рублей, и они потребовали от купца возврата 100 рублей. Первоначально Мировой суд в иске крестьянам отказал, но потом принял решение в их пользу.

Купец подал апелляцию, и дело вновь было рассмотрено. Но Мировой съезд Малоархангельска оставил своё решение в силе, а Исаева к «объяснению по делу не допустили», поскольку Захарьев не дал ему на это доверенности. Захарьев тогда подал кассационную жалобу, и разбирательство дошло до Правительствующего Сената, который решение Малоархангельского Мирового Съезда отменил и дело для нового разбирательства направил в Ливенский Мировой суд.

Там, скорее всего, Николай Сергеевич Исаев своё адвокатское дело выиграл, поскольку в дальнейшем он был дружен с купцом Семёном Захарьевым, чья дочь Анна Семёновна 16 января 1890 года стала крестной матерью родного внука Николая Сергеевича Исаева – полного его тёзки и – одновременно – деда Л.К. Шлык.

На заднем плане - Исаев Сергей Николаевич (1825г. рождения)

Исаева Ольга Сергеевна (старшая дочь С.Н.Исаева, в центре) и её подруги (Малоархангельск, 1888)

Младший брат Николая Сергеевича, Андрей Сергеевич (1837 года рождения) тоже пошёл по судебной части, затем пять лет проработал в Царстве Польском в Калишской комиссии по крестьянским делам. К 1867 году стал титулярным советником. Был слаб здоровьем и холост. По прошению со службы уволился и перебрался в Москву, где в 1867-1869 годах трудился надзирателем-воспитателем в Императорском воспитательном доме. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Женой Николая Сергеевича Исаева стала Капитолина Григорьевна Юдина, и в этом поколении тоже имелось большое семейство, последний сын Михаил родился в 1870 году.

Прадед Лидии Константиновны, Сергей Николаевич Исаев, как и его отец, продолжил семейную традицию. Начинал он карьеру в Малоархангельской городской Дворянской опеке, с 1889 года им получен чин губернского секретаря, и он перешел в Малоархангельское казначейство. Чин титулярного советника Сергей Исаев получил 1912 году.

Исаев Николай Сергеевич (старший сын С.Н. Исаева,1890 года рождения) (фото 1905 г.)

Исаев Николай Сергеевич (фото до 1914 г.)

Его женой стала Вера – дочь Малыгина Митрофана Александровича, на тот период служившего в Дворянской Опеке города.

У них в Малоархангельске родилось семеро детей: Ольга (1888 года рождения), Николай (1890 года, дед Лидии Константиновны), две Капитолины (1892г.р. – одна ушла в младенческом возрасте и вторая – 1894 г.р.), Дмитрий (1895), Александр (1897) и Мария (1905). Все дети, кроме младшей Марии, обучались в Малоархангельске. У старшего из сыновей, Николая, во время обучения в Малоархангельской гимназии, в период Первой русской революции 1905 года, случились серьёзные проблемы. В гимназии произошла какая-то «заварушка», в результате которой 15-летний активист Николай Исаев был арестован на дому местной полицией и доставлен в Орловскую тюрьму. Долго

Исаев Дмитрий Сергеевич (средний сын С.Н.Исаева, 1895 г. рождения)

сидеть ему там не пришлось – отпустили, но впечатлений хватило надолго.

Этот факт сыграл двоякую роль. Сергею Николаевичу на тот период пришлось искать работу в другом городе губернии, а его сыну Николаю помогло выжить при новой власти.

Незадолго перед Первой Мировой войной, после смерти матери, продав родительский дом, Сергей Николаевич Исаев со всем семейством навсегда покинул Малоархангельск, с которым была долгие десятилетия связана судьба его рода.

Доктор Владимир Ченцов

14 апреля 1919 года организационно-инструкторский подотдел отдела управления Малоархангельского уездного исполкома отправил в Москву, в Центральный Статистический комитет, телеграмму следующего содержания:

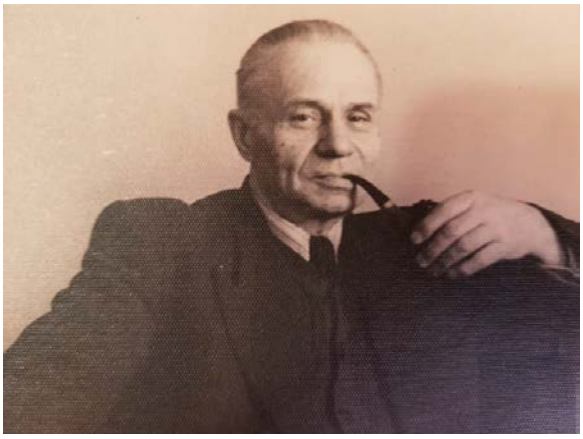
Специалист по дезертирам и симулянтам

«Сообщаю, что за истекшую неделю (с 7 по 15 апреля) был случай восстания против Советской власти в Некрасовской (бывшей Куракинской) и Колчанской (бывшей Алексеевской, вообще-то, волость должна была называться Каляевской, но в документе именно Колчанская – А.П.) волостях. Выступление было против отряда по изъятию дезертиров и против представителей местной власти.

Главными учинителями восстания были крестьяне, от которых и исходит побуждение к восстанию. Принятыми мерами восстание тут же подавлено. Арестовано – 100 человек, предан суду – 1, расстрелянных – нет. Жертв и поражения не было.

В остальных волостях уезда и в городе всё спокойно. Делопроизводитель... (подписи нет)».

Упомянутый в телеграмме отряд был создан Советом обороны Малоархангельского уезда и уездной комиссией по борьбе с дезертирами, поскольку бегство малоархангельцев из Красной Армии и уклонение от службы в ней приняло массовый характер. Основу отряда составили кадровые красноармейцы из 7-го запасного

Ченцов Владимир Васильевич

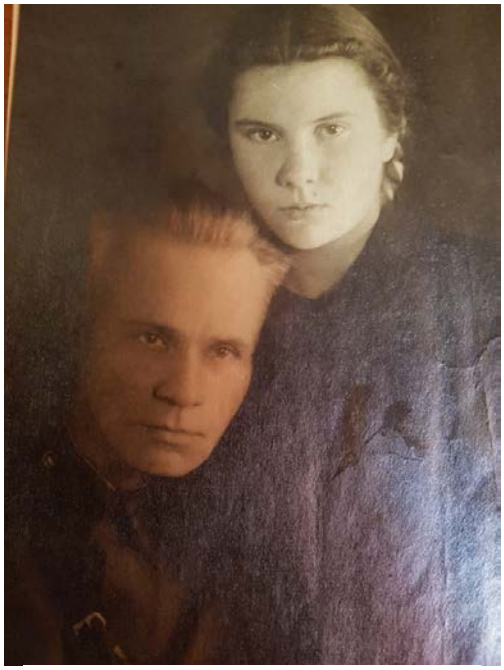
батальона, расквартированного в Малоархангельске. Командиром новой части был назначен Владимир Ченцов.

Удивительное дело: в уезде и городе имелось достаточное количество фронтовиков Первой Мировой войны, но члены уездного комитета партии остановили свой выбор именно на 23-летнем уроженце малоархангельского села Луковец, фельдшере Ченцове. Наверное, потому, что он имел солидный, с довоенных лет, партийный большевистский стаж и успел зарекомендовать себя в революционных событиях 1917–1918 годов.

По окончании фельдшерской школы Владимир Васильевич работал фельдшером приёмного покоя на заводах «Рихард Поль» и «Сталь».

С мая и до декабря 1918 года воевал в Красной Армии – на Южном фронте, командиром конной разведки в отряде Петрова (боевая биография, что и говорить – А.П.).

В самом начале 1919 года Владимир Ченцов возвратился в родной Малоархангельский уезд и стал командиром отряда по борьбе с дезертирами, быстро оправдав возложенное на него доверие. С весны до осени 1919 года его часть в 120-140 бойцов (регулярно разделяясь на группы) методично прочёсывала деревни и сёла Малоархангельского уезда, выискивая дезертиров, на которых у командира отряда всегда имелась предварительная информация и, прямо-таки, сыщицкий нюх. Не раз красноармейцы удивлялись тому, как их «Василич» легко разоблачал симулянтов, изображавших полную глухоту, сумасшествие или контузии, полученные, якобы, на фронте. А Ченцов только улыбался: «Да я ж, фельдшер, всё-таки, кое-чему научился».

Владимир Васильевич Ченцов с женой Варварой

В апрельских событиях в Куракинской и Алексеевской волостях его профессионализм и последовавшие аресты нескольких десятков дезертиров вызвали тогда попытку выступления местных крестьян против мобилизации в Красную Армию, впрочем, быстро подавленную.

Но крутых мер по отношению к «уклонистам» Ченцов не применял, просто направлял большинство выявленных дезертиров

в Красную Армию. Отряд успешно действовал до конца лета 1919 года, а после приближения к границам Малоархангельского уезда деникинских частей и объявления военного положения забот у Владимира Ченцова прибавилось.

Во-первых, 25 августа он был назначен председателем Военно-революционного комитета, к которому перешли полномочия Совета обороны Малоархангельского уезда. Малоархангельский ВРК обладал в условиях военного времени всей полнотой власти на территории уезда, ему подчинялись все организации, учреждения и войсковые части.

Во-вторых, за Ченцовым же осталось и руководство отрядом, который стал называться особой частью при ревкоме.

Остановить деникинские части тогда не удалось: в октябре они захватили и Малоархангельск, и Орёл. Отряд Ченцова по заданию Малоархангельского укома партии остался в тылу у белогвардейцев и в течение полутора месяцев вёл партизанскую борьбу с ними.

После освобождения Малоархангельска от белогвардейцев *(советские источники этой датой считают 7 ноября, а в воспоминаниях бывших белогвардейцев говорится о 10 ноября – А.П.)* Владимир Васильевич Ченцов вначале возглавлял уездный отдел здравоохранения, а затем стал одним из партийных руководителей Малоархангельского уезда *(членом Президиума, секретарём укома партии – А.П.).*

Больница Малоархангельска

Но долго он на этой должности не просидел, отпросился на учёбу – получать высшее образование по специальности, о которой скучал все годы гражданской войны. В 1925 году, по окончании медицинского факультета 2-ого Московского Государственного университета новоиспечённый врач-психиатр Ченцов собрался было заняться практической медициной, но его, как бывшего партработника и организатора, направили руководить губернским отделом здравоохранения на Тамбовщине.

Потом Владимир Васильевич возглавлял губернский отдел здравоохранения в Костроме, и только за несколько лет до войны ему удалось, наконец, заняться тем, о чём долго мечтал, – оказанием медицинской помощи психическим больным: Ченцов был назначен главным врачом Московской областной психиатрической больницы имени Яковенко и директором организованной им специализированной фельдшерской школы. В дальнейшем занимал должности директора Московского областного института психоневрологии, главного врача Курской и Калининской психиатрических больниц.

«Принимал любое количество раненых...»

С началом войны, 25 июня 1941 года, Калининский райвоенкомат призвал доктора Ченцова в Красную Армию. Начинал фронтовую биографию майор медицинской службы Ченцов с должности начальника санитарного эвакогоспиталя № 1143. С марта 1942 по сентябрь 1943 года Владимир Васильевич возглавлял (в порядке очередности) эвакогоспитали № 1136 и 2544.

А в августе 1943 года он был назначен начальником специализированного эвакогоспиталя № 4853 (ранения головы, позвоночника, челюстей и глаз). Вот как оценил деятельность майора Ченцова его непосредственный начальник, полковник медслужбы Порашубский, представляя своего подчинённого к ордену Красной Звезды:

«Несмотря на труднейшие условия работы в Смоленске, блестяще справился со своей задачей. Имея 400 штатных коек, т.Ченцов принимал любое количество посылаемых к нему раненых, доводя до 900 фактически развёрнутых коек. необходимо отметить, что при переезде из Вязьмы в Смоленск всё имущество госпиталя погибло при налёте вражеской авиации. Прибыв в Смоленск, т. Ченцов проявил максимальную энергию и находчивость для восстановления совершенно

разрушенного хозяйства госпиталя, что было проделано в кратчайший срок...».

В течение трёх лет войны майор медслужбы Ченцов, наблюдая за ранеными своих госпиталей, добивался создания на фронте специального психоневрологического госпиталя – с целью более эффективного излечивания больных с различными нервными заболеваниями. В апреле 1944 года такой лечебное учреждение было создано (под № 2552), а Владимир Васильевич стал его начальником.

О результативности работы нового госпиталя сделал вывод новый начальник Ченцова, полковник Беленький, представляя майора медслужбы ко второй его награде – ордену Отечественной войны:

«...Весь значительный контингент контуженных и нервно-психических больных стал получать высококвалифицированную помощь в указанном госпитале. Госпиталь со времени своего существования, работая постоянно в двух эшелонах, пропустил через свои отделения около 15 000 человек, из коих в часть было выписано 10 050 человек (67 процентов)».

Кстати, в этом госпитале В.В.Ченцову пришлось столкнуться с тем же, с чем и в период его командования отрядом по выявлению дезертиров в годы гражданской войны: с симуляцией глухоты и контузий, правда, настоящих раненых, но боявшихся возвращаться на фронт. Владимир Васильевич и его госпиталь «проделали колоссальную работу по снятию таких симуляций» и способствовали возвращению этих больных в строй в кратчайшие сроки.

Майору Ченцову довелось лечить раненых не только на фронтах войны с Германией, но и побывать, выполняя свою работу, на Дальнем Востоке. Раненых в войне с Японией было поменьше, но и там всякое случалось.

После демобилизации в январе 1946 года, кавалером двух орденов и трёх медалей, ушедший в запас майор Ченцов вновь возвратился к мирной работе в органах здравоохранения.

Первое время трудился в Калининской психиатрической больнице имени Литвинова, а в 1948 году его перевели в знакомую ему больницу имени Яковенко. В 1959 году Владимиру Васильевичу были поручены организация и строительство новой Областной психоневрологической больницы в посёлке Курилово Подольского района Московской области (впоследствии – № 17).

Владимир Васильевич Ченцов с дочерьми Эллой, Аллой и внуком

Во всех руководимых им госпиталях и больницах доктор Ченцов неизменно добивался хорошей организации лечебного процесса, улучшения больничного хозяйства, повышения квалификации врачей и медицинского персонала.

Его заслуги в послевоенные годы были оценены орденами Ленина (1967 год) и Трудового Красного Знамени, званием «Заслуженный врач РСФСР». Умер он 30 декабря 1967 года после непродолжительной, но тяжёлой болезни. Владимир Васильевич Ченцов оставил о себе добрую память у всех своих земляков и тех, кто был знаком с ним по работе.

Но несколько фотографий замечательного врача-психиатра мне удалось найти лишь несколько лет спустя после первой публикации очерка. На связь со мной вышла его правнучка Татьяна Сафронова, которая прислала четыре снимка, копию его военного билета, некролог, из которых я уточнил отдельные моменты биографии боевого командира и замечательного врача. Владимир Васильевич Ченцов был счастливо, ещё с дореволюционных времён, женат. У них с женой Варварой родилось две дочери – Эмма и Элла, внучка младшей, Эллы Владимировны Ивановой, Татьяна Сафронова, как раз и прислала фото, благодаря которым читатель может получить представление о внешности моего героя.

В.В.Ченцов с дочерью Эллой

УДК 616.89(092 Ченцов)

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ЧЕНЦОВ

30 декабря 1967 г. после непродолжительной тяжелой болезни скончался старейший организатор психиатрической помощи в СССР главный врач Московской областной психиатрической больницы № 17 заслуженный врач РСФСР В. В. Ченцов.

Владимир Васильевич Ченцов родился в 1896 г. в селе Луковец Орловской губернии в семье рабочего. С 1913 по 1917 г. учился в фельдшерской школе и был связан с революционным подпольем. В 1914 г. он вступил в члены РСДРП. До 1917 г. вел пропагандистскую работу, избирался в большевистскую фракцию Совета рабочих и солдатских депутатов.

По окончании фельдшерской школы Владимир Васильевич работал фельдшером приемного покоя на заводах «Рихард Поль» и «Сталь», где по заданию партийной организации вел пропагандистскую работу. В годы гражданской войны он был направлен на укрепление партизанских отрядов, действовавших против белогвардейских войск на Южном фронте, впоследствии командовал конной разведкой, принимал участие в ликвидации кулацкого восстания.

После демобилизации В. В. Ченцов учился на медицинском факультете Московского университета, по окончании которого работал заведующим Тамбовским, а затем Костромским губернским отделом здравоохранения, начальником управления кадров Наркомздрава, главным врачом Московской областной психиатрической больницы им. Яковенко и директором организованной им специализированной фельдшерской школы. В дальнейшем он занимал должности директора Московского областного института психоневрологии, главного врача Курской, затем Калининской психиатрической больницы.

Во время Великой Отечественной войны В. В. Ченцов служил в действующей армии и был начальником специализированного военного госпиталя. После демобилизации он вернулся на работу в Калининскую психиатрическую больницу им. Литвинова, а в 1948 г. был переведен на работу в больницу им. Яковенко. В 1959 г. В. В. Ченцову поручаются организация и строительство новой Областной психоневрологической больницы в пос. Курилово Подольского района Московской области.

Во всех руководимых им больницах Владимир Васильевич неизменно добивался хорошей организации лечебного процесса, улучшения больничного хозяйства, повышения квалификации врачей и медицинского персонала.

Наряду с большой административно-организационной деятельностью В. В. Ченцов принимал участие в работе партийных и советских организаций, неоднократно избирался в Советы депутатов трудящихся, членом правления Всероссийского общества невропатологов и психиатров.

Коммунист-ленинец, человек большой души, умный и чуткий руководитель, Владимир Васильевич пользовался огромным уважением и искренней любовью всех , кто знал его.

За доблесть и мужество, проявленные в боях с врагами Советского государства, В. В. Ченцов награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями, а за доблестный труд на благо советского народа — орденом Трудового Красного Знамени. К 50-летию Великого Октября В. В. Ченцов получил высшую награду — орден Ленина.

Психиатрическая общественность всегда будет чтить светлую память о Владимире Васильевиче, дорогом нашем товарище, так много сделавшем для организации охраны здоровья советского народа, за счастье которого он боролся всю жизнь.

Некролог

И в дополнение – несколько слов о его младшем брате и тоже докторе, Фёдоре Васильевиче Ченцове. Он родился там же, в селе Луковец, в 1901 году. В 20-ые годы работал в Малоархангельском укоме комсомола. Потом уехал в Москву, где получил высшее медицинское образование. В 30-ые годы был направлен в Казахстан и работал главным врачом одной из алма-атинских больниц. 5 марта 1938 года был арестован органами НКВД и Особым совещанием от 11.11.1938 года осуждён к лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет (статьи 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР). 13 октября 1956 года, Верховным судом СССР был полностью реабилитирован *«…за отсутствием состава преступления».* О его послевоенной судьбе сведений, к сожалению, нет.

Герой Советского Союза Манзус Ванахун

5 июля 1943 года в 6 часов утра, после продолжительной артиллерийской подготовки и авиационных бомбардировок по советским войскам, гитлеровская армия развернула наступление на северном фасе Курской дуги. Главный удар наносился фашистами на Ольховатку – Поныри, а вспомогательный – на Малоархангельск.

Подвиг у хутора Согласный

Здесь силами германского 23-го армейского корпуса противник из района Похвальное, Глазуновка пытался прорвать наши позиции на стыке 13-й и 48-й армий. Участок фронта от хутора Согласный до села Протасово *(Малоархангельский район – А.П.)* защищали воины 148-й стрелковой дивизии, поддерживаемые артиллеристами из 12-ой артиллерийской дивизии прорыва Резерва Верховного Главнокомандования.

Немецкие танки с десантом автоматчиков на броне и самоходные орудия выходили на высоты и, остановившись, открывали огонь по наблюдаемым целям и местам расположения советских средств противотанковой обороны. Потом атакой в лоб они штурмовали позиции наших батарей и орудий, ведя огонь с ходу или с коротких остановок. Приблизившись на 200–300 метров к позициям, танки делали короткую остановку и усиливали огонь. Немецкие автоматчики соскакивали с брони, пытаясь с флангов просочиться на наши огневые позиции.

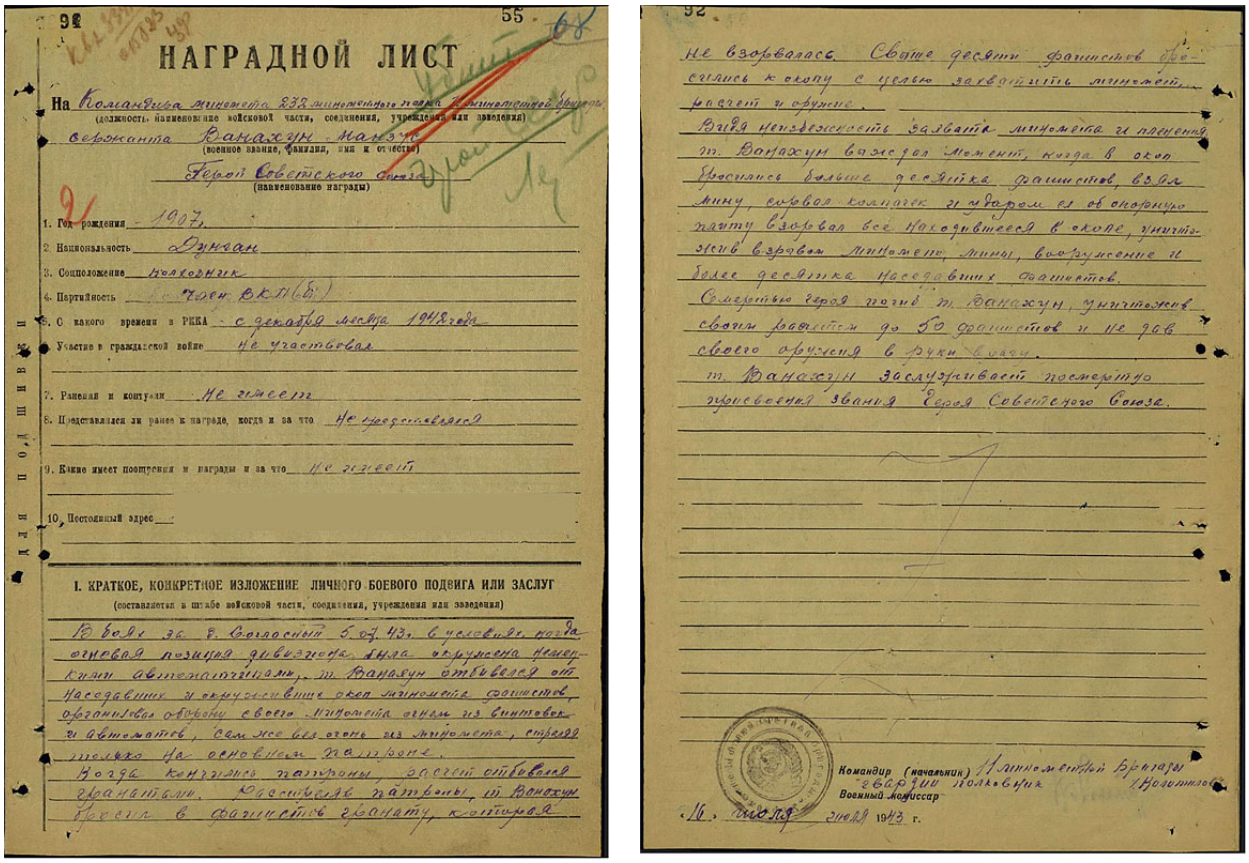
Артиллерия 12-й артдивизии массированным заградительным огнём наносила противнику серьёзные потери. Пехота, тесно взаимодействуя с артиллерией, пропускала вражеские танки через свои боевые порядки, после чего орудия противотанковых опорных пунктов расстреливали их в упор. Орудиям противотанковой обороны помогали уничтожать танки противника бронебойщики. В это же время артиллерия и миномёты с закрытых позиций своим огнём отсекали пехоту врага от танков, огнём стрелкового оружия и штыковыми контратаками её уничтожали наши стрелки. Не добившись успеха в одной атаке, немецкие войска неоднократно предпринимали последующие.

Ванахун Манзус

Миномётчики 232-го миномётного полка, занимая высоты на юго-западной окраине хутора Согласный, вели интенсивный обстрел вражеской пехоты. Во время очередной гитлеровской атаки наша пехота, находившаяся перед позицией 4-й батареи полка, не выдержав натиска неприятельских танков, отошла назад, а миномётная батарея,

потеряв связь с командиром дивизиона П.И. Коноваловым, осталась стоять на месте и продолжала вести огонь по врагу.

Немцы окружили её со всех сторон. Когда они приблизились к позициям миномётов почти вплотную, наши расчёты стали отбиваться от наседающих фашистов автоматами, винтовками и гранатами. Большими силами немцы атаковали левый фланг батареи, где находился расчет сержанта Манзуса Ванахуна, пытавшегося безрезультатно связаться с соседним расчетом сержанта Бердникова.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

На Командира миномета 82-х миномётного полка 11 минометной бригады
(должность, наименование войсковой части, соединения, учреждения или заведения)
сержанта Ванахун Манзус
(воинское звание, фамилия, имя и отчество)
Героя Советского Союза
(наименование награды)

1. Год рождения 1907.
2. Национальность Дунган
3. Социальное положение колхозник
4. Партийность член ВКП(б)
5. С какого времени в РККА с декабря месяца 1941 года
6. Участие в гражданской войне не участвовал
7. Ранения и контузии не имеет
8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что не представлялся
9. Какие имеет поощрения и награды и за что не имеет
10. Постоянный адрес

I. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ
(составляется в штабе войсковой части, соединения, учреждения или заведения)

В бою за г. Богодухов 5.07.43 г. в условиях, когда огневая позиция дивизиона была окружена немецкими автоматчиками, т. Ванахун отбивался от наседавших и окруживших окоп миномёта фашистов, организовав оборону своего миномёта огнем из винтовок и автоматов, сам же без огонь из миномета, стрелял только на основном патроне. Когда кончились патроны, расчет отбивался гранатами. Расстрелявъ патроны, т. Ванахун бросил в фашистов гранату, которая

не взорвалась. Свыше десяти фашистов бросились к окопу с целью захватить миномет, расчет и оружие.
Видя неизбежность захвата миномета и пленения т. Ванахун выждал момент, когда в окоп бросились больше десятка фашистов, взял мину, сорвал колпачек и ударом ее об опорную плиту взорвал все находившееся в окопе, уничтожив взрывом миномет, мины, вооружение и более десятка наседавших фашистов.
Смертью героя погиб т. Ванахун, уничтожив своим расчетом до 50 фашистов и не дав своего оружия в руки врага.
т. Ванахун заслуживает посмертно присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир (начальник) 11 минометной бригады
гвардии полковник
Военный комиссар
«16» июля 1943 г.

Наградной лист Ванахуна Манзуса

Миномётчики расчёта отчаянно отбивались, отстаивая свой рубеж, но один за другим выходили из строя. Командир остался последним. Вот как в наградном листе описал последние минуты героического боя сержанта полковник Колотилов, командир 11-й миномётной бригады: *«Когда кончились патроны, расчёт отбивался гранатами. Расстреляв патроны, т. Ванахун бросил в фашистов гранату, которая не взорвалась. Свыше десятка немецких солдат бросились к окопу с целью захватить миномётный расчёт и оружие.*

Видя неизбежность захвата миномёта и пленения, т. Ванахун выждал момент, когда в окоп бросилось больше десятка

фашистов, взял мину, сорвал колпачок взрывателя и, ударив её об опорную плиту, взорвал все находившееся в окопе, уничтожив взрывом миномёт, мины, вооружение и более десятка наседавших фашистов.

Смертью героя погиб т. Ванахун, уничтожив своим расчётом до 50 фашистов и не дав своего оружия в руки врага».

Сержант-миномётчик в бою у хутора Согласный без колебаний *согласился* отдать свою жизнь во имя Родины. Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 сентября 1943 года Манзус Ванахун был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Китай – Киргизия – Орловщина: путь Героя

На воинском мемориале в селе Протасово *(оно находится в восьми километрах от Малоархангельска – А.П.),* где захоронено более трёх с половиной тысяч павших советских воинов, на отдельной плите значится: *«Здесь 5 июля 1943 года, героически защищая Родину, пал смертью храбрых командир миномётного расчёта 232-го миномётного полка 12-й арт. дивизии РВГК Герой Советского Союза Манзус Ванахун».*

Памятная плита на воинском мемориале в селе Протасово

Он стал одним из сорока погибших и захороненных на Орловской земле Героев.

Воинский мемориал в селе Протасово

По национальности Манзус Ванахун – дунганин. В провинциях Китая, главным образом в северо-западных, их насчитывается более 35 млн. человек. Наука еще не знает точного ответа на вопрос, откуда и как пришли в Китай дунгане. Существуют предположения, что предки дунган были арабскими воинами. Они слились с народом Китая, но сохранили при этом мусульманскую религию.

Судьба дунган была полна мрака и горя. В течение веков находились они под неимоверным гнетом разных правителей и не раз поднимались на борьбу против своих поработителей.

Крупнейшее из восстаний вспыхнуло в Северо-Западном Китае в 1862 г. На подавление его были брошены императорские войска, но восставшие более десяти лет отражали атаки правительственных войск. В конце концов, понеся огромные потери, обескровленные, измученные, дунгане решили найти спасение в России.

В декабре 1877 года, переправившись через горы, более тридцати тысяч участников восстания поселилось в так называемом Семиречье – на территории Киргизии и Казахстана. Среди них был и дед Манзуса Ванахуна.

С 1882 года он с семьёй жил на окраине Пишпека *(в те годы – уездного центра Семиреченской области Российской империи – А.П.)*, занимался сельским хозяйством.

Здесь в 1907 году и родился Манзус Ванахун. Учиться ему довелось недолго и немного. После революции вместе с братьями переселился он из Пишпека в село Милянфан *(ныне – Кантский район Кыргызстана – А.П.*), где братья стали рисоводами

(название села в переводе на русский язык – «рисовая долина» - А.П.).. С организацией в селе товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ) Манзус вступил в ТОЗ, а потом - в колхоз имени Фрунзе, организованный в 1932 году.

В декабре 1942 года Ванахун был призван в ряды Красной Армии. Прошёл обучение по воинской специальности миномётчика, затем окончил школу младших командиров и получил звание сержанта. Был назначен командиром расчёта 120-миллиметрового миномёта в 232-й миномётный полк 11-й миномётной бригады 12-й артиллерийской дивизии, формировавшейся в Челябинской области.

В январе 1943 года дивизия была отправлена на Брянский фронт, где вошла в состав 48-й армии и была дислоцирована в Орловской области, в районе города Малоархангельск, в окрестностях которого совершил Манзус Ванахун свой подвиг и остался навеки здесь, далеко от родной Киргизии.

Мы помним

На родине память единственного дунгана – Героя Советского Союза – чтят: его именем названы школа, улица в посёлке городского типа Кант и одна из пограничных застав. В селе Милянфан установлен памятник Ванахуну и создан музей, посвящённый ему.

Школа имени Манзуса Ванахуна в селе Милянфан

В Чуйской области Кыргызстана в мае 2008 года широко отметили и 100-летие со дня рождения земляка. В праздновании юбилея приняли участие официальные лица, представители государственных и общественных организаций и зарубежные гости.

На открытии бюста
Манзуса Ванахуна в Протасово
(9 мая 2017 г.)

В 80-е годы прошлого века при Малоархангельском доме пионеров существовал поисковый отряд, члены которого отыскали многих ветеранов, участвовавших в боях на территории Малоархангельского района. С ними, а также и с родственниками погибших на орловской земле была организована поисковиками активная переписка.

Благодаря ей завязалась дружба малоархангельских ребят с учениками из школы имени Манзуса Ванахуна. А в 1982 году на День Победы ребята из села Милянфан, вместе с дочкой Героя и его внуками, посетили Малоархангельск и побывали на месте боёв 1943 года. В тот же день приезжали и однополчане героя — минометчики 232-го минометного полка.

С тех пор прошло уже более 35 лет. Но память о подвиге Манзуса Ванахуна по-прежнему жива на Орловской земле. В 2017 году, к очередному Дню Победы, в селе Протасово установлен бюст Героя. На открытие его приезжали родственники Манзуса Ванахуна.

«Отважных враг боится»

(Герой Советского Союза, генерал Вячеслав Цветаев)

Любимым полководцем этого генерала был Суворов и, во многом следуя суворовской «Науке побеждать», он во фронтовой газете «За землю родную» опубликовал в 1944-ом году статью «Как действовать пехотинцу в наступлении», в которой писал: *«Будь отважен. Бой отвагу любит. Отважному нет невозможного. Отважных враг боится».*

Сын железнодорожника со станции Малоархангельск, он еще до революций 1917 года закончил школу прапорщиков, в 1918

вступил в ряды Красной Армии, в которой в годы гражданской войны прошел путь до командира стрелковой дивизии, кавалера ордена Красного Знамени.

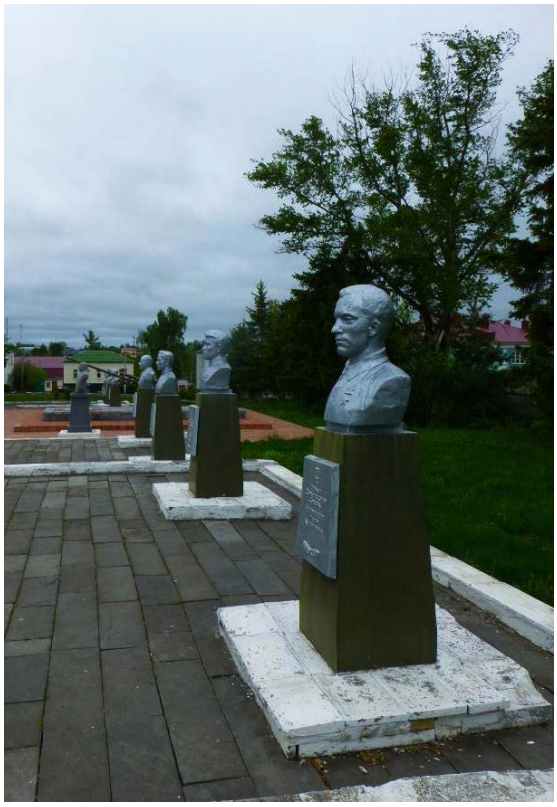

Генерал, Герой Советского Союза Вячеслав Цветаев

Наделенный не только талантом военным, но и педагогическим, перед Великой Отечественной войной работал старшим преподавателем, затем начальником кафедры общей тактики в военной академии им. Фрунзе.

Войну начал генерал – лейтенантом, командуя оперативной группой войск 7-й армии, в течение полутора лет возглавлял 5-ю ударную армию, а на заключительном этапе командовал 33-й Армией, которая участвовала в Варшавско – Познанской и Берлинской операциях.

Следуя Суворову, старался, чтобы противник ничего не мог противопоставить быстроте и натиску: именно так прорваны были укрепленные рубежи фашистов на реке Северский Донец, на реке Миус и на южных подступах к Берлину. Именно его армия, выйдя к Эльбе южнее Берлина, встретилась с частями 9-й американской армии.

Будучи замечательным полководцем, награжден был многими полководческими орденами СССР: тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, а закончив войну в звании генерал-полковника и побывав командующим Южной группы войск, вновь вернулся в Военную Академию им. Фрунзе, но теперь уже в качестве ее начальника.

Парк Победы в Малоархангельске

Умер Вячеслав Дмитриевич Цветаев, не дожив до 60 лет, и его именем названа улица г. Орла, хороша известная горожанам: красиво звучит – улица Цветаева!

Приложения
Автобиография В.Д. Цветаева

«Родился в январе 1893 года на станции Малоархангельск М. Курской ж.д. бывшей Орловской губернии. Отец служил начальником станции до 1922 года, после уволился, жил на моем иждивении и умер в 1929 г. в гор. Калуге. Мать не служила и находится на моем иждивении в гор. Калуге, Красноармейский пер., д. 12.

Женат. Жену зовут — Ольга Васильевна Цветаева. Имею двоих детей: Ирина — 16 лет и Наталия — 9 лет. Жена до Октябрьской революции училась в Петрозаводской гимназии и в Московском университете. Родители жены: отец умер в 1918 году. До Октябрьской революции служил на Мурманской железной дороге. Мать жены до Октябрьской революции служила на телефонной станции в Петрозаводске. Мать жены умерла в 1935 году. Братья, сестры жены до Октябрьской революции были несовершеннолетними. В настоящее время жена работает в гор. Калуге зав. библиотекой в Калужском пед-техникуме. Брат ее — Петр Васильевич, работает в гор. Петрозаводске. Больше родственников у жены нет.

Работать я начал с 1913 года на М.К. ж.д. (Московско-Курской железной дороге. — Н.Ч.). В 1914 году был призван в армию и прослужил в ней до января 1918 года. В армии до 1916 года служил рядовым, а в 1916 году окончил школу прапорщиков, произведен в офицеры и служил в Екатериноградском пехотном полку младшим офицером до 1917 года. В 1917 году по январь 1918 года — младший офицер в Управлении корпусного инженера 6-го Кавказского армейского корпуса в Кавказской армии. Рядовым служил в гор. Орле в 203 пехотном запасном батальоне. Школу прапорщиков окончил в Тифлисе.

Общее образование имею за 6 классов Орловской гимназии и окончил техническое железнодорожное училище в гор. Туле в 1913 году. Во время февральской революции служил младшим офицером в Екатериноградском пехотном полку и в Управлении корпусного инженера 6-го Кавказского армейского корпуса Кавказской армии. С мая 1918 года по август 1920 года состоял членом Коммунистической партии. В партию вступил в Краснопресненском районе гор. Москвы. В 1920 г. при интернировании в Восточную Пруссию (при отходе частей РККА из-под Варшавы) уничтожил партбилет и в дальнейшем автоматически выбыл из партии. В других партиях не состоял.

В троцкистских и прочих организациях не состоял и участия не принимал в них.

В РККА вступил добровольно в мае 1918 года в гор. Москве командиром роты 4-го Советского полка. В июле 1918 г. был отправлен на Северный фронт под Архангельск, где командовал ротой, батальоном, полком, бригадой в 54 стрелковой дивизии и командиром этой дивизии с октября 1919 года по август 1920 года. После 1920 года командовал отдельной бригадой в Ленинграде (1921 —1922 гг.). В 1922 году окончил Высшие Военно-Академические курсы и командовал 56 Московской дивизией до 1926 года. В 1926 году переведен в Среднеазиатский округ и командовал 3-й Туркестанской стрелковой дивизией. С 1931 г. по 1937 г. работал старшим преподавателем Академии им. М.В. Фрунзе. В 1937 г. по 1939 г. командовал 57 стрелковой дивизией.

В боях участвовал с 1918 г. по 1920 г., командуя от роты до дивизии включительно на фронтах Северном и Западном. В 1929 г. выполнял особое задание правительства. В 1930— 1931 гг. участвовал в подавлении басмачества в Ферганском округе Уз. ССР. Контужен в 1918 г.

Имею два ордена "Красного Знамени" и медаль "XX лет РККА".

В старой армии окончил в 1916 г. школу прапорщиков в Тифлисе. Последний чин в армии — поручик.

В Красной Армии окончил Военно-Академические курсы высшего комсостава в 1922 г. и повторно при Академии имени Фрунзе в 1927 г.

В 1938 г. 5 июля я неожиданно для себя был арестован Особым отделом ЗабВО и содержался под следствием до 9 сентября 1939 г. 9 сентября 1939 г. мне объявили, что дело мое, за отсутствием преступления, прекращено и я освобождаюсь с восстановлением в правах и принятием в ряды РККА. Причиной своего ареста считаю результат вражеской работы контрреволюционного элемента, стремившегося подорвать мощь Советского Союза и РККА.

Комдив Цветаев В.Д. 26.9.1939г.»

(Центральный архив Министерства обороны РФ, «Личное дело В.Д.Цветаева», л.8)

Из наградного листа на присвоение генералу Цветаеву звания Героя Советского Союза

«Войска под командованием генерал-полковника Цветаева в результате хорошо проведенной подготовки к наступательным

операциям, четкого взаимодействия всех родов войск и руководства ими прорвали сильно укрепленную глубоко эшелонированную оборону противника в районе г. Пулавы. Развив стремительное наступление, войска армии совместно с 69 армией, разгромили Радомско-Томашевскую группировку противника и овладели этими городами. Продолжая успешное наступление, овладели крупными опорными пунктами немцев, городами Калит, Шрем, Швибус и более 800 других населенных пунктов, вышли на р. Одер, форсировали ее, захватили плацдарм на западном берегу и ведут бои по его расширению.

За период январской наступательной операции войска армии уничтожили и захватили в плен свыше 60 556 немецких солдат и офицеров, танков и самоходных орудий – 186, складов разных– 55, орудий разного калибра – 1184, автомашин – 6736, паровозов – 113, железнодорожных вагонов – 2093.

В осуществлении январской операции генерал-полковник Цветаев проявил высокое оперативное мастерство, смелость, отвагу и геройство.

За умелое руководство и высокую организацию в управлении войсками, мужество, отвагу и геройство, проявленном при прорыве долговременной, глубоко эшелонированной обороны противника, генерал-полковник Цветаев достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командующий войсками 1БФ Маршал Советского Союза Г. Жуков
Член Военного совета I БФ генерал-лейтенант Телегин
6 марта 1945 г.»
(Центральный музей Вооружённых Сил РФ.
Коллекция наградных листов. Кор.46, с.481.)

«Переправы, переправы, берег левый, берег правый...»

(Герой Советского Союза Николай Волков)

В конце октября 1941 года, когда решалась судьба Москвы, и части Красной Армии героически пытались остановить продвижение немецких войск к столице, с Дальнего Востока на помощь защищавшимся была переброшена 78-я стрелковая дивизия под командованием полковника Белобородова. Её направили под Истру, в распоряжение командующего 16-й армии генерала Константина Рокоссовского.

«Обледеневающий, с обмороженными пальцами...»

В течение ноября полки дивизии сдерживали наступление элитных гитлеровских моторизованных и танковых частей. Наиболее ожесточённые бои развернулись в конце ноября, когда немцы нанесли массированный удар вдоль Волоколамского шоссе. Огонь артиллерии, непрерывные атаки танков – всё было использовано фашистами. Но дальневосточники выстояли, не дав врагу прорваться.

Одним из командиров 78-й стрелковой дивизии, кто тогда успешно противостоял врагу, был наш земляк, уроженец села Никольское Малоархангельского уезда (ныне – в составе Малоархангельского района – А.П.), Николай Волков. В дивизии он занимал должность начальника инженерной службы.

Под его руководством сапёры закрывали все возможные направления продвижения гитлеровцев минными полями, завалами, ставили сюрпризы, оборудовали и строили дзоты и блиндажи, в результате чего дивизия *«наносила тяжёлые потери врагу, несмотря на его численное превосходство».* За отвагу, мужество и стойкость в боях 26 ноября 1941 года дивизия стала именоваться 9-й гвардейской стрелковой, а её командир Афанасий Белобородов получил генеральское звание.

Герой Советского Союза
Николай Волков

Когда 7 декабря гвардейцы перешли в наступление, роль начальника инженерной службы майора Волкова оказалась ещё более значительной. Дело в том, что гитлеровцы успели всю прифронтовую полосу – дороги, тропы, дома, сараи – буквально нашпиговать минами и разного рода взрывными сюрпризами. Но майор Волков сумел так тщательно организовать инженерную разведку и умело расставить своих проинструктированных сапёров, что они на подступах к Истре и в самом городе обезвредили и извлекли практически все противотанковые (1400 штук) и противопехотные (400 единиц) мины. В результате части 9-й гвардейской стрелковой дивизии почти не понесли потерь на минных полях – ни в живой силе, ни в технике, хотя за сутки продвигалась по 12–18 километров.

Гитлеровцы, отступая из города Истра, взорвали все мосты и повредили плотину Истринского водохранилища. Майор Волков лично, несмотря на сильный огонь вражеских автоматчиков и миномётов, организовал со своими сапёрами переправу через реку Истра для 40-го стрелкового полка точно в срок, а потом перешёл на другой участок переправы – у деревни Трусово, чтобы соорудить переправу для 131-го стрелкового полка и 36-й стрелковой бригады.

Вот как описал его действия командир 9-й гвардейской стрелковой дивизии, генерал-майор Белобородов, представляя майора Волкова к ордену Красного Знамени: *«…При двадцати-пятиградусном морозе и сильном ветре, под ураганным огнём противника, товарищ Волков, проваливаясь по пояс в воду, обледеневающий, с обмороженными пальцами обеих рук, оставался руководить работой».*

В суровые дни зимы 1941–1942 годов награды давались скупо, и майору Волкову вместо заслуженного Красного Знамени вручили орден Красной Звезды. Николай Григорьевич, впрочем, не роптал, принимая это как должное: *«Не до ордена – была бы Родина…».*

Переправа через Крому

Весной 1943 года Волков – уже гвардии подполковник – получил назначение на должность корпусного инженера во 2-й механизированный корпус, который летом 1943 года, в составе 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта Рыбалко, принял участие в Орловской наступательной операции. Отличились во время освобождения Орловщины и армия, и корпус (он стал называться 7-м гвардейским механизированным), и гвардии подполковник Волков.

При подходе танкистов корпуса к речке Крома (Кромской район – А.П.) выяснилось, что гитлеровцы взорвали мост через неё, пытаясь помешать дальнейшему наступлению наших войск. Волков быстро определил место будущей переправы, организовал сапёров и, поставив им задачу, лично принял участие в её выполнении. Несмотря на сильный авианалёт немецких самолётов, пытавшихся уничтожить строящийся мост, переправа была создана в кратчайшие сроки.

Танки 7-го гвардейского мехкорпуса переправились по ней на противоположную сторону реки, и 6 августа жители райцентра Кромы приветствовали своих освободителей. За успешное выполнение заданий командования гвардии генерал-лейтенант

Рыбалко, командующий 3 гвардейской танковой армией, наградил гвардии подполковника Волкова орденом Отечественной войны II степени.

«Находясь на водных рубежах»: Десна, Днепр, Одер

В начале осени 1943 года 7-й гвардейский механизированный корпус, в составе 60-й армии генерала Черняховского, отличился во время освобождения города Нежина (Черниговская область Украины) и получил почётное наименование «Нежинский». Немалую роль в успехе корпуса снова сыграли сапёрные части, возглавляемые гвардии подполковником Волковым. Правда, его самого награда тогда обошла.

А меньше чем через месяц войска 60-й армии, вместе с соседними частями войск Центрального фронта, преследуя отступающего противника, вышли севернее Киева к могучей славянской реке – Днепру, на берегах которой враг намеревался во что бы то ни стало остановить части Красной Армии. Нельзя было дать гитлеровцам возможность закрепиться на западном берегу. И перед гвардии подполковником Волковым командование поставило очередную, очень сложную задачу – как можно быстрее организовать переправу для 7-го гвардейского механизированного корпуса.

А ты знаешь, читатель, что такое мехкорпус с точки зрения количества техники? Это 10 тяжёлых танков КВ (47,5 тонн каждый), 46 средних Т-34 (вес каждого – около 30 тонн*)* и свыше 400 единиц других видов танков, танкеток, бронемашин. И всю эту механизированную армаду (не считая вспомогательных подразделений корпуса) предстояло доставить под огнём противника на другую сторону Днепра, ширина которого здесь достигает от 300 до 500 метров.

Как справился с такой труднейшей задачей корпусной инженер Николай Волков, имея минимальное количество стационарных средств переправы, написал в наградном листе командир 7 гвардейского механизированного корпуса, гвардии генерал-лейтенант Корчагин: *«Товарищ Волков показал себя способным, энергичным и смелым командиром. В боевых операциях по форсированию водных рубежей рек Десна и Днепр умелой и чёткой боевой работой товарищ Волков обеспечил на подручных средствах, на лодках переправу частей и соединений корпуса. Лично сам, находясь на водных рубежах, руководил непосредственно инженерными частями своего корпуса и приданными ему. Несмотря на сильный обстрел со стороны*

противоположного берега и бомбёжку с воздуха товарищ Волков сумел обеспечить наведение переправ и тем самым помог соединениям и частям корпуса форсировать водные рубежи – реки Десна и Днепр».

Этот наградной лист генерал Корчагин подписал 6 октября 1943 года, и в нём он представлял корпусного инженера Волкова к ордену Суворова II степени. 10 октября вышестоящий начальник, командующий бронетанковыми и механизированными войсками 60-й армии, гвардии полковник Романов изменил награду на более высокую, посчитав нашего земляка достойным за его подвиги ордена Ленина.

15 октября 1943 года окончательное решение по поводу награждения гвардии подполковника Волкова вынес сам командующий 60-й армии – генерал-лейтенант Черняховский, написавший – *«Достоин звания Героя Советского Союза»*. И уже 17 октября того же года последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР. Эта цепочка событий, при которой ранее обозначенная награда повышалась сразу на несколько ступенек, была чрезвычайно редкой в годы войны (обычно случалось наоборот – понижение статуса – А.П.). По всей видимости, сказалось решающее слово генерала Черняховского, а он оценил вклад Николая Волкова в общий успех 60-й армии именно так.

А победной зимой 1945 года уже гвардии полковник Волков, за возведение в течение трёх суток моста через Одер северо-западнее Бреслау (ныне – город Вроцлав в Польше – А.П.), несмотря на артиллерийский огонь противника и бомбёжку с воздуха, получил очередной орден – Отечественной войны I степени.

Единственный из восьми

После окончания войны наш земляк ещё в течение восьми лет продолжал служить в Вооружённых Силах, удостоившись нескольких наград уже в мирное время. Ушёл в запас гвардии полковник Николай Волков в 1953 году. Жил в Сочи, где и скончался 6 января 1972 года. Похоронили Героя Советского Союза с воинскими почестями на Старом кладбище города. На могиле установлен памятник.

Памятная плита на могиле Н.Г. Волкова на Старом кладбище города Сочи

Что касается родных мест Николая Волкова, то по увековечиванию его памяти есть вопросы. Информация о Герое (одном из восьми малоархангельцев, удостоенном этого высокого звания – А.П.) есть на официальном сайте администрации Малоархангельского района. Но, к сожалению, Николай Волков – единственный из восьми, чей бюст не размещён в Парке Победы в центре города Малоархангельска. Почему так произошло – сказать не могу, но думаю, это недоразумение ещё можно исправить, если малоархангельцы проявят инициативу: гвардии полковник, Герой Советского Союза Николай Григорьевич Волков заслужил себе памятник на родине.

Из 118-го гвардейского штурмового...
(Герой Советского Союза Леонид Костин)

Есть в Подгородненском сельском поселении Малоархангельского района деревня Костино. Она находится в 11 километрах к югу от Малоархангельска, почти на самой границе с Поныровским районом соседней Курской области. В летнее время, при хорошей погоде, местные жители легко добираются отсюда до железнодорожной станции Поныри.

С высокого места – в небесную высь

А в пяти километрах от Костино, ниже по течению той же самой речки с неблагозвучным именем Сучья (раньше она называлась Сучья Плота – А.П.) находится ещё одна деревня Подгородненского сельского поселения под названием Удерево. Казалось бы, уроженец этих мест, будущий лётчик и Герой Советского Союза, Леонид Николаевич Костин, должен был появиться на свет в одноименном населённом пункте, но его малой родиной стала деревня с необычным и старинным названием. Слово «Удырев» в незапамятные времена означало «высокое место, крутой берег, заросший лесом».

Герой Советского Союза
ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ КОСТИН

Возможно, это одна из причин, по

которой так тянуло в высоту Леонида Костина, сына местных колхозников, что он, едва закончив 9 классов, отправился добровольцем в Красную Армию (ему в тот момент исполнилось 16 лет, и каким образом умудрился малоархангельский сельский парень сделать это – остаётся загадкой до сих пор).

С началом Великой Отечественной войны Леонид Костин был направлен в Ворошиловградскую военную авиационную школу пилотов имени Пролетариата Донбасса, которая вскоре перебазировалась в город Уральск (Казахстан). В мае 1942 года в школу прибыли самолеты ИЛ-2, на которых и проходил подготовку наш земляк уже как будущий лётчик-штурмовик.

По окончании учебного заведения в звании младшего лейтенанта Леонид Костин был направлен в Действующую армию, в 118-й гвардейский штурмовой авиационный Курский полк 225-й штурмовой авиадивизии, сражавшейся в составе 2-го Прибалтийского фронта. Его боевой путь начался 15 января 1944 года и продлился вплоть до Победы, но основных фронтовых успехов вначале – простой лётчик, затем – лётчик старший, командир звена, заместитель командира авиаэскадрильи и (одновременно) штурман полка – Леонид Костин добился именно в 1944 году.

«Произвёл отличную посадку на одно колесо...»

Уже спустя пару месяцев однополчане убедились в его мастерстве и удачливости. А 12 мая 1944 года командир 118-го гвардейского штурмового авиаполка, гвардии подполковник Владимир Верещинский написал первый наградной лист на своего бесстрашного и инициативного лётчика. Цитирую отрывок: гвардии младший лейтенант Костин *«...27 февраля 1944 года, при налёте на станцию Идрица* (посёлок и железнодорожная станция в Псковской области – А.П.), *несмотря на сильный огонь зенитной артиллерии противника, сбросил груз бомб точно по цели и пулемётно-пушечным огнём поджёг 3 железнодорожных вагона. Прямым попаданием снаряда зенитной артиллерии была перебита воздушная система шасси, и повреждены элероны. Несмотря на повреждение, привёл свой самолёт на аэродром и произвёл отличную посадку на одно колесо...».*

На следующий день, *«28 февраля 1944 года, при штурмовке автоколонны противника на дороге Пустошка – Опочка* (Псковская область – А.П.), *в районе Амля, бомбами и пулемётно-пушечным огнём уничтожил до 6 автомашин с грузом и до 15 солдат и офицеров противника...».*

Приказом командира 225-й штурмовой авиадивизии полковника Алексея Обухова от 13 июня 1944 года, *«за 10 произведённых успешных боевых вылетов»* гвардии младший лейтенант Костин был удостоен первой своей награды – ордена Красной Звезды.

Освобождая Латвию

После этого боевые вылеты, в которых принимал участие наш земляк, следовали один за другим: 15 мая 1944 года – «штурмовка эшелонов и живой силы противника в районе Вощанино и станции Сущёво», 13 и 17 июля 1944 года – «штурмовка отходящего противника в районе Опочка – Красногорское», 22 июля – «штурмовка живой силы и техники противника в районе станций Боровая и Резекне», 14 августа – «штурмовка в районе Катриня» (по названиям читатель наверняка догадался, что началось освобождение территории Прибалтики – А.П.).

14 сентября 1944 года началась Рижская наступательная операция войск I, II и III-го Прибалтийских фронтов. С воздуха их поддерживали наши лётчики, в том числе и 225-я штурмовая авиадивизия. Её 118 гвардейский штурмовой авиаполк уничтожал живую силу и технику противника на рижском направлении. А боевые успехи гвардии лейтенанта, командира звена Леонида Костина в ходе Рижской операции видны из его «Наградных листов»:

«16 сентября 1944 года ведущим группы из 10 самолётов ИЛ-2 при штурмовке артиллерийско-миномётных позиций в районе Лечи бомбами и пушечно-пулемётным огнём уничтожили автомашин – 15, повозок – 21, орудий – 6, солдат и офицеров противника – до 60»;

«17 сентября 1944 года ведущим группы при штурмовке живой силы и техники противника в районе Катриня тов.Костин с группой внезапно атаковал цель, бомбами и пушечно-пулемётным огнём взорвал склад с боеприпасами, уничтожил два орудия полевой артиллерии, до 15 солдат и офицеров»;

«18 сентября 1944 года ведущим группы из 10 самолётов ИЛ-2 при штурмовке живой силы и техники противника в районе Исауне тов.Костин внезапно атаковал цель с группой и пулемётно-пушечным огнём группа уничтожила: автомашин – 8, повозок – 10, танков – 8, солдат и офицеров – до 30».

Заслужил!

Но ведь были не только эти три сентябрьских дня, хотя они особо впечатляющи. Были другие боевые вылеты и успехи. Читать «Наградные листы» (а их пять) гвардейца Костина даже временами скучновато – идёт перечисление большого количества уничтоженной вражеской живой силы и техники. Но за этими голыми цифрами – бесстрашие, расчёт и точность попадания в цель, умение избежать вражеских попаданий в свою машину и, конечно же, выдающаяся удачливость, фартовость малоархангельца.

С января 1944 по январь 1945 года гвардии старший лейтенант Костин на самолёте ИЛ-2 совершил 105 боевых вылетов, и лишь во время выполнения одного из самых первых заданий его штурмовик получил небольшие повреждения. Остальные полёты Леонид Николаевич завершал без потерь со своей стороны, но с огромным ущербом для противника. Три ордена: Красной Звезды, Красного Знамени и Отечественной войны I степени украсили за это время крепкую грудь 21-летнего заместителя командира эскадрильи и (одновременно) штурмана полка.

Так что когда 16 февраля 1945 года командир 118-го гвардейского штурмового авиационного Курского полка, гвардии подполковник Владимир Верещинский написал представление на присвоение своему боевому офицеру звания Героя Советского Союза, никто из его товарищей этому не удивился: «Заслужил!» Согласились с представлением командир 225-й штурмовой авиационной Рижской дивизии полковник Василий Корпусов, командующий 15-й Воздушной Армией генерал-полковник авиации Николай Науменко и командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта, Маршал Советского Союза Леонид.

Тем временем всю зиму и весну 1945 года войска 2-го Прибалтийского фронта пытались уничтожить гитлеровские войска, запертые в так называемом «Курляндском котле». Помощь в этом им оказывали лётчики 225-й штурмовой авиадивизии, но – без 118-го гвардейского штурмового авиационного Курского полка, который уже с февраля 1945 года был выведен с передовой для переоснащения его новыми штурмовиками ИЛ-10 и переобучения лётного состава. И лишь 7 мая полк получил первое после долгого перерыва боевое задание: в течение дня «штурмовыми и бомбардировочными действиями уничтожать артиллерийско-миномётные батареи и живую силу противника на огневых позициях в районе Партоми, мыза Гренчи и автотранспорт на дороге мыза Ирлава – мыза Яунсати».

На выполнение этого задания отправились 30 самолётов ИЛ-10, в том числе, – и гвардии старший лейтенант Костин. Было уничтожено 4 гитлеровских автомашины, 4 повозки с грузом и живой силой, 50 солдат и офицеров, был подавлен огонь 8 зенитных и артиллерийских орудий противника. Обошлось без потерь с нашей стороны.

Ещё один вылет состоялся уже 8 мая, и в нём тоже принимал участие Костин. Так что на его счету к Дню Победы имелось 107 боевых вылетов (105 – на ИЛ-2 и 2 – на ИЛ-10 – А.П.).

Мирная жизнь: от Архангельска до Владивостока?

9 мая 1945 года, так и не дождавшись Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении гвардии старшему лейтенанту Костину звания Героя Советского Союза, командир 118-го ГШАКП, гвардии подполковник Владимир Верещинский, отправил на штурмана полка очередной, последний за годы войны «Наградной лист», в котором представил Леонида Костина ко второму ордену Красного Знамени.

После окончания войны получивший звание капитана Костин продолжил службу в Военно-Воздушных Силах СССР и дождался торжественного события в своей жизни: 18 августа 1945 года ему *«…За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм»* было присвоено звание Героя Советского союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 8567).

Герой Советского Союза Леонид Костин (справа) с товарищем

В 1952 году Леонид Николаевич окончил Военный институт физкультуры и спорта, а в 1953 году ушёл в запас.

К сожалению, сведений о послевоенной жизни и работе Костина очень немного. По одним данным, он жил и работал в Донецке, Владивостоке, Архангельске. По другим – трудился в Ленинграде, а затем поехал осваивать Крайний Север (г. Норильск). Скончался гвардии капитан Костин в день своего 47-летия – 14 января 1971 года.

К сожалению, информации о точном месте захоронения нашего Героя-земляка мне найти не удалось. По некоторым данным, Л.Н.Костин похоронен во Владивостоке на Морском кладбище.

В Малоархангельске, в Парке Победы, установлен бюст Героя.

Леонид Костин с женой
(фото сделано в Норильске)

Памятник в Малоархангельске

«Отличный воздушный разведчик»
(Герой Советского Союза Андрей Локтионов)

Для начала, уважаемый читатель, я процитирую информацию о Герое Советского Союза Андрее Фёдоровиче Локтионове с официального сайта администрации Малоархангельского района, со странички «Герои Советского Союза, Кавалеры орденов Трудовой Славы»:

«…Принял весь огонь на себя…»

«Родился в 1909 г. в д. Подкопаево Малоархангельского района. Русский. Член КПСС с 1939 г. В армию призван в 1930 г.

Окончил **Ленинградскую летную школу**. До войны кадровый военный. В Великой Отечественной войне с 22 июня 1941 г. — командир авиаэскадрильи на Юго-Западном фронте. Звание Героя Советского Союза присвоено 20 ноября 1941 г. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, многими медалями. После войны продолжал служить в рядах Советской Армии. Из армии демобилизовался в 1954 г. Жил и работал в Кисловодске. В 1982 г. умер.

Шел третий месяц Великой Отечественной войны. Гитлеровские войска наступали по всему фронту. Они рвались вглубь нашей страны, используя свое преимущество в авиации, танках и другом вооружении. Против войск Юго-Западного фронта действовали вооруженные до зубов немецко – фашистские части армии "Юг". Советские войска вынуждены были оставить Киев, Чернигов, вести оборонительные бои на Харьковском и Сумском направлениях. Летчики эскадрильи Локтионова, не зная отдыха, по нескольку раз в сутки вылетали на разведку, на прикрытие наших войск.

У переправы через реку Днепр западнее Днепропетровска Локтионов обнаружил скопление фашистских войск. Он круто пошел на снижение, и, не обращая внимания на огонь зенитной артиллерии противника, смело атаковал врага. Прямым попаданием бомб и пулеметным огнем на бреющем полете он нанес большой урон колонне немцев.

Герой Советского Союза
Андрей Локтионов
(в годы войны)

8 сентября 1941 года звено, вылетевшее на уничтожение переправы, было встречено сильным огнем зенитной артиллерии противника. Летчик искусным маневром принял весь огонь на себя, обеспечив другим экипажам выполнение задания по уничтожению переправы.

Во время боевого вылета 20 сентября 1941 года командир эскадрильи обнаружил **на подходе к селу Сомовка** колонну фашистских войск и атаковал ее. В это время из-за облаков вынырнули три фашистских истребителя и ринулись на машину Локтионова. Он вступил в неравный бой.

Советский ас сбил фашистского стервятника, два других повернули обратно.

В этом бою Локтионов был **тяжело ранен**. Огромным усилием воли он привел самолет на свой аэродром. Товарищи вытащили его из кабины и отправили в госпиталь. А скоро он снова вернулся в строй. За сентябрь-октябрь 1941 года Локтионов совершил 83 боевых вылета, **во время которых сбил 9 вражеских самолетов**, уничтожил несколько танков, много живой силы врага.

В наградном листе командующий 6-й армией генерал-майор Малиновский и командующий войсками Юго-Западного фронта Маршал Советского Союза Тимошенко дали Локтионову такую характеристику: *"...волевой, смелый, отважный командир. Как летчик-истребитель обладает твердыми боевыми качествами советского воина-патриота".*

Первым из наших земляков Андрей Федорович Локтионов в грозные годы Великой Отечественной войны был удостоен звания Героя Советского Союза».

«Личным примером...»

Тот, кто выставлял эту информацию на сайт администрации Малоархангельского района, не является её автором. Материал в полном объёме взят им из книги «Бессмертный подвиг» («Орёлиздат», 1995 год, стр. 87), посвящённой нашим землякам – Героям Советского Союза и опубликованной в год 50-летия Победы (авторы сборника – В.А. Пирогов, А.Ф. Макушев, П.И. Фролов и Э.Д. Дорофеев).

Идентичный текст об Андрее Фёдоровиче Локтионове был помещён и в книге «Боевое созвездье орловцев», вышедшей десятью годами ранее в Туле, в Приокском книжном издательстве (тех же авторов, без Э.Д. Дорофеева – А.П.).

Почему я обращаю на это внимание читателя? Дело в том, что выделенные мною жирным шрифтом в приведённом тексте отдельные фразы и предложения не соответствуют тому, что содержится в «Наградном листе капитана Локтионова», согласно которому он и был удостоен звания Героя Советского Союза (хотя в обоих случаях авторы ссылаются на Архив Министерства Обороны: ф.33, оп.793756, д.28, л.137 – А.П.).

Разбор этих моментов я начну с дополнений, назвав точную дату рождения Андрея Фёдоровича Локтионова – 28 ноября 1909 года. В его семье росли восемь детей: пять сестер и три брата.

Андрей был четвертым. Отец многодетного семейства рано умер, и маме, Марье Гавриловне, приходилось очень тяжело. Андрей, закончив семилетку, в возрасте 17 лет уехал в Донецкую область, где два года отработал в шахте, а затем переехал в Москву, к старшей сестре Александре.

В столице уроженец деревни Подкопаево работал крановщиком мостового крана на заводе «Серп и молот» и успевал учиться. В 1930 году одним из райвоенкоматов Москвы Локтионов был призван на военную службу, и вскоре поступил на учёбу в **Сталинградскую военную авиационную школу пилотов** (но не Ленинградскую, как сообщили авторы названных мною двух книг – А.П.).

После её окончания Андрей Фёдорович стал кадровым военным лётчиком, войну встретил в звании капитана, командира эскадрильи 249-го истребительного авиационного полка 44-й истребительной авиадивизии ВВС 6-й армии Юго-Западного фронта. К началу войны полк находился в стадии формирования, самолетов и летного состава не имел. Но в июле 1941 года в полк поступили на вооружение самолеты И-153 и И-16. На И-153 (истребителе своего земляка Николая Поликарпова – А.П.) и начал воевать Андрей Локтионов. Своё лётное дело он знал очень хорошо, и командир 249 истребительного авиаполка капитан Халутин уже через два месяца, 6 сентября 1941 года, написал на него «Наградной лист», в котором представил своего командира эскадрильи к ордену Красной Звезды, так охарактеризовав его фронтовые достижения*: «…Имеет 65 боевых вылетов на перехват противника, сопровождение, бомбометание и штурмовку наземных объектов. Во всех вылетах тов. Локтионов показывал личным примером, как надо громить и уничтожать германский фашизм. Не одна вражеская сотня погибла от меткого пулемётного огня, который вёл со своего самолёта капитан Локтионов…».*

«…Обратил вражеские самолёты в бегство»

Пока этот документ путешествовал по кабинетам вышестоящих командиров, прошло ещё полмесяца, и уже командир 44-й истребительной авиадивизии полковник Забалуев 26 сентября отправляет второе представление на капитана Локтионова, в котором делает заключение, что комэск *«…достоин присвоения звания «Герой Советского Союза»…*

В этом наградном листе содержится, в основном, та информация, которая была приведена в упомянутых выше книгах

«Бессмертный подвиг» и «Боевое созвездие орловцев, но без ошибок и некоторой фантазии авторов тех изданий.

В «Наградном листе» приведены в качестве примера всего два эпизода боевых действий, в которых принимал участие капитан Локтионов. Я процитирую вначале первый: *«8 сентября сего года (1941 – А.П.), вылетев звеном на уничтожение переправы* ***у Ломовки****, был встречен сильным огнём зенитной артиллерии противника. Тов.Локтионов искусным маневром принял весь огонь зенитной артиллерии противника на себя, обеспечив выполнение задания по уничтожению переправы…».*

А вот второй эпизод: *«…20 сентября сего года (1941 – А.П.), вылетев на разведку, обнаружил мотомехколонну противника, которую штурмовал метким огнём. Во время штурмовки самолёт тов.Локтионова был атакован звеном вражеских самолётов «МЕ-109». Тов. Локтионов вступил в неравный бой с превосходящими силами противника и обратил в бегство вражеские самолёты, проявляя при этом мужество и героизм.* ***Будучи раненым*** *(в ногу – А.П.), привёл самолёт на свою территорию и произвёл посадку…».*

Теперь читатель может сам сравнить то, что написали в упоминаемых выше книгах их авторы и то, что содержится в «Наградном листе». Переправа была не у села «Сомовка», а у Ломовки. Этот населённый пункт в настоящее время является составной частью города Днепропетровска (Днепра – по-украински – А.П.), а расположено село было, действительно, на самом берегу реки Днепр. К тому же капитан Локтионов штурмовал переправу у Ломовки не 20, а 8 сентября 1941 года. А в бою 20 сентября он не **«сбивал фашистского стервятника», а «обратил вражеские самолёты в бегство»…**

И ещё один существенный момент щекотливого свойства. В «Бессмертном подвиге» и «Боевом созвездии орловцев» авторы написали: *«За сентябрь-октябрь 1941 года Локтионов совершил 83 боевых вылета, во время которых сбил 9 вражеских самолетов, уничтожил несколько танков, много живой силы врага».*

В «Наградном листе» на присвоение Андрею Фёдоровичу звания Героя Советского Союза действительно сказано: *«…Сам, будучи командиром эскадрильи, имеет 83 боевых вылета на разведку и штурмовых действий по наземным войскам и аэродромам противника…».* Но ни о каких сбитых им вражеских самолётах в этом документе речь не идёт. «Наградной лист» был подписан командиром 44-й истребительной авиадивизии полковником Забалуевым 26 сентября 1941 года, а за октябрь

никаких других наградных документов на капитана Локтионова не имеется. Откуда появились эти сбитые самолёты – не известно.

Первый из Героев

Кстати, в самой первой книге, вышедшей на Орловщине и посвящённой землякам – Героям Советского Союза, «За землю родную» (Орёл, Орловское книжное издательство, 1963 год, стр.130-132) и в двухтомнике «Герои Советского Союза» (Москва, Военное издательство, 1987 год, Т.1, стр.886) тоже нет ни слова об уничтоженных капитаном Локтионовым немецких самолётах. Можно предположить, что авторы книг 1985 и 1995 годов слегка были расстроены, что у Героя Советского Союза – лётчика-истребителя и нет вдруг на счету сбитых вражеских машин и уничтоженных танков, и потому они решили ему их своей волей добавить.

И зря! Начальство капитана Локтионова, зная о его боевом счёте, сочло его достойным звания Героя и без этого, поскольку совершить за три неполных месяца в самом начале войны 83 боевых вылета и не быть самому сбитым, а нанести противнику большой ущерб в живой силе и технике – это уже было настоящим большим подвигом.

И последнее замечание. Капитан Локтионов в «Наградном листе» назван как *«...волевой, смелый, отважный командир. Как летчик-истребитель обладает твердыми боевыми качествами советского воина-патриота»,* но это определение принадлежит вовсе не командующему 6-й армии Родиону Малиновскому и (или) командующему войсками Юго-Западного фронта Семёну Тимошенко, а **командиру 44-й истребительной авиадивизии полковнику Вячеславу Забалуеву**, будущему генерал-майору и Герою Советского Союза. Командующие же 6-й армией и Юго-Западным фронтом написали «Заключение», что представляемый к награде *«Достоин присвоения звания – Герой Советского Союза».*

Но первоначально был, всё-таки, орден. 5 ноября 1941 года приказом 014/н Военный Совет Южного фронта наградил командира эскадрильи 249-го истребительного авиаполка капитана Локтионова орденом Красного Знамени (повысив статус награды, поскольку в «Наградном листе» речь шла об ордене Красной Звезды – А.П.), тем самым решив вопрос с первым документом о награждении.

А 21 ноября 1941 года последовал уже Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Андрею Фёдоровичу Локтионову звания Героя Советского Союза. Он, действительно,

стал первым из орловчан, удостоенным «Золотой Звезды» (№ 688) за подвиги в годы Великой Отечественной войны.

С 1942 года Андрей Фёдорович командовал несколькими истребительными авиаполками. После окончания войны остался в рядах Красной Армии, продолжив службу в ВВС СССР, откуда был уволен в запас в 1954 году (**или 1964 году** – по другой информации – А.П.) в звании подполковника (это тоже интересный момент, для Героя и командира полка, прослужившего после войны столько лет, остаться подполковником – А.П.).

Герой Советского Союза
Локтионов Андрей Фёдорович
в послевоенные годы

Памятник на могиле А.Ф. Локтионова
в Кисловодске

Проживал Локтионов в городе Кисловодск Ставропольского края, где и скончался 9 июня 1982 года. Памятная доска Герою была установлена на мемориале «Воинская Слава» (проспект Цандера).

Андрей Фёдорович регулярно посещал родные места, в последний раз это случилось в 1979 году. В 1986 году, на территории Луковской средней школы был установлен бюст Героя (работы малоархангельского скульптора Ивана Семеновского – А.П.), на открытие которого приезжала дочь Локтионова — Наталья Андреевна.

Бюст на территории Луковской школы

Имя А.Ф.Локтионова носят пионерская дружина Луковской школы и улица в его родной деревне Подкопаево.

В г. Малоархангельске в Парке Победы установлен бюст Героя.

«А жизнь короткая такая...»

(Герой Советского Союза Иван Федяков)

Есть в Тельмановском районе Донецкой Народной Республики большое (почти 900 жителей) село Староласпа (Старая Ласпа – А.П.). Расположено оно на правом берегу реки Кальмиус, в 63 километрах от Донецка. Основан был населённый пункт в 1778 году греками, переселенцами из крымских сел Ласпи, Алсу и Качи-Кальен.

Из Малоархангельска – в Чугуев

С 2014 года Старая Ласпа находится почти на самой линии разграничения войск ДНР и вооружённых сил Украины, и потому здесь время от времени рвутся

мины и снаряды. Война в последние пять лет как будто бы возвратилась из далёкого 1943 года, когда село освободили части Красной Армии.

В Староласпинской школе существует музей, в котором значительная роль уделена как раз событиям Великой Отечественной, землякам – участникам войны и освободителям этого края. Одним из них стал уроженец села Александровка Малоархангельского района Орловской области Иван Федяков.

Его отец, Лаврентий Семёнович, был участником гражданской войны, а после её окончания занимал различные хозяйственные должности в Малоархангельске, куда его семья переселилась в середине 20-х годов. Сын Иван закончил в 1939 году 10 классов Малоархангельской школы и сразу же поступил в Чугуевское военное авиационное училище лётчиков-истребителей. В связи с военной обстановкой заканчивал ускоренный курс, был выпущен в звании младшего командира и направлен в Челябинскую школу стрелков-бомбардиров. Эту школу осенью 1941 года переформировали в 686-й ночной бомбардировочный авиаполк, который 15 ноября вошёл в состав ВВС 49-й армии Западного фронта.

По минному полю

Базировался полк на аэродроме близ Лопасни. В ходе контрнаступления под Москвой поддерживал наступление наземных войск на калужском направлении. Материальную базу полка составляли в тот период самолёты Р-5 (один из самых массовых самолётов-бипланов 1930-х годов в СССР: более 5000 штук имелось их в РККА – разведчиков, лёгких бомбардировщиков и штурмовиков до начала 1940-х годов – А.П.). На одном из таких самолётов уже 26 ноября 1941 года старший сержант, пилот Иван Федяков, защищая Москву, в

составе звена из трёх экипажей, получил задание разбомбить штаб немецкого полка. Все три лётчика точно вышли на цель и «сбросили груз на головы врага», уничтожив 7 вражеских офицеров и 16 солдат.

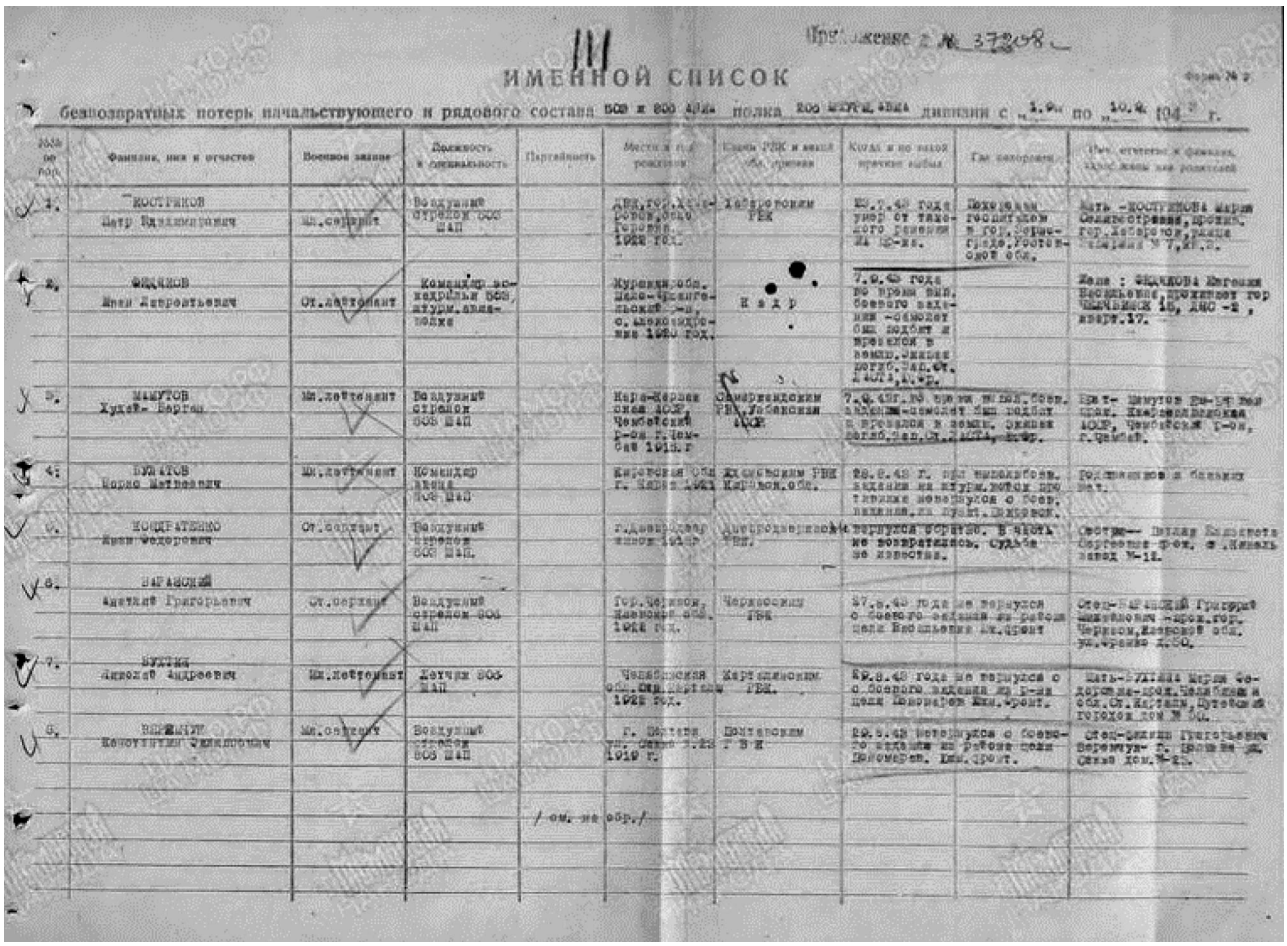
В «Наградном листе» на присвоение И.Л. Федякову звания Героя Советского Союза написано, что гитлеровский штаб находился в городе Алексино (Тульская область), и результаты налёта подтверждены нашей наступающей пехотой и местными жителями. Но в данном случае налицо явные несоответствия. Дело в том, что 26 ноября 1941 года Алексин был ещё наш, его защищала в период битвы за Тулу и Москву 238-я стрелковая дивизия, и только 29 ноября под натиском противника эта дивизия была вынуждена оставить город. А освободили Алексин части Красной Армии уже 17 декабря 1941 года.

Этот наградной лист (третий и последний, уже посмертный – А.П.) на старшего лейтенанта Федякова командир 503-го штурмового авиаполка майор Калябин писал 2 октября 1943 года, спустя почти два года после описанных выше событий и едва ли будучи знакомым с «Журналом боевых действий» прежнего полка. Так что здесь точно ошибка фактическая: или бомбардировка немецкого штаба в Алексине была в другой день, в промежуток между 30 ноября и 16 декабря, или гитлеровский штаб на указанную дату размещался не в Алексине.

Гораздо лучше о подвигах Ивана Федякова в начальный период войны знал и описал их в первом «Наградном листе» от 8 декабря 1941 года командир 686-го ночного бомбардировочного авиаполка подполковник Кулаков-Павлов: *«…Имеет 8 налётов ночью и один днём… Бомбил и сжигал 9 населённых пунктов, занятых противником. В дневном полёте получил приказание зажечь пункт Тарутино* (село в Калужской области, в 35 километрах от Малоярославца – А.П.)… *Вышел на цель, где и был встречен ураганным огнём противника. Выполняя поставленную задачу, сбросил бомбы, зажёг пункт, обстрелял с бреющего полёта врага».* Но в процессе выполнения этого задания самолёт получил 4 пробоины от огня зенитной артиллерии и ещё несколько от пулемётно-ружейного огня противника, у машины были пробиты бензобаки, вышел из строя и заклинился мотор.

Однако, умело планируя, Федяков *«произвёл посадку на минном поле противника. Немцы начали обстреливать экипаж миномётами и автоматными очередями. Отстреливаясь, экипаж стал отходить на свою территорию и на пути наскочили на мину. От взрыва летнабу* (лётчику-наблюдателю – А.П.)

оторвало ступню правой ноги, и он не мог самостоятельно двигаться. Тов. Федякин не бросил товарища в беде, а рискуя собой, на плечах вынес своего боевого соратника в расположение наших войск и сдал в госпиталь».

ИМЕННОЙ СПИСОК

безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 808 и 800 авиа. полка 208 штурм. авиа дивизии с 1.9. по 10.4. 104 г.

№ по порядку	Фамилия, имя и отчество	Военное звание	Должность и специальность	Партийность	Место и год рождения	Какими РВК и когда взят на учет	Когда и по какой причине выбыл	Где похоронен	Имя, отчество и фамилия, кто жены или родителей
1.	КОСТРИКОВ Петр Ефимович	мл.сержант	Воздушный стрелок 808 ШАП		дер.Гр.Хол-ровск.обл. Тихорец. 1922 год.	Хабаровским ГВК	22.7.42 года умер от тяжелого ранения на ГБ-22.	Похоронен госпиталем в гор.Сарепта,Ростовской обл.	Мать -КОСТРИКОВА Мария Семеновна,колхозница, гор.Хабаровск,улица Чкалова № 7,кв.2.
2.	ФЕДЯКИН Иван Петрович	Ст.лейтенант	Командир эскадрильи 808 штурм.авиа-полка		Курганская обл. Мало-Чаплинский р-он, с.Александровка 1920 год.	Н а д р	7.9.42 года во время вып. боевого задания -самолет был подбит и врезался в землю.Экипаж погиб.Зах.Ст. л-нант,т.е.		Жена : ФЕДЯКИНА Евгения Васильевна,проживает гор Челябинск 15, ДКО -2 , квар.17.
3.	МАМУТОВ Худяб- Бертш	Мл.лейтенант	Воздушный стрелок 808 ШАП		Кара-Кирпак-ская АССР, Чимбайский р-он г.Ташкентской 1915 г.	Самаркандским ГВК.Узбекская ССР	7.9.42г.на 8 вылет боев. задания-самолет был подбит и врезался в землю. Экипаж погиб.зах.Ст. л-нант,т.е.		Жена- Мамутова Ев-ия Ива-новна. Киевская область, Чернобыльский р-он, г.Чернобыль.
4.	БУЛАТОВ Мирко Матвеевич	Мл.лейтенант	Командир звена 808 ШАП		Киевская обл г. Канев 1921	Житомирским РВК Житомирской обл.	28.8.42 г. при выполнении задания на штурм.войск противника возвратился с боев. задания,на аэрод.Шаповка.		Родственников в Союзе нет.
5.	КОЛЕСНИЧЕНКО Иван Федорович	Ст.сержант	Воздушный стрелок 808 ШАП		г.Ленинград 1919 г.	Дзержинским РВК.	27.8.42 года не вернулся с боевого задания, в часть не возвратились, судьба не известна.		Сестра— Шилко Клавдия Сергеевна ст-ца ,г.Минеральные Воды №-12.
6.	ЗАГАЙКО Анатолий Григорьевич	Ст.сержант	Воздушный стрелок 808 ШАП		Гор.Чернигов, Черниговской обл. 1922 год.	Черниговским ГВК	27.8.42 года не вернулся с боевого задания на разведку цели Вяземского ж.д.узел		Отец- ЗАГАЙКО Григорий Ивановича -пенсионер,гор. Чернигов,Черниговской обл. ул.Чернова Л.50.
7.	БУТЯКА Николай Андреевич	Мл.лейтенант	Летчик 808 ШАП		Челябинская обл.,Кар.Карталинского р-на 1922 год.	Карталинским РВК.	29.8.42 года не вернулся с с.боевого задания на Р-на цели Вязьма(в Зах.фронт.		Мать-БУТЯКА Мария Федотовна-пенсионерка г. Карталы и ст.Кагалык,Бутовский городок дом № 14.
8.	ВЕРЕЩАГИН Константин Ефимович	Мл.сержант	Воздушный стрелок 808 ШАП		г. Житомир ул. Свято-Покр. 1919 г.	Житомирским ГВК	29.8.42 не вернулся с боевого задания на работе цели Вяземск. ж.д.узел.		Отец-Ефим Григорьевич Верещагин г. Житомир ул. Свято Покр.№-21.

/ом. не обр./

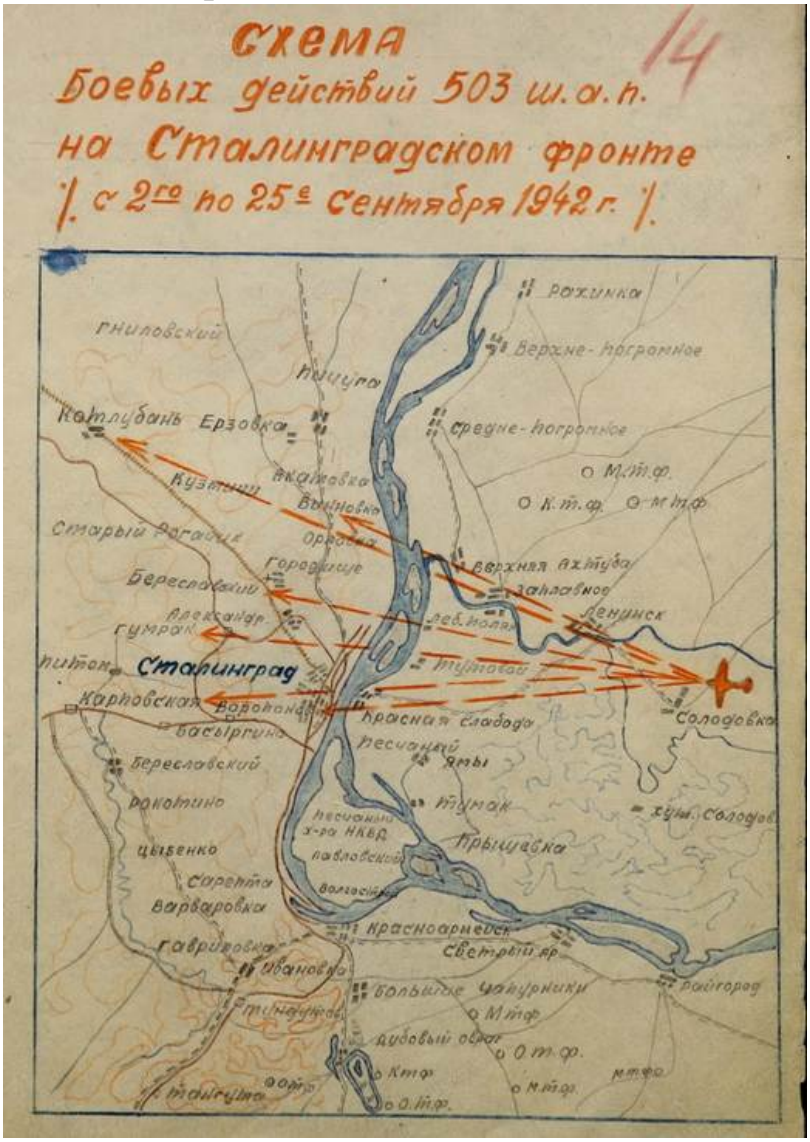
Самолёт же удалось чуть позже доставить в разобранном виде на аэродром, где после ремонта он вновь вошёл в строй. За этот подвиг старший сержант, военный пилот 1-й авиаэскадрильи 686-го ночного бомбардировочного авиаполка Федяков был представлен к награждению орденом Красного Знамени, который он и получил согласно приказу № 21 Военного Совета Западного фронта от 6 января 1942 года.

В сражении за Сталинград

До марта 1942 года 686-й ночной бомбардировочный авиационный полк находился в подчинении Западного фронта и участвовал в Ржевско-Вяземской стратегической операции. В апреле-мае полк прошёл укомплектование, перевооружение на штурмовики Ил-2, переобучение лётчиков и стал именоваться 686-м штурмовым.

В августе 1942 года полк был переброшен на Сталинградский фронт и включён в 206-ю штурмовую авиационную дивизию 8-й воздушной армии. В составе этого полка, а затем – 503-го штурмового, тоже входившего в 206-ю штурмовую авиационную дивизию, И.Л. Федяков принимал участие в обороне Сталинграда, в контрнаступлении под Сталинградом (19 ноября 1942 – 2 февраля 1943 года), участвовал в воздушной блокаде окружённой группировки противника, осуществлял авиационную поддержку наземных войск при разгроме Котельниковской группировки врага.

Вот всего лишь два эпизода, перечисленных в наградных листах старшего лейтенанта И.Л. Федякова.

«8 августа 1942 года, в 11.42, в составе восьми Ил-2, производил штурмовку мотомеханизированных войск противника в районе станции Абганерово…». Здесь происходили события, известные как «Сражение у разъезда 74-й километр (сражение у станции Абганерово)» – первая попытка прорыва вермахта к Сталинграду силами 4-й танковой армии в августе 1942 года. Бои в этом месте продолжались с 3 по 24 августа, и в конечном итоге, 64-я армия под командованием М. Шумилова сумела остановить немецкие войска на подступах к Сталинграду. Штурмовики же Ил-2 из 686-го штурмового авиаполка 8 августа *«…несмотря на сильное сопротивление зенитной артиллерии и истребительной авиации противника, группой произвели три захода на цель, в результате чего уничтожили 5 танков,*

7 автомашин и зажгли 1 самолёт противника на аэродроме». Несомненно, это помогло в тот день нашим наземным войскам.

9 августа 1942 года (в другом «Наградном листе» названо 12 августа – А.П.) старший лейтенант Федяков, в составе такой же группы ИЛ-2, бомбардировал скопление вражеских самолётов на аэродроме Подольховский (это Сталинградская область – А.П.), где было *«уничтожено 8 самолётов типа Ю-88»*, но *«На втором заходе на цель Ил-2 был сбит истребителями. С горящего самолёта Федяков выбросился с парашютом на аэродром противника, получив сильные ожоги лица и всего тела»*. Приземлившись на вражеском аэродроме, воспользовался замешательством противника и незаметно пробрался в росшие неподалёку камыши, где, просидев три дня, сумел затем выбраться в расположение советских войск.

После лечения в госпитале Федяков снова возвратился к полётам – уже на другом самолёте. Произвёл в дальнейшем на Северо-Кавказском и Южном фронтах 16 боевых вылетов в качестве ведущего.

Освобождая Донбасс

Когда именно старший лейтенант Федяков из 686-го штурмового полка был переведён в соседний, 503-й штурмовой той же 206-й авиадивизии, по документам проследить не удалось, но летом 1943 года он уже командует эскадрильей в новой части и делает это успешно. Членом экипажа его Ил-2 стал младший лейтенант, воздушный стрелок Худай Берген Мамутов.

Во второй половине июля – первой половине августа 1943 года эскадрилья Ивана Федякова совершала боевые вылеты почти ежедневно, участвуя в Миусской наступательной операции, начавшейся 17 июля 1943 года. В целом это наступление войск Южного фронта по освобождению Донбасса завершилось неудачей для советских войск, но лётчики-штурмовики из 503 авиаполка отличились в ходе боёв неоднократно.

20 июля 1943 года экипаж Ил-2 Федякова уничтожил вражеский аэростат вместе с наблюдателем.

25 июля – принимал участие в штурмовке войск противника и его наблюдательных пунктов на высоте 277,9 (знаменитая «Саур-могила», одна из высочайших точек Донецкой области, за которую и в районе которой в ходе Миусской наступательной операции шли кровопролитные бои; здесь же несколько недель продолжались ожесточённые схватки ополченцев ДНР и войск ВСУ в 2014 году – А.П.). Старший лейтенант Федяков и

воздушный стрелок Мамутов отразили в этот день 6 атак пары немецких истребителей «Ме-109».

26 июля 1943 года, вылетев эскадрильей на задание по штурмовке и бомбардировке наблюдательных пунктов противника на той же «Саур-Могиле», Федяков (цитирую «Наградной лист» – А.П.) *«…заметил группу бомбардировщиков типа «Ю-87» и сразу принял решение строем шести Ил-2 атаковать бомбардировщиков. В результате лично сбил один «Ю-87», который потерял управление и врезался в землю… Строй остальных вражеских машин рассыпался, сбросив в беспорядке бомбы и со снижением ушли вглубь своей территории. Задание на штурмовку высоты 277,9 группа выполнила отлично. Зайдя со стороны солнца, пулемётным и пушечным огнём старший лейтенант Федяков подавил две зенитные точки, а на втором заходе сбросил бомбы. Наземные войска в этот день, после обработки авиацией, высоту 277,9 взяли в свои руки…».*

«1 августа 1943 года, при атаке цели, от прямого попадания зенитной артиллерии, самолёт загорелся. Пламя обдавало лицо, задыхаясь от едкого дыма, Федяков сумел у самой земли выхватить самолёт из крутого пикирования и сбил пламя. Старший лейтенант Федяков третий раз получил сильные ожоги».

Горел, но не сгорал…

А уже на следующий день, 2 августа, не дождавшись их заживления, командир эскадрильи отправляется со своими товарищами на очередное боевое задание и снова попадает в очередную переделку (цитирую «Наградной лист», написанный самим Иваном Федяковым на своего воздушного стрелка Худай Бергена Мамутова – А.П.): *«…при штурмовке цели в районе Первомайск самолёт был атакован тремя «Ме-109», два из которых встретили огневую завесу и отвалили в сторону, но третий дал очередь и ранил младшего лейтенанта Мамутова в плечо, руки и ноги. Но, несмотря на ранения, напрягая силы, он выбросил одну за другой 18 горящих ракет* (они воспламенились от немецкой пулемётной очереди – А.П.) *и спас самолёт от пожара над территорией противника. Истекая кровью, напрягая все силы, воздушный стрелок отразил ещё две атаки «Ме-109».*

Через день, 4 августа 1943 года, Ил-2 старшего лейтенанта Федякова вылетел на штурмовку большого скопления танков и автомашин на перекрестке дорого северо-западнее высоты 168,5. Не знаю, был ли с ним Мамутов (всё-таки, раны он получил серьёзные – А.П.) или в полёт отправился другой воздушный

стрелок, но командиру эскадрильи удалось в этот день уничтожить два танка, 4 автомашины и до 40 гитлеровцев.

Конец июля – начало августа 1943 года стали, пожалуй, самыми «урожайными» в плане боевых успехов экипажа старшего лейтенанта Ивана Федякова. Командир 503-го штурмового авиаполка отправил представление на своего комэска к ордену Ленина, а сам Федяков подписал наградной лист на воздушного стрелка Мамутова к ордену Отечественной войны I степени. Но вышестоящее начальство обоим статус награды понизило: командир эскадрильи 30 августа узнал о своём втором ордене Красного Знамени, а его воздушный стрелок 23 августа стал кавалером ордена Отечественной войны II степени.

Не знаю, что думал о себе и своей судьбе старший лейтенант Иван Федяков, а вот его товарищи, наверняка, считали его «везучим». За 22 месяца участия в войне трижды его сбивали, а он умудрялся оставаться жив, два раза «сажая» свой самолёт (даже на минное поле – А.П.), а однажды выбросившись с парашютом. Трижды сильно обгорал – но снова, уже на следующий день, садился за штурвал и взлетал.

«Предпочёл героическую смерть»

К сентябрю 1943 года на счету Ивана Федякова было 70 боевых вылетов (на самолётах Р-5 и Ил-2) на штурмовку скоплений боевой техники и живой силы противника и сбитый вражеский самолёт (для лётчика-штурмовика – это большая редкость – А.П.).

А теперь – о последних мгновениях его жизни. Цитирую его «Наградной лист»: *«7 сентября 1943 года старший лейтенант Федяков с группой штурмовиков получил задание штурмовать скопление техники и живой силы противника в районе населённого пункта Старая Ласпа. Штурмовики, развернувшись, сбросили груз бомб на скопление гитлеровцев, а затем ведущий перешёл на бреющий полёт и, увлекая своих ведомых, стал в упор расстреливать фашистских мерзавцев, временами снижаясь до 10 метров. Противник противодействовал огнём зенитной артиллерии и миномётов…Огнём миномёта, когда самолёт Федякова был на низкой высоте, машина ведущего получила сильные повреждения и не могла набрать высоту.*

Самолёт тов. Федякова стал мало послушным, но воля героя направила его на скопление танков и автомашин врага. Силой энерции Ил-2, управляемый твёрдой рукой мужественного лётчика, сбил башню вражеского танка и загорелся, упав в

расположении врага. Погиб товарищ Федяков смертью ГЕРОЯ, повторив мужественный поступок бессмертного Гастелло. На месте падения вспыхнул пожар и последовали взрывы – это рвались вражеские танки на собственных боеприпасах.

Вскоре после штурмовки населённый пункт Старая Ласпа был занят нашими войсками. Боевые друзья и командование полка выехало на место гибели тов. Федякова для похорон ГЕРОЯ. Прах мужественного лётчика и его воздушного стрелка, младшего лейтенанта Мамутова был похоронен с почестями. На месте гибели остались скелеты трёх сожжённых танков врага и обломки автомашин. Так погиб смертью храбрых неустрашимый Сталинский Сокол – Командир эскадрильи – старший лейтенант Федяков Иван Лаврентьевич».

«Наградной лист», с заключением, – *«Тов. Федяков достоин высшей правительственной награды – Звания Героя Советского Союза – посмертно»* командир 503-го штурмового авиаполка майор Калябин подписал 2 октября 1943 года.

Генерал-майор Филин, командир 7-го штурмового авиационного корпуса дополнил это заключение своими словами: *«За доблесть, мужество и геройство, проявленные при совершении 70 боевых вылетов и героический подвиг, совершённый им 7 сентября 1943 года, когда его самолёт был подбит над целью, он предпочёл героическую смерть, нежели постыдный плен у врага, направил свою машину в гущу войск противника, погибая, убил своей машиной группу фашистов. Представляю тов. Федякова к высшей правительственной награде – ЗВАНИЮ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».*

Указ Президиума Верховного Совета СССР последовал 13 апреля 1944 года.

Не дождалась в Челябинске молодая жена Евгения Федякова своего мужа с фронта.

На месте гибели Героя, в селе Старая Ласпа (Тельмановский район Донецкой Народной Республики – А.П.), создан мемориальный комплекс, посвящённый старшему лейтенанту Ивану Лаврентьевичу Федякову: самолёт на постаменте (правда, не «Ил-2», а послевоенный «МиГ-19» – А.П.), с мемориальной табличкой под ним. За памятником бережно ухаживают учащиеся Староласпинской школы и местные жители, всегда приходящие сюда 9 Мая и в день освобождения села от фашистов.

Бюсты Федякова установлены в Малоархангельске, в Парке Победы, у Малоархангельской школы № 1 и в селе Александровка Малоархангельского района. Имя Ивана Лаврентьевича выбито на Аллее Героев в городе Чугуев (Харьковская область Украины – А.П.) – как одного из выпускников здешнего военного авиационного училища лётчиков-истребителей.

Аллея Героев в городе Чугуеве

Бюсты Героя в Малоархангельске и селе Александровка

Всего лишь одна буква…

(Герой Советского Союза Пётр Черняев)

16 октября 1943 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин подписал Указ «О присвоении звания Героя Советского Союза» отличившимся воинам 13-й армии Центрального фронта: *«За успешное форсирование реки Днепр севернее Киева, прочное закрепление плацдарма на западном берегу р.Днепр и проявленные при этом отвагу и геройство».*

В бою под Кошевкой

Под № 184 в опубликованном списке Героев из 200 генералов, офицеров, сержантов и рядовых значился старший сержант Пётр Андреевич Чер**Д**яев. Именно так была написана его фамилия и в проекте Указа о награждении, поданного накануне начальником Главного управления кадров Наркомата обороны генерал-полковником Ф.И. Голиковым на имя Наркома обороны, Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

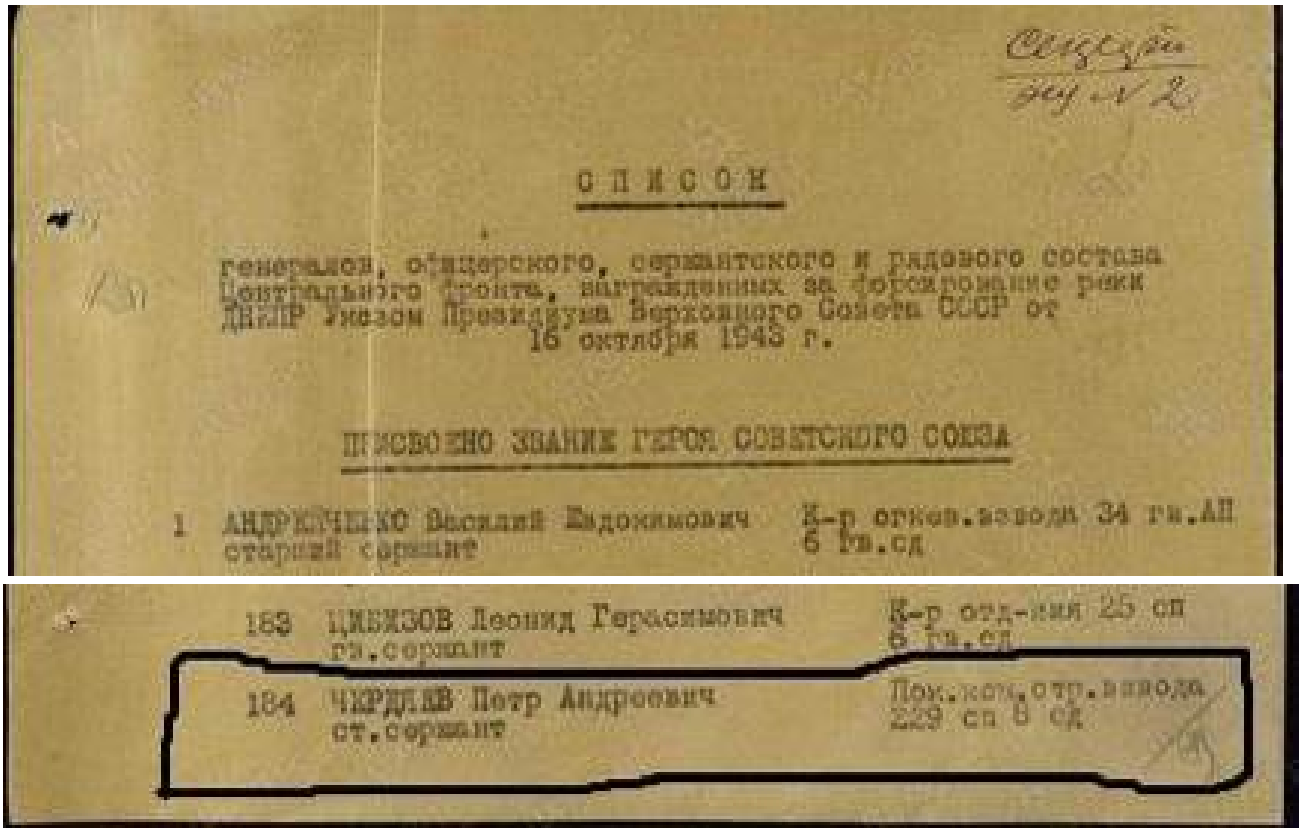
На самом же деле фамилия нашего земляка, уроженца деревни Хитрово Малоархангельского уезда, – Чер**Н**яев. Кем-то, при подготовке документов, допущенная ошибка привела к тому, что в течение нескольких лет Герой даже не подозревал о присвоении ему высокого звания. Впрочем, этот «ляп» не стал единственным в официальных бумагах, где приводились биографические данные Петра Андреевича Черняева.

К примеру, в том же «Наградном листе» ***вместо Колпнянского*** райвоенкомата, призвавшего его в Красную Армию в январе 1943 года, значится никогда не существовавший ***Калининский***. Едва ли, конечно, текст «Наградного листа» готовил сам командир 229-го стрелкового полка Даниил Шишков (этим же Указом от 16 октября 1943 года тоже удостоенный звания Героя Советского Союза – А.П.), а не очень грамотному писарю это было простительно. Чего стоит только его **«фамилиЕ»** или **«инициативО».** Описание боевого подвига Петра Чер**Д**яева заняло шесть строчек, без конкретизации дат и мест (район, область). Процитирую выписку из «Наградного листа» в полном объёме:

«За время наступательных боёв 43 г. проявил себя смелым, отважным бойцом. Под деревней Кашовкой (правильное название – **Кошевка** – А.П.) *на подступах к реке Припеть* (надо **– ПрипЯть**

– А.П.) *он возглавил взвод, занял важную высоту для боя и уничтожил в этом бою из своего автомата 11 фрицев.*

При форсировании водных рубежей Десна, Днепр и Припеть проявил инициативо, соорудив взводом плот и первым переправился на другой берег».

Сентябрь
ВЧ № 2

С П И С О К

генералов, офицерского, сержантского и рядового состава Центрального фронта, награжденных за форсирование реки Днепр Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 октября 1943 г.

ПРИСВОЕНО ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

1 АНДРИЧЕНКО Василий Евдокимович — К-р отдел.взвода 34 гв.АП
старший сержант — 6 гв.сд

183 ЦИБИЗОВ Леонид Герасимович — К-р отд-ния 25 сп
гв.сержант — 8 гв.сд

184 ЧЕРДЫНЦЕВ Петр Андреевич — Пом.ком.отр.взвода
ст.сержант — 229 сп 8 сд

Никаких других подробностей в описании личного подвига (подвигов) Петра Черняева в официальных документах больше нет. Но его послевоенные биографы постарались, для пущей убедительности, «раскрасить» картину живыми красками, и потому получались уже художественные произведения, как, к примеру, очерк о Черняеве из книги «Золотые звёзды Прикамья» (Пермь, 1969 год). Я его цитировать не буду, поскольку мне удалось найти на сайтах «Подвиг народа» и «ОБД.Мемориал.ру» документы, которые, без всяких выдумок, позволяют воссоздать события сентября – октября 1943 года, в которых участвовал 229-й стрелковый полк и его 1-й стрелковый батальон (в нём сражался Пётр Черняев – А.П.) достаточно полно.

Четыре переправы и 15 Героев Советского Союза

11 сентября 1943 года, с 11.00 и до полуночи следующего дня полк переправлялся через реку Десна поблизости от посёлка Короп (Черниговская область Украинской ССР). Немцы пытались

помешать этому и в течение всей переправы вели сильный артиллерийско-миномётный огонь, дважды переправу бомбила вражеская авиация (налетая по 30-40 самолётов), в результате чего было убито 11 бойцов и командиров, а ранено – 43 человека.

Очень важную роль в первой большой переправе сыграл 1-й стрелковый батальон 229-го стрелкового полка под командованием Петра Баюка. Именно в нём сражался наш земляк и тёзка командира – Пётр Черняев. Цитирую «Наградной лист» капитана Баюка на присвоение ему звания Героя Советского Союза: *«…батальон под сильным артиллерийско-миномётным огнём противника, без всяких средств переправы, первым перешёл реку Десна и ворвался в оборону противника, занял её и своим огнём прикрыл переправу полка. В этом бою батальон нанёс большие потери врагу…».*

Через 10 дней успешного наступления в западном и юго-западном направлении, 22 сентября, 229-му стрелковому полку пришлось вторично форсировать Десну, которая здесь делает крутой поворот к югу.

А уже через сутки, в два часа ночи 24 сентября, началась переправа полка через Днепр, которая прошла даже легче, чем две предыдущие переправы через Десну. 229-й стрелковый полк оказался на белорусской территории, выйдя на западный берег Днепра у деревень Верхние Жары и Гдень (так – в «Журнале боевых действий» – А.П.) и захватив здесь небольшой плацдарм (тогда – Комаринский район Полесской области Белоруссии, ныне – Брагинский район Гомельской области – А.П.).

28 сентября1943 года в «Журнале боевых действий 229-го стрелкового полка» появляется то самое название – «Кошевка», с которым связан подвиг Петра Черняева и не только его. Это деревня в 12 километрах от знаменитого ныне Чернобыля (тогда – Ново-Шепетичский район Киевской области – А.П.), на подступах к переправе через Припять – очередную реку на пути полка.

Цитирую ЖБД: *«В 15.00 по приказу КСД-8 (командира стрелковой дивизии – А.П.) полк перешёл в наступление на дер. Кошевка и прилегающие к ней высоты. В результате боя в 19.00* (то есть, он продолжался четыре часа – А.П.) *наши подразделения очистили деревню Кошевка с прилегающими к ней высотами от противника, остатки противника отошли в направлении шоссейной дороги на Чернобыль…Наши потери – ранены 8, убито 2 человека. Потери противника до 25 солдат и офицеров, и захвачен один пленный, который направлен в штаб дивизии с документами, изъятыми у убитых солдат и офицеров».*

А теперь цитата из наградного листа на командира 1-ого стрелкового батальона Петра Баюка: *«…При взятии деревни Кашовка т.Баюк хитрым маневром захода с фланга выбил противника из деревни без потерь. Поджёг два склада с боеприпасами, подбил один танк противника. Таким образом, его батальон* (и замкомвзвода Черняев тоже – А.П.) *обеспечил левый фланг дивизии от удара и прорыва противника».*

После занятия Кошевки и высот вокруг неё 229-й стрелковый полк продолжил наступление и уже 30 сентября смог переправиться через Припять. Первым это снова сделал 1-й стрелковый батальон капитана Петра Баюка, попытка противника помешать ему была нейтрализована.

229-й стрелковый полк за 20 неполных дней наступления сумел продвинуться далеко на запад, тесня ожесточённо сопротивлявшегося противника, и четырежды за это время форсировал крупные европейские реки. С 1 по 3 октября 1943 года командование полка и всей 8-й стрелковой дивизии отправило в вышестоящие инстанции наградные листы на отличившихся бойцов и командиров. А уже 16 октября (прошло менее двух недель – А.П.) состоялся Указ Президиума (о нём я написал в самом начале) о присвоении звания Героя Советского Союза отличившимся. В 229-ом стрелковом полку таких оказалось 15 человек.

Пропавший без вести

Между тем, начиная с 4 октября 1943 года, полк и его батальоны, едва успев закрепиться на западном берегу реки Припять, подверглись массированным атакам гитлеровцев, пытавшихся сбросить наших десантников в реку. 4 октября немцы дважды течение дня, при поддержке танков и бронемашин численностью в 26 единиц, атаковали позиции 229-го стрелкового полка и его соседа – подразделения 148-го стрелкового полка.

А 5 октября бой принял ещё более жестокий характер. Снова цитирую «Журнал боевых действий»: *«Противник силою до 26 бронемашин и 13 танков с пехотой до 500 человек начал обход нас справа на деревню Карпиловка, одновременно открыв артиллерийско – винтовочный огонь. Наш сосед слева, 496 СП 148 стрелковой дивизии, не выдержав натиска противника, неожиданно для нас открыл фланг и кинулся переправляться на обратный берег реки Припять, не поставя об этом командование полка в известность. В силу этого наши подразделения вынуждены были сделать расчленение боевых порядков и, невзирая на сильный огонь противника и идущие танки и*

бронемашины численностью до 40 штук, вступили в решительный бой с противником, не отступая ни шагу назад. Нагло, до двух раз, противник шёл в атаку, но в результате атаки были отбиты.

В этих ожесточённых схватках особенно стойко и мужественно защищали свою оборону комбат 1-го стрелкового батальона капитан Баюк и старший лейтенант Махортов, которые, истекая последней своей кровью, гранатами забросали обнаглевших захватчиков, уничтожив до 20 фашистов и смертью храбрых, оставаясь преданными родине и Сталину, погибли на своём посту…

Полк бился до получения приказа КСД-8 и лишь в 18.00 5 октября отошёл и занял оборону на южной окраине деревни Карпиловка.

Наши потери – 197 человек. Потери противника – до 200 человек солдат и офицеров. Побито 4 танка и 2 бронемашины. Захвачено 2 пленных немца».

Кроме убитых, в 229-ом стрелковом полку 5 октября 1943 года оказались и пропавшие без вести, в том числе – старший сержант Пётр Черняев (у деревни Лелево Ново-Шепеличского района Киевской области – А.П.). Это был один из самых тяжёлых и кровопролитных дней для полка и его 1-го стрелкового батальона, оставшегося без командира.

В последующие 10 дней 229-й СП, возглавляемый своим Героем – командиром Даниилом Шишковым, продолжил схватки с гитлеровцами, оказавшись практически в полном окружении. После ещё одного боя с тяжёлыми потерями, 14 октября, подполковник Шишков, собрав всех оставшихся бойцов и командиров в один кулак, сумел прорвать вражеское кольцо и сделал это не в сторону наших позиций, снова переправляясь через Припять, а ударил в западном направлении, где соединился с партизанами из бригады А. Сабурова. Вполне возможно, что среди героев прорыва был и наш земляк Пётр Черняев. Но ещё достаточно долго, до начала февраля 1944 года, он числился пропавшим без вести, а его матери в родную деревню Хитрово ушла «похоронка».

Однако старший сержант Черняев остался жив, вернулся спустя несколько месяцев в родной полк и прошёл с ним до Карпат, приняв участие в Восточно-Карпатской наступательной операции, когда Красная Армия пыталась прийти на помощь восставшему против фашистского режима словацкому народу.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ 268

1. Фамилия, имя и отчество- ЧЕРНЯК Петр Андреевич
2. Звание- ст.сержант. 3. Должность, часть- помощник командира взвода
I стрелкового батальона 2029 стрелкового полка 8 стрелковой дивизии
Представляется к присвоению звания "ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ОЗГ"
4. Год рождения- 1924 5. национальность- русский, 6. партийн.-член ВЛКСМ
7. Участие в гражданской войне, иностранной военной интервенции по защите СССР и участие в других войнах/где, когда/
в Отечественной войне с января 1943 г. Центральный фронт
8. Ранен ли, когда и где получил в Отечественной войне- ранен -1943 г.
9. Когда призван в Красную Армию - январь 1943 г.
10. Какой РВК призван - Запорожским РВК, Курской обл.
11. Чем ранее награжден/за какие отличия/ - награжден впервые
12. Точный домашний адрес представляемого и награжденья и адрес его семьи:

I. Краткое, конкретное описание своего подвига или заслуг:

В период наступательных боев 43 г. взводом было захвачено больше. под деревней [illegible] на подступах к реке Прыпять он достал плавсредства и переправил взвод для боя и участвовал в этом бою на правом берегу Прыпять.

При форсировании водных рубежей Десна, Днепр и Прыпять трудных [illegible] сооружал плавсредства и боевые переправлялся на другой бер

[illegible] стрелкового полка
[illegible]
2.10.43 г.

III. Заключение вышестоящего начальника

Повода присвоения звания „Герой Советского Союза"

Командир 5 стр. дивизии
Гвардии полковник Сурин
8 октября 1943.

13

Повода присвоения звания " Герой Советского Союза "

Командующий войсками
Генерал Армии
РОКОССОВСКИЙ

Член Военного Совета
-Генерал-лейтенант
ТЕЛЕГИН

16 "октября 1943 г.

Присвоено звание
Героя Советского Союза
с вручением ордена Ленина
и медали "Золотая Звезда".
Указ Президиума Верхов-
ного Совета Союза ССР
от 16 - 10 1943.

VI. Отметка о награждении

Секретно
Экз.№..2
Вх. №
Народный Комиссариат
Обороны Союза С. С. Р
УПРАВЛЕНИЕ
8-й
СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
Часть Чаусск.
31 Янв. 1945 г.
№ 011
Город
Начальник 4 отделения
Капитан а/с БЕЛЯКОВ
Отпеч.2 экз.
экз.№I в дело
ас.

Был ли ранен замкомвзвода или просто получил подарок от начальства, но для него война закончилась 1 февраля 1945 года, когда Пётр Андреевич был направлен в Житомирское военно-пехотное училище, в котором через год, 28 февраля, получил из рук начальника училища, полковника Ожимханова-Мараханова свою первую награду – медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

А уже будучи курсантом второго курса, в апреле 1947 года, Пётр Черняев получил письмо из дома. Так вспоминал об этом событии старший сержант: *«Получил я от матери письмо, где она писала, что ей пришла «бумага» из части. Черным по белому, мол, пропал ваш сын без вести. Там же сообщили, что мне присвоили звание Героя».*

Пётр Черняев к этому времени отслужил свои четыре года, знал, что его сверстники уже демобилизуются, вот и решил на увольнительных отправиться в Москву. Там у него был земляк, с которым они и пошли прямо в Кремль. В архиве быстро разобрались с фамилией, и в тот же день у Петра Андреевича было удостоверение Героя за № 8282 от 12 апреля 1947 года, подписанное

председателем Президиума Верховного Совета Шверником. Так счастливо закончилась история со званием.

В Пермском крае

По такому случаю доучиваться в Житомирском военно-пехотном училище Пётр Черняев не стал, а подал рапорт об увольнении. Вернулся домой, поработал короткое время в колхозе, а потом, как тогда говорили, «завербовался на стройку». Восстанавливал разрушенный войной Севастополь. Был слесарем в леспромхозах Прикамья, участвовал в строительстве Камской и Боткинской гидроэлектростанций. Приглянулся ему Пермский край, тут он и закрепился. Да и с работой, наконец, окончательно определился: работал в системе исполнений по Пермскому краю.

Жил в посёлке Ослянка Кизеловского района. Когда жизнь в поселке остановилась после угасания местного производства и закрытия учреждения в системе УФСИН, Герой с семьей некоторое время зимовал без электричества и тепла. Но спохватились в Перми, выделили семье Черняевых новую двухкомнатную квартиру в микрорайоне «Новый Крым» (окраина Кировского района). Там успел Герой Советского Союза пожить в тепле и внимании несколько лет. Участвовал в общественной деятельности.

Когда 4 мая 2007 года в центре Перми, напротив здания Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний, был открыт монумент его сотрудникам, погибшим при исполнении служебного долга в военное и мирное время, то почетное право открыть памятник было предоставлено участнику Великой

Отечественной войны, ветерану системы ГУФСИН, Герою Советского Союза Петру Андреевичу Черняеву.

Скончался наш земляк 11 января 2010 года. Похоронили его в Перми на Северном кладбище.

В Парке Победы в городе Малоархангельске есть бюст Героя Советского Союза, уроженца д. Хитрово, Черняева Петра Андреевича.

16 февраля 2019 года ему исполнилось бы 95 лет.

«Ночная ведьма» из морских глубин – в воздушном океане

(Герой Советского Союза Марина Чечнева)

Пять лет тому назад в одной из областных газет я опубликовал очерк «Надежда для Семёна» (история любви двух Героев Советского Союза), в котором рассказал об Анастасии (Надежде) Поповой и Семёне Харламове, двух замечательных лётчиках, судьбы которых связала война.

«…Обогнать на самолёте птицу в синей вышине»

В том же 46-м гвардейском Таманском, Краснознамённом и ордена Суворова 3-й степени ночных бомбардировщиков полку под командованием Евдокии Бершанской, в котором сражалась Надежда Попова, воевала и ещё одна «ночная ведьма» – уроженка Орловщины, из Малоархангельского уезда, – Марина Чечнева. О ней и будет мой рассказ, а читатель сам потом сделает вывод о схожести или различиях в биографиях двух героинь.

Родилась будущая лётчица 15 августа 1922 года в большом селе Протасово, что расположилось на полдороге между городом Малоархангельск и станцией Малоархангельск. Отец Марины, Павел Кириллович Чечнев, на всю жизнь остался для дочери самым дорогим, самым близким ей человеком, который был ей не только отцом, но и товарищем, настоящим, большим другом. По воспоминаниям Марины Павловны, *«…отец много видел и много знал, несмотря на то, что был всего-навсего простым рабочим. Он гнул спину на богатеев, участвовал в Октябрьской революции, бил контрреволюционеров в гражданскую войну. Потом его же руки помогали расти Советской власти. «Нашей с тобой власти, Маринка», — как часто говорил он мне. Нам не очень легко жилось, но я ни разу не слышала от отца слов недовольства.*

Помню, он страшно сердился, когда кто-нибудь жаловался, сетовал на трудности».

До 5 класса включительно Марина Чечнева училась в Протасовской школе, а потом отец, устроившийся на один из московских заводов, взял дочь к себе, и она поступила в 144-ю школу Ленинградского района Москвы.

В средних классах Марина занималась в авиамодельном кружке, построила несколько удачных моделей и вместе с другими ребятами участвовала в соревнованиях, организованных Московским Домом пионеров. Но тайно мечтала «быть, как Чкалов», то есть летать самой.

Семья Чечневых жила тогда на Хорошевском шоссе — вблизи Центрального аэродрома, где никогда не стихал гул моторов. Марина вместе с подружками подолгу простаивала у ограды летного поля.

Осенью 1938 года, имея рекомендацию районного комитета комсомола, отправилась ученица 9 класса в аэроклуб. В виде исключения её зачислили на теоретический курс отделения пилотов. Вот как Марина Павловна вспоминала об этом:

«Поделилась своей радостью с отцом.

— Сына я хотел иметь, да нет его... Одна ты у меня, дочка, а характер, вижу, твердый».

Именно тогда в авиационном журнале «Самолет» опубликовано было первое стихотворение ученицы Чечневой:

«Я мечтаю быть пилотом
В нашей радостной стране,
Обогнать на самолете
Птицу в синей вышине...»

По окончании средней школы, вместе с аттестатом, получила она диплом летчика-инструктора для работы в аэроклубах страны, но по решению райкома комсомола Марину Чечневу оставили в школе №144 старшей пионервожатой. Работая, она стала одновременно готовиться для поступления в авиационный институт. А все свободное время по-прежнему проводила на аэродроме.

Совершив первый самостоятельный полет, она уже *«не мыслила свою жизнь без неба, без поющего на высоте ветра и стремительно летящих облаков...».*

Это ведь о ней, её подругах и товарищах писал поэт Василий Федоров в замечательной поэме «Седьмое небо»:

Летел
Через года тридцатые

Стремительный моторный век.
И захотела стать крылатою
Страна саней,
Страна телег.
Слова
«По-чкаловски»,
«По-громовски»
Уже слетали с наших губ,
Когда с путевкою райкомовской
Явились мы в аэроклуб.
Нас выстукали,
Нас измерили,
Нас подержали на весах.
Пять наших чувств врачи проверили —
На смелость,
Выдержку
И страх...

«Дунькин полк» и лётчицы без парашютов

Мечта малоархангельской уроженки сбылась вскоре после начала Великой Отечественной войны. Ей, работавшей в Центральном аэроклубе инструктором, пришёл вызов от знаменитой лётчицы, Героя Советского Союза, Марины Михайловны Расковой, которой было поручено создание трёх женских авиаполков. Два из них в ходе войны стали смешанными, то есть, служили и воевали в них не только женщины, но и мужчины. А вот 588-й, ночных бомбардировщиков, полк (с 1943 года – 46-й гвардейский Таманский бомбардировочный – А.П.) от момента формирования вплоть до Победы оставался чисто женским: мужчин не было не только среди пилотов и штурманов, но и среди обслуживающего персонала (механиков и техников). Командовала этим полком Евдокия Бершанская, и чуть позже, в шутку и с гордостью, эту лётную часть прозвали «Дунькин полк». Именно в нём с февраля 1942 года служила, а с мая того же года умело и храбро воевала Марина Чечнева.

Прежде чем я, уважаемый читатель, расскажу о её подвигах, несколько слов придётся посвятить тому, что собой представлял самолёт У-2 (с 1944 года, в честь его скончавшегося создателя, нашего земляка Н.Н. Поликарпова, переименованный в По-2 – А.П.), и как на нём воевали наши героические девушки (подавляющее большинство – в возрасте от 18 до 24 лет – А.П.).

До начала Великой Отечественной войны это был учебный самолёт, совсем не предназначавшийся для военных действий. Он представлял собой деревянный биплан с двумя открытыми кабинами, расположенными одна за другой, и двойным управлением — для лётчика и штурмана (до войны на этих машинах лётчики проходили обучение). У-2 не имел радиосвязи и бронеспинок, способных защитить экипаж от пуль, обладал маломощным мотором, который мог развивать максимальную скорость до 150 км/час. Прицелы для бомбометания были примитивными, поскольку лётчицы создали их сами и назвали **ППР (проще пареной репы)**: на правом борту кабины штурмана устанавливались два металлических стержня, покрытые светящимся составом, а в правой плоскости располагалось окошечко для просмотра земли во время прицеливания.

Марина Чечнева

На самолёте не было бомбового отсека, бомбы привешивались в бомбодержатели (их было 6-8 штук) прямо под плоскости самолёта, а тросы от замков проводили в кабины летчика и штурмана. Количество бомбового груза менялось от 100 до 300 кг. В среднем в полёт брали 150—200 кг, но к концу войны – и до 300 килограммов. За ночь самолёт успевал сделать 5-6 вылетов в летнюю ночь и 10-12 – зимой (а каждый из них продолжался около часа — достаточно, чтобы долететь до цели в ближайшем тылу или на передовой противника, сбросить бомбы и вернуться домой – А.П.), и суммарная бомбовая нагрузка была сравнима с нагрузкой большого бомбардировщика.

Управление самолётом было сдвоенным: им мог управлять и пилот, и штурман. Имелись в истории полка случаи, когда штурманы приводили на базу и сажали самолёты, после того, как пилот погибала. До августа 1943 года лётчицы не брали с собой парашюты, предпочитая взять вместо них ещё 20 кг бомб.

Пулемёты на самолётах также появились только в 1944 году. До этого единственным вооружением, для защиты от вражеских

истребителей, на борту были пистолеты ТТ. То есть, фактически, молодые лётчицы и их штурманы были смертницами, понимавшими, что шансов спастись при попадании под огонь вражеских зениток или пушек немецких истребителей у них очень немного. Именно по совокупности всех, описанных выше характеристик и особенностей самолёта По-2, его можно было использовать только в ночное время. На современном языке фанерный бомбардировщик По-2 можно было бы назвать самолетом-невидимкой. Ночью, на низкой высоте и бреющем полете, немецкие радары не могли его засечь. Немецкие истребители боялись прижиматься слишком близко к земле, и часто именно это спасало жизни летчицам. Вот почему девушки из полка ночных бомбардировщиков получили у немцев такое зловещее прозвище — «ночные ведьмы».

«Вызывая огонь на себя и отвлекая противника»

На этом геройском тихоходе (130-150 километров в час – сейчас автомобили мчатся быстрее – А.П.) и летала наша землячка Марина Чечнева – в самом начале – как обычный пилот, в звании сержанта, а по мере роста её боевого мастерства она сама росла в должностях и званиях: гвардии младший лейтенант – командир звена, гвардии лейтенант и старший лейтенант – командир эскадрильи. К концу войны Марина Павловна Чечнева – гвардии капитан, командир самой интересной в 46-ом гвардейском авиаполку эскадрильи – резервной. Она одновременно вылетала на боевые задания и готовила молодое пополнение из числа поступивших в полк лётчиц.

Многочисленные наградные листы лётчицы Чечневой говорят о том, как умело и храбро она воевала, в первую очередь, конечно, сбрасывала бомбы на намеченные цели: колонны с техникой и живой силой, железнодорожные станции и вокзалы, артиллерийские, зенитные батареи и аэродромы, переправы и мосты. Приходилось временами менять тактику бомбардировок. Вот как описывала одну из новинок Марина Чечнева:

«Первое время лётчицы-гвардейцы действовали в одиночку. Но с одиночными самолетами гитлеровцам было легче бороться. Поэтому решено было применить новый прием — полет парами. Суть этого приема сводилась к следующему. Первый экипаж на полном газу проносился над целью, вызывая весь огонь на себя и отвлекая противника, а второй, следовавший с интервалом в полторы-две минуты, планировал на заданную цель с приглушенным мотором и в этот момент сбрасывал бомбы. Если

враг переключался на ведомого, то тогда, развернувшись, цель атаковал ведущий.

Испробовать этот метод поручили Наде Поповой (да, она самая, вторая наша лётчица-героиня с Орловщины – А.П.) *со штурманом Катей Рябовой и мне с Олей Клюевой. К тому времени мы отлично слетались с Поповой, у нас выработалось полное взаимопонимание в воздухе. А это немаловажное обстоятельство для успеха в любом деле. Перед полетом мы тщательно продумали все варианты подхода к цели и действия обоих экипажей. Объект для бомбежки оказался нелегкий — переправа через Терек у Моздока. Эта переправа имела большое значение для фашистов, поэтому они основательно прикрыли ее средствами ПВО. Прорваться к переправе было весьма трудно не только днем, но и ночью».*

Намеченный план удалось полностью реализовать, и оба экипажа благополучно возвратились на свой аэродром, уничтожив зловредную переправу.

«Опасность была всюду: над тобой, под тобой, впереди и сзади»

Выработанная при бомбардировках точность здорово помогала экипажу Марины Чечневой при выполнении совсем других заданий: сбрасывать грузы для наших десантников в ноябре-декабре 1943 года, во время знаменитой Керченско-Эльтигенской операции, положившей начало освобождению Крыма. Вот как вспоминала об этом Марина Павловна:

«Двадцать шесть ночей летали мы к десантникам. Каждый такой рейс нес им спасение, укреплял уверенность в победе. Грузы для десантников сбрасывали во двор школы, где каждую ночь для нас зажигали небольшой костер и выкладывали опознавательный знак.

Такая своеобразная «бомбежка» требовала от экипажей большой точности. Поэтому к месту назначения подлетали на высоте около 50–70 метров, а при сбрасывании груза старались снизиться еще немного.

Бывало, с середины пролива уже уберешь газ и планируешь до самого крымского берега. Фашисты бьют из автоматов и крупнокалиберных пулеметов, иной раз до десятка дыр насчитаешь в обшивке плоскостей. А самолет тянет и тянет. И вот уже под крылом заветный огонек. Перегнешься через борт кабины и что есть мочи кричишь:

— Принимай гостинцы, пехота! У нас картошка и медикаменты, следующий сбросит патроны.

А штурман добавляет:

— Привет от 46-го женского гвардейского!

В ответ с земли тоже что-то кричали, но за свистом ветра и за шумом морского прибоя разобрать слова было невозможно. Хорошо хоть, что мы слышали голоса: значит, живы наши.

Сбросив груз, мы разворачивались прямо над головами гитлеровцев. Иногда даже казалось, видели, как вверх вскидывались десятки автоматных и ружейных стволов, слышали, как трещат выстрелы. Но, изрешеченные, с продырявленными плоскостями, маленькие труженики У-2 оставались в строю».

Правда, и каждое возвращение было не менее опасным, чем выполнение боевого задания. Снова процитирую отрывок из книги Марины Чечневой «Небо остаётся нашим», выпущенную «Воениздатом» в 1976 году (переработанный и дополненный вариант её книги «Самолёты уходят в ночь» 1961 года – А.П.):

«В районе аэродрома соблюдалась максимальная осторожность, так как к нам частенько заглядывали фашистские самолеты. Поэтому, как правило, мы шли на посадку без бортовых огней, ориентируясь лишь по тщательно замаскированным наземным световым сигналам. Нервы в этой обстановке были напряжены до предела. Выключишь мотор, идешь на посадку, а кругом тьма, сплошная густая тьма, лишь фосфоресцируют в кабине стрелки приборов. Земли не видно, ее приближение угадываешь только тогда, когда в нос начинает бить запах сырости и чернозема.

Но какая под тобой высота? Может, тридцать метров, а может, всего один метр? Еле приметные по курсу посадочные огни только вводят в заблуждение, усиливая впечатление темного провала под плоскостями.

Каждый мускул у тебя напряжен. Особенно тщательно приходится ловить звуки: страшно услышать поблизости характерный свист воздуха, рассекаемого плоскостями другого У-2. Увидеть его было невозможно, так как бортовых огней мы не зажигали. А вверху, надсадно воя мотором, ходил фашист в ожидании легкой добычи.

Опасность была всюду: над тобой, под тобой, впереди и сзади. Она сжимала со всех сторон, словно тисками. Удивительно ли, что, приземлившись, мы долго приходили в себя. А как только чувствовали, что избавились от нервного перенапряжения, и

нервная система пришла в норму, тут же опять бросали свою машину в бой, в грохот разрывов, в свистопляску орудийного огня и света. И так каждую ночь. Не всякий даже испытанный, побывавший в переделках летчик выдержит долго подобную нагрузку».

Марина Павловна, гвардии капитан в конце войны, такую нагрузку выдержала, заслужив за свои подвиги множество наград: два ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны 1-й степени и 2-й степени, орден Красной Звезды, не говоря уже о медалях.

Война и любовь

Не хватало Марине малого – большой и светлой любви. Но и она пришла, хотя долгое время командир эскадрильи ночных бомбардировщиков Чечнева, встречаясь с командиром соседней эскадрильи штурмовиков Константином Давыдовым, уверяла себя, что это просто дружба.

Капитан Константин Давыдов начинал войну, как ни удивительно, ночным бомбардировщиком, но потом, переучившись, пересел на штурмовик. В составе 657-го штурмового авиационного полка он прошёл долгий и трудный путь, был тяжело ранен в голову, но после излечения снова воевал.

Первая его встреча с Мариной Чечневой произошла в августе 1942 года. Потом они виделись еще раз на фронтовом аэродроме, в 1944 году. Чуть позже полк ночных бомбардировщиков и полк штурмовиков стояли рядом, Константин с товарищами часто приезжал к лётчицам в гости. Когда же Марина с боевыми подругами из своего полка, уже после Победы, улетела в Москву для участия в первом послевоенном параде, то за два месяца пребывания в Москве она получила от капитана Давыдова шестьдесят писем. Это и решило всё.

Из Москвы после парада «ночные ведьмы» возвращались на транспортном самолете, который произвел посадку в польском городе Лигниц, где как раз базировался полк штурмовиков Константина Давыдова. Вскоре он сам явился к командиру 46-ого гвардейского Таманского Евдокии Бершанской и попросил у неё согласия на брак с Мариной Чечневой.

В 1946 году у молодожёнов случилось сразу два замечательных события. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года, гвардии капитану Марине Павловне Чечневой было присвоено высокое звание «Героя Советского Союза»: *«За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими*

захватчиками» (совершила 810 боевых вылетов, провела в воздухе более тысячи боевых часов, сбросила свыше 115 тонн бомб на противника, уничтожила 6 складов, 5 переправ, ж/д эшелон, 1 самолет, 4 прожектора и 4 зенитные батареи. Ею было подготовлено 40 летчиц и штурманов – А.П.). Марина Павловна стала одной из 23 Героинь своего прославленного 46-ого гвардейского Таманского ночных бомбардировщиков авиационного полка (пятеро из девушек этого звания были удостоены посмертно). Звезда Героя дополнила её иконостас наград.

Теперь в семье стало сразу два Героя Советского Союза, а в августе 1946 года случилось и второе радостное событие: родилась дочь Валя. Несмотря на рождение ребёнка, некоторое время, после расформирования 46-го гвардейского Таманского полка Марина Павловна продолжала служить (уже в штурмовом авиаполку) в Северной группе войск, в Польше.

Погиб, спасая самолёт

А в сентябре 1948 года её вместе с мужем направили на спортивную работу в ДОСААФ – кадровыми офицерами. Работали они в Центральном аэроклубе СССР имени В.П. Чкалова в городе Москве. В 1949 году Давыдов был назначен заместителем командира группы 24-х пилотажных самолетов Як-18, Чечнева получила назначение на должность командира женской пилотажной группы. Групповой пилотаж во время воздушного парада в небе Тушино в июле 1949 года получил самую высокую оценку. За успешное освоение новой авиационной техники, за высокое летное и воздушно-спортивное мастерство майора Давыдова наградили орденом Красной Звезды, а капитана Чечневу – орденом "Знак Почета".

28 октября 1949 года группа летчиков, в составе которой были майор Давыдов и капитан Чечнева, перегоняла учебно-тренировочные самолеты УТ-2 из города Ленинграда (ныне – Санкт-Петербург) в город Калинин (ныне – Тверь). Первая группа,

в которой летела Чечнева, благополучно приземлилась на калининском аэродроме.

А мотор в самолёте Давыдова, летевшего в составе другой группы, стал давать перебои, и машина резко теряла скорость. Константин решил произвести вынужденную посадку возле железнодорожной станции Мстинский Мост. Рядом было поле, на котором он мог приземлиться, но там пасли скот. Давыдов сделал два круга, показывая пастуху, чтобы убрал животных. Он мог воспользоваться парашютом, но не сделал этого: хотел спасти самолет. На третьем круге мотор полностью отказал. Машина, не дотянув до площадки, врезалась в железнодорожную насыпь.

Похоронили Константина Ивановича Давыдова в Москве на Новодевичьем кладбище.

Так не стало боевого лётчика, Героя Советского Союза, прошедшего всю войну. А его жена, Герой Советского Союза Марина Чечнева, с огромным трудом, невероятными усилиями воли, справилась со страшным горем. Остаться вдовой в 27 лет, когда были мечты о долгой и счастливой жизни с любимым мужем и детьми, – это очень тяжело.

Её книги – как продолжение неба

Справиться с бедой помогла вначале работа. Марина Павловна продолжала летать и устанавливать спортивные рекорды, а когда в 1956 году врачи запретили майору Чечневой летать (состояние здоровья ухудшилось, война и семейная трагедия не прошли бесследно), и она переключилась на общественную деятельность и литературу. В 1963 году Марина Павловна окончила Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Занимала ряд постов, стала кандидатом исторических наук и написала несколько замечательных, очень душевных книг, наполненных большой любовью к своим боевым подругам.

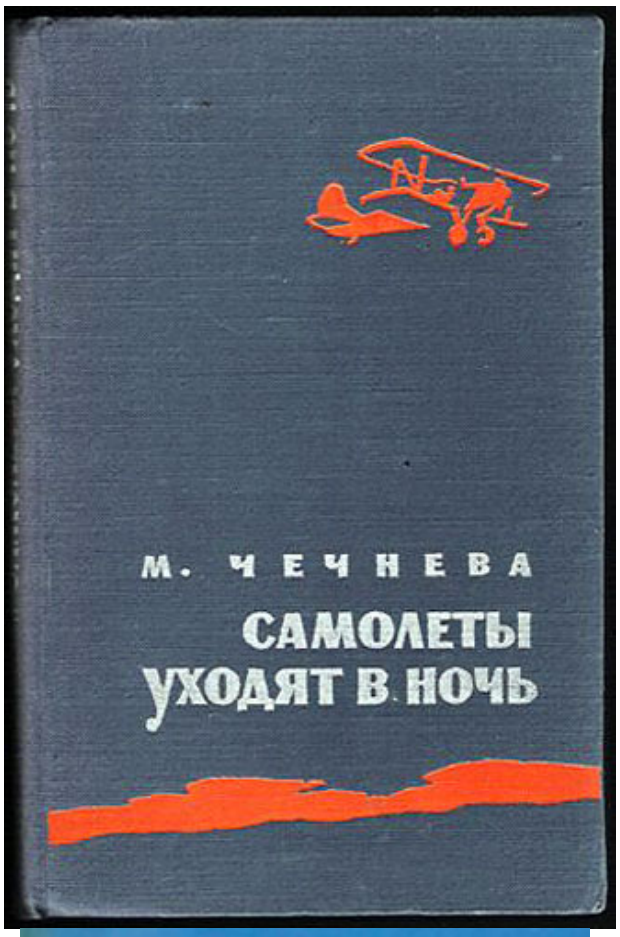
В этом очерке я несколько раз цитировал отрывки из её мемуаров.

Сейчас же приведу ещё один – с живым описанием военного быта. Ведь из таких эпизодов и состояла фронтовая жизнь – не только из боёв.

«В середине февраля полк перебазировался в станицу Ново-Джерелиевскую. На Кубань только-только пришла весна со страшной распутицей, с непролазной грязью. Грязь преследовала нас на улицах, на аэродроме, в садах, тащилась за нами в дома и в кабины самолетов. Больно было смотреть на заляпанные грязью У-2. Грязь мешала даже работать. Шасси самолета при рулежке настолько зарывались в грунт, что машины приходилось вытаскивать на собственных плечах.

Погода стояла отвратительная. Днем часто шел снег, ночами землю прихватывали заморозки. Летчики и штурманы не знали, как обуваться. Ходить по грязи в унтах было тяжело, сапоги же моментально промокали и смерзались в воздухе, сковывая и леденя ноги.

Распутица затруднила подвоз горючего и продовольствия. Питались мы в основном кукурузой. Как же она нам надоела! Две недели одна кукуруза — в сухом, вареном и жареном виде. Ни соли, ни хлеба, ни мяса, ни масла. Кукуруза на первое, на второе и на третье. Кукуруза на завтрак, на обед, на ужин. Даже спали на кукурузе». Пять книг воспоминаний оставила после себя Марина Павловна Чечнева, и обо всех, от первой («Самолёты уходят в ночь») до последней – («Ласточки» над фронтом»), которая вышла в год её преждевременной смерти, можно сказать словами Константина Симонова:

М. ЧЕЧНЕВА
САМОЛЕТЫ УХОДЯТ В НОЧЬ

М. П. ЧЕЧНЕВА
„Ласточки" над фронтом

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ
М. П. ЧЕЧНЕВА
НЕБО ОСТАЕТСЯ НАШИМ

М.П. Чечнева
БОЕВЫЕ ПОДРУГИ МОИ

«Это очень честная, чистая и добрая книга. Умение, вспоминая прошлое, да ещё такое прошлое, как война, лучше помнить, что сделали твои товарищи, чем то, что сделал сам; больше говорить о них, чем о себе, – это такое свойство памяти, которым наделены только поистине хорошие и, добавлю, самоотверженные люди. Именно к таким людям принадлежит и автор этой книги…».

По воспоминаниям Раисы Ивановны Чеботарёвой, бывшего секретаря Малоархангельского райкома партии, Марина Павловна

Чечнева не раз во время своего отпуска, начиная с 1959 года, посещала Малоархангельск и родное село Протасово, где продолжала жить в это время её мать, Елена Антоновна. Каждый раз встречалась она с малоархангельскими школьниками, очень интересовалась проблемами района.

Умерла Марина Павловна Чечнева в Москве 12 января 1984 года. Похоронили её на Кунцевском кладбище, почему не на Ново-Девичьем, где лежит её муж, Константин Иванович Давыдов, не знаю.

«Наша радость и боль»

С 1996 года в Орле, в 909 квартале, существует улица Марины Чечневой. В родном селе Протасово тоже есть улица её имени, а в Парке Победы в Малоархангельске установлен бюст героини. Орловчане имя и память своей землячки увековечили.

Когда я на сайте «Подвиг народа» отыскал, а потом изучил наградные листы М.Н.Чечневой, то с некоторым удивлением увидел, что в самом первом из них, от сентября 1942 года, когда Чечнева была удостоена ордена Красного Знамени, она значится не Мариной, а Марией. В остальных документах имя названо верно: **Марина** Павловна. Имя, в переводе с латинского, означает «морская». Но всю жизнь Марина Чечнева стремилась в небо, которое любила всем сердцем, летала в нём и сражалась, защищая

от захватчиков во время войны. После войны – устанавливала в мирном небе спортивные рекорды.

Это небо принесло ей огромные радости и отняло любимого мужа, но, как писала сама Марина Павловна, *«…все же, должна признать, что в жизни мне повезло. Для нас, чью юность опалила война, пережитое никогда не станет историей. Оно — наше прошлое и настоящее, наша радость и боль, наша жизнь и счастье трудных дорог».*

Орловчанам же и малоархангельцам повезло, что в их истории была и есть такая замечательная женщина, Герой Советского Союза, – Марина Павловна Чечнева!

Один – на три страны
(Герой Советского Союза Николай Яшин)

Среди орловчан-Героев Советского Союза – довольно много разведчиков, но таких, как Николай Яшин, больше нет: он – единственный, кто всю войну, вплоть до своей героической смерти, командовал взводом конной разведки. Да к тому же старший лейтенант Яшин имел и соответствующую профессиональную подготовку: закончил в 1942 году Тамбовское кавалерийское училище.

От Нижней Гнилуши – до «Марса»

Наверное, даже дата его рождения – 23 февраля 1922 года – как бы определяла будущую связь нашего земляка с военной службой. Впрочем, сам Николай, родившийся в большой орловской деревне с не очень благозвучным названием – Нижняя Гнилуша *(в настоящее время – в составе Ленинского сельского поселения Малоархангельского района, в 9 километрах от Малоархангельска – А.П.)* до поры – до времени не подозревал о переменах в своей судьбе, хотя эти перемены уже начались во второй половине 30-х годов XX века.

Тогда Николай Яшин переехал вместе с родителями на Украину. А вот в каком именно месте они там поселились – источники расходятся: в одних называется Макеевка Донецкой области, в других – Семёновка Черниговской области (это города), а третьи называют колхоз имени Воровского в одном из районов Николаевской области. Кстати, в пользу последней версии говорит то, что 19-летнего рабочего Яшина призвали в 1941 году в Красную Армию именно оттуда.

Герой Советского Союза
Николай Яшин

Год Николай отучился в Тамбовском кавалерийском училище, а с октября 1942 года молодой лейтенант воюет на Калининском фронте, командуя взводом конной разведки в составе 830-го стрелкового полка 238-й стрелковой дивизии. Довелось Яшину хлебнуть лиха в неудачной наступательной операции «Марс» под Ржевом *(Вторая Ржевско-Сычёвская стратегическая наступательная операция – А.П.),* в которой погибло более 70 тысяч советских солдат и офицеров. Понесла большие потери здесь и 238-я стрелковая дивизия *(более 9 тысяч убитыми и ранеными – А.П.).*

Дивизии – звание, разведчику – медаль

Дивизию вывели во второй эшелон, где она в течение трёх месяцев доукомплектовывалась, а 7 июля 1943 года получила приказ готовиться к наступлению. 17 июля 238-я стрелковая вступила в бой в ходе Орловской наступательной операции и несколько дней сражалась на реке Олешня, а затем теснила врага севернее Орла, продвигаясь на Хотынец и Карачев. Впереди своего 830-го стрелкового полка шла конная разведка старшего лейтенанта Яшина, определяя уязвимые места обороны противника.

В боях за Карачев 14-15 августа 1943 года отличилась как сама 238-я стрелковая дивизия, получившая почётное наименование *Карачевской,* так и командир взвода конной разведки Николай Яшин, заслуживший тогда свою первую награду – медаль «За отвагу». Вот как был описан его подвиг в наградном листе:

«Командир конной разведки, старший лейтенант Яшин во время боёв с немецкими захватчиками за город Карачев 14-15 августа проявил себя смелым и отважным командиром – разведчиком. Все задачи, поставленные перед разведкой, он выполнял точно и в срок, несмотря на сильный огонь противника. Когда была порвана связь с батальоном во время уличных боёв, старший лейтенант Яшин получил задачу и с честью выполнил её. Командование батальона продолжало наступательные

действия по очистке от противника западной окраины города Карачев»…

«Встретился, уничтожил, захватил, доставил…»

Прошло чуть больше месяца. 238-я стрелковая Карачевская дивизия, освободив от оккупантов несколько западных районов Орловской области *(ныне – территория Брянской области – А.П.)*, вышла на границу Белоруссии. 1 октября 1943 года, выполняя задачу по разведке позиций противника по маршруту движения 830-го стрелкового полка в районе западнее деревни Латыпино, старший лейтенант Яшин со своими разведчиками *«у опушки леса встретился с засадой противника в количестве 15 человек».*

Реакция командира взвода оказалась мгновенной: *«…быстро оценив обстановку и приняв решение, он в конном строю бросился на засаду противника. В результате решительного и смелого налёта засада противника была деморализована: 3 немецких солдата были взяты в плен и 2 убиты, а остальные в панике разбежались».*

Командир 830-го стрелкового полка майор Сметанин за эту операцию и трёх ценных пленных, давших показания, представил Николая Яшина ко второй медали «За отвагу». Но командир 238 стрелковой дивизии генерал-майор Красноштанов повысил статус награды для своего офицера – до ордена Красной Звезды (приказ по дивизии последовал 19 ноября 1943 года).

С ноября и в течение всего декабря 1943 года 238-я стрелковая дивизия, участвуя в Гомельско-Речицкой операции, вела тяжёлые и безуспешные бои, пытаясь форсировать Днепр. Весной 1944 года дивизию перебросили севернее, на подступы к крупному белорусскому городу Могилёву. Вначале на этом участке 238-я Карачевская стояла в обороне, время от времени разведывая позиции противника.

В одной из таких вылазок снова отличился старший лейтенант Яшин, который с 10 мая 1944 года, в дополнение к своей должности командира взвода конной разведки, стал ещё выполнять и обязанности офицера разведки 830-го стрелкового полка *(офицер разведки – это координатор всей разведывательной деятельности в части, от его работы зависит успешность наступления полка – А.П.).*

В ночь с 9 на 10 мая разведчики 830-го стрелкового полка, *«во время ночных поисков ворвались в траншеи противника, завязав гранатный бой. Уничтожили свыше 10 немецких солдат и захватив трофеи: станковый пулемёт МГ-42 и два автомата.*

Будучи командиром взвода конной разведки, старший лейтенант Яшин возглавлял эту операцию (после выбытия из строя офицера разведки полка – А.П.)».

Ещё раз полковая разведка под командованием нашего земляка отличилась в ночь с 26 на 27 мая 1944 года в районе деревни Красница, когда, *«проводя вторичный ночной поиск, с боем ворвалась в немецкую траншею, уничтожила свыше 15 гитлеровцев и захватила в плен немецкого солдата, который был доставлен в штаб в качестве «языка».*

Приказом командующего 50-й Армии генерал-лейтенанта Болдина от 4 июня 1944 года старший лейтенант Яшин за эти успешные разведоперации был награждён орденом Красного Знамени (доставленные им пленные позволили уточнить расположение вражеских сил в районах планировавшейся Белорусской наступательной операции – А.П.).

Могила – в Могилёве

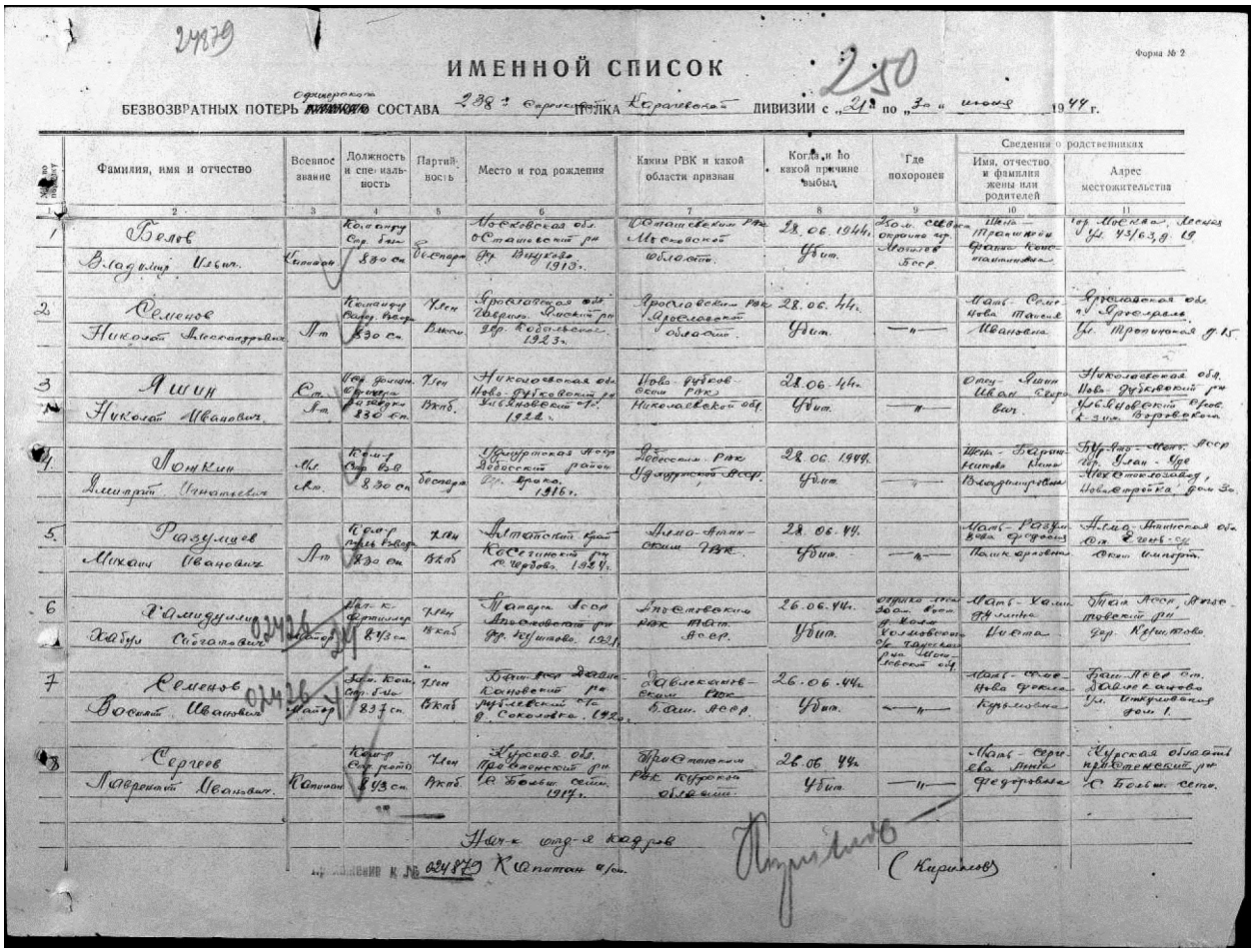
23 июня 1944 года началась операция «Багратион» – одна из крупнейших в истории Великой Отечественной войны. Красная Армия приступила к освобождению Белоруссии. В составе 50-й Армии приняла участие в этом и 238-я стрелковая дивизия, а уж разведка, как всегда, шагала впереди.

Разведчики уточнили расположение немецких войск на подступах к Могилёву, выяснили всё о заминированных мостах, и потому 27 июня старший лейтенант Яшин со своими бойцами в числе первых форсировал Днепр. А далее, *«руководя всей разведкой, выявлял расположение противника и его огневые средства… Взвод разведки не только обнаружил расположение и силу противника, но навязывал ему бои, выбивая его с укреплений и преследуя врага»…* Однако, хоть гитлеровцы в самом Могилёве оказались в кольце, они отчаянно сопротивлялись. Уличные бои в городе продолжались два дня.

По воспоминаниям бывшего командира 830-го стрелкового полка, подполковника Смурыгина, важнейшую роль в захвате важного опорного пункта гитлеровцев в Могилёве, железнодорожного вокзала, сыграли именно разведчики старшего лейтенанта Яшина. К тому же, они ещё и спасли жизнь командира полка, когда его штаб окружили немцы во время контратаки. Яшин со своими молодцами ударил во флаг противнику, да так, что они побежали.

И как жаль, что чуть позже, спустя несколько мгновений, не имевший за два года боёв ни одного ранения, *«…старший*

лейтенант Николай Яшин 28 июня 1944 года погиб смертью храбрых»… В один день с ним героически пали ещё четверо офицеров 830-го стрелкового полка – командир сапёрного батальона капитан Владимир Белов и командиры стрелкового, сапёрного и пулемётного взводов, лейтенанты Дмитрий Ложкин, Николай Семёнов и Михаил Разумцев. Всех пятерых похоронили в братской могиле в 250 метрах от северной окраины Могилёва.

ИМЕННОЙ СПИСОК

Форма № 2

БЕЗВОЗВРАТНЫХ ПОТЕРЬ офицерского состава 238 стрелкового полка Краснознаменной дивизии с „21" по „30" июня 1944 г.

№ по порядку	Фамилия, имя и отчество	Военное звание	Должность и специальность	Партийность	Место и год рождения	Каким РВК и какой области призван	Когда и по какой причине выбыл	Где похоронен	Сведения о родственниках: Имя, отчество и фамилия жены или родителей	Сведения о родственниках: Адрес местожительства
1	Белов Владимир Ивич	Капитан	Командир Сап. б-на 830 сп	Беспарт.	Московская обл. Сталинский р-н Дер. Выхино 1913 г.	Сталинским РВК Московской области	28.06.1944 г. Убит.	Зап. окраина д. Могилев Белорусской ССР	Мать – Трофимова Ефимия Константиновна	г. Москва, Лосиноостровская ул. 43/63 кв. 19
2	Семенов Николай Александрович	Ст. л-т	Командир Взвода Разв. 830 сп	Член ВКП(б)	Ярославская обл. Тверской (Фирмовский) р-н дер. Кобельское 1923 г.	Ярославским РВК Ярославской области	28.06.44 г. Убит.	— " —	Мать – Семенова Нина Ивановна	Ярославская обл. г. Ярославль ул. Трефолева д. 15
3	Яшин Николай Иванович	Ст. л-т	Нач. фонетической станции 830 сп	Член ВКП(б)	Николаевская обл. Нова-Одесский р-н Глебовский с/с 1922 г.	Нова-Одесским РВК Николаевской обл.	28.06.44 г. Убит.	— " —	Отец – Яшин Иван Сергеевич	Николаевская обл. Нова-Одесский р-н Глебовский с/с к-з им. Ворошилова
4	Ложкин Дмитрий Игнатьевич	Мл. лейт.	Ком-р взв. 830 сп	беспарт.	Пермская обл. Добрянский район Дер. Брага 1916 г.	Добрянским РВК Удмуртской ССР	28.06.1944 г. Убит.	— " —	Жена – Ложкина Нина Владимировна	Пермская обл. Чернушинский р-н Дер. Уган – Чусовской Новостройка дом 3а
5	Разумцев Михаил Иванович	Ст. л-т	Ком-р стр. взв. 830 сп	Член ВКП(б)	Алтайский край Косихинский р-н с. Чердово 1914 г.	Алма-Атинским ГВК	28.06.44 г. Убит.	— " —	Мать – Разумцева Ефросинья Пахомовна	Алма-Атинская обл. ул. Ленинская дом Кинотеатр
6	Ахмадуллин Хабибулла Сибгатович	Ст. л-т	Нач-к Артиллерии 83 сп	Член ВКП(б)	Татарская АССР Альметьевский р-н Дер. Кутлаево 1921 г.	Альметьевским РВК Татарской АССР	26.06.44 г. Убит.	Деревня Гусь-Хрустальный район Владимирской обл.	Мать – Хакимова Фатима Ислам	Татарская АССР, Альметьевский р-н Дер. Кутлаево
7	Семенов Василий Иванович	Ст. л-т	Нач. Хим. Сл. Сар. б-на 837 сп	Член ВКП(б)	Витебская область Сенненский р-н Рудневский с/с д. Сокольяты 1912 г.	Лепельским ВК Витебской обл.	26.06.44 г. Убит.	— " —	Мать – Семенова Нина Фоминична	Витебская обл. Лепельский р-н Ул. Октябрьская дом 1.
8	Сергеев Валериан Иванович	Капитан	Ком-р стр. роты 823 сп	Член ВКП(б)	Курская обл. Прохоровский р-н с. Бобрик сейчас 1914 г.	Прохоровским РВК Курской области	26.06.44 г. Убит.	— " —	Мать – Сергеева Анна Федоровна	Курская область Прохоровский р-н с. Бобрик-сего.

Нач-к отд-я кадров Капитан

(Кириллов)

Славяне помнят!

За героизм и мужество, проявленные при освобождении города, 28 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза. Одним из них стал Николай Иванович Яшин (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года – А.П.).

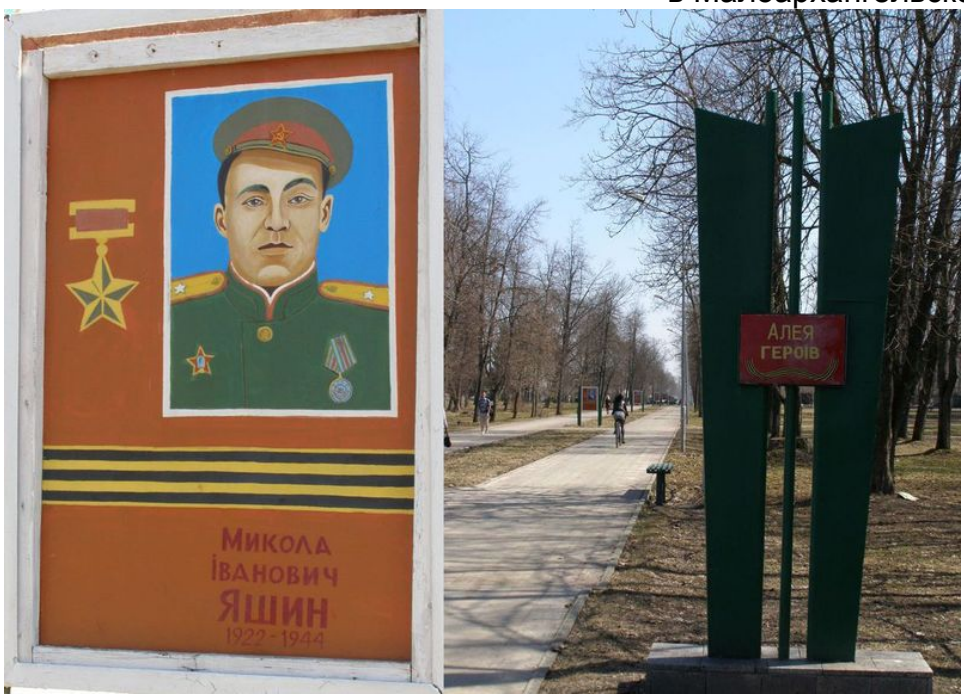
О подвигах славного разведчика не забыли три братские славянские страны. На Украине, в городе Семёновка Черниговской области, где проживала в послевоенные годы его мать, Анна Ивановна, на Аллее Героев установлен портрет Николая Яшина.

Памятная плита в Могилёве

Бюст Николая Яшина
в Малоархангельске

Памятная стела в Семёновке (Украина)

В Белоруссии, в городе Могилёве, на пилоне моста через Днепр в центре города (Ленинский район), размещена величественная мемориальная доска с его барельефом.

И, наконец, на родине Героя, в Малоархангельском районе, Николаю Ивановичу Яшину установлены сразу два памятника. Первый – у Дома культуры в деревне Александровка Ленинского сельского поселения. Второй – в Парке Победы города Малоархангельска.

Славяне помнят своих Героев!

Малоархангелец, которого белорусы своим считают

(полный Кавалер ордена Славы Валентин Мишин)

Иногда об участии человека в войне известно гораздо больше, чем о его мирной жизни и деятельности, пусть и воевал он очень недолго. Всего полгода, к примеру, как уроженец деревни Арнаутовой Малоархангельского уезда Валентин Мишин.

«Жив буду – увидимся...»

Он появился на свет 5 марта 1922 в обычной крестьянской семье, закончил начальную школу, а потом ходил за семь вёрст в «семилетку» соседнего села Дубовик. Летом помогал родителям по хозяйству. Дальше сведения по биографии Валентина Мишина – только отрывочные, пунктирные: фабрично-заводское училище в Ростове-на-Дону, работа слесарем и трактористом в Каменской МТС Малоархангельского района. Как и когда судьба занесла его в Белоруссию – не известно: то ли перед войной уехал на заработки, то ли угнали его вместе с другими малоархангельцами оккупанты при отступлении из наших краёв. И потом пришлось Валентину ещё целый год ждать освобождения, прежде чем 21 июля 1944 года Бобруйский райвоенкомат призовёт его в Красную Армию.

Полный кавалер ордена Славы Валентин Мишин

В первый же день Валентин написал домой – матери, Ульяне Дмитриевне, и родственникам: *«Здравствуйте, мои родные! Шлю вам горячий красноармейский привет. Я нахожусь в частях Действующей армии... Жив буду – увидимся, а убьют – получите тогда письмо из штаба моей части. Мои родные, писать кончаю. Пишу очень быстро и на земле. Разберёте ли Вы моё письмо или нет. Хотелось узнать: кто где находится...».*

Обучение пулемётному делу было недолгим, и уже в августе наводчик станкового пулемёта 954-го стрелкового полка 194-й стрелковой дивизии красноармеец Мишин участвует в боях на

территории той же Белоруссии, а вскоре – и в Польше. 15 августа 1944 года Валентин отправляет уже третье письмо домой: *«Мои родные, пишу письмо прямо с фронта, всего 150 метров от немца. Пока жив и невредим. Только плохо одно, что от вас нет ни одного письма, и ничего про вас не знаю: кто жив и кого нет. В этом письме я вам сообщаю о своей благодарности за отличие в бою с немцами за три дня».*

Спустя две недели, 29 августа, Валентин Мишин сообщает родным, что получил, наконец, от них два письма, а за это время его наградили орденом Красного Знамени. Награда очень высокая, которая вручается за выдающиеся подвиги. И по времени именно она, если судить по письму, была первой. Но по официальным документам, представленным на сайте «Подвиг народа», этого ордена у Валентина Мишина не значится.

В Польше, у деревень Гордзелька и Бобы

Зато через месяц с небольшим, 10 октября, командир 954-го стрелкового полка, гвардии майор Орлов, представил своего бойца к награде, о которой имеется информация. Цитирую наградной лист: *«Товарищ Мишин в боях с 5 по 7 октября 1944 года, при прорыве сильно укреплённой обороны противника в районе населённого пункта Гордзелька, Варшавского воеводства* (мне не удалось выяснить, как Гордзелька называется в настоящее время и где именно располагается – А.П.), *после артподготовки, выдвинулся вперёд и шквальным огнём пулемёта расстрелял 10 убегавших гитлеровцев. При отражении контратаки врага товарищ Мишин действовал смело и решительно, подпускал немцев на близкое расстояние и ураганным огнём косил немецких захватчиков…».*

Приказом частям 194-го стрелковой дивизии от 14 октября 1944 года красноармеец Валентин Мишин был награждён орденом Славы III степени.

А уже через 10 дней он отличился вновь – в том же Варшавском воеводстве, но у другого населённого пункта под названием Бобы (деревня Бобы (Boby) сейчас находится в Мазовецком воеводстве, в повяте (уезде) Пултуск, гмине (волости) Пултуск. Она расположена посередине между городами Пултуск и Макув Мазовецки – А.П.), где огнём своего пулемёта Мишин *«подавил огонь трёх пулемётных точек противника, чем способствовал успеху нашего соединения».*

А на следующий день, 25 октября 1944 года, при форсировании реки Пелта (небольшая река, приток реки Нарев –

А.П.), в районе населённого пункта Клеще-Ново Варшавского воеводства, когда выбыл из строя командир пулемётного расчёта, *«товарищ Мишин в разгар боя принял на себя командование пулемётным расчётом и, преодолев водное препятствие, …выдвинулся в район шоссейной дороги. В этом бою, уничтожив 12 немецких солдат и офицеров…»,* Мишин со своим расчётом самым первым, при поддержке стрелкового взвода, *«оседлал шоссейную дорогу, идущую на Пултуск»* (старинный польский город, расположенный в 60 километрах севернее Варшавы – А.П.).

Приказом по 48-й армии от 13 ноября 1944 года за мужество и отвагу, проявленные в боях под Варшавой, красноармеец Валентин Мишин был награждён орденом Славы 2-й степени.

50 немецких солдат и офицеров – за день боя

К началу победного, 1945-го, года наш земляк получил повышение и по званию, и по должности – «младший сержант, командир пулемётного расчёта»…

16 января состоялся его очередной подвиг, причём, всё в том же Варшавском воеводстве Польши, только в другом – Макувском уезде, в районе населённого пункта Осница, сильно укреплённого гитлеровцами в инженерном отношении. Но героический младший сержант Мишин огнём своего пулемёта способствовал успешному захвату деревни. Но фашисты не хотели с этим мириться, *«любой ценой старались восстановить положение»* и вернуть себе Осницу, для чего *«предприняли ряд ожесточённых контратак».*

«Младший сержант Мишин успешно отразил огнём своего пулемёта три контратаки немцев. Из расчёта он остался возле пулемёта один – всех (остальных) выбили по ранению. Враг предпринял четвёртую контратаку в твёрдой надежде овладеть деревней Осница. На пулемёт товарища Мишина двигалась цепь немцев численностью до взвода. Спокойно подпустив немцев на близкое расстояние, товарищ Мишин уверенно открыл смертельный огонь по врагу, в результате чего ни один гитлеровец не ушёл с поля боя. Стрелковая рота при поддержке станкового пулемёта товарища Мишина успешно осуществила прорыв обороны противника на своём участке наступления.

За день боя пулемётный расчёт товарища Мишина истребил 50 немецких солдат и офицеров*».* Кстати, в справочных материалах на сайтах «Герои страны» и в «Википедии» почему-то говорится о трёх отбитых контратаках вместо четырёх

и о 20 истреблённых фашистах – вместо пятидесяти (просто авторы не дочитали один абзац в наградном листе – А.П.).

Это был, несомненно, выдающийся результат и успех нашего земляка, и командир 954-го стрелкового полка гвардии майор Орлов в третий раз всего лишь за три месяца подписал наградной лист на награждение командира расчёта станкового пулемёта Валентина Мишина третьим орденом Славы, уже высшей, 3-ей, степени.

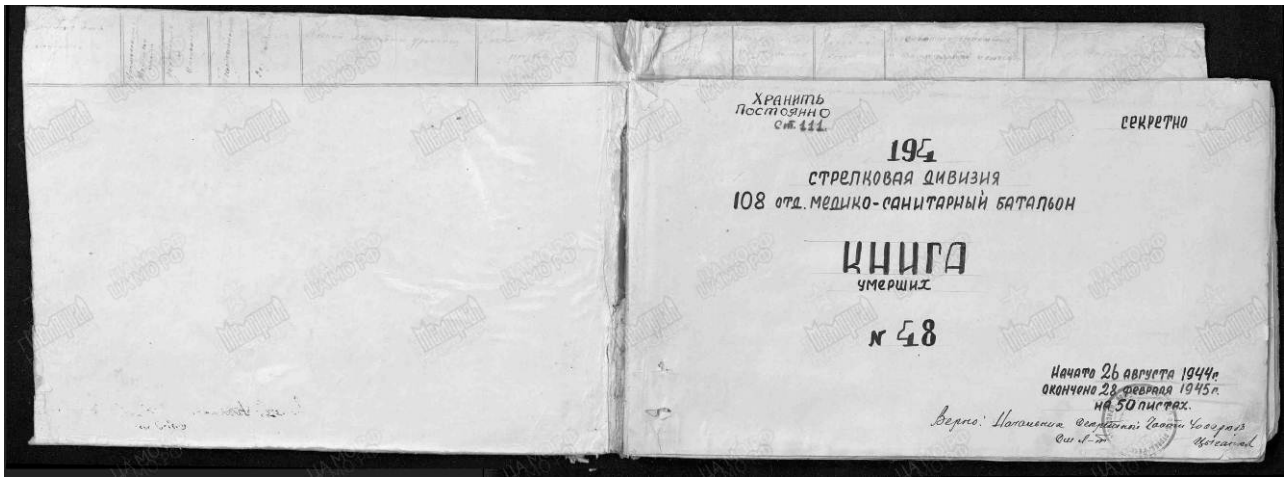
И вот здесь, уважаемый читатель, начинаются некоторые странности в документах, имеющих отношение к посмертной судьбе и биографии Валентина Фёдоровича Мишина. На сайте «Герои страны» и в «Википедии» – два одинаковых текста, где повторяется дата его смерти после ранения – 16 января 1945 года, в том самом бою под деревней Осница, которая значится и местом захоронения героя.

Между тем, на сайте ОБД.Мемориал.ру выставлены два документа, в которых дата кончины пулемётчика Мишина совсем другая – 28 января 1945 года. Косвенно подтверждает это наградной лист на третий орден Славы. Командир 954-го стрелкового полка, гвардии майор Орлов, подписал его 19 января 1945 года, и в нём, в пункте 8, прямо сказано – *«ранений и контузий не имеет».* То есть, на момент написания наградного листа младший сержант Мишин по-прежнему оставался «везунчиком», и смертельное ранение было получено им уже после 19 января и, естественно, в другом бою.

Вплоть до 19 января 1945 года 53-й стрелковый корпус, в составе которого сражалась 194-я стрелковая дивизия, вёл бои, освобождая территорию Польши севернее Варшавы, а потом пересёк бывшую государственную границу с Восточной Пруссией и вступил на территорию Германии.

С 27 января находившиеся здесь гитлеровские части предприняли крупное контрнаступление, пытаясь вырваться из полу-окружения. Развернулись ожесточённые бои, в которых 194 стрелковая дивизия, наряду с соседями, пыталась остановить немцев. Это удавалось не везде и не всегда. Потери были серьёзными, и 108-й отдельный медико-санитарный батальон 194-й СД в эти дни был переполнен. Находился он в течение нескольких дней в 16 километрах восточнее небольшого городка Морунген (ныне – город Моронг на севере Польши, в Варминьско-Мазурском воеводстве, в 55 км от границы с Калининградской областью России – А.П.).

Именно в нём 28 января 1945 года скончался, согласно «Книге учета умерших по 108 ОМСБ (28.08.1944 – 28.02.1945)», младший сержант Валентин Мишин. Похоронили его в один день вместе с ещё пятнадцатью воинами 194 стрелковой дивизии, умершими после тяжёлых ранений. Место захоронения обозначено в документе так: «На территории Восточной Пруссии, господский двор Клобен, что в 16 километрах восточнее города Морунген». Вообще в данном господском дворе (в принципе, это хутор – А.П.) за период с 26 января по 2 февраля 1945 года в восьми братских могилах были погребены 47 бойцов дивизии. Валентин Фёдорович Мишин – «в могиле № 2, четвёртый ряд, первый слева».

Хранить
Постоянно
ст. 111.

Секретно

194
стрелковая дивизия
108 отд. медико-санитарный батальон

КНИГА
умерших

№ 48

Начата 26 августа 1944г.
окончено 28 февраля 1945г.
на 50 листах.

Верно: Начальник секретной части Чекурда
Ст. л-т
Котельников

Именно такая пунктуальность в записи погребальной команды позволяет сделать вывод, что пулемётчик Мишин упокоился именно в этом месте. Хотя существует и ещё одна запись относительно его смерти, где сказано, что он умер от ран 28 января 1945 года и похоронен в деревне Новая Весь Пултусского уезда Варшавского воеводства. Этот населённый пункт расположен значительно южнее Морунгена и был освобождён частями 194-й стрелковой дивизии ещё 17 января. Скорее всего, запись внесли задним числом, без получения штабом дивизии документа из 108-го отдельного медсанбата.

Но совершенно ясно одно: Валентин Мишин скончался от ран не 16, а 28 января, и похоронили его точно не в Оснице. Вопрос же о том, где в настоящее время находятся его останки, остаётся открытым, потому что в послевоенной Польше проводились многочисленные перезахоронения из небольших братских могил в крупные захоронения и, вполне возможно, его имени нет ни на одной из плит.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за образцовое выполнение заданий командования в

боях с немецко-вражескими захватчиками младший сержант Мишин Валентин Фёдорович был посмертно награждён орденом Славы 1-й степени, став его полным кавалером. В марте уроженцу малоархангельской земли исполнилось бы 22 года. Он так и остался «вечно молодым». У его матери, Ульяны Дмитриевны, и сестры Анастасии в послевоенные годы хранилось несколько писем Валентина. В начале 70-х годов они были опубликованы в малоархангельской газете «Звезда».

В Белоруссии некоторые местные историки даже посчитали Валентина Мишина своим уроженцем: призывался-то он, в Красную Армию действительно Бобруйским райвоенкоматом. Но мы точно знаем, что Полный и единственный из малоархангельцев кавалер ордена Славы – появился на свет в деревне Арнаутово, и там о Мишине помнят до сих пор.

Нет пророка в своем Отечестве
(скульптор Иван Семеновский)

У человека, о судьбе которого я сейчас беседую с его сыном, – обычное, самое распространённое русское имя – Иван. К тому же родом он из села с почти таким же названием – Ивань (Малоархангельского района). Но вот что касается всего остального в жизни Ивана Алексеевича Семеновского – её никак нельзя назвать обыденной и скучной.

Начну с семейной легенды, которую рассказал мне мой собеседник, Александр Иванович Семеновский, сын моего героя.

Семеновский Иван Алексеевич

Лет 200 тому назад местный помещик, получив задание по рекрутскому набору, отобрал несколько десятков крепких и рослых мужиков и сказал им: «Фамилия всем вам – СемЁновский» и направил их всех в лейб-гвардии Семёновский полк, один из самых известных в российской императорской армии.

У предка Семеновских, согласно ещё одной легенде, была уникальная особенность, которая сохранилась и до настоящего времени – при любом ранении кровь быстро прекращала течь, стоило только над раной

чуть рукой подержаться. По научному – повышенное содержание гемоглобина – способствовало этому удивительному процессу.

С течением времени фамилия поменяла ударение, и стала произноситься – СеменОвский, один Бог знает – почему. Уроженец села Ивань Иван Семеновский, внук одного из тех рекрутов, родился уже при Советской власти, в 1922 году, закончил местную школу, а потом и Малоархангельское педагогическое училище, в которое отпускать его из колхоза не хотели, но талант всё-таки уважили: рисовать умел Ваня классно.

Начал Иван Алексеевич учительствовать в малоархангельском селе Архарово, но вскоре призвали его в Красную Армию. «Закончил отец в Кишинёве танковое училище», – говорит Александр Иванович, – «а тут война началась».

Старшина, а потом лейтенант, командир танкового взвода, Иван Семеновский воевал храбро и умело. Под Сталинградом отличился, а за бои на Орловско-Курской дуге был удостоен ордена Отечественной войны II степени. Своих бойцов берёг, что потом ему боком и вышло.

Как-то во время одной из мирных передышек в освобождённом городке нашли бойцы лейтенанта томик стихов Есенина. Увлёкся им Иван Алексеевич, всюду в вещмешке с собой носил. Кто сообщил в особый отдел об увлечении лейтенанта, сам Семеновский так и не узнал. «Дело» в начале 1944 года сочинили сразу, прибавив к нему и то, как командир взвода объяснял своим танкистам с «тридцатьчетвёрок» наиболее уязвимые места «тигров» и «пантер». Сочли это восхвалением вражеской техники. Статья 58 и 10 лет – таким было наказание для молодого офицера.

«Что было дальше – описано во многих лагерных романах и мемуарах. Но это – жизнь моего отца, говорит Александр Иванович, – и потому его рассказ я помню до сих пор.

Зима, начало 1944 года. Подмосковье. На морозном перроне на коленях стоят несколько сотен солдат. В лицо дышат немецкие овчарки, в затылок дуло автомата. Враги народа. Те самые «враги народа», которые до последнего бились на Орловско-Курской дуге, которые не дали Паулюсу взять Сталинград. Иван Семеновский в их числе.

Его, как и остальных, отправили валить лес. Заготовка дров для отопления различных предприятий Подмосковья и Москвы. Условия не лучше, чем у фашистов в концлагерях. Приходилось пилить деревья по колено в болоте. Из удовольствий – пресная похлебка и короткий сон. Кто не справлялся с прописанной

нормой, тому ее увеличивали. «Доходяг», кто физически уже не мог работать, кому была одна дорога, – в лазарет – расстреливали.

Более двух лет Иван Алексеевич проработал на лесоповале, пока ему не представился уникальный шанс. Один из командиров отряда в лагере был польских кровей. Как-то он спросил у Ивана: – Фамилия у тебя интересная, ты случаем не поляк? – Да, поляк – соврал солдат. – Может, какие поблажки будут, подумал он – смеется Александр Иванович, вспоминая слова отца. Так и случилось. Начальник намекнул Ивану, что вечером дверь в его кабинет будет открыта, ящик в столе тоже. – Там заполненный бланк об освобождении. Подумай».

То ли честность, то ли опаска заставили Ивана, все же, отказаться от этого шага. Зато он совершил не менее дерзкий поступок: написал письмо самому Сталину. Так, мол, и так, сижу не заслуженно. Воевал честно, кровь проливал, а за томик Есенина «десятку тяну». Через одну девчонку-надзирательницу передал письмо, а та отправила в Москву.

– Не надеялся он и не верил, была – не была – снова вспоминает Александр Иванович. А тут сон снится ему, Николай Угодник является и говорит: «Не бойся Вань, отпустят тебя завтра». А через пару дней ответ за подписью вождя приходит: освободить. – Глаза у начальника лагеря, чуть на лоб не вылезли – улыбается Александр Иванович. Что ж поделать, пришлось освободить.

После возвращения домой и реабилитации Иван Алексеевич устроился в малоархангельскую среднюю школу учителем черчения, рисования и военной подготовки, прививал детям чувство прекрасного. Параллельно работал на земле, избавляя край от послевоенной разрухи. На радостях от освобождения, в благодарность вождю, стал массово лепить бюсты Сталина. Впрочем, не только его.

Его скульптурные портреты русских и советских писателей: А.С. Пушкина, А.А. Фета, И.С. Тургенева, И.А. Новикова, С.А. Есенина, портреты матери Есенина, жены Пушкина Натальи Гончаровой не оставляли равнодушными никого, кто их видел.

В далеком норвежском Бергене находится портрет Сольвейг – тоже работа малоархангельского скульптора.

Участник Великой Отечественной войны, Иван Алексеевич Семеновский не мог пройти мимо её героев, поэтому он создал портреты летчиков Марины Чечневой (своей землячки) и Валерия Чкалова. Бюст майора Жан-Луи Тюляна находится во Франции, в музее «Нормандия Неман», а бюст генерала Ивана Петрова – в

экспозиции музея героической обороны и освобождения Севастополя.

Всю жизнь свою Иван Алексеевич преклонялся перед великим русским поэтом Пушкиным: «Александр Сергеевич Пушкин — манящая звезда. Звезда, далекая по времени и близкая по значению», — сказал Семеновский в июле 1986 года на празднике, посвященном дню рождения поэта. И не случайно в Малоархангельске, в центре города, установлен памятник Пушкину. Изваял его и установил самолично И.А. Семеновский.

Один из бюстов скульптора – Зоя Космодемьянская

Памятник Пушкину в Малоархангельске

Иван Алексеевич оставил городу и еще один дар. Он спроектировал Парк Победы, в котором установлены бюсты малоархангельцев — Героев Советского Союза.

К сожалению, лишь одна персональная выставка была организована при жизни скульптора Семеновского – в сентябре 1988 года в выставочном зале Орловской организации Союза художников РСФСР. На выставке было представлено более 30 произведений скульптора. Но умер малоархангельский самородок в 1999 году, так и не удостоившись официального признания Орловского отделения союза художников.

«Хочу, чтобы мои работы стали достоянием народа», – об этом мечтал Иван Алексеевич Семеновский. Его мечты, к сожалению, так и не осуществились в полной мере.

Одно утешает. Оба сына Ивана Алексеевича стали учителями и работают в том же городе Малоархангельске. А одна из внучек несколько раз участвовала в конкурсе, который проводил Андрей Ильич Курнаков, и удостоилась I места и Курнаковской премии.

Так что жизнь Ивана Семеновского прошла не напрасно. Просто хотелось бы большего признания этого замечательного художника *(Роман Полынкин)*

Фомкины из деревни Елизаветино

Трудно встретить в наше время человека, который бы хоть раз не услышал выражение «Фома неверующий». И практически всякий сразу понимает, что речь пойдёт о персонаже, которого очень трудно заставить поверить чему-нибудь, даже самому очевидному. Правда, не все знают, что возникло это выражение из евангельской легенды о том, как один из апостолов, галилейский рыбак Фома, не поверил в воскресение распятого Христа.

О Фоме без Ерёмы

Само имя (в переводе с арамейского) означает *«близнец»,* и оно было очень популярно в России в XIX – начале XX века, особенно в провинции и на селе. Но в настоящее время встретить Фому в жизни – большая удача (лично мне не доводилось – А.П.). От этого апостольского имени произошло множество русских фамилий. Самая популярная, в том числе и на Орловщине – Фомины. Они встречаются практически в каждом районе области.

А вот Фомкины – гораздо более редкая фамилия. Деревня Головянка Залегощенского района (ныне исчезнувшая), посёлок Гусев и село Корсаково одноименного района, деревня Волково Мценского района, деревни Никуличи, Малорыбинка, Апухтино и посёлок Цуканы Свердловского района, деревня Елизаветино Малоархангельского района – вот, пожалуй, все населённые пункты, в которых компактно проживали её представители.

Я поведу речь о большом семействе Фомкиных из деревни Елизаветиной, что уютно расположилась когда-то в верховье ручья, впадающего в Неручь. Одна из местных жительниц рассказала мне легенду о возникновении этого населённого пункта.

Семейство Фомкиных у своего дома в д. Елизаветиной

В обмен на собаку

Итак, в самом конце XVIII века малоархангельская помещица, фамилия которой растворилась во времени, но зато осталось известным имя – Елизавета – обменяла одну из лучших своих охотничьих собак на пять семей крепостных крестьян, принадлежавших брянскому помещику Коккореву, и поселила их на территории Малоархангельского уезда, по обоим берегам безымянного ручья, правого притока реки Неручь.

Так было положено начало владельческой деревне, получившей название Елизаветина (Елисаветина – так писали тогда). Это было основное, главное имя деревни, но частенько и сами елизаветинцы, и соседи их называли населённый пункт ещё и Коккорева (что время от времени вызывало путаницу).

В XX веке, перед самой коллективизацией, число дворов в Елизаветиной превысило уже 50, а жителей насчитывалось 276 человек.

Было среди них несколько семей, носивших фамилию Фомкины – все близкие родственники. Предок их происходил как раз из числа тех крепостных, которых барыня Елизавета у брянского помещика на собаку обменяла.

У Петра Фомкина, продолжателя рода, и его жены Пелагеи, кроме дочерей, родилось четыре сына: Дмитрий, Андрей, Сергей, Илья. Они и положили начало многочисленному, разветвлённому семейству.

До 20-х годов XX века все Фомкины жили в родной деревне, крестьянствовали – особым богатством не отличались, но и не бедствовали. В период столыпинских аграрных реформ женился старший из сыновей, Дмитрий, и у него один за другим родилось три сына – Сергей, Андрей и Иван.

А в 1915 году призвали Дмитрия Фомкина в царскую армию, на Первую Мировую войну. Воевать довелось немного, в плен попал уроженец Елизаветиной, домой возвратился только в 1918 году, уже после двух революций. Неженатые братья его семье пропасть не дали, всё это время помогали невестке и племянникам.

В годы гражданской войны уже в Красную Армию призвали Сергея Петровича Фомкина. Воевал он честно, служил добросовестно, а когда его в «органы» направили,— в Москве обосновался, да так осел крепко, что семье своей, остававшейся в деревне, решил помочь избавиться от лишних ртов. К этому времени младший брат Илья уже женился, двух детей имел, вот его-то семью и позвал к себе в Москву Сергей Петрович.

Так к концу 20-ых годов XX века двое старших братьев Фомкиных в Елизаветиной продолжали хозяйствовать, а двое младших в Москве обосновались.

Защитники Родины

Когда началась Великая Отечественная война, призвали в июне-июле 1941 года в Красную Армию сразу четверых Фомкиных – Андрея, Ивана (детей Дмитрия Петровича), Леонида и Дмитрия (детей Ильи Петровича). Трое: Леонид Ильич, Дмитрий Ильич и Андрей Дмитриевич Фомкины – пропали без вести один за другим в 1941–1943 годах.

Из четверых ушедших первыми на фронт в живых остался один только Иван Дмитриевич («Судьба!»— как любил потом он говаривать). Старший сержант, командир орудия 4-й батареи 909-го артиллерийского полка 336-й стрелковой Житомирской дивизии, он прошёл всю войну, был награждён орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу». Вот выписка только из одного его наградного листа: *«В боях под деревней Холмищи Орловской области товарищ Фомкин своим орудием уничтожил миномётную батарею и подавил тяжёлую артбатарею*

противника. В боях под д. Векшино Калининской области участвовал в отражении танковой контратаки противника и своим орудием уничтожил один танк. Под д. Холм-Рогачёвский его орудие прямой наводкой уничтожило: два блиндажа, одну пулемётную точку и один наблюдательный пункт противника. Командир 909 артполка подполковник Гнедковский».

Кавалер медали «За отвагу» Николай Фомкин

День Победы старший сержант Иван Фомкин встретил в Чехословакии.

После освобождения в феврале 1943 года частями 148-й стрелковой дивизии деревни Елизаветиной призвали на фронт и переживших оккупацию ещё двоих Фомкиных – Сергея Дмитриевича и Николая Андреевича. Им повезло – оба остались живы. Сергей Дмитриевич попал в пехоту, воевал вторым номером станкового пулемёта и уже в родном Малоархангельском районе получил тяжёлое ранение в руку. После госпиталя признанного инвалидом Сергея Фомкина комиссовали, признав негодным к военной службе.

19-летний Николай Фомкин на фронт попал в самом конце войны. Красноармеец, автоматчик 745-го стрелкового Станиславского полка 141-й стрелковой Киевской Краснознамённой ордена Богдана Хмельницкого дивизии, он участвовал в боях по освобождению Чехословакии. За два дня до Победы, *«ликвидируя немцев, засевших в бункерах в селе Пасоглавки, 7 мая 1945 года, тов. Фомкин захватил в плен немецкого офицера»,* за что был удостоен медали «За отвагу».

Фомкин Николай Андреевич, его жена Александра Афанасьевна (Фомкина) и сын Николай

Итог войны для семейства Фомкиных – трое пропавших без вести, один – инвалид, двое возвратились живыми и не искалеченными.

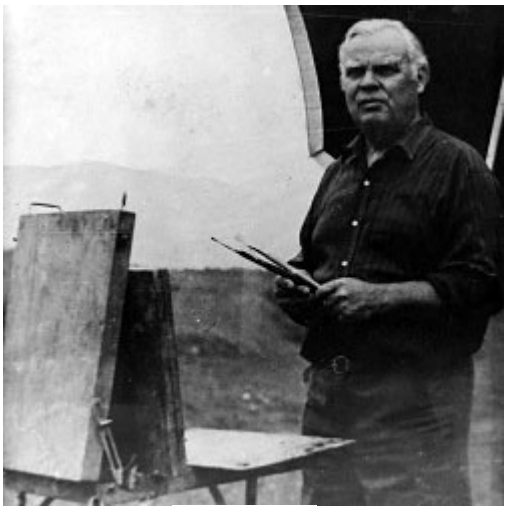
Председатели

Два вернувшихся домой фронтовика – Сергей Дмитриевич и Иван Дмитриевич Фомкины были (по очереди) председателями в елизаветинском колхозе «Память Ильича», а все остальные члены их семейств работали там, куда пошлют. Вкалывали, не покладая рук, восстанавливая разрушенное хозяйство – и восстановили!

Прошедший всю войну Иван Фомкин зимой 1955-ого года, спешил по председательским делам из Елизаветиной в Малоархангельск. Испугавшаяся чего-то лошадь вдруг понесла. Пытаясь успокоить её, Иван спрыгнул с саней и попытался остановить животину, но был буквально проткнут санной оглоблей. Пройдя всю войну, он за 4 года ни разу не был ранен, а тут такая нелепость в 30 лет! Тоже судьба!

Народный художник России

После смерти Ивана Дмитриевича постепенно разъехались Фомкины из Елизаветиной – в соседние Малоархангельск и Глазуновку, в Москву. Нигде не затерялись – всюду смогли и на хлеб заработать, и себя показать. Самым известным из Фомкиных стал Александр Ильич – народный художник России, заслуженный художник РСФСР, профессор, кандидат искусствоведения, преподаватель Московского государственного художественного института имени В.И. Сурикова.

Художник
Фомкин Александр Ильич

Я думаю, о такой известной личности стоит рассказать подробнее. Будущий художник родился в деревне Елизаветиной 8 сентября 1924 года и был третьим сыном в семье Ильи Петровича и Екатерины Никитичны Фомкиных. В 1929 году семья перебралась в Москву, где к этому времени уже жил и работал старший брат Ильи Петровича, Сергей.

Несмотря на то, что Саша Фомкин покинул родную деревню в пятилетнем возрасте, он позже признавался, что *«…долго ещё потом поющих жаворонков во сне видел и слышал»*. Любовь к природе осталась в его сердце навсегда, и именно это привело мальчика к живописи. Школьные учителя поощряли занятия Александра, и после окончания семилетки в 1939 году он поступил в Московскую среднюю художественную школу.

Учился вместе с В. Ивановым, Г. Коржевым, А. Сухановым, П. Оссовским и другими, составившими впоследствии знаменитый первый военный выпуск 1944 года.

Да, несмотря на войну и тяжелейшие испытания, Советская власть не отправила на фронт, сберегла своих талантливых художников, многие из которых спустя годы прославили свою родину замечательными живописными полотнами.

Между тем, два старших брата Александра Фомкина, Дмитрий (1918 года рождения) и Леонид (1922 года), будучи мобилизованными, пропали без вести: первый – в конце 1941 года, второй – летом 1942-ого. Александр Ильич помнил об этом всю жизнь *(«Я живу благодаря братьям и за братьев»* – не раз говаривал он).

По окончании художественной школы, в том же году, по рекомендации знаменитого режиссёра С.Герасимова (помните его «Молодую гвардию» и «Тихий Дон»?), Фомкин был зачислен без экзаменов по специальности в Московский художественный институт.

Когда он учился на старших курсах, то дипломная работа Александра Ильича «И.Н. Крамской и В.В. Стасов в мастерской И.Е. Репина» привлекла внимание не только его товарищей, но и известных художников, преподававших в институте.

На молодого дипломанта, а потом и аспиранта обратили внимание знаменитые Константин Юон и Павел Корин. Работая над диссертацией, А.И. Фомкин начинает преподавательскую деятельность, которая становится делом всей его жизни (без малого – 47 лет).

В 1955 году Александр Ильич получает звание кандидата искусствоведения по классу живописи (темой диссертации было полотно «Отказ Чернышевского от исповеди»).

И тут молодой кандидат наук совершил шаг, который долго не могли понять и принять его коллеги: он, вместо «нужных обществу социальных картин» ушёл туда, куда стремилась всегда его душа – в «тихую область пейзажа, натюрморта и психологического портрета».

Александр Ильич, любя среднерусскую природу, многие годы со своими студентами приезжал на летнюю практику в Торопецкий район Тверской области и в город Гороховец (Владимирской области), в окрестностях которого помогал ученикам искать ту самую красоту, которой сам он восхищался в детстве.

А во время коротких отпусков, в 60–80-е годы XX века регулярно, насколько позволяли обстоятельства, приезжал на родину, в деревню Елизаветину, где отдыхал душой и надолго набирался впечатлений для новых живописных работ (эскизов из родных мест в Москву он привозил множество). Провожал его всегда в Елизаветину из Глазуновки Николай Андреевич Фомкин – мой тесть, сохранявший самую тесную связь с родиной: в старом сарае, сохранившемся с 50-х годов, он зимой держал несколько ульев (к занятию пчёлами его ещё до войны приучил отец, и Николай Андреевич в последние годы жизни увлёкся пчёлами очень серьёзно).

Александр Ильич любил писать натюрморты с полевыми и лесными цветами, старался запечатлеть их естественную красоту. Его цветы дышат сладостью нектара, чистотой росы, чарующим ароматом.

Но поскольку художнику Фомкину был близок дух восторженного преклонения перед природой, то натюрморт в его искусстве оказывается естественно связанным с пейзажем, при написании которого он придавал большое внимание малейшим деталям.

Картина Александра Фомкина «Родина»

Александр Ильич преклонялся перед И. Шишкиным, находя в его творчестве примеры высокого мастерства. Но картины и самого художника Фомкина представляют собой высокое искусство, он был Мастером, исповедовавшим подлинный культ натуры. И если сейчас в нашем искусстве живописи продолжает сохраняться здоровое начало реализма, то в этом – немалая заслуга Александра Ильича Фомкина.

С 1953 года и до последних дней жизни он преподавал живопись в Московском художественном институте имени В. Сурикова, был постоянным участником всероссийских и зарубежных выставок. Картины А. Фомкина находятся во многих художественных музеях России и за рубежом (во Франции, в Германии, Италии, Англии).

Картина Александра Фомкина «В деревне»

Последняя большая выставка работ Александра Ильича была организована уже после его смерти – она торжественно открылась 3 октября 2005 года в музейно-выставочном комплексе Московского академического художественного лицея Российской Академии Художеств (на Крымском валу).

Думаю, что теперь можно было бы организовать подобную выставку и на родине художника, в Орловском музее изобразительных искусств – Александр Ильич Фомкин это давно заслужил.

Нет теперь в живых Александра Ильича Фомкина, скончался и намного раньше, чем сам предполагал, мой тесть-фронтовик. Но родовое место в деревне Елизаветиной с недавних пор снова обрело хозяев – там устроил себе дачу один из проживающих в соседнем Малоархангельске Фомкиных, родившийся здесь.

Памятная плита художнику А.И. Фомкину

Виктор Фомкин у памятника генералу И. Архипову в д. Елизаветиной

Возвращение к корням

И это правильно: надо всегда возвращаться к своим корням! И не просто возвращаться, а восстанавливать историческую память. Именно поэтому Виктор Иванович Фомкин, сын бывшего председателя елизаветинского колхоза Ивана Дмитриевича Фомкина и племянник народного художника России Александра Ильича Фомкина – на свои средства, с помощью односельчан и всех неравнодушных малоархангельцев, в 2009 году установил на родовой усадьбе памятный знак – камень, с мраморной плитой, увековечив известного деятеля искусств.

Памятник Александру Ильичу Фомкину в Елизаветино

Мастеру замечательных пейзажей, многие из которых посвящены родным местам, Александру Ильичу Фомкину 8 сентября 2019 года исполняется 95 лет. И его помнят – не только в Москве и в Суриковском институте, но и в родных местах.

А Виктор Иванович Фомкин, сделав благое дело, через пару лет в родной деревне памятный знак ещё одному знатному елизаветинцу поставил – генерал-лейтенанту И.Ф.Архипову. А потом, узнав, что его одноклассник, Юрий Черкасов, член Орловского отделения Союза художников России, уже несколько лет на свои средства, сам, лично, восстанавливает разрушенную Покровскую церковь в малоархангельском селе Лески, решил помочь товарищу. И теперь уже двое одержимых трудятся во славу Божию и на восстановление исторической памяти. Думаю, у них получится, тем более что Фомкины начатого хорошего дела никогда не бросают. Такие они, Фомы верующие!

И Бог им в помощь!

Луничевы из деревни Елизаветиной

В ночь на 23 февраля 1943 года никто из членов большой семьи Луничевых, жившей в малоархангельской деревне Елизаветино, не собирался спать. Уже несколько дней в районе города Малоархангельска шли тяжелые бои: части 148-ой стрелковой дивизии, преодолевая сопротивление гитлеровцев, вот-вот должны были ворваться на городские окраины. Канонада от стрельбы разнокалиберных орудий доносилась и до Елизаветиной (расстояние-то всего пять километров).

Немцы, которых в деревне обычно было немного, за последнее время буквально наводнили селение и к чему-то лихорадочно готовились. Луничевым раньше других стали понятны замыслы фашистов: под углы их дома, центральная часть которого была каменной, немецкие саперы заложили полтора десятка снарядов.

«Готовятся взорвать в случае отступления» – объяснил жене и старшим детям глава семейства, Афанасий Петрович. «Надо на ночь уходить в огороды, снег глубокий, окопаемся», – скомандовал привыкший руководить местным колхозом «Память Ильича» Луничев.

Через полчаса, постаравшись вынести из дома все самое нужное имущество, выведя из сарая кормилицу-корову Тамару, все Луничевы: Афанасий Петрович, Дарья Поликарповна и семеро их детей (младшему, Виктору, шел третий год) укрылись в заснеженном огороде. Их односельчане поступили также.

Успев за ночь основательно замерзнуть, все елизаветинцы под утро убедились, что поступили правильно: фашисты стали жечь деревню, и огромное зарево, охватившее полнеба, освещало серые шинели поджигателей, перебегавших от дома к дому.

Скоро заполыхала и луничевская хата. Быстро сгорели деревянные сенцы, выгорела соломенная крыша, остались только четыре каменных стены центральной части. Но, по какой-то причине снаряды, заложенные заранее, так и не взорвались. Зато внутри дома началась вдруг беспорядочная винтовочная стрельба: от огня сдетонировали патроны, которые один из гитлеровцев забыл в горшке на подоконнике.

По всей видимости, за деревню, не имевшую оборонительных позиций, гитлеровцы цепляться не собирались, но бой за нее, достаточно кровопролитный, хотя и кратковременный, был (братская могила на окраине Елизаветиной – как постоянное напоминание о советских солдатах, отдавших здесь свои жизни – А.П.).

Здесь, у д. Елизаветиной, проходила линия фронта
(наши окопы ещё видны - и 75 лет спустя)

К середине дня в Елизаветиной, в которой не осталось ни одного целого дома, местные жители встретили, наконец-то, наших.

Продвинуться дальше деревни советским частям не удалось, и линия фронта пролегла почти сразу за сожженными домами.

Здесь – с конца февраля по начало июля 1943 года советские и немецкие войска сидели в обороне, время от времени испытывая друг друга в боях местного значения.

И в этих боях каждый раз пополнялось число тех, кто ложился в сырую землю братских могил у деревни Елизаветиной (результат одного из таких боев мая 1943 года увидели две сестры Луничевы – Настя и Шура, вернувшиеся ненадолго в родную деревню: десятки убитых воинов вперемешку с конскими трупами).

Жителям Елизаветиной, оказавшимся без житья и в прифронтовой полосе, пришлось уходить из деревни в тыл советских войск.

Семейство Луничевых пошло пешком к своим родственникам в д. Приволье (тоже рядом с Малоархангельском, но с другой стороны, на окраине небольшого леса): Дарья Поликарповна – на 6-ом месяце беременности, 18-летняя Настя, 16-летняя Шура, 12-летний Николай, 10-летний Леонид, 8-летний Анатолий, 5-летний Вася и 2-летний Виктор.

Братская могила в д. Елизаветиной

Но Луничевы шли сюда уже без Афанасия Петровича: бывший председатель колхоза, оставленный в 1941 году по «брони», после

освобождения, уже 24 февраля, был призван в ряды Красной Армии.

Он успел еще раз увидеть свою семью – через два дня отпросившись на пару часов с передовой (тогда он воевал прямо за домами деревни). А уже с конца февраля и до начала Курской битвы Афанасий Петрович сражался с фашистами на другом участке – у села Протасово – тоже Малоархангельского района.

Его же большая семья, перебралась сначала в Приволье, потом оказалась в деревне Подгородней, но оттуда вскоре, в ожидании летних боев, уехали все местные жители. Пришлось уезжать и Луничевым, им чуть повезло – их самих и небольшой скарб погрузил на полуторку сосед-шофер и отвез их на станцию Возы (это уже Золотухинский район Курской области).

Луничев Виктор Афанасьевич

Луничев Леонид Афанасьевич

Луничева (Фомкина) Александра Афанасьевна

Луничев Николай Афанасьевич

Луничев Анатолий Афанасьевич

Уже знакомый путь сестры Луничевы, ведя корову, проделали пешком до станции Возы за три дня, ночуя, где придется.

Когда Настя и Шура присоединились к своим, то увидели, что число детей в семье увеличилось на одного: Дарья Поликарповна Луничева 20 мая родила восьмого ребенка – дочь Машу.

Жить в Возах пришлось в одном доме с железнодорожными рабочими, где тягуче пахло мазутом и смолой. Были проблемы с едой, но выручала корова.

Через пару дней Луничевых вдруг навестила тетка Наталья из Приволья (жена брата их отца). Она уехала обратно, пообещав помочь, и через сутки вернулась на лошади.

Дарья Поликарповна и дети сели в большую «бестарку», имущество погрузили в «дрожки», за которыми шла корова Тамара.

Через несколько часов Наталья Федоровна доставила семейство родственников в деревню Седьмиковка, где жили многие елизаветинские беженцы).

Было начало июня, местные праздновали Троицу. Поселились Луничевы у солдатки Вали Жижиной (муж ее был на фронте, и она жила с пятью детьми – мал-мала меньше).

Гостей разместили в зале, где все они спали на полу, и сами хозяева спали в сенях.

В Седьмиковке прожили Луничевы в тесноте, правда, не в обиде, около месяца. Их односельчане – соседи, правдами и неправдами, несмотря на запреты фронтовой зоны, уехали к себе в деревню.

Решили податься домой и Луничевы. Как им это удалось – трудно сказать, но приехали они сразу же после начала наступления наших войск летом 1943 года.

Поселились в блиндаже, который на их огороде был выкопан нашими солдатами зимой 1943 года. В блиндаже пола не было, окон – тоже, находился он в полуподземелье, но сделан был из крепких дубовых бревен.

Корову Тамару поставили в сохранившиеся от сгоревшего родового дома четыре стены. Начали думать, что делать с постоянным жильем.

По примеру соседей, стали разбирать те блиндажи, в которых пока никто не жил. Взрослых мужиков в семье Луничевых не осталось, и основные тяжелые работы (при подсказке соседей-стариков) делали двое: братья Коля и Леня (первому исполнилось 14, второму – 12 лет).

Как им удавалось таскать, тесать, шиповать, поднимать на высоту тяжелые дубовые бревна, ставить венцы, стропила, крыть крышу – один Бог ведает, но за летне-осенний сезон два пацана довели дом до окон и дверей.

Зимовать, правда, пришлось-таки Луничевым снова у родственников в Приволье, у тетки Натальи, но с ранней весной вернулись на родное пепелище, где ждал их недостроенный дом.

Николай и Леонид продолжали строительные работы, а остальные трудоспособные приводили в порядок огород. Нужно было закопать блиндажное место и воронки от снарядов и бомб. Одну из таких воронок от огромной авиабомбы выравнивали почти месяц.

В деревне осталось большое число неразорвавшихся боеприпасов. Несколько соседей погибли при неосторожном обращении с ними, просто при копке огорода.

Луничевым повезло – все остались живы, но малолетние Вася и Маша получили тяжелые ранения при взрыве одной из мин.

Никто не сидел без дела – начали работать в колхозе Дарья Поликарповна, старшие Настя, Шура, средние Коля, Леня, Толя. Раскапывали вручную, с риском для жизни, нашпигованные смертоносным железом, поля, носили пешком для посевной пудовые мешки с зерном со станции Малоархангельск, сеяли вручную, косили, ухаживали за постепенно росшим колхозным стадом и – надеялись на лучшую жизнь, которая все не наступала.

Очень ждали живым отца и мужа – но с большим запозданием получили Луничевы извещение о том, что Афанасий Петрович Луничев, проявив мужество, погиб смертью храбрых на четвёртый день Курской битвы, 8 июля 1943 года. Произошло это во время кровопролитных боев между городом и станцией Малоархангельск, у села Протасово.

Похоронили бывшего председателя елизаветинского колхоза в числе сотен погибших советских бойцов в братской могиле села Протасово, самой большой в Малоархангельском районе. Недалеко ушел Афанасий Петрович от родной деревни – погиб на своей же земле.

Мне, после открытия наградных листов на сайте «Подвиг народа», удалось найти «Приказ 507 стрелковому полку 148 стрелковой дивизии» №18/н от 23 июня 1943 года, из которого я узнал, что хоть и недолго повоевал председатель Луничев, но успел награду заслужить – медаль «За боевые заслуги». Оказывается, он был снайпером, и за период с конца мая до 20 июня 1943 года убил из своей винтовки 12 фашистов.

Воинский мемориал в селе Протасово, где похоронен Афанасий Луничев

Дети его, тяжким трудом своим участвуя в восстановлении отцовского колхоза, в поисках лучшей доли и надеясь получить профессию, стали разъезжаться из родных мест в 50-60е годы.

Большинство осело в Подмосковье, в г. Лосино-Петровский, где часть из них живет до сих пор. Самые младшие из братьев – Василий и Виктор – добрались аж до Игарки в Сибири.

Нет в живых уже Анатолия, Леонида, Василия, Николая Луничевых, закончила свой земной путь в Подмосковье и Дарья Поликарповна (она жила там последние годы у дочери).

А всю эту семейную историю военных лет рассказала мне моя лучшая в мире теща – Александра Афанасьевна Фомкина (Луничева). Военное прошлое, тяжелые послевоенные годы сидели занозой в её сердце и чуть что – всплывали в памяти подробно и горько. Александра Афанасьевна и сама уже ушла в мир иной в декабре 2008 года. Но осталась теперь история, написанная на основе её воспоминаний.

Приложение к очеркам о Фомкиных и Луничевых
О приходе села Архангельское-на-Неручи, деревне Кокоревой (Елизаветиной) и её жителях

Родственники по линии моей жены, Татьяны, Фомкины и Луничевы, — родом из деревни Елизаветино современного Малоархангельского района (до революции — Малоархангельского уезда). И ты, уважаемый читатель, только что прочитал два очерка о них, основанных на семейных архивах и воспоминаниях.

Но мне некоторое время назад захотелось найти документальные сведения о Фомкиных и Луничевых в метрических книгах, хранящихся в фондах Государственного архива Орловской области.

Оказалось, что в них деревня Елизаветина обозначается только как Кокорева (Кокоревка). В 90-ые годы XIX века этот населённый пункт входил в приход Михаило-Архангельской церкви села Архангельское на Неручи Малоархангельского уезда (оно имело второе название — Сабурово, которое и стало основным в настоящее время, село сейчас — в составе Глазуновского района — А.П.).

Приход, кроме самого села Архангельское (Сабурово), включал два сельца — Красную Слободку (иногда она делилась на 1-ую и 2-ую части), Похвальное, а также деревни: Трубицыну, Кокореву из Малоархангельского уезда и Александровку (Борзёнки тож), Верховье Неручи, Неручь, Хитрову, Глазунову, Щербатову и Шеншину (Васильевку) Орловского уезда. В церкви села Архангельское служило два причта, то есть имелось два священнослужителя с помощниками (причетниками).

Метрических книг Архангельской церкви (на Неручи) сохранилось немного, за XIX век — только семь штук (1845, 1850, 1858, 1864, 1897, 1898 и 1899 годы).

Благодаря первым «метрикам» середины века, удалось узнать, что вокруг села Архангельского (Сабурово) располагались, в основном, владельческие населённые пункты, принадлежавшие разным, в том числе, и очень известным помещичьим фамилиям.

В центре прихода находились владения генерала Сабурова, князя Щербатова и дворянина Матвеева. Сельцо Похвальное принадлежало князьям Солнцевым, Красная Слободка — помещикам Леонтьеву и Березникову, деревней Верховье Неручи владел помещик Логвинов, в Трубициной хозяйничали помещики Букреев и Дубровин, в Неручи владельцами были помещики Афросимовы, Раевский, Комаровский и Кательников.

Деревня Кривцова принадлежала помещице Кривцовой (после её смерти владение перешло помещикам Комаровскому и Раевскому), Хитрова — графине Орловой, Шеншина — помещику Матвееву, а деревня Глазуновская — помещице Киреевой.

Подполковник Комаровский из деревни Неручь и жители деревни Кокоревой

Самое любопытное, что в середине XIX века ни одного жителя деревни Кокоревой (Елизаветиной) в записях метрических книг я не нашёл. Их не оказалось среди родившихся, умерших и венчавшихся. Выводов отсюда — два. Первый, менее вероятный, что деревня Кокорева как населённый пункт возникла не ранее 1864 года. Второй вывод более правдоподобен: до середины 60-ых годов или чуть позже деревня находилась в составе другого прихода, а к концу века она была передана Архангельской — на-Неручи церкви.

Среди метрических записей за 1850 год мне удалось найти следующую:

«14 марта родился, 19 марта 1850 года крещён младенец Иоанн.

Родители: деревни Неручи помещик штабс-капитан Станислав Яковлев сын Комаровский, католического исповедания, и законная его жена помещица Екатерина Николаева, православного исповедания (имел ли этот Комаровский отношение к известным на Орловщине представителям графской династии — не знаю, но сам он точно графом не был — А.П.).

*Восприемники — **города Малоархангельска городничий подполковник Николай Николаев Белогужев** и города Арзамаса 3-ей гильдии купца Ивана Алексеева дочь Анна» (кстати, крестный отец младенца Иоанна был родным братом генерала-от-инфантерии, участника многих войн и кавалера нескольких орденов Александра Николаевича Белогужева — А.П.).*

Крестил новорожденного и имя «нарек» священник Григорий Высотский с диаконом Яковом Орловым и дьячком Тимофеем Евсеевым.

*Первые записи в метрических книгах, в которых названы жители деревни Кокоревой, относятся к 1897 году. Каких-то одних фамилий, преобладавших над другими, в этой деревне не было. Но, всё-таки, достаточно много проживало здесь Архиповых. Кроме них, обитали также Буравцовы, Гавриловы, Горячевы, Гришины, Гусевы, Егановы (они же — Ягановы, Игановы, Егоновы), Карповы, Кирилкины, Кирюхины, Комраковы, **Луничевы**, Мартинкины (Мартынкины), Панины, Петровы, Рябых, Созоновы, **Фомкины**, Храповы, Шапоровы.*

Ну а теперь подробнее о представителях двух кокоревских фамилий — Луничевых и Фомкиных.

Луничевы

Судя по метрическим книгам Михаило-Архангельской церкви за период с 1897 по 1913 год, Луничевы были здесь единственной семьёй с такой фамилией. Основателем рода стал Адриан. Отчество его установить пока не удалось. Жену его звали Анастасия Александровна, и она скончалась 16 марта 1912 года в возрасте 80 лет, уже будучи вдовой. Сколько имелось детей у Адриана и Анастасии — тоже неизвестно. По метрическим книгам назван

только один сын — Пётр Адрианович (в записях он значится как Пётр Адрианов Луничев — А.П.).

У него и его жены Агафии Митрофановны с конца 80-ых годов XIX века по 1913 год родилось 9 детей: Иван (1887 года рождения), ещё один Иван (22 февраля 1898), Афанасий (1 мая 1899), Василий (1905), Мария (14 июля 1907), Дарья (6 марта 1909), Пелагия (7 мая 1910), Параскева (7 октября 1911), Григорий (1913).

Из девяти появившихся на свет сыновей и дочерей шестеро (Иван младший, Василий, Мария, Пелагия, Параскева, Григорий) умерли в младенчестве или в раннем детстве, в возрасте от пяти недель до года и девяти месяцев. Судьба ещё одной дочери — Дарьи, по имеющимся записям не прослеживается.

Об Афанасии Петровиче я писал в очерке о Луничевых, а о его старшем брате Иване некоторые сведения узнал как раз из изученных метрических книг Михаило-Архангельской церкви.

5 ноября 1906 года в этом храме состоялось венчание Ивана Петровича Луничева, крестьянина деревни Кокоревой, 19 лет, первым браком, и крестьянской девицы из сельца Похвального Наталии Фёдоровны Анохиной, 18 лет, первым браком.

22 сентября 1907 года у молодых родился первый ребёнок — дочь Евдокия (восприемницей, то есть, крестной матерью, стала родственница — Евдокия Петровна Луничева).

12 ноября 1909 года появился и у них сын — Пётр, но он умер в возрасте девяти месяцев.

В 1911 и 1913 родились снова — друг за дружкой — дочь Анна и сын Василий. Дочка выжила, а сын скончался ещё быстрее, чем первый — через два с половиной месяца. Какой была послереволюционная судьба семейства Ивана Петровича Луничева — мне не известно.

Фомкины

А теперь о кокоревских Фомкиных.

Начну с написания фамилии. В метрических книгах я увидел, что в период с 1897 по 1913 года её произносили и, естественно, писали как ***Хомкины****, и лишь изредка — как* ***Фомкины****. Первый вариант — просторечный, деревенский, второй — правильный, так в Святцах записано имя «Фома».*

Фомкиных, в отличие от Луничевых, чётко прослеживается два семейства. Первое — во главе с Петром Максимовичем, второе — во главе с Егором Фомкиным (отчество осталось неизвестным). Но оба семейства явно близкие родственники. Это видно, в частности, из записи о венчании от 10 января 1907 года. В это день на свадьбе Егора Егоровича Мишина-Хомкина (он так и написан, с двойной фамилией — А.П.), 22 лет, и крестьянской девицы Дарьи Поликарповны Гусевой, 21 года, из той же деревни Кокоревой, поручителями со стороны жениха выступили братья Илья Петрович и Дмитрий Петрович ***Хомкины.***

В период до 1913 года в Кокоревой было несколько семей Фомкиных: Пётр Максимович и Пелагия Борисовна, Илья Петрович и Екатерина Никитична, Дмитрий Петрович и Анастасия Тимофеевна, Андрей Петрович и Параскева Даниловна, Аким Егорович и Анна Егоровна, Егор Егорович и Дарья Поликарповна. За период с 1897 по 1912 год у этих шести семейств появилось на свет 12 детей, но это были далеко не все Фомкины, а только записанные в сохранившихся метрических книгах. Ещё несколько сыновей и дочерей у названных пар появились до революции и уже после неё.

О судьбах некоторых представителей из большого семейства Фомкиных я уже рассказал раньше.

Загадка одной фотографии
(о Ретинских и Масловых из Малоархангельска)

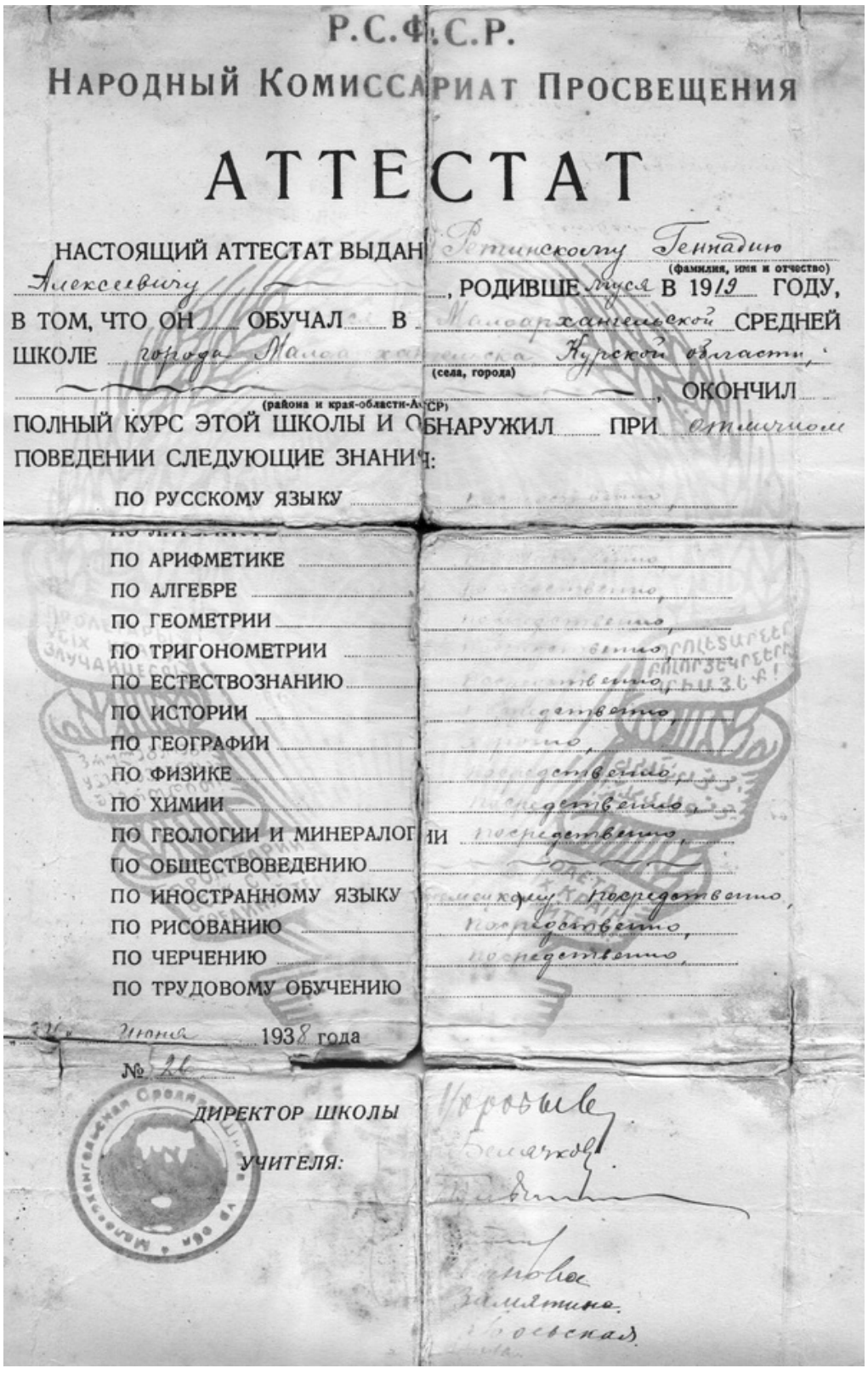
Об уроженцах Покровского района по фамилии «Ретинские» я писал на сайте «Мастера» несколько раз. В книге «Ретинское сельское поселение. История и люди» о представителях этой фамилии тоже немало сказано. Самым активным поисковиком сведений по Ретинским является мой знакомый Денис Калёнов из Подмосковья (предки Дениса – уроженцы Покровского и Свердловского районов Орловской области – А.П.). В его картотеке – свыше 600 Ретинских. А в конце 2016 года ко мне обратился за помощью ещё один обладатель этой замечательной фамилии:

«Здравствуйте, уважаемый Александр Полынкин! Поздравляю Вас с новым, 2017-м годом! Желаю Вам и Вашим близким всех благ в году наступившем!

Мне посоветовали обратиться к Вам, как большому знатоку Орловщины.

Моя родня по отцовской линии из Орловской губернии. К огромному сожалению, сложилось так, что практически никаких документов отца и более старших родственников не сохранилось. А так хотелось бы восстановить историю семьи хотя бы до прадедов... Все, что сейчас у меня есть – это устные "предания" о родне…».

И далее Георгий Геннадиевич Ретинский, житель города Приморско-Ахтарска Краснодарского края (бывшая станица Приморско-Ахтарская на берегу Ахтарского залива Азовского моря, в 150 километрах от Краснодара – А.П.) сообщил эти, почти легендарные сведения.

Р.С.Ф.С.Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ

НАСТОЯЩИЙ АТТЕСТАТ ВЫДАН Ретинскому Геннадию Алексеевичу (фамилия, имя и отчество), РОДИВШЕМУСЯ В 1919 ГОДУ, В ТОМ, ЧТО ОН ОБУЧАЛСЯ В Малоархангельской СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ города Малоархангельска Курской области (села, города) (района и края-области-АССР), ОКОНЧИЛ ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛ ПРИ отличном ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	
ПО АРИФМЕТИКЕ	
ПО АЛГЕБРЕ	
ПО ГЕОМЕТРИИ	
ПО ТРИГОНОМЕТРИИ	
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ	
ПО ИСТОРИИ	
ПО ГЕОГРАФИИ	
ПО ФИЗИКЕ	
ПО ХИМИИ	
ПО ГЕОЛОГИИ И МИНЕРАЛОГИИ	
ПО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЮ	
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	немецкому посредственно,
ПО РИСОВАНИЮ	посредственно,
ПО ЧЕРЧЕНИЮ	посредственно,
ПО ТРУДОВОМУ ОБУЧЕНИЮ	

26 июня 1938 года

№ 24

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ

УЧИТЕЛЯ:

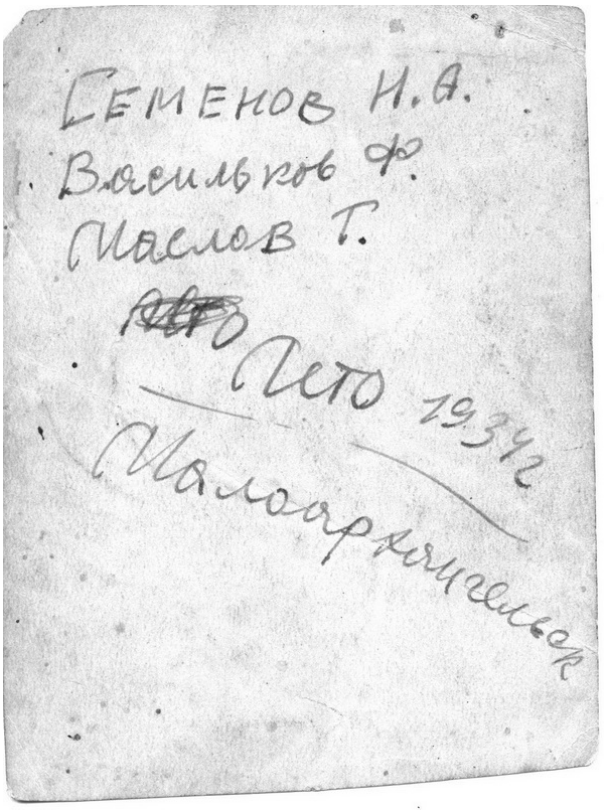
Его дед, Алексей Петрович Ретинский, выходец из крестьянского сословия, – уроженец Орловской губернии. Но вот где именно и когда он родился, внуку выяснить до настоящего времени не удалось. Бабушка – Мария Иосифовна Маслова (Ретинская), до революции была учительницей, возможно, и в годы

Советской власти, вплоть до Великой Отечественной войны, тоже преподавала – в Малоархангельске, Мценске, Орле. Её дата появления на свет известна только приблизительно – 1887 год (определена по справке из ЗАГСа, где сказано, что она умерла в 1966 году в возрасте 79 лет – А.П.).

Дед и бабушка венчались, скорее всего, в Орле, потому что именно там родился 28 октября 1919 года их единственный известный ребёнок – сын, Геннадий Алексеевич Ретинский.

Вскоре после рождения сына Алексей Петрович Ретинский погиб. Предположительно – убит (расстрелян) в 1921 году, но как и при каких обстоятельствах – его внуку, Георгию Геннадьевичу, выяснить не удалось, хотя он и обращался за информацией в Орловское Управление ФСБ.

Вдова погибшего, бабушка Георгия, Мария Иосифовна, переехала после смерти мужа в уездный город Малоархангельск (вполне возможно, что она была родом оттуда – А.П.), где её сын Геннадий поступил в Малоархангельскую среднюю школу, которую закончил в 1938 году (скан с его аттестата, хранящийся у внука, читатель может увидеть – А.П.).

Вполне возможно, что Мария Иосифовна Ретинская была учительницей Малоархангельской средней школы и преподавала у собственного сына.

Из Малоархангельского периода жизни своей бабушки в семейном архиве Георгия Ретинского бережно хранится снимок 1934 года, на котором запечатлены три молодых человека, а надпись с обратной стороны фотографии позволяет определить, кто есть кто.

Один из парней носит фамилию Маслов, возможно, он – родственник Марии Иосифовны Ретинской (в девичестве – Масловой). Сразу обращаюсь к читателям с просьбой и вопросом – вдруг кто-то из вас имеет подобную или похожую фотографию в семейном архиве или, ещё лучше, узнает кого-то из лиц на этом старом снимке – немедленно сообщите об этом автору.

Мария Иосифовна Ретинская с сыном в 1938 или 1939 году переехала в Мценск, а в послевоенные годы она жила снова в Орле.

В документах Государственного архива Орловской области мне удалось найти сведения об одной из Ретинских, проживавших в Малоархангельске в 1926 году. Цитирую:

«Владенные ведомости Всесоюзной переписи населения 1926 года по Малоархангельском уезду

(ГАОО, ф.224, оп.1, ед.хр.527)

Л.56-56об.

Ретинская Анна Семёновна

Малоархангельск, улица Карла Либкнехта, 27, строительный квартал 39

Площадь земельного участка – 1750

Огород – 945

Сада нет

Дом для жилья деревянный – 1 комната – 36м, электрическое освещение

Заполнены 2 семейных карты и 5 личных листков (4 – мужчины, 1 – женщины)».

Но являлась ли эта Анна Семёновна Ретинская какой-либо родственницей Алексею Петровичу и Марии Иосифовне – пока сказать трудно. Хотя Георгий Геннадиевич вспоминает, что *«…Какая-то родственница приезжала к нам в гости в середине 1950-х. Имя – то ли Нонна, то ли Нора. Родня по линии бабушки или деда – не помню. Может двоюродная сестра, может тетка...»* (Анна и Нонна – что-то похожее есть – А.П.).

Из всех архивов Георгию Ретинскому пока приходили только отрицательные ответы. Я обещал ему помочь, что в моих силах. Но самая большая надежда – на читателей этого очерка, которые с ним познакомятся и увидят фото. Вдруг?.. Хочется верить…

Глава третья.
Малоархангельские селения и их жители

Архарово и архаровцы

Есть на Орловщине сёла и храмы, которые даже в самые мрачные периоды гонений на православную церковь, оставались на слуху у прихожан и продолжали верой и правдой распространять Слово Божие среди людей православных.

Лучший сыщик Европы и военный губернатор Москвы

Село Архарово и его Свято-Покровский храм были хорошо известны в 40–60-е годы XX века не только в своём Малоархангельском, но и в соседних Покровском, Глазуновском, Колпнянском, Верховском, Ливенском районах потому, что именно сюда, в единственную действующую в те времена в здешних краях сельскую церковь, приезжали родители – крестить младенцев и свадебные пары – венчаться (реже здесь отпевали покойников, слишком заметная была процедура – А.П.). Потом ещё раз (последний) закрывали Покровский храм, а с 1980 года (снова раньше многих других – А.П.) церковь села Архарово вот уже почти 40 лет исправно принимает прихожан под свои намоленные за два века стены.

Я долго думал, почему именно Свято-Покровский храм оказался таким «избранным Богом», тогда как десятки других церквей давно исчезли с карты Орловщины. К тому же, даже само название жителей села «архаровцами» вызывало у соседей много вопросов.

Это крылатое выражение, существующее в русском языке и по сию пору, современные толкователи расшифровывают так: *1. устаревшее прозвище русских полицейских; 2. хулиган, буян, озорник, отчаянный, беспутный человек* (разговорное, просторечное – А.П.). Появилось же словечко благодаря военному губернатору Москвы Ивану Петровичу Архарову. Но прежде чем говорить о нём, стоить несколько слов сказать о его старшем брате, Николае Петровиче.

Родились оба в 40-е годы XVIII века и представляли собой весьма колоритные фигуры в период царствования Екатерины II и Павла I, и поэтому в преданиях и мемуарах, повествующих о Москве и России вообще последней трети XVIII и начала XIX века, занимают заметное место.

Вид на село Архарово и Свято-Покровский храм с «беспилотника»

Старший, Николай Петрович Архаров, в чине полковника, был назначен московским обер-полицмейстером. Именно эта должность принесла ему славу лучшего сыщика в Европе. В полицейской службе он нашел свое призвание. Он, как рассказывают современники, знал до мельчайших подробностей, что делается в городе, с изумительной быстротой разыскивал всевозможные пропажи. Несколько раз по случаю серьезных краж во дворце императрица вызывала его в Петербург, и тут он оправдывал свою репутацию лучшего сыщика.

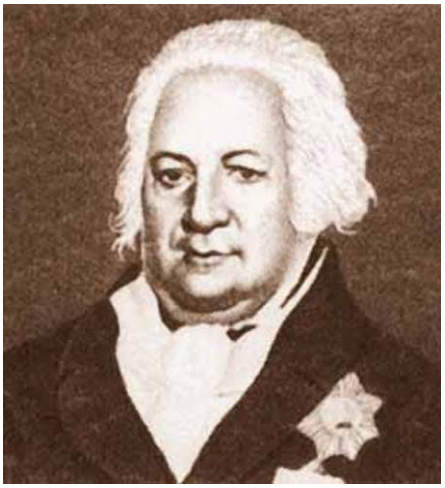
Архаров не стеснялся в методах сыска и допросов и, как говорили, *«с помощью самых оригинальных средств обнаруживал самые сокровенные преступления»*. Не было дел, которые бы не раскрыл Архаров. О проницательности его слагали легенды, московские воры боялись Николая Петровича как огня. Говорили, что Н.П. Архаров умел читать на лицах людей и нередко, взглянув на подозреваемого, решал его правоту или виновность. Деятельность Николая Петровича Архарова как московского обер-полицмейстера долго жила в памяти москвичей.

Братья Архаровы

За службу Н.П. Архарова не раз награждали, и он закончил ее кавалером всех российских орденов и в чине генерала от инфантерии.

Иван Петрович Архаров был обязан своей славой старшему брату Николаю, непревзойденному сыщику. Практически повторив всю его жизнь и судьбу, Иван Архаров делал свою военную карьеру исключительно благодаря постоянной протекции своего суперэнергичного старшего брата. Тем не менее, он тоже вошел в историю, пусть и не столь ярко, как Николай. Но именно его деятельность на посту военного губернатора Москвы оставила глубокий след в истории столицы: беспечно набранные им полицейские драгуны оказались такими головорезами и так плохо ладили с законом, что в московском быту утвердилось понятие ***"архаровцы".***

Архаров Иван Петрович

Архаровцы ловили не только воров, не гнушались они и добром честных людей. Потому и слово это в русском языке имеет вовсе не положительный смысл.

Мне пришлось объяснить это тебе, читатель, не просто так, а потому что военный губернатор Москвы (в самом конце XVIII века, при императоре Павле I – А.П.), генерал от инфантерии Иван Петрович Архаров, оказывается, был орловским помещиком, владельцем сотен десятин земли в окрестностях современного села Архарово, которое именно крутому генералу обязано своим названием (вообще-то, у населённого пункта было и второе имя – Никольское, Синковец тож, по церкви и речке, на берегах которой оно и находится по сию пору – А.П.).

В протоколах заседаний Малоархангельского уездного суда за 1804 год, хранящихся в Государственном архиве Орловской области, встретил я вдруг знакомую фамилию. Генерал от инфантерии и разных орденов Кавалер Иван Петрович Архаров, владелец вотчины в Малоархангельском уезде Орловской губернии, был вынужден судиться с соседом-помещиком, секунд-майором Алексеем Казиным, из-за спорной земли у деревни Синковец.

Судья Воронов просил спорящих представить документы по земле, и чем то дело закончилось, мне выяснить не удалось. Зато совершенно точно стало ясно, что своими названиями село Архарово и сельцо (деревня ныне) Нижнее Архарово современного Малоархангельского района обязаны генералу от инфантерии Ивану Петровичу Архарову.

Но, в отличие от его, московских и очень буйных архаровцев, хулиганов и озорников, нарушителей закона, наши, малоархангельские, хоть и являлись их полными тёзками, отличались совсем в других делах – прежде всего, богоугодных. Думаю, именно благодаря им, их вере, Свято-Покровский храм всегда оставался оплотом православия в здешних краях, и его не смогли даже в «худые годы» уничтожить тёмные силы.

Схимонахиня Евфросиния и блаженный Роман

Много настоящих «ревнителей благочестия» проявилось на архаровской земле, обо всех рассказать невозможно, но о некоторых поведать нужно обязательно.

«И зимой, и летом ходила эта юродивая босиком, полуодетая, имущества никакого не имела, кроме единственной иконы Казанской Божией Матери, а если случайно кто давал ей денег, то она тотчас же жертвовала их на храм. Слухи о необыкновенной жизни скоро проникли в народ, и к ней стали обращаться люди, искавшие у неё совета и утешения...

За свою долголетнюю жизнь она несколько раз побывала в Иерусалиме и посещала часто отечественные монастыри и другие святые места. Зимой и летом... зачастую ночевала в открытом поле или же в лесу. «Но Господь хранил меня, — говорила она, — и от людей, и от зверя, и от холода и мороза». Имя её было известно не только в Орловской, но и в других губерниях».

Могила схимонахини Евфросинии

У могилы Блаженного Романа

Звали эту женщину в миру Анна Андреевна, а вторую половину жизни она прожила как схимонахиня Евфросиния. Родилась же она в 1813 году в селе Архарово, а в 2019 году исполнилось 125 лет со дня её ухода в мир небесный. Могила схимонахини Евфросинии – на кладбище села Архарова, совсем недалеко от храма, который она часто посещала. Эти сведения об архаровской подвижнице я взял из «Семейной хроники Амвросиевой женской пустыни 1912 года».

А недалеко от могилы схимонахини Евфросинии, на том же Архаровском кладбище, находится захоронение ещё одного архаровского юродивого – Романа Сиротина. Он родился в 1855 году и прожил долгую жизнь, большую часть которой провёл в родном селе.

Казначей Свято-Покровского храма Мария Дмитриевна Зорина в свое время успела расспросить людей, знавших его, и написала «Житие блаженного Романа Христа ради юродивого, Архаровского подвижника 19-го столетия».

Вот что, к примеру, рассказала Марии Дмитриевне бывшая староста Покровской церкви Евдокия Федоровна:

«В 1938 г. я родила сына и несла его в Храм на причастие. По пути повстречала Блаженного Романа. Мы его очень уважали и радовались, когда доводилось видеть его. «Роман Тихонович,— сказала я,— а у меня сын родился!» — «На горе-то», — быстро ответил юродивый и поспешил уйти. Время показало, что подвижник не ошибся. Я рано овдовела (муж погиб на войне), работала день и ночь, мало уделяла внимания воспитанию сына. В молодые годы он попал в тюрьму, сидел несколько раз, проведя в заключении 23 года. Сыну не было еще и пятидесяти, когда его убили...

Блаженный никогда не говорил неправды, за что пользовался особым уважением. Во время войны Роман заходил в некоторые дома, ложился на лавку, скрестив руки на груди. Домочадцы понимали, что с их родственником на фронте случится беда...

Про блаженного до сих пор можно услышать истории в любом доме села Архарово. Говорили также, что Роман Тихонов читает мысли...

Дата смерти блаженного неизвестна. Его могилка находится в тенистом уголке архаровского кладбища. К гробовому камню с выбитым на нем крестом ведет широкая дорожка: люди приходят сюда, чтобы взять земельки. Говорят, она помогает в различных жизненных ситуациях».

Покровский храм и его настоятели

Но если о юродивых, оставивших заметный след на архаровской земле, мы узнали благодаря письменным источникам, то настоятель Покровской церкви, отец Дмитрий, ушедший из жизни более двадцати лет назад, был известен здесь каждому окрестному жителю.

Его дочь, Мария Дмитриевна Зорина, вспоминала: *«Когда мы прибыли в Архарово, то увидели полное запустение. Красивейший храм из красного кирпича был весь в выбоинах, на крыше росли березки.* ***Мы приехали сюда десятого декабря 1979 г. на Знаменье.*** *Одиннадцатого отец уже служил. Отец привел в порядок церковь, залил бетоном три придела. А ведь как это непросто. Нужно было наносить песок, щебень, все сами. Сделали двери, построили домик, в котором мы живем, да еще много чего. Территория храма — 70 соток, поставили ограду. Когда приезжал архиерей, отец всегда встречал его в рабочей форме. Помню, работаем, я его прошу: “Давай вечернюю службу не в пять, а в половине шестого начнем, хоть отдохнем немного”. “Нет, сначала все сделаем, потом отдыхать будем”. Отец поставил*

леса, чтобы штукатурить храм и забрался на самый верх. Это было в 90-м году тридцатого сентября на праздник Веры, Надежды, Любови. Наверху о. Дмитрий потерял сознание и упал с высоты десять метров. За два метра до земли, он ударился о перекладину лесов, перевернулся и стал на ноги, отделавшись сломанными ребрами. Две недели всего и выдержал в больнице — не мог не служить. Однажды о. Дмитрию нужно было ехать на кладбище, его вызвался подвезти деревенский мужик. Только отец хотел сесть в телегу, как мужик стеганул лошадь, телега поехала, отец упал и сломал ногу. Так и служил — на костылях. Не помню, чтобы у отца был отпуск. "Какой отпуск?— говорил он, — мы и так служим по выходным и праздникам". Дни рождения он никогда не отмечал, для него главными вещами в жизни были труд и вера. Служил отец, пока были силы». Умер отец Дмитрий Зорин в ноябре 1998 года.

С 2000 года все заботы о Свято-Покровском храме взял на себя приехавший в Архарово иеромонах Ефрем, ставший вскоре настоятелем. Он, с помощью добровольных помощников реконструировал пол, заменив цементное покрытие напольной плиткой, стал проводить ремонтные работы изнутри и снаружи церкви. Чтобы ремонт шёл быстрее, были приобретены бетономешалка, шлифовальная машина, бензопила, электрорубанок. Появились в храме новые иконы, создан приходской совет. Во владение церкви бывшим колхозом им. Куйбышева были пожертвованы здания, занимаемые раньше детским садом и правлением хозяйства. Сейчас тут гостиница для православных.

Могилы отца Дмитрия Зорина и его жены у стен Покровского храма

В работе отцу Ефрему, по мере своих сил, помогает Мария Дмитриевна Зорина и многочисленные добровольцы из числа местных и приезжих православных паломников.

Когда основная часть ремонтных работ в храме была уже завершена, то благотворители привезли новые большие колокола

для отремонтированной колокольни. Теперь, когда они звонят, каждый раз кажется, что сбудется легенда, бытующая в Архарово с незапамятных времён. Откроются мощи святых, захороненных на местном кладбище, и паломники со всего света придут сюда, и начнется новая страница в истории Покровского храма. Какая? Время покажет.

И ещё одна история, связанная с очень интересным событием второй половины XIX века и ролью в нём жителей села Архарово.

Как архаровцы кабак закрыть пытались

30 мая 1882 года крестьяне села Архарово и близлежащих деревень Фёдоровки и Бобылёвки (в настоящее время это территория Дубовицкого сельского поселения Малоархангельского района – А.П.), на одном из своих сходов, в присутствии 80 домохозяев, составили приговор и решили ходатайствовать о закрытии с 1 июля того же года находящегося в селе Архарово кабака. Для исполнения своего решения крестьяне избрали двух поверенных (представителей – А.П.), которые на следующий день отправились в соседнее село Кубань, где жил в своём имении непременный член Малоархангельского по крестьянским делам присутствия Александр Мейер.

Александр Николаевич принял ходатаев в своём доме ласково, прочитал с большим вниманием их прошение и приговор и даже похвалил: *«Молодцы вы, мужики, давно пора остановить пьянство. Дело ваше правое и смело можете рассчитывать на успех. А ваши документы я передам своему начальству».*

Окрылённые такими словами поверенные вернулись в Архарово и рассказали своим товарищам об успешном начале дела. Теперь им оставалось только подождать официальных ответов от вышестоящего начальства. О перспективах своего незавидного будущего от радостных крестьян узнал и местный целовальник (хозяин кабака – А.П.) и тут же куда-то уехал. Отсутствовал он целую неделю, но зато возвратился в Архарово чрезвычайно довольный и всем мужикам, инициаторам закрытия его заведения, открыто говорил: «Я вопрос решил с кем надо и как надо. Даже если потребуется мне тысяча или две тысячи рублей – заплачу, но кабак будет работать». Неделя прошла – ответа на крестьянское прошение нет, вторая наступила – снова молчание из уезда.

Озабоченные таким поворотом событий, архаровские поверенные отправились теперь в уездный город Малоархангельск, уже к председателю по крестьянским делам присутствия, чтобы у него выяснить, как решается их вопрос,

ведь месяц уже минул. Председатель же их вовсе огорошил: «А где ваши приговор и прошение? У меня их нет!» Представители в село Кубань кинулись, у Мейера спросить, что случилось? А он: «Я всё передал!»

Поверенные – опять в Малоархангельск (уж не знаю, пешком ли, на транспорте ли – А.П.). Председатель же по крестьянским делам присутствия им говорит: «Приезжайте ко мне 4 июля, я приглашу Мейера, будем разбираться».

В назначенный день приехали архаровцы в Малоархангельск – в третий раз за последние несколько дней. И началось разбирательство, которое тут же быстро и закончилось. Александр Николаевич Мейер, непременный член Малоархангельского по крестьянским делам присутствия сказал, что прошение и приговор от жителей внимательно ими изучены, но *«они не могут быть уважены, потому что поверенные избраны только от одного крестьянского общества, причём, не от того, на чьей территории находится пресловутый кабак».*

Ошарашенные такими юридическими вывертами поверенные даже не нашлись, что сказать, ведь Мейер месяц назад их заверял, что всё будет нормально, а тут такой крутой поворот…

Взяли мужики картузы в руки и подались, было, домой, да председатель по крестьянским делам присутствия их остановил и потихоньку, чуть ли не на ушко, молвил: «Мужики, а вы заново всё сделайте, но теперь три схода отдельных проведите, три приговора и три прошения составьте – иначе ну никак, нельзя иначе!» Вышли архаровские мужики-поверенные на улицу, глядь, а там ухмыляющийся целовальник стоит: «Ну, что я вам говорил? Добились? То-то, и не рыпайтесь больше!»

Удалось ли крестьянам села Архарово добиться, в конце концов, закрытия злосчастного кабака, я выяснить не смог. Корреспондент газеты «Орловский вестник», из которой я узнал об этих событиях (номер от 28 июля 1882 года), закончил своё повествование сожалением, как тяжело бывает крестьянам отстаивать справедливость, когда вокруг такое безобразие творится.

Но, почти уверен, что с круговой порукой вышестоящего уездного и губернского начальства, основанной на общих денежных интересах, крестьянский мир села Архарово бороться на равных не смог. И кабатчик продолжил спаивать, спаивать, спаивать…

Село Протасово и его владельцы

На Орловщине в настоящее время существует шесть населённых пунктов под названием «Протасово». Самый известный среди них (по его значению в событиях Великой Отечественной войны) – село в Малоархангельском районе, как раз на полдороге между городом Малоархангельском и одноимённой станцией.

Родина Марины Чечневой

Во-первых, здесь родилась лётчица Марина Чечнева – одна из двух орловчанок, удостоенных звания Героя Советского Союза (ты, уважаемый читатель, уже познакомился с очерком о ней, на стр.148 – А.П.).

Во-вторых, во время оккупации в селе действовала подпольная патриотическая организация во главе с Александром Бариновым. Члены её были связаны с командованием Первой Курской партизанской бригады, находившейся в Михайловских лесах, и с разведотделом 13-й армии, противостоявшей гитлеровцам на малоархангельском направлении.

И, в-третьих, в самом начале Орловско-Курской битвы (5–8 июля 1943 года) под Протасово развернулись кровопролитные бои. На позиции между хутором Согласный и селом, которые обороняли бойцы 148 стрелковой дивизии, рванулась гитлеровская пехота под сильным танковым прикрытием.

Ценой массового героизма и больших потерь нашим бойцам и командирам удалось остановить немецкие части, а потом и самим перейти в наступление. Братская могила в Протасово – одна из самых крупных в Орловской области: здесь покоится прах более 3000 советских солдат и офицеров, погибших всего лишь в течение нескольких дней страшной битвы. Среди них – родной дед моей жены, уроженец Малоархангельского района, довоенный председатель колхоза в деревне Елизаветиной, Афанасий Петрович Луничев (очерк о Луничевых – на стр.173).

Я проезжал через Протасово несколько раз, посещал и величественный мемориал павшим воинам (в 2015 году его капитально обновили), где почтил память родственника и его боевых товарищей. Но в те визиты как-то не особо задумывался о названии населённого пункта. А теперь, видно, пришла пора, поскольку в моих руках оказались документы, с помощью которых открылась гораздо более древняя история села.

Как мценский воевода разбил и прогнал князя Барака

В ревизских «сказках» Малоархангельского уезда за 1782 год оно именовалось как «Степановское» и было владельческим поселением, принадлежавшим генерал-майору Петру Степановичу Протасову. Это название – читатель может легко догадаться – село получило от имени отца генерала, который был его прежним хозяином. Пётр же Степанович, приняв от папеньки наследство, сумел его упрочить и увеличить. Число крепостных крестьян и дворовых людей в селе Степановском за 19 лет, прошедших от предыдущей переписи населения 1763 года, увеличилось на 140 человек, достигнув общего количества в 755 крепостных душ. Пётр Степанович Протасов по этому показателю в Малоархангельском уезде уступал только дворянам Скарятиным да князьям Куракиным.

Впрочем, орловский помещик Протасов был славен не только своим богатством. Ведь этот род в России существовал ещё с XIV века. Его основателем считался московский боярин Лука Протасьевич, в 1330 году бывший послом в Твери. А правнук его, Григорий Протасьевич, стал воеводой мценским, и тогда впервые Протасовы оказались связаны с нашими краями. Григорий Протасьевич отличился в воинском деле, вместе с князем Одоевским в 1423 году разбив и прогнав татарского князя Барака (правда, не Обаму, но всё же…- А.П.).

Род Протасовых был внесён в 6-ую часть дворянских родословных книг Московской, Тульской и Орловской губерний, и его представители занимали видные должности на государевой службе. Степан Фёдорович, к примеру, в 1763 году стал сенатором и тайным советником.

Калужский губернатор на картине Фёдора Рокотова

Я же далее подробнее остановлюсь на биографии Петра Степановича Протасова, его сына и владельца вышеназванного села Степановского, которое чуть позже стало именоваться и «Протасово тож».

Родился Петруша 1 июля 1730 года, но, удивительное дело, имя его рано умершей матери, первой жены сенатора Степана Протасова, осталось неизвестным. Так что воспитывали мальчика отец и мачеха, вторая жена отца, Анисья Орлова, приходившаяся двоюродной сестрой знаменитым братьям.

Мальчику Пете Протасову ещё не исполнилось шести лет, как он, по дворянским обычаям тех лет, был записан на службу и даже значился участником похода против восставших башкир, а в

1737–1739 годах, находясь при отце, «принял участие в русско-турецкой войне» и состоял в особой команде при посольской свите в Персию.

Протасов Пётр Степанович, генерал-майор

28 мая 1839 года Протасов «дослужился» до капитана, а в 16-летнем возрасте армия стала, наконец-то, для него настоящей. В апреле 1763 года Пётр Степанович Протасов получил чин полковника.

В 1767 году он был выбран депутатом от Мценского уезда в Екатерининскую комиссию о сочинении Нового Уложения (это было ещё до образования Орловской губернии, и владение полковника Протасова, село Степановское, находилось тогда в составе Мценского уезда – А.П.). Пётр Степанович с 10 июля по 9 октября 1768 года участвовал в заседаниях и разбирал проект прав «благородных помещиков». Его точка зрения, что освобождение крестьян вредно для России, совпала с мнением большинства членов комиссии.

В том же году, уже в чине бригадира (промежуточное звание между полковником и генерал-майором – А.П.), он получил назначение на должность командира Московского карабинерного полка. Командуя им, Протасов принял участие в русско-турецкой войне 1768-1774 годов. Правда, единственным его сражением стала битва под турецкой крепостью Хотин 19 и 21 апреля 1769 года. А уже летом 1769 года он был уволен из армии по болезни.

Возвратился на службу (уже гражданскую) Пётр Степанович через 9 лет, став правителем Новгородского наместничества. В Новгороде Протасов пробыл почти 4 года, успев здесь стать генерал-майором. Затем ещё в течение десяти лет он состоял правителем Калужского наместничества. В этом небольшом губернском городе талант администратора Протасова развернулся во всём блеске.

В период его управления Калуга активно преображалась и благоустраивалась: строились корпуса Гостиного двора,

Присутственные места, Троицкий кафедральный собор, сносились и переносились дома, церкви, закладывались новые кварталы. В 1784 году в Калуге была заложена новая улица – Садовая (ныне – Кирова). Процветала торговля, калужские купцы были частыми гостями в известных немецких торговых городах – Берлине, Данциге, Лейпциге, Бреславле.

Как губернатор, Пётр Протасов активно занимался вопросами призрения (подзабытое слово, означающее заботу, опеку о бедных, немощных, больных – А.П.). В Калуге и губернии в его годы существовали: главное народное училище и четыре малых народных училища, больница, сиротский воспитательный дом для младенцев, три богадельни для престарелых, инвалидный дом, дом для сумасшедших, работный дом, смирительный дом. За заслуги на ниве государевой во время службы в Калуге Пётр Степанович удостоился ордена Святого Владимира 2 степени и чина генерал-поручика.

22 сентября 1792 года Протасов был назначен сенатором для присутствования в 6-ом департаменте Сената. Но эта его служба оказалась недолгой: он скончался 19 июля 1794 года, в 64-летнем возрасте.

Сенатор и генерал-поручик Пётр Протасов, в дополнение к своим государственным заслугам, оказался ещё и увековеченным на портрете кисти выдающегося русского художника Фёдора Рокотова, написанным в последнее десятилетие жизни нашего героя. Картина хранится в Государственном Русском музее. Протасов на ней изображён в вицмундире армейской пехоты со звездой и крестом ордена Владимира 2-й степени. Мясистое, смуглое, со складками кожи, лицо сенатора и генерала очень выразительно, но совсем не жёстко, а скорее, иронично-добродушно (возможно, по отношению к художнику: смотри, мол, каков я?). Вот этот портрет, читатель.

Графиня-католичка

А теперь несколько слов о семье Петра Протасова. У него и его жены Александры Ивановны родилось пять дочерей (по некоторым источникам, дочерей было шесть, но имя последней выяснить пока не удалось – А.П.). Жена генерала скончалась в возрасте 32 лет, когда старшей из девочек было 8, а младшей – не исполнилось и года. Поэтому заботы о воспитании детей взяла их тётка, родная сестра Петра Степановича, Анна Степановна Протасова. Девочки жили вместе с ней во дворце, поскольку А.С. Протасова была доверенной камер-фрейлиной и любимицей

императрицы Екатерины II. Анна Степановна Протасова пользовалась покровительством также и последующих правителей, а Александр I возвёл её, а потом и трёх младших племянниц в графское достоинство.

Старшая из дочерей Петра Степановича, выйдя удачно замуж за князя Алексея Голицына, спустя некоторое время наделала шуму в свете, обратившись в католичество, а потом убедила перейти в новую веру ещё трёх сестёр – Веру (княгиню Васильчикову), Екатерину (графиню Ростопчину) и Веру (не выходившую замуж). Их портреты историкам и искусствоведам тоже известны. Вот такая оказалась экстравагантная семейка.

И в заключение – о судьбе самого села Степановского (чуть позже – Стефановского), Протасово тож, сохранившего к настоящему времени второе имя – его владельца, генерала, сенатора и персонажа с портрета Фёдора Рокотова.

К середине XIX века село перешло к другим владельцам, Савенковым (к тому же, прямая ветвь Протасовых прервалась), оставаясь довольно крупным населённым пунктом.

Согласно «Списку населённых мест Орловской губернии» от 1866 года, в Протасово тогда в 81 дворе проживало 1178 человек (14 человек на двор!). По данным на 1 января 2013 года в селе Протасово Подгородненского сельского поселения Малоархангельского района числится 180 человек.

Гнилая Плота и её «Белые голуби»

Много известных личностей родилось на орловской земле. Но, пожалуй, лишь один из них всю свою жизнь посвятил тому, чтобы не рождались другие. Это был основатель секты скопцов Кондратий Селиванов. Вот что о нём известно из исторических источников.

Первый скопец России

Родился в селе Столбове Орловской губернии (скорее всего, населённый пункт в Севском, короткое время – в Луганском, а потом – в Дмитровском уезде, ныне – в составе Брасовского района Брянской области – А.П.). Был отправлен в рекруты, но, не захотев служить, сбежал. Вступил в секту «хлыстов». Но вскоре, не удовлетворённый их обрядами, Кондратий Селиванов создал свою собственную, провозгласившую, что единственным путём

спасения души является борьба с плотью путём оскопления. За короткое время скопческая секта стала довольно многочисленна.

В 1772 году по указу Екатерины II, «за распространение богопротивной ереси», Селиванов был приговорен к каторжным работам, но успел скрыться и был пойман только в 1774 году. В следующем году его приговорили к телесному наказанию и каторжным работам, но дошел по этапу Кондратий только до Иркутска и по неизвестным причинам остался там жить.

Создатель секты – Кондратий Селиванов

Через 20 лет Селиванов вернулся в Москву, где прослыл не только искупителем, но и представлялся своими приверженцами как царь Петр Федорович. В 1797 году он оказался в Санкт-Петербурге и был представлен императору Павлу I, после беседы с которым его препроводили в сумасшедший дом.

В 1802 году Селиванов отправлен был на жительство в богадельню при Смольном монастыре, а затем взят на поруки. С этого времени главный скопец и его окружение подпадали под императорскую милость, а в дом, где ими проводились богослужения («радения»), даже был запрещен вход полиции. В 1805 году Селиванова посетил император Александр I.

В 1820 году, по ходатайству петербургского генерал-губернатора, графа Милорадовича, племянники которого были вовлечены в секту, Селиванова арестовали и сослали в суздальский Евфимиев монастырь, где он оставался до смерти, последовавшей в 1832 году.

Известный русский юрист Анатолий Кони писал, что похоронили основателя скопчества в Шлиссельбурге, где его могилу постоянно посещают верные последователи-скопцы.

А теперь – о тех людях, которые поверили в идеи новоиспечённого царя Петра III. Их число оказалось достаточно велико. Данные исследователей по этому поводу расходятся – от нескольких десятков тысяч до 300–400 тысяч человек. Настоящая армия.

И, естественно, много скопцов в XIX веке проживало в родных Селиванову местах – на Орловщине. В Государственном архиве Орловской области, в фонде Малоархангельского уездного суда,

мне удалось найти трёхсотстраничное «Дело об однодворцах Лунине, Гринёве, девках Татьяне Гринёвой и других, судимых за оскопление».

Скопческое радение

«Содержали и распространяли еретическую секту...»

Итак, обо всём по порядку. 20 июля 1833 года Орловская палата уголовного суда рассматривала поступившие к ней из Малоархангельского уездного суда документы: протоколы допросов скопцов из села Гнилая Плота, подозревавшихся *«в создании, содержании и распространении скопческой субботнической секты».*

Допросам земского исправника, местного стряпчего и депутата от духовной стороны подверглись 13 мужчин и 3 женщины. Надо сказать, что чтение протоколов, в которых подробно записаны показания каждого из скопцов, – достаточно увлекательное и, одновременно, страшноватое, чтение.

Пимен Лунин признался, что он скопец, что первоначально был вовлечен в скопчество господским человеком из Орловского уезда, Василием Шишкиным, который и подвиг его на *«сие скопчество тем, что сие есть Богоугодное дело и спасение души».* Шишкин же в собственном доме и вырезал у Лунина «детородные

ядра». За скопчество Лунин был наказан плетьми и сослан в Дека…ую (неразборчиво – А.П.) крепость, откуда в 1802 году возвращён на прежнее место жительства.

Фёдор Гринёв сообщил судье, что он скопец с 1805 или 1806 года, а лишился детородных частей в результате несчастного случая. Ходил Фёдор на охоту, стрелял уток, зашёл в воду, в тростник, но через некоторое время почувствовал сильную боль в детородных частях, где была рана и опухоль. Сказал об этом неудачливый охотник товарищу, Емельянову Шалимову. Тот довёл Гринёва до дому, а потом сходил за лекарем. Лекарь его чем-то напоил, и Фёдор «сделался без памяти». А на другой день увидел он, что «детородных ядер уже не имеет». Кто был тот лекарь, Гринёв не знал, а товарищ его, Шалимов, умер давно.

Роман Можаров тоже признался в скопчестве, но заявил, *«что детородных частей у себя не имеет с самого малолетства, выболели оные у него от того, что одержим был он болезнью «родимцом».* В 1824 году, чтобы излечиться, ходил Можаров в Малоархангельск, к местному лекарю Ивану Марковичу Рогато-Левицкому, который в течение трёх месяцев давал ему какие-то лекарства. За лечение Роман заплатил три рубля и получил от лекаря свидетельство.

Женщина из секты скопцов, полностью лишившаяся грудей

О том, что лишились детородных частей в результате заболевания, сообщили также *Пётр Головин, Иван Шаталов, Николай Егурнов, Александр Бахтиаров, Данила Сидельников, Стефан, Илья, Василий и Савостьян Карловы.* Кто-то из них лечился у того же Ивана Левицкого, кто-то – у орловского штаб-лекаря Малиновского, третьи назвали лекаря Брунса из города Щигры Курской области, четвёртые – неизвестного ливенского лекаря, а Иван Шаталов так вообще, аж в Воронеже свои мужские достоинства утратил. Все «пострадавшие» за лечение заплатили (от четверти муки до 15 рублей), и у всех, без исключения, оказались на руках «свидетельства», выданные лекарями (мы бы назвали это справками – А.П.).

Из всех допрошенных мужчин лишь один Семён Есипов признался, что он себя оскопил ещё 36 лет назад, а уговорил его на это дворовый человек помещика Дурнова Василий Шишкин. *«Шишкин у себя в доме лишил меня детородных ядер, перевязав их верёвочкой и отрезав ножом».* Есипова тогда наказали плетьми, а Шишкина сослали.

В отличие от гнилоплотских мужиков, однодворки этого села, «девки Татьяна Гринёва и сёстры Агафья и Устинья Головины» никаких справок по поводу того, почему у всех них нет обеих грудей, не представили. Все трое сообщили, что груди у них болели, «гнили», а лечила их однодворка из деревни Малая Сучья Плота Осиповна, чьё имя они не знают. Вот после её лечения они и оказались безгрудыми.

Ни один из 16 допрошенных не признал свою вину в главном пункте обвинения – *«содержании и распространении еретической секты».*

Суд решил...

Если бы малоархангельский земский исправник, стряпчий и депутат от духовной стороны ограничились только этими допросами и представленными от лекарей «свидетельствами», то, вероятно, обвиняемые были бы оправданы. Однако в селе Гнилая Плота, кроме самих скопцов, были допрошены (под присягою) ещё 43 «сторонних человека».

Эти «сторонние люди», однодворцы, без каких-либо сомнений, показали, что в их селе действует «скопческая секта в самой высшей степени». Возникла же она более 30 лет назад, с того самого времени, как возвратился в Гнилую Плоту из ссылки наказанный за скопчество Пимен Лаврентиев сын Лунин. Он и есть – *«главный распространитель и основатель оной секты, до него ни одного скопца и ни одного соблазна к сей Богопротивной ереси не было».*

Свидетели показали, что в селе более 20 дворов «впали в эту ересь». По ночам, с субботы на воскресенье, скопцы из этих дворов приходят на тайные сборища к Пимену Лунину и совершают там еретические моления («радения»). Сами скопцы не едят мяса, чуждаются супружеского ложа, не женятся и не выходят замуж, не слагают «трёхперстного знамения крест», а если и делают это, то лишь «для сокрытия их гибельного раскола».

Священник Покровской церкви села Гнилая Плота отец Павел рассказал, что *«всех оных, состоящих в скопческом расколе, и в церкви, и посещая дома их, пытался при всяком удобном случае*

увещевать, чтобы отстали они от раскола, но во всём том они остались непреклонны». Скопцы не поддались на уговоры, несмотря на то, что за несколько лет до событий 1833 года уже были осуждены и сосланы в Сибирь 8 их единоверцев из этого села.

Свидетельские показания обычных православных жителей Гнилой Плоты и легли в основу приговора. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что в скопцах оказались целые семьи: у основателя секты Пимена Лунина сын, две дочери и племянник тоже были скопцами, то есть, очевидным для судей стало вовлечение родственников в «богопротивную ересь». Под суд попали, правда, не все скопцы Гнилой Плоты, некоторые, избегая ареста, заранее покинули родные места.

Не принял суд в качестве аргументов в пользу обвиняемых их «свидетельства», полученные от лекарей, заключив, что эти справки *«сделаны несправедливо, чрез богатство».*

Первоначальное решение по делу о скопцах из Гнилой Плоты было вынесено 28 декабря 1833 года. По нему шестерых признанных виновными скопцов-мужчин собирались отправить в Иркутскую губернию на поселение, а двоих женщин – в ту же губернию, на суконные фабрики.

Однако 7 апреля 1834 года секретным письмом на имя Министра внутренних дел Российской империи, орловский гражданский губернатор Кочубей сообщил, что Орловская Палата уголовного суда приговорила:

1) скопцов Петра Головина, Николая Егурнова, Савелия Гринёва, Александра Бахтиарова и Ивана Шаталова к сдаче в солдаты и отправке на службу, *«в какой только годности окажутся – в Кавказский отдельный корпус, в случае же совершенной неспособности к службе – к ссылке в Закавказскую провинцию»;*

2) Пимена Лунина и однодворческих девок Татьяну Гринёву, Агафью и Устинью Головиных – к ссылке в Закавказскую провинцию; (напомню, на всякий случай, что в Закавказье тогда только-только разворачивалась борьба России за овладение этим регионом, и отправка осуждённых туда была гораздо более серьёзным наказанием, нежели ссылка в Сибирь – А.П.);

3) подсудимых Фёдора Гринёва, Романа Можарова, Василья и Савелия Карловых, Данила Сидельникова, Семёна Есипова – оставить на прежнем месте жительства, под подпискою, что если они будут продолжать распространение «скопческой ереси», то будут наказаны по всей строгости законов.

P.S. Какой оказалась судьба наказанных собой, Богом и орловским судом малоархангельских скопцов, остаётся лишь догадываться. Но спустя 13 лет, в 1847 году, из Министерства внутренних дел в Орловскую Палату уголовных дел поступил запрос о том, откуда родом и какого сословия сосланная на Кавказ Татьяна Гринёва. Зачем это потребовалось – неизвестно, но, значит, жива была ещё к этому времени гнилоплотская скопческая сектантка, лишившая себя когда-то грудей во имя спасения души.

А последние скопцы официально в СССР исчезли лишь в 1929 году, после большого показательного суда над ними.

Скопцы (справка)

Скопцы («агнцы Божьи», «белые голуби» и т.д.) – одна из исторических русских сект, заслуженно считающаяся изуверской. Возникла во второй половине XVIII века. Численность в середине XIX века – до 300 тыс. человек. Исповедовала духовный аскетизм и человеческое бесстрастие. Чтобы победить то, что вводит человека в «грех», скопцы практиковали кастрацию («огненное крещение», «убеление»). Было две стадии «убеления»: «малая печать» – отрезание яичек и «большая» – удаление еще и пениса. Существовали «печати» и для женщин: выжигание сосков, отрезание грудей, клитора, половых губ. Самокастрации случались редко, чаще «убеляли» новообращенного члена секты другие скопцы. Все делалось без наркоза, с примитивной антисептикой, нередко заканчивалось смертью. В разное время секта действовала то почти открыто, то тайно, внешне скопцы оставались православными. Царизм боролся с сектой, но реально с ней покончила лишь советская власть, организовав в 1929 году крупный судебный процесс над ними.

Сегодня скопцов в России нет. По крайней мере, нет о них документированных данных у специалистов-сектоведов. Скопцы сегодня – лишь исторический феномен.

(18 марта 2009, «Аргументы Недели», Сергей НЕХАМКИН)

Малоархангельцы и железная дорога

С тех пор, как в России появилась железная дорога, наши поэты и писатели посвятили ей огромное количество произведений самых разных жанров. Несомненно, самое известное из них – поэма Некрасова, увидевшая свет в 1864 году. К этому

времени уже больше десяти лет эксплуатировалась первая в стране многокилометровая трасса Москва – Санкт-Петербург. Николаевская железная дорога (так она называлась вплоть до революции – А.П.) заметно сократила россиянам время переезда из одной столицы в другую и сильно облегчила доставку грузов по территории Российской империи. Но Некрасов обратил внимание читателя на обратную сторону достигнутых улучшений – на цену вопроса:

«Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские…».

К сожалению, общественный прогресс, как и красота, почти всегда требует жертв, в том числе, – в виде человеческих жизней.

«Условия труда были каторжными»

Как раз в год написания Некрасовым его поэмы император Александр II приказал начать возведение Южной железной дороги (так первоначально называлось Московско-Курское направление – А.П.), которая должна была пройти по территории Орловской губернии.

Строительство дороги началось в 1865 году, и на него были брошены большие средства и людские ресурсы. Ежегодно от 20 до 35 тысяч крестьян, военных и заключённых трудились, выполняя тяжелейшие ручные работы. Вот как это описали авторы книги «Этапы большого пути» А. Манжосов и Н. Фёдоров (Курск, 1991г, стр.19):

«Условия труда на строительстве были каторжными. Тяжело было от непосильных норм, но ещё тяжелее – от самих условий жизни. Работали от зари до зари. Зимой – в лютый мороз. Летом – в палящую жару. На болотах и в топких местах – по колено в воде. Подрядчики и приказчики укрывали львиную долю заработка строителей. Кормили рабочих плохо. Хлеб, пока его подвезут из города, становился чёрствым до того, что его рубили топором. Жили строители в балаганах – передвижных палатках, и в сараях. Тысячи людей болели цингой, лихорадкой, тифом, чахоткой».

…Вводилась в эксплуатацию Московско-Курская дорога не сразу, а по частям. Участок Тула – Орёл (176,5 вёрст) был открыт для движения 15 августа 1868 года, а орловско-курский отрезок (146 вёрст) и вся дорога полностью заработали 7 сентября того же года.

Так уж сложилось, что дорога эта, пронизав всю территорию Орловской губернии с севера на юг на протяжении 140 вёрст, прошла только через два города нашего края – Мценск и сам Орёл. И если у жителей Болхова, Новосиля и Дмитровска при таком проекте шансов увидеть паровозы и вагоны в своих городах не было совсем, то вот по поводу возможного строительства железной дороги через Малоархангельск до сих пор ходят легенды.

Железнодорожный вокзал на станции Малоархангельск

Легенда о малоархангельских купцах

Если взять в руки современную карту железных дорог, то любой зритель, лишь бросив первый взгляд на участок Московско-Курского пути от Змиёвки (наша область) до Золотухино (Курская область), протяжённостью 68 километров, скажет: *«Что-то странно петляет дорога на этом отрезке, уходя порой чересчур далеко от основного направления. А ведь она вполне могла бы пройти и через город Малоархангельск, и уж от него – на ту же станцию Золотухино».*

Легенда, о которой я упомянул, прямо говорит, что первоначально так и было в утверждённом проекте. Однако малоархангельские купцы, якобы, инженерам-изыскателям, прокладывавшим трассу, дали взятку, чтобы они направили трассу западнее. Это, по мнению купцов, избавило их от

конкурентов, которые нагрянули бы сюда в будущем по железной дороге.

Однако это всего лишь легенда, ничем документально не подтверждённая. А изыскатели, прокладывая трассу, ушли к западу, скорее всего, в силу природных особенностей местности, чтобы избежать большого перепада высот, переходов через многочисленные здесь речки, овраги и необходимости строить лишние мосты (что всегда делает реализацию проекта более дорогой – А.П.).

Раз, два. Три?

Подтверждение тому, что малоархангельские купцы были совсем не против строительства железной дороги через их город, я нашёл в документах Государственного архива Орловской области (ф.473, ед.хр. 12 и 24).

В начале 1877 года Малоархангельское уездное земство (орган местного самоуправления в те годы – А.П.) отправило на адрес правления Московско-Курской железной дороги письмо с вопросом о возможности строительства железнодорожной ветки от станции Малоархангельск до города Малоархангельска.

А 26 апреля того же года в уездном центре состоялось Чрезвычайное Земское собрание, на которое, кроме гласных (депутатов – А.П.), были приглашены и заинтересованные лица: Малоархангельский городской голова Никулин и четверо купцов – Н.С. Пономарёв, А.Е. Белоусов, Н.Е. Кубарев и С.Н. Тихонов. Председатель собрания (и – одновременно – Малоархангельский предводитель дворянства) Дмитрий Яковлевич Скарятин сообщил присутствующим, что правление Московско-Курской дороги, в принципе, не против строительства ветки к городу, но хочет знать, какие обязанности готово взять на себя в этом случае земство?

И когда Скарятин спросил: «Господа купцы, поможете?», то представители торгового сословия ответствовали, что готовы пожертвовать определённой суммой денег и отдать под строительство полотна железнодорожной ветки десять десятин земли, поскольку эта дорога нужна всем горожанам.

Земское собрание тут же избрало комиссию из трёх человек (во главе с Д.Я. Скарятиным), чтобы начать подготовительную работу к осуществлению задуманного плана. Но…этим тогда всё и закончилось. Вопрос о дороге был отложен на долгое время.

Прошло 34 года. 6 февраля 1911 года малоархангельские земские гласные снова собрались на чрезвычайное собрание,

чтобы обсудить тот же вопрос: *«О соединении города Малоархангельска железнодорожным путём с одноимённой станцией на Московско-Курской железной дороге».* На этот раз инициатором выступило само правление дороги, предложившее земству обсудить вопрос.

Гласные на заседании единодушно решили, что готовы «понести посильную материальную жертву» при строительстве, но в какой сумме это выразится, сказать затруднились.

Однако на этот раз малоархангельцы не захотели важный вопрос отдать на волю судьбы, а попытались максимально использовать ресурсы Центра, как бы мы сейчас выразились. Депутатом Государственной Думы от Орловской губернии был в это время малоархангельский помещик Василий Потулов. Земство и дворянство уезда через него сумели договориться о предварительном включении малоархангельской ветки в общероссийский список планируемых к строительству в ближайшее время железных дорог. Подключили к делу своих московских и питерских знакомых влиятельные малоархангельские помещики, князья Александр Борисович Куракин и Валентин Иванович Волконский.

Когда же в декабре 1911 года должно было состояться заседание комиссии по утверждению списка планируемых к строительству железных дорог, то малоархангельцы отправили в Москву, для контроля за процессом, своего личного представителя – помощника Малоархангельского предводителя дворянства Владимира Олива. Он присутствовал на судьбоносном заседании.

В деле 24 фонда 473 ГАОО хранится срочная телеграмма, отправленная Оливом в 10 часов 20 минут 21 декабря 1911 года из Москвы в Малоархангельск и полученная земством в 11 часов 05 минут: *«Дорога признана желательной. Изыскания начнутся весной».* Это была чрезвычайно радостная весть для малоархангельцев, поскольку предполагалось централизованное финансирование изыскательских работ и самого строительства.

Весной 1912 года к решению вопроса о необходимости строительства железной дороги подключились уже все малоархангельцы – через Собрание Уполномоченных Городского общественного управления. К осени были проведены изыскательские работы между городом и станцией, которые определили, что длина планируемой ветки составит 14 вёрст.

Со всеми владельцами земельных участков, где должна была пройти железная дорога, была достигнута полюбовная или материальная договорённость. Непосредственное начало

строительных работ планировалось на вторую половину 1914 года. К этому времени дело зашло так далеко, что в развитие проекта, возник вопрос о необходимости дополнить эту ветку ещё одной, уже от города Малоархангельска до волостного села Дросково (длина – 40 верст).

К сожалению, грандиозным планам сбыться было не суждено: вскоре началась I Мировая война. Российскому правительству и правлению Московско-Курской железной дороги пришлось решать совсем другие задачи. А потом случилась революция (и не одна), прокатилась с грохотом по нашей территории гражданская война…

Со времени первой попытки построить железную дорогу от станции Малоархангельск до города прошло более 140 лет, да и второму плану уже сто лет минуло. Будет ли третья попытка, согласно русской пословице? Один Бог знает. Во всяком случае, от самих малоархангельцев вряд ли что зависит. Или зависит? Как думаешь, читатель?

Как в Малоархангельске тюрьму в школу превратить хотели и что из этого вышло…

Если кто-то из читателей думает, что 31 декабря – день сугубо предпраздничный, в течение которого ни о каких серьёзных делах думать не приходится, то он сильно заблуждается.

Хотя, может быть, сейчас так оно и есть. А вот 100 лет тому назад один очень ответственный товарищ, начальник Малоархангельской уездной милиции Поликарп Внуков, именно 31 декабря 1919 года написал и отослал другому ответственному товарищу, заведующему отделом управления по внутренним делам при Малоархангельском уездном исполкоме (фамилия пока мне не известна – А.П.) *целый «Доклад», надеясь, что его ценные предложения найдут соответствующий отклик у вышестоящего начальства.*

О гуманном начальнике милиции и 75 дезертирах

В уездном Малоархангельске в середине декабря 1919 года, через месяц после освобождения города от деникинцев, происходили, как казалось тогда многим горожанам, эпохальные события. Коллегия уездного исполкома приняла решение о закрытии местной тюрьмы, существовавшей с начала XIX века.

Это учреждение долгие годы являлось одним из главных в городе и представляло собой комплекс из пяти зданий, занимавших целый квартал на окраине. Главный, двухэтажный каменный корпус, крытый железом, служил для содержания арестованных. В этом здании имелись не только общие и одиночные камеры для заключённых, но размещались также церковь со всем оборудованием и тюремная больница на семь кроватей.

Второе, чуть меньшее по размерам, но тоже каменное здание, занимали административные службы тюрьмы. В третьем, небольшом одноэтажном строении, находились баня, прачечная и кузница. Для административных служб было предназначено ещё одно здание, и, наконец, имелся отдельный деревянный дом, в котором проживал старший надзиратель Малоархангельской тюрьмы Иван Кононов.

В общем, если учесть особый режим и обособленность строений, то тюрьма была как бы небольшой крепостью внутри города. О тюрьме говорили, её боялись – и с опаской относились к тем, кто там работал. И вдруг: «Тюрьму закрывают» – пронёсся слух по Малоархангельску, «А вместо неё будет какой-то арестный Дом!»

Слухи слухами, но начальнику уездной милиции Поликарпу Внукову, в силу его должности, было известно гораздо больше, чем остальным горожанам, поскольку именно ему предстояло, по списку, принять всё имущество тюрьмы, с тем, чтобы потом передать его для организации арестного дома.

Из-за этой хлопотной процедуры и появившихся у него передовых мыслей решился начальник милиции на свой «Доклад» начальству.

Перечислив все тюремные постройки, о которых я выше уже сказал, Поликарп Внуков далее оценил их, как содержащиеся *«в надлежащей чистоте и только некоторые требуют ремонта».* А вот потом пошли в докладе рассуждения Поликарпа Дмитриевича о том, куда и кому их следует передать: *«Здания тюрьмы, как отжившие свой век, в целях поднятия культурно-нравственного значения народных масс, в особенности же, молодого подрастающего поколения, желательно было бы использовать для учебно-воспитательного заведения, как, например, народного дома, школы и т.п, тем более, что это здание находится на открытом месте и при нём весьма удобно разбить огород и культивировать сад. А потому, я полагаю, бывшую тюрьму, передать в распоряжение Малоархангельского уездного отдела народного образования – для устройства в ней культурно-*

просветительного заведения, чтобы раз и навсегда покончить с памятниками деспотического царизма».

А чуть ниже этих предложений начальник милиции доложил начальству, что творится в тюрьме в настоящее время:

«К сему считаю добавить, что в тюрьме содержатся 75 человек дезертиров, которые находятся в крайне антисанитарных условиях: спят на асфальтовом голом и грязном полу и очень скученно, что в настоящее эпидемическое время является недопустимым... Дезертиры портят стены, ломают подвесные тюремные кровати и вообще уничтожают и портят народное имущество, что является абсолютно невозможным.

А посему необходимо немедленно сообщить военкому о переводе дезертиров из тюремного помещения и отправления их по прямому назначению или же, в крайнем случае, устройстве для них сносного помещения».

Каким был ответ Поликарпу Внукову и был ли он вообще – я не знаю, поскольку в документах Государственного архива Орловской области, на основании которых я пишу этот очерк, такового не имеется.

Разобрали по кирпичику

Зато судьба Малоархангельской тюрьмы в течение трёх лет после принятия решения о её закрытии прослеживается из этих документов достаточно ясно.

Часть тюремного имущества уже 2 января 1920 года один из надзирателей, Алексей Беженов, на подводах повёз в Орловский Центральный Работный дом, а то, что осталось, должно было пойти для оборудования Малоархангельского арестного дома.

Такого рода карательные учреждения существовали короткое время при Советской власти. В них отбывали наказание лица, осуждённые местными судами на небольшие сроки (чаще – даже за административные правонарушения). Малоархангельский арестный Дом должен был быть создан при местной милиции и занимал бы какую-то часть одного из зданий бывшей тюрьмы.

Но уже в середине января 1920 года губернское начальство приняло решение об отмене решения Малоархангельского уездного исполкома и потребовало передать здания тюрьмы Управлению здравоохранения для организации «заразного госпиталя» (то есть, инфекционной больницы, в связи с большим количеством «заразных заболеваний»).

В результате же – и арестный Дом создан не был, и госпиталь инфекционный в Малоархангельске не появился.

Тюремные здания в течение двух последующих лет оказались фактически брошенными, без хозяина и охраны. В конце лета 1922 года о них вспомнил отдел юстиции Орловского губисполкома, в связи с большим недостатком мест в исправительных учреждениях области. Дело в том, что в Орловском исправительном доме, рассчитанном на 300 человек, отбывало постоянно наказание от 600 до 700 человек.

Отдел юстиции обратился в Президиум Орловского губернского исполкома с просьбой о необходимости открыть вновь некоторые из ликвидированных ранее уездных тюрем, в первую очередь – Малоархангельскую, расположенную в 14 верстах от железной дороги. Дали «добро» на это и в Москве.

В феврале 1923 года специально созданная комиссия во главе с представителем Орловского губернского управления местами заключения Лесничева обследовала состояние зданий Малоархангельской тюрьмы, простоявших два года «без дела». По итогам осмотра строений члены комиссии составили акт, в котором отметили, что за время, которое бывшая тюрьма находилась без присмотра, она пострадала от воров, сумевших поживиться водосточными трубами, камерными дверями, дверными замками, печными дверками, оконными рамами и стёклами. Больше всего было украдено оконных переплётов (25 штук) и стёкол (их вытащили из всех рам). В деревянном хозяйственном сарае оказалась разобранной и крыша.

Однако комиссия пришла к выводу, что после восстановления отсутствующих деталей и небольшого внутреннего ремонта Малоархангельская тюрьма вновь может быть использована по своему прямому назначению.

Однако этого так и не произошло. Губернское начальство быстро передумало, и о тюремных зданиях, понемногу приходивших в упадок и разворовывавшихся, больше не вспоминало.

И с ними случилось то, что всегда происходит в нашей стране с бесхозным (почему-то) имуществом: спустя некоторое время от двух двухэтажных каменных и трёх одноэтажных зданий не осталось ни-че-го, и даже само тюремное место в городе Малоархангельске мало кто теперь сможет найти.

Мечта начальника милиции Поликарпа Внукова о народном Доме или школе с садом и огородом так и осталась мечтой. А за уничтожение народного имущества, о чём так ратовал Поликарп Дмитриевич, так никто и не ответил.

Дополнение к очерку

Мандат
от 15 декабря 1919 года

Предъявитель сего действительно есть начальник Малоархангельской уездной Советской милиции Внуков Поликарп Дмитриевич, которому разрешается ношение и хранение разного рода оружия, хождение во всякое время дня и ночи, а также предоставляется право следить за всеми подозрительными лицами, в случае необходимости подвергать их аресту и препровождать по принадлежности.

Всем учреждениям и должностным лицам оказывать товарищу Внукову самое широкое содействие по службе, что подписями и приложением печати удостоверяется

Завотуправ

Секретарь (фамилии неразборчивы)

Год 20-й: проигранная битва за урожай

Трудно в наше время представить себе, чтобы чиновники какой – либо районной администрации в полном составе вдруг отказались бы подчиняться областным начальникам. А вот почти 100 лет тому назад, на заре Советской власти, подобное случилось в Малоархангельском уезде Орловской губернии.

«Продразвёрстка, продразвёрстка,
до чего ж ты довела…»

История эта началась ранней весной 1920 года, когда стало ясно, что в результате *«большого недорода, градобитий и прошедших на территории края в течение сентября – ноября 1919 года военных действий»,* а также продолжавшейся в ещё большем объёме продовольственной развёрстки сеять в Малоархангельском уезде будет нечем.

Следует пояснить (для молодых читателей – А.П*),* что продовольственная развёрстка в России периода 1919 – начала 1921 годов представляла собой систему заготовок сельскохозяйственных продуктов, при которой крестьяне в обязательном порядке сдавали государству по твердым ценам все так называемые «излишки» (сверх установленных норм на личные и хозяйственные нужды) хлеба и других продуктов. Проводилась продразвёрстка органами Народного Комиссариата продовольствия, продовольственными отрядами совместно с

комитетами бедноты и местными Советами в принудительном порядке. Нормы сдачи хлеба распределялись (разверстывались) как дань между территориями, и часто эти нормы были больше, чем запасы крестьян. Что касается развёрстки 1920 года, то 40 процентов от собранного мизерного урожая стали непосильной ношей для малоархангельских крестьян.

5 марта собирается пленум уездного исполкома, итогом которого стало единодушное обращение с ходатайством к губернским властям *«о бронировании всего годного на семена овса для обсеменения яровых полей и о снижении 40-процентной последней развёрстки на хлебные злаки и овёс».*

23 марта Губпродсовещание (главный орган Орловской губернии по решению продовольственных вопросов того времени – А.П) категорически отказывает малоархангельцам в их просьбе.

В ответ на это 30 марта прошедший в Малоархангельске 13-ый пленум исполкома принял постановление, в котором опротестовал решение Губпродсовещания сразу в двух народных комиссариатах – Наркомпроде и Наркомземе. В Народный комиссариат продовольствия пленум отправил специального делегата от уезда Мухина, который должен был цифровыми данными убедить Центр в том, что в случае выполнения требований губернских властей Малоархангельскому уезду грозит полная катастрофа *«в отношении обсеменения полей».*

До получения же ответа из Москвы Малоархангельский уисполком запретил вывозить за пределы уезда собранный по продразвёрстке овёс, хранившийся на ссыпных пунктах.

Почти месяц прошёл после этого, но положительной реакции на отчаянную просьбу малоархангельцев не последовало. Шёл вовсю апрель, начался сев (там, где с огромным трудом удалось наскрести по сусекам хоть что-то из семян), но в четырёх волостях Малоархангельского уезда семенного материала не имелось ни пуда.

Уезд против губернии: кто кого?

В таких условиях срочно собравшееся Уездное продовольственное совещание приняло решение выделить для посевной кампании Александровской, Ивановской, Малоархангельской и Губкинской волостям 10 тысяч пудов овса из резервного фонда, не дожидаясь санкций от губернского начальства.

Прибывший в Малоархангельск представитель от губисполкома товарищ Кошель потребовал созвать пленум

уездного исполкома для обсуждения принятого решения. 4 мая 1920 года пленум, главным на котором был вопрос «Об обсеменении яровых полей», состоялся.

Председатель Уисполкома Кривоногих выступил с докладом, в котором указал, что недосев, наблюдаемый в ряде волостей, происходит по причине того, что губернские власти запретили выдавать для посева зерно со ссыпных пунктов, а решение по выдаче овса четырём волостям было правильным, поскольку обсеменение полей необходимо. Председателя уисполкома поддержали остальные его коллеги:

«Подтвердить постановление Упродсовещания, то есть из предназначенного количества 15000 пудов овса Губпродсовещания для обсеменения запасного фонда Малоархангельского уезда зачесть 10000 пудов для четырёх волостей, а именно: Александровской волости – 6000 пудов, Ивановской – 2000 пудов, Малоархангельской и Луковской – по 1000 пудов. Выдачу произвести немедленно и в срочном порядке донести до сведения губисполкома».

Представитель губисполкома со звучной фамилией Кошель, присутствовавший на пленуме, протестовал изо всех сил против принятия такого решения, но члены исполкома его мнение проигнорировали, тем более, что вторая половина доклада председателя исполкома Кривоногих о продовольственной ситуации в городе и уезде добавила масла в огонь общего недовольства политикой губернского начальства..

Дело в том, что Кошель, прибыв в уезд, распорядился, во-первых, изымать у крестьян всё зерно, чтобы выполнить норму для уезда по продразвёрстке, а во-вторых, хлеб, имевшийся в Малоархангельске и предназначенный для больниц, приютов и других учреждений, он приказал отдать в распоряжение уездного военкома для армейских нужд. Это вызвало резкое противодействие всех местных жителей, а рабочие и служащие города, испытывая проблемы с питанием, стали уходить на север и юг, в хлеборобные области.

Копия решения 17-го заседания Уисполкома была направлена губернскому начальству. Семена со ссыпных пунктов только начали было выдавать представителям волостей, как через два дня в Малоархангельск внезапно нагрянул не кто-нибудь, а сам председатель Орловского губисполкома Василий Пакун.

18-е, Чрезвычайное, пленарное заседание Малоархангельского уездного исполнительного комитета Советов рабочих,

крестьянских и красноармейских депутатов открылось 7 мая, в 22 часа (ты можешь, читатель, представить себе такое сейчас?)

Главным вопросом повестки дня стало разбирательство с постановлением предыдущего пленума. Далее цитирую протокол заседания №18 от 7 мая 1920 года.

ПредУисполкома Кривоногих сделал *«доклад в порядке разъяснения т.Пакуну, в котором указал на то, что развёрстка, данная нам Центром, была непосильной, и исполнить таковую мы не в состоянии. Кроме того, в нашем уезде благодаря стихийному бедствию – градобитию некоторые места совершенно не имеют яровых семян. Мы неоднократно обращались в Наркомпрод и Губпродсовещание за разрешением выдать семена для нашего уезда, но в нашей просьбе нам было отказано. А между тем, в некоторых волостях 75 процентов пашни остаётся незасеянной».*

Председатель губисполкома Пакун, выступая, сказал, что цель его поездки заключается в том, чтобы выяснить все недоразумения, в особенности, о самовольной раздаче семенного материала, о которой знает Наркомпрод и Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, которые настоятельно требуют привлечь виновных к ответственности.

Т. Пакун указал, что в некоторых уездах тоже получен недопосев 75 процентов, но такого явления, как в Малоархангельском уезде, нигде не наблюдается, и мы должны смотреть с общегосударственной точки зрения, а не с точки зрения отдельного сельского хозяина.

Печально то, что Уисполком не считается с Центральной властью, и здесь можно отметить только два положения: или члены Уисполкома политически безграмотны, или же не доверяют Центру, но скорее можно допустить последнее».

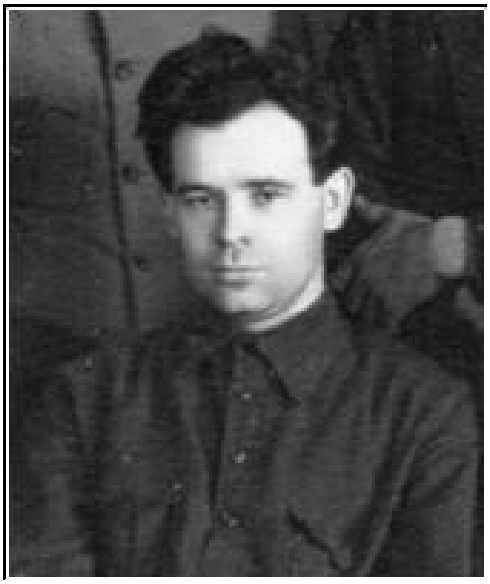
Почти все члены исполкома приняли участие в развернувшейся после выступления Пакуна дискуссии, в которой настаивали на правильности приятого ими решения о раздаче семян, но при голосовании (уже во втором часу ночи, т.е. 8 мая – А.П.) итогового решения пленума доклад председателя губисполкома приняли к исполнению, а постановление предыдущего заседания Уисполкома было аннулировано.

Вот так и завершилось двухмесячное противостояние малоархангельских и орловских губернских властей. Центр сумел настоять на своём.

А результатом стали незасеянные поля и неурожай в уезде осенью 1920 года. В марте 1921 года Малоархангельские

уисполком и уездный комитет партии отправили телеграмму Предсовнаркому В.И. Ленину, в которой охарактеризовали состояние сельского хозяйства в крае, завершив характеристику выводом: *«Продовольственное положение уезда удручающее... Во избежание катастрофы с обсеменением полей просим дополнительного наряда на семенной материал».*

И только с введением НЭПа ситуация в сельском хозяйстве как всей Орловской губернии, так и Малоархангельского уезда стала меняться в лучшую сторону.

Панфилов Василий Николаевич

Приложение

На фото – один из руководителей Малоархангельского уезда, Василий Николаевич Панфилов. Он вёл протокол заседания на том Чрезвычайном пленуме уездного исполкома 7 мая 1920 года. С июня 1924 по ноябрь 1925 года Панфилов был председателем Исполкома Орловского губернского совета, потом работал в Наркомате просвещения РСФСР. Был арестован по 58 статье в сентябре 1940 года, а 28 июля 1941 года расстрелян.

Можно ли рубль на сутки обменять?

Чтение официальных документов иногда бывает чрезвычайно увлекательным делом, тем более, если время в этих документах давнее. Вот и для меня знакомство с протоколами заседаний Президиума Малоархангельского уездного исполкома за 1924 год (ГАОО, ф.893, ед.хр.1924) оказалось очень познавательным занятием. Много нового узнал я о жизни в Малоархангельском уезде Орловской губернии почти 90 лет тому назад.

Но прежде, чем повести разговор об этой жизни, несколько слов необходимо сказать о самом Малоархангельском уезде. В 1924 году, после включения в него трёх волостей бывшего Кромского уезда (Муравльской, Тросненской и Гостомльской), он стал одним из крупнейших в Орловской губернии.

Высшим органом исполнительной власти в уезде в то время являлся Президиум Уездного исполнительного комитета во главе с Председателем (в 1924 году им был Синицын), который, регулярно (минимум, раз в неделю) собираясь на заседания, рассматривал множество самых разных вопросов, вынося по ним конкретные решения. Обычно на заседаниях присутствовало три-четыре члена Президиума УИК. Они, заслушав вопрос, принимали коллегиальное решение, оформляемое потом Постановлением.

НЭП: «заплатил — и спи спокойно...»

1924 год — это самое начало НЭПа (новой экономической политики — А.П.), при которой вводились определённые правовые гарантии для частной собственности. Так, 22 мая 1922 года ВЦИК издал декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых её законами и защищаемых судами РСФСР». Затем постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 года с 1 января 1923 года был введён в действие Гражданский кодекс РСФСР, который, в частности предусматривал, что каждый гражданин имеет право организовывать промышленные и торговые предприятия.

В промышленности и торговле возник частный сектор: некоторые государственные предприятия были денационализированы, другие — сданы в аренду; было разрешено создание собственных промышленных предприятий частным лицам с числом занятых не более 20 человек (позднее этот «потолок» был поднят). Появился червонец, который приравнивался к старой 10-рублевой золотой монете, содержавшей 7,74 г чистого золота.

Все эти нововведения хорошо были заметны и на малоархангельском уездном уровне.

Какие же основные частные промышленные предприятия имелись в 1924 году в нашем крае? Это, прежде всего, водяные и ветряные мельницы, просорушки и крупорушки, маслобойни, кустарные мастерские по производству и ремонту валенок и сапог, портняжные и некоторые другие мастерские. Гораздо больше имелось торговых заведений, разделённых на несколько категорий. Все эти заведения, для официального их существования, должны были обязательно пройти регистрацию, приобретя патент на право той или иной деятельности.

Однако, судя по протоколам Президиума Малоархангельского УИКа, не всегда хозяева открывавшихся предприятий,

мастерских или лавок уведомляли об этом органы власти. И потому, спустя некоторое время, по обнаружении нарушителей, Президиум Малоархангельского УИК принимал соответствующие решения. Рассмотрение такого рода материалов составляло значительную часть всех дел.

17 января 1924 года Малоархангельский УИК подверг штрафу на пять золотых рублей каждого:

гражданина села Нетрубеж Колпенской волости Алексея Ефимовича Бабенкова — за не регистрацию своей мельницы в милиции;

гражданина деревни Ново-Экономическая Куракинской волости Ивана Романовича Бутылкина — за несвоевременную регистрацию в милиции патента на свою мельницу;

гражданина деревни Белозёровки Луковской волости Василия Афанасьевича Лаушкина — за беспатентную работу на мельнице;

гражданина города Малоархангельска Ивана Корнеевича Сорокина— за беспатентную выделку кож и овчин;

гражданина села Губкино Лукъяна Павловича Бабенкова — за производство валеной обуви без патента.

На три рубля был оштрафован Иван Никитич Струков из села Дровосечного за беспатентное изготовление валеной обуви.

Сразу десять граждан города Малоархангельска Президиум УИК оштрафовал за беспатентную скупку и продажу товаров — на сумму от пяти до пятнадцати золотых рублей.

Суммы эти, после денежной реформы, оказывались достаточно значительными, не всякий оштрафованный мог их заплатить. И потому в постановляющей части решения УИКа, наряду с цифрой назначенного штрафа, писалось: *«с заменой при несостоятельности на …столько-то суток принудительных работ при Малоархангельском Исправительном Доме».* А число суток ареста определялось очень просто: *1 рубль = 1 суткам.*

Вот так разрешались в Малоархангельском уезде в 1924 году нарушения в экономической области.

О пьянстве, антисанитарии и бесприязных собаках

Президиум Малоархангельского УИКа рассматривал и такие вопросы, которые сейчас обсуждались бы, конечно, на более низком уровне.

По представлению начальника уездной милиции, четверо граждан города Малоархангельска — Алексей Зернов, Михаил Нецветаев, Александр Макаров и Василий Иванов были оштрафованы за распитие самогона и появление на улицах города

в нетрезвом виде. Правда, первого наказали на пять рублей (наиболее распространённая сумма), второго и третьего — на два рубля каждого, а последнего — всего лишь на рубль. Наверное, члены Президиума УИКа руководствовались степенью опьянения оштрафованных.

А вот «отличившегося» 12 января 1924 года гражданина села Александровки Ленинской волости, который не просто позволил себе появиться на улице пьяным, но ещё и устроил дебош, «приговорили» к 10 золотым рублям.

Президиум УИК не пощадил даже духовное лицо: священник Столбецкой церкви Иван Благовещенский был наказан строже остальных — 20 рублей за «распитие самогона» (в домашних условиях батюшку застали — но наказали всё равно — А.П.)

Здесь, как и в случаях с экономическими нарушениями, подвыпившие, протрезвев, могли решить сами — платить энную сумму или сидеть под арестом равное этой сумме количество дней.

Впрочем, иногда за пьянство наказание было другим. Когда начальник уездной милиции прислал в Президиум УИК бумагу о пьянстве председателя сельского совета Ивановского общества Верхососенской волости Ивана Малыгина, члены Президиума постановили отстранить его от должности и назначили в Ивани перевыборы. Ни штрафу, ни аресту бывший председатель сельсовета не подвергся.

Однако в похожем случае с председателем Грязновского сельского совета Куракинской волости Кудряшовым постановили не только отстранить провинившегося от должности, но и арестовать его на 14 суток. Возможно, наказание оказалось более суровым потому, что этот председатель, кроме пьянства, ещё и *«тайно занимался винокурением».*

Следил Президиум Малоархангельского УИК и за санитарным порядком в городе. По представлению начальника милиции, житель города Малоархангельска Иван Кубарев был оштрафован на 2 рубля *«за неподдержание чистоты против своего дома».* Что там можно было натворить в январе рядом с домом — трудно сказать. Но… порядок есть порядок.

Поэтому жителей села Сеньково Ленинской волости Чижикова и Понфилова УИК обязал заплатить по рублю штрафа за содержание собак без привязи.

Что касается других вопросов — то чего только не приходилось рассматривать в тот год УИКу.

К примеру, Президиум, изучив дело сотрудника Колпенского волисполкома Романова, обвинённого в халатном отношении к

служебным обязанностям, постановил подвергнуть его к аресту на семь суток при Малоархангельскои исправдоме.

Сразу 21 человек крестьян из деревни Нижнее Карлово Колпенской волости за неявку на сельский сход были предупреждены об административной ответственности и обязанности явиться на повторный сход.

УИК отстранял от должности и принимал на работу

Так, по материалу народного следователя 2-ого участка заведующий Алексеевским детским домом Москвитин и завхоз этого же детдома Давыдов были отстранены от должности и арестованы на 14 суток постановлением от 12 февраля 1924 года.

И в том же феврале, создав в Малоархангельском уезде Совет физической культуры, Президиум УИК назначил председателем этого Совета тов. Кондакова и назначил инструктором Совета гр. Кретову с *«выплатой ей оклада 10 червонных рублей в месяц».*

Президиум УИК рассматривал имущественные и налоговые вопросы

Постановлением Президиума Малоархангельского УИКа от 7 февраля 1924 года бывший дом помещика Емельянова в Куракинской волости был отдан под Народный Дом.

В тот же день было отменено решение председателя Колпенского сельсовета Михайлова о продаже дома помещика Потулова гражданину Рогозину, поскольку этот гражданин имеет *«неправильное удостоверение о бедности».* Президиум УИК подверг председателя Колпенского сельсовета аресту на трое суток за принятое решение, а члену Колпенского волисполкома Сопину, просмотревшему нарушение, был объявлен выговор.

Президиум Малоархангельского УИК 24 января 1924 года отклонил ходатайство Покровского волисполкома о снятии с Берёзовского сельсовета 496 пудов ржи на содержание Воровутской школы и предложил Покровскому ВИКу или взыскать хлеб, или получить вместо него деньги, необходимые для приобретения учебников в названную школу.

Основная масса рассматриваемых Президиумом Малоархангельского УИКа вопросов была репрессивного характера. Лишь изредка попадались позитивные деяния. Так, 7 февраля 1924 года, по просьбе Куракинского волисполкома, было разрешено в селе Куракино, по вторникам и субботам «организовать базары», которые проводились там ещё до

революции (всё-таки, время НЭПа сказывалось, торговля развивалась — А.П.).

И последнее. Когда в Президиум УИКа обратился житель Малоархангельска, гражданин Н. М.Коробов, о сдаче ему в аренду городской бани, которая бездействовала, члены Президиума дали своё согласие на аренду сроком на 6 лет, с оплатой в первый год 400 рублей арендной платы, а в остальные 5 лет — по 600 рублей, и с обязательным условием для арендатора *«производить текущий и средний ремонт и дооборудовать здание».* Видно, и членам Президиума Малоархангельского УИКа надоело мыться из тазиков в домашних условиях.

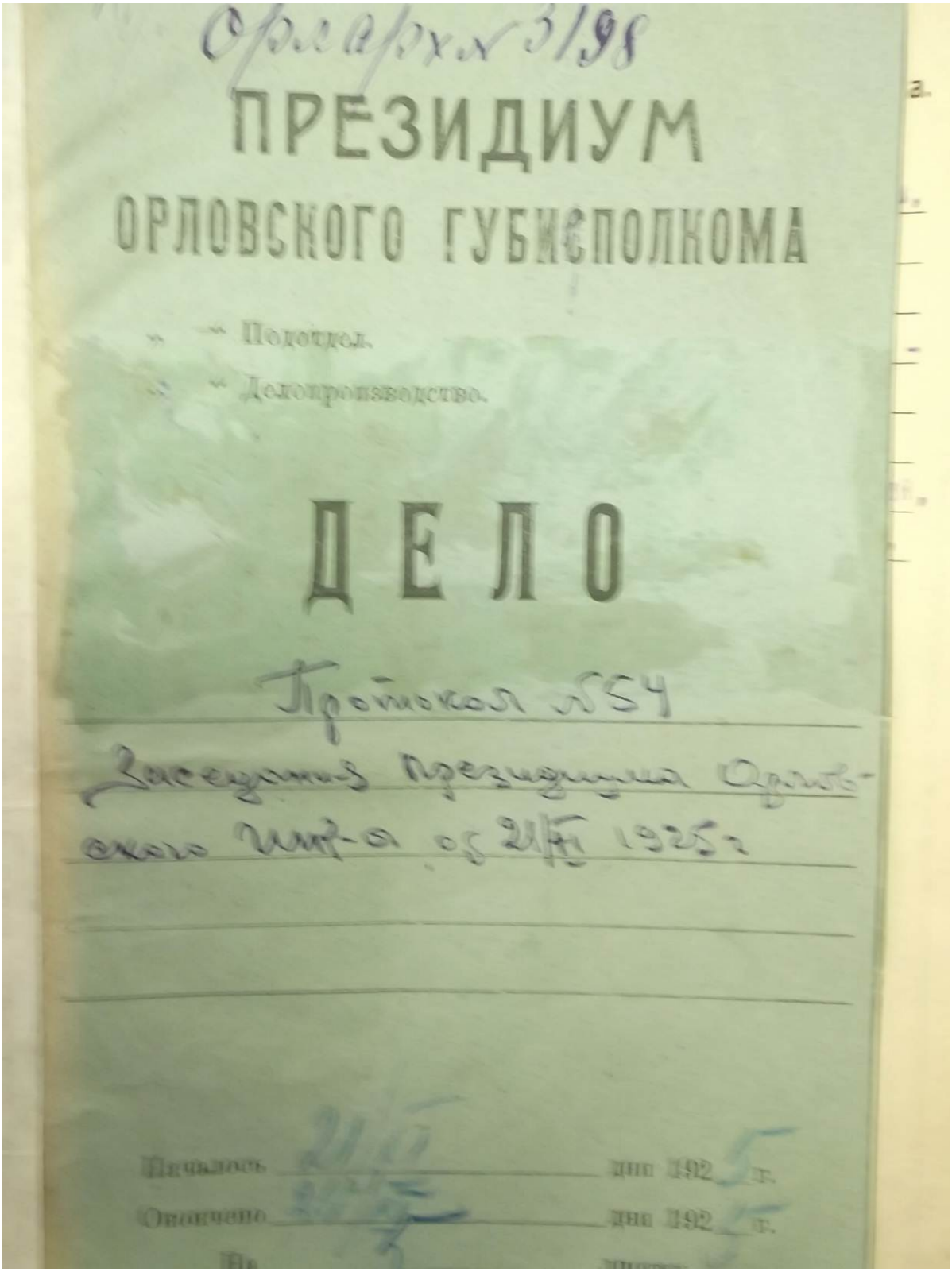
А вот удалось ли гражданину Н. Коробову наладить банное дело — пока не знаю. Впрочем, на такой большой срок в те годы редко кто заглядывал. Ведь и самому Президиуму УИКа существовать оставалось менее трёх лет.

Как Советская власть бывших малоархангельских помещиков из усадеб выселяла

21 ноября 1925 года в Орле состоялось 54-ое заседание президиума Орловского ГИК (губисполкома, в те годы это был высший орган исполнительной власти в губернии – А.П.)*, на котором присутствовало 23 человека – семь членов президиума ГИКа, четыре члена ГИКа, один кандидат в члены, губернский прокурор Шостак, трое работников орготдела ГИКа, трое работников губплана и представители от уездных исполкомов – Елецкого, Ливенского и Малоархангельского.*

Вёл заседание председатель президиума Орловского губисполкома Шелухин. Из стоявших в повестке дня двух вопросов главным, несомненно, был тот, по которому проходило рассмотрение списков бывших помещиков, подлежащих выселению по Ливенскому и Малоархангельскому уездам.

Дело в том, что 20 марта этого же года вышло постановление ЦИКа и Совнаркома СССР «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах», и теперь на местах необходимо было его выполнить.

Орлархив № 3198

ПРЕЗИДИУМ

ОРЛОВСКОГО ГУБИСПОЛКОМА

" " Подотдел.

" " Делопроизводство.

ДЕЛО

Протокол №54

Заседания президиума Орлов-
ского Губ-а от 21/II 1925 г.

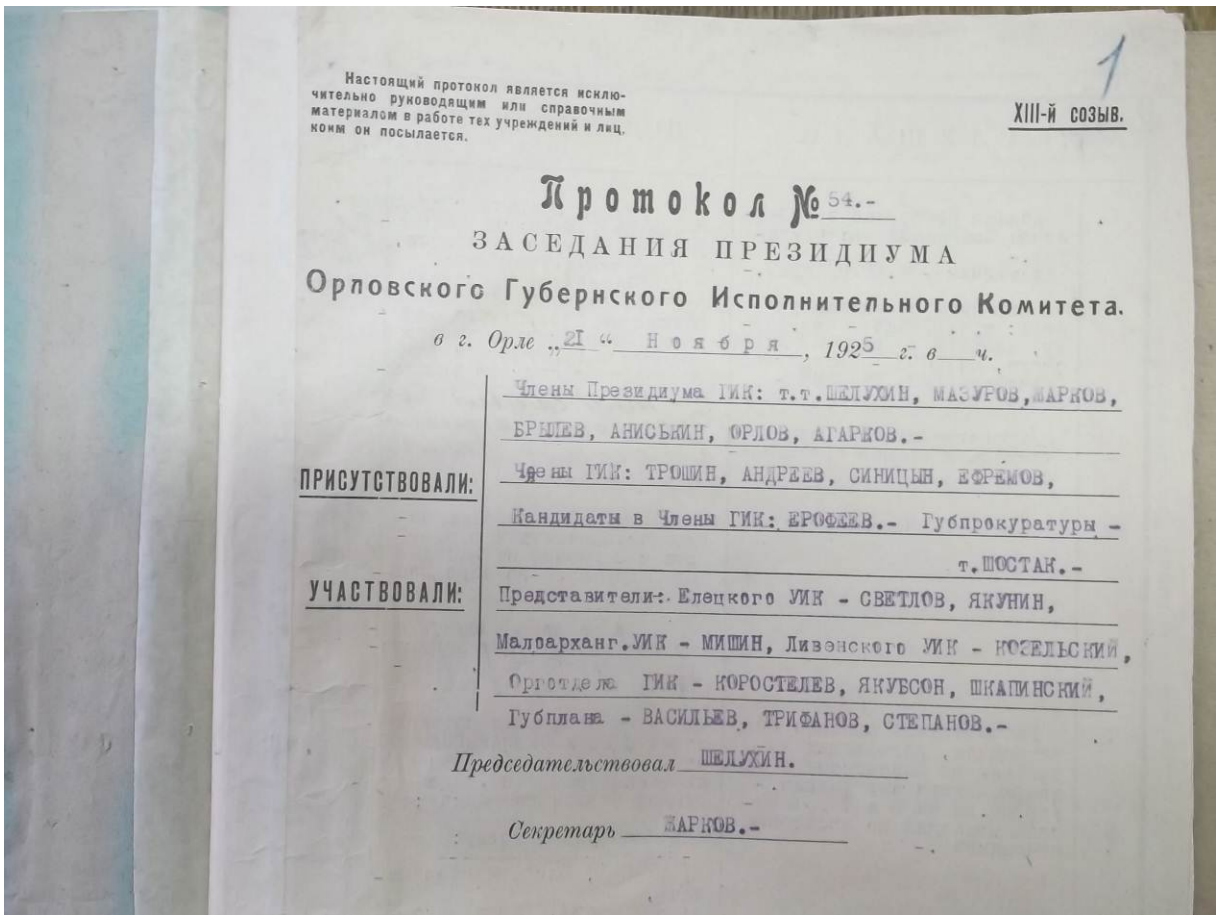
Начато 21/II дня 192 5 г.

Окончено 21/II дня 192 5 г.

На листах

Обложка «Дела о выселении помещиков»

Документ этот сравнительно небольшой по объёму, и поскольку он как-то выпадал из внимания местных историков-исследователей, то я его (с некоторыми сокращениями) процитирую:

Настоящий протокол является исключительно руководящим или справочным материалом в работе тех учреждений и лиц, коим он посылается.

1

XIII-й созыв.

Протокол №54.-

ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА

Орловского Губернского Исполнительного Комитета.

в г. Орле „21" Ноября, 1925 г. в ч.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Члены Президиума ГИК: т.т.ШЕЛУХИН, МАЗУРОВ, МАРКОВ, БРЮЛЕВ, АНИСЬКИН, ОРЛОВ, АГАРКОВ.- Члены ГИК: ТРОШИН, АНДРЕЕВ, СИНИЦЫН, ЕФРЕМОВ, Кандидаты в Члены ГИК: ЕРОФЕЕВ.- Губпрокуратуры - т.ШОСТАК.-

УЧАСТВОВАЛИ: Представители: Елецкого УИК - СВЕТЛОВ, ЯКУНИН, Малоарханг.УИК - МИШИН, Ливенского УИК - КОЗЕЛЬСКИЙ, Орготдела ГИК - КОРОСТЕЛЕВ, ЯКУБСОН, ШКАПИНСКИЙ, Губплана - ВАСИЛЬЕВ, ТРИФАНОВ, СТЕПАНОВ.-

Председательствовал ШЕЛУХИН.

Секретарь МАРКОВ.-

Первый лист протокола №54

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СССР
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 20 марта 1925 года

О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах

Рабоче-крестьянская советская власть своими первыми декретами отменила полностью и навсегда помещичье землевладение.

Вместе с тем рабоче-крестьянская власть предоставила некоторым бывшим помещикам, не проявившим в то время контр – революционной деятельности, право на надел земли по трудовым нормам и при условии ведения хозяйства без наемного труда, причем, зачастую это производилось на основании приговоров сельских обществ. Особое значение рабоче-крестьянская власть придавала культурному ведению хозяйства бывшими помещиками.

Однако, как показал 7-летний опыт, бывшие помещики, оставленные на принадлежавшей им ранее земле, не только не ведут культурного хозяйства, но в большинстве случаев разрушают доверенное им имущество. Под видом ведения культурного хозяйства, под видом организации сельско-хозяйственных артелей и коммун, бывшие помещики эксплуатируют крестьян, применяя наемный труд и устанавливая с окрестным населением кабальные отношения. Значительная часть бывших помещиков получила землю путем обхода существующих законов и путем злоупотреблений.

В то же время эта категория землепользователей оказалась непримиримо – враждебной по отношению к рабоче-крестьянской власти. Значительная часть бывших помещиков стала принимать активное участие в контр – революционном движении и в продолжении 7 лет ведет в деревне явную и скрытую контр – революционную агитацию против мероприятий советской власти, направленных к подъему крестьянского хозяйства, а равно использует и поддерживает пережитки старого режима – покорность и страх перед помещиком – в наиболее отсталых слоях крестьянства.

Все эти явления вызывают в широких слоях трудового крестьянства естественное возмущение.

Ввиду изложенного, Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР, на основании п. "н" ст. 1 Основного Закона (Конституции) Союза ССР постановляют:

1. Бывшие помещики из дворян и их семьи лишаются права на землепользование и проживание в хозяйствах, принадлежавших им до издания декрета о земле 26 октября 1917 г., и ныне находящихся полностью или частично в их фактическом пользовании.

3. Настоящее Постановление не распространяется:

а) на бывших земельных собственников трудового или полутрудового типа, которые приобрели в свое время землю при посредстве земельных банков или другими способами, путем закабаления себя платежами за землю в рассрочку, и работали на земле со своими семьями, с применением лишь добавочного наемного труда;

б) на лиц, активно боровшихся на стороне советской власти в рядах Красной Армии, а равно на таких лиц, ближайшие родственники которых активно боролись на стороне советской власти в рядах Красной Армии;

в) на лиц, имеющих особые заслуги, отмеченные постановлениями Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР, центральных исполнительных комитетов и советов народных комиссаров союзных республик.

4. Лишение лиц, перечисленных в ст. ст. 1 и 2, права на землепользование и проведение мероприятий по их выселению возлагается на советы народных комиссаров автономных республик и республик Закавказской федерации, президиумы губернских и областных исполнительных комитетов, а в союзных республиках, имеющих лишь окружное деление, – на президиумы окружных исполнительных комитетов.

5. Бывшие помещики и крупные землевладельцы, лишенные в порядке ст. 4 прав на землепользование и подлежащие вследствие этого выселению, обязаны сдать в целости находящееся в их пользовании национализированное имущество, поступившее к ним по передаточным описям или другим соответствующим актам. Постройки же, сооружения, живой и мертвый инвентарь и проч., приобретенные впоследствии самими пользователями, признаются собственностью последних и могут быть вывезены ими или проданы на месте. Урожай произведенного ими озимого посева 1924 г. и ярового посева 1925 г., предметы домашнего обихода, не входящие в состав принадлежностей сельского хозяйства (носильное платье, белье, мебель, книги, домашняя утварь и т.п.), а также предметы питания отобранию не подлежат.

6. Лицам, выселяемым на основании настоящего Постановления, предоставляется право на наделение землею в пределах трудовой нормы из колонизационно – переселенческого фонда тех губерний (и других соответствующих административно – территориальных единиц), в которых эти лица ранее не имели земельной собственности, с соблюдением при этом требований, установленных для переселенцев.

7. Выселение бывших помещиков и крупных землевладельцев должно быть закончено к 1 января 1926 года, причем, в первую очередь производится выселение помещиков из пограничных губерний (и других соответствующих административно – территориальных единиц)…

Председатель ЦИК Союза ССР М. КАЛИНИН

Председатель СНК Союза ССР А. РЫКОВ

Секретарь ЦИК Союза ССР А. ЕНУКИДЗЕ».

Во исполнение этого Постановления в Орловской губернии была создана губернская комиссия по выселению бывших

помещиков, а в уездах – уездные, которые в результате проведённой подготовительной работы представили к этому заседанию списки помещиков – как подлежащих выселению, так и остающихся в своих усадьбах.

Не буду в данном материале говорить о ливенских помещиках, остановлюсь только на малоархангельских.

Представитель Малоархангельского уездного исполкома Мишин представил три списка. В первом значились помещики, подлежащие выселению из занимаемых ими усадеб и из пределов уезда. Их оказалось 25 человек. Фамилии этих помещиков я приведу в том порядке, как они значатся в протоколе №54 Орловского ГИКа от 21 ноября 1925 года:

№ п/п	**Фамилия, имя, отчество**
1	***Казаков Николай Константинович***
2	***Покатилов Юрий Владимирович***
3	***Рейдмейстер Агнесса Валериановна***
4	***Троицкий Николай Андреевич***
5	***Франк Варвара Павловна и Шеина Ольга Павловна***
6	***Кашернинов Николай Леонидович***
7	***Паприц Николай Алексеевич***
8	***Кашернинов Гавриил Петрович***
9	***Потулова Елена Алексеевна***
10	***Пушечников Михаил Николаевич***
11	***Петровский Николай Николаевич***
12	***Шаталова Мария Михайловна***
13	***Вениери Екатерина Николаевна***
14	***Киреевская Ольга Григорьевна***
15	***Петрова Анастасия Ивановна***
16	***Языкова Ольга Васильевна***
17	***Гриневич Эрест (наверное, Эрнест) Викторович***
18	***Карогодин Иван Никитич***
19	***Малыгин Николай Михайлович***
20	***Подгорецкий Михаил Андреевич***
21	***Александров Дмитрий Дмитриевич***
22	***Тисов Николай Александрович***
23	***Леонов Сергей Михайлович***
24	***Мацкий Арсений Аркадьевич***

Из перечисленных фамилий некоторые оказались мне хорошо знакомы, потому что писал о них самих или о представителях их семейств (Покатилов, Киреевская), но, поскольку это отдельная тема, я коснусь её в другой раз.

В списке № 2 по Малоархангельскому уезду были представлены те лица, которые, согласно мнению комиссии по выселению и местных органов Советской власти, не подходили под «действие декрета о выселении бывших помещиков», и им можно было остаться в занимаемых ими усадьбах.

Этот список включал в себя в два с лишним раза больше народу (бывшие помещики, которые за семь лет существования Советской власти сумели доказать ей свою лояльность – А.П.).

№ п/п	Фамилия, имя, отчество
1	***Архангельский Александр Иосифович***
2	***Арнольди София Константиновна***
3	***Беликовы Иван и Василий Антоновичи***
4	***Ерохины Дмитрий и Константин Дмитриевичи***
5	***Кузнецов Яков Алексеевич***
6	***Лисичкины Иван и Александр Андриановичи***
7	***Лисичкин Иван Егорович***
8	***Лисичкина Анна Евдокимовна***
9	***Оловенникова Елизавета Николаевна***
10	***Селезнёва Анна Александровна***
11	***Херов Николай Павлович***
12	***Черемисин Андрей Иванович***
13	***Крылов Павел Иванович***
14	***Крылов Михаил Петрович***
15	***Мозговой Никита Викторович***
16	***Мамонтов Николай Дмитриевич***
17	***Орлов Николай Николаевич***
18	***Топковы Серафим, Иван и Вениамин Сергеевичи***
19	***Селиванов Алексей Павлович***
20	***Сидельников Александр Николаевич***
21	***Селезнёва-Николенко Василиса Матвеевна***
22	***Троепольская Анна Александровна***
23	***Селиванов Егор Павлович***
24	***Ураловы Сергей, Николай, Александр, Василий и Иван Ивановичи***

25	***Шилов Василий Андреевич***
26	***Аккуратов Александр Капитонович***
27	***Барковы Алексей, Григорий и Иван Николаевичи***
28	***Митрошины Козьма, Илья и Дмитрий Филипповичи***
29	***Самсоненковы Алексей, Николай и Владимир Глебовичи***
30	***Пономарёвы Пётр и Василий Максимовичи***
31	***Херов Иван Николаевич***
32	***Яковлев Николай Феоктистович***
33	***Агарков Никита Данилович***
34	***Алферов Пётр Павлович***
35	***Башкатова Матрёна Ерофеевна***
36	***Егоров Венедикт Алексеевич***
37	***Шатохин Роман Михеевич***
38	***Юров Алексей Андреевич***
39	***Демьянов Игнат Иванович***
40	***Кобынцев Иван Максимович***
41	***Можаров Иван Васильевич***
42	***Пырсин-Филатов Андрей Фролович***
43	***Русанов Александр Андреевич***
44	***Рюмшин Александр Алексеевич***
45	***Третьякова Матрёна Васильевна***
46	***Егурнова Мария Егоровна***
47	***Ильменков Дмитрий Иванович***
48	***Сиротина Надежда Владимировна и Гулин Дмитрий Дмитриевич***
49	***Полякова Анисья Дмитриевна***
50	***Борисов Дмитрий Тихонович***
51	***Волобуев Гавриил Павлович***
52	***Путилин Иван Иванович***
53	***Рубцов Филипп Васильевич***
54	***Самойлов Николай Яковлевич***
55	***Шабунова Елиавета Артёмовна***
56	***Барановский Дмитрий Фёдорович***

Общее число оставленных в своих усадьбах помещиков составило 73 человека, но это вовсе не означало, что их теперь навсегда оставили в покое. Подойдёт время коллективизации, и эти, пока помилованные, попадут уже в другие списки –

подлежащих «раскулачиванию». Такая судьба, к примеру, выпала большому семейству Лисичкиных (они помещиками никогда не были – купцами или зажиточными крестьянами, – да – А.П.), живших в Успенской волости.

Так что почти все эти люди навсегда потом распрощались с Малоархангельским уездом, а некоторые – и с жизнью.

И в последнем списке № 3 значились 13 фамилий бывших помещиков, в отношении которых было прекращено производство дела о выселении, поскольку они или уже не проживали в усадьбах, или их имущество уже у них отобрали ранее.

Вот фамилии помещиков из этой «чёртовой дюжины»:

№ п/п	**Фамилия, имя, отчество**
1	***Оловенникова Варвара Алексеевна***
2	***Петкевич Нина Владимировна***
3	***Крылов Алексей Иванович***
4	***Курочкин Моисей Александрович***
5	***Сасин Николай Андреевич***
6	***Знаменская Анна Александровна***
7	***Аксенова Пелагея Фёдоровна***
8	***Гревцев Михаил Дмитриевич***
9	***Догаев Василий Михайлович***
10	***Дмитриев Яков Дорофеевич***
11	***Егоров Василий Дормидонович***
12	***Хоныков Митрофан Дмитриевич***
13	***Потёмкин Сергей Дмитриевич***

Последними пунктами в протоколе №54 заседания президиума Орловского губисполкома стояли следующие:

1. Бывших помещиков, подлежащих выселению, предложить выселить немедленно (сроки-то поджимали, а за невыполнение их могли наказать – А.П.)…

2. Предложить губернскому земельному управлению разработать Положение об использовании имущества выселяемых помещиков и представить на утверждение президиума губисполкома.

P.S. Какая судьба выпала на долю выселенных представителей «враждебных классов», мне пока неизвестно…

Владимир Подгорецкий
и его иностранные потомки

История, которую я хочу рассказать тебе, уважаемый читатель, началась несколько лет тому назад. Если быть точным, то 19 февраля 2012 года, когда на сайте «Малоархангельск.Ру» я опубликовал очерк под названием «Как Советская власть бывших малоархангельских помещиков из их усадеб выселила» (и с которым ты только что познакомился в книге – А.П.)

Из Смоленска и Киева - в Малоархангельск

В очерке шла речь о нескольких десятках малоархангельских помещиков (и просто зажиточных людях), которые, спустя несколько лет после революции, хотя и потеряли значительную часть своего имущества, всё ещё продолжали жить в собственных домах.

Но в 1925 году ситуация резко поменялась. И для бывших помещиков наступили очень трудные времена: их стали выселять из родовых гнёзд, частенько отправляя в «места отдалённые».

После публикации очерка прошло более полутора лет, как вдруг 8 ноября 2014 года в комментариях к выставленному материалу появилось небольшое письмо на английском языке. После некоторых затруднений мне удалось перевести текст, из которого стало ясно, что послание написано родственницей одного из героев моего очерка, потомком помещика Подгорецкого из Малоархангельского уезда. Я ей ответил. Так началась переписка с уроженкой Франции Жоржеттой Подгорецки Фаррелл, результатом которой стал большой материал о судьбе малоархангельских дворян Подгорецких и не только о них… Предлагаю этот очерк твоему вниманию, дорогой читатель.

Всё, о чём поведу речь далее, я узнал частично от Жоржетты, но большую часть информации почерпнул в фондах Государственного архива Орловской области, помогая моей новой знакомой в поисках сведений о её предках.

В «Алфавитном Указателе дворянских родов Орловской губернии» мне удалось найти семейство дворян Подгорецких. Глава его, Андрей Иванович, родился 30 ноября 1837 года в Смоленске. Вообще-то, род этот – польского происхождения (на гербе Подгорецких изображён «…в лазуревом щите серебряный с золотой рукояткой меч острием вниз, по трём сторонам щита по

серебряной подкове» – А.П.) и, по всей видимости, уже его отец поступил на русскую службу и оказался в Смоленске.

Андрей Иванович поздно, далеко за 40 лет, женился на уроженке Киева Марте Жемчужиной. Невеста была моложе на 17 лет. Где и когда состоялось их венчание, узнать мне пока не удалось, как и то, почему они оказались в Малоархангельском уезде Орловской губернии. Скорее всего, Андрей Иванович Подгорецкий, имея определённое состояние, купил себе небольшое имение в старинном селе Упалый Колодезь (в 1908 году он значился здешним землевладельцем, имея 60 десятин земли – А.П.).

«Выселить. Изъять»

Семья Подгорецких, появившаяся в самом начале 80-ых годов XIX века, быстро росла численно, один за другим рождались дети: первенец, Борис, - 16 июля 1882 года, затем появились на свет Александра (11 апреля 1886 года), Павел (1 января 1888 года), Владимир (29 апреля 1891 года), Елена (20 мая 1894 года).

Родители дали своим детям хорошее образование: все сыновья и дочери обучались в Малоархангельском училище, Орловских мужской и женской гимназиях, а Владимир, самый младший из братьев – в Бахтина кадетском корпусе. По окончании учебных заведений работали в Орле и Малоархангельске.

В нескольких «Памятных книжках Орловской губернии» за 1913–1916 годы мне удалось найти информацию о представителях семейства Подгорецких: Елена Андреевна значилась надзирательницей Малоархангельской женской 7-классной гимназии (её адрес – Малоархангельск, Щигровская улица,

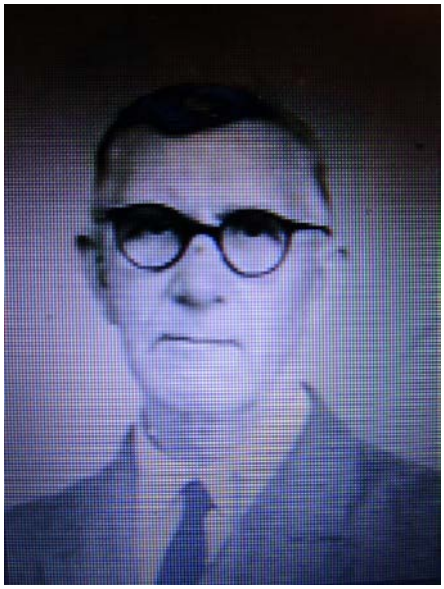
дом городского общества); Павел Андреевич - служил в Орле секретарём губернского попечительства о тюрьмах комитета (адрес - город Орел, Пушкарная улица, переулок Зеленый ров, дом Зельшейхов – А.П); Владимир Андреевич – был полицейским надзирателем 2-го участка города Малоархангельска (адрес - Архангельская улица, дом Кирилловой).

Старший из братьев, Борис Андреевич Подгорецкий, к этому времени, после смерти отца, хозяйничал в имении в селе Упалый Колодезь. Про старшую из сестёр, Александру Андреевну, сведений найти не удалось.

Революции 1917 года и начавшаяся гражданская война поменяли жизнь многих россиян и семьи Подгорецких тоже, но какой оказалась судьба большинства братьев и сестёр – не известно.

О Борисе Андреевиче Подгорецком я уже упомянул. Его фамилию я встретил трижды в «Протоколах заседаний комиссий по выселению бывших помещиков по уездам Орловской губернии» в течение 1925 года. Процитирую один из документов: *«Протокол № 4 заседания губернской комиссии по выселению помещиков от 2 октября 1925 года».* На заседании разбирались материалы о выселении бывших помещиков по Малоархангельскому уезду. По одному из пунктов слушали:

«Подгорецкий Борис Андреевич, из дворян, до революции имел 73 десятины. Состав семьи – 5 человек, земли имеет 12 десятин, в число которой входит и земля зятя Морозова на 3 души, живущего в г. Малоархангельске. Сам Подгорецкий применяет наемный труд до сего времени, а также имеет кабальное отношение к крестьянству и, кроме того, один член семьи Подгорецких бежал с белыми и до сего времени не возвратился (речь идёт о младшем брате Владимире – А.П.). Проживает при с.Упалое Луковской волости». Резолюцию по итогам обсуждения данного вопроса участники заседания вынесли такую: *«Выселить. Имущество подлежит изъятию».* Вот так, просто: «Выселить. Изъять». Что случилось далее с Борисом Андреевичем Подгорецким и членами его большого семейства – пока выяснить не удалось.

Владимир Подгорецкий

Тюрьма в Малоархангельске

Ожоги и шрамы любви не помеха

Как ни странно, как раз о том, кто оказался за пределами нашей Родины, информации с момента моей переписки с Жоржеттой Подгорецки Фаррелл, оказалось существенно больше.

Офицер Белой Армии, уроженец Малоархангельска, Владимир Подгорецкий в конце гражданской войны эмигрировал из России и (далее цитирую отрывок из письма его приёмной внучки – А.П.): «прибыл в Королевство Сербов, Хорватов и словенцев (Югославия). Там он женился на Зиване Илич, а в 1943 году они усыновили моего отца Джорджа…». К этому времени Владимир Подгорецкий и его жена прожили в браке более 20 лет, видно, уже отчаялись родить ребёнка и решились на усыновление. Причём, приёмный сын Джордж (Георгий), сирота, живший в детском доме в Белграде, пострадал при бомбёжке, его лицо было в ожогах и шрамах. Но «следы войны» не остановили усыновителей. Джордж стал Владимиру и Зиване по-настоящему родным, он получил от приёмных родителей всё, что они имели: от большой любви до фамилии – «Подгорецкий».

В 1950 году изменившиеся обстоятельства в Югославии вынудили Подгорецких покинуть страну: они оказались в лагере беженцев в Италии, где в городе Триесте в 1955 году умерла после тяжёлой болезни Зивана. Владимир Подгорецкий не смог оставаться там, где скончалась любимая супруга, и, сам болея, на следующий год переехал в Бельгию, где в городке Итр (провинция Валлонский Брабант – А.П.) поселился в доме ветеранов. Там же он и скончался в начале 70-ых годов XX века.

Приёмный сын Подгорецких, Джордж, после смерти матери и отъезда отца, оставался в Италии, где вскоре женился на уроженке Хорватии, простой работнице текстильной фабрики (с 14 лет трудилась по 12 часов день и ночь). В 1962 году молодая семья переехала во Францию, где и родилась Жоржетта Подгорецки, а потом и её брат Борис (случайно или нет, не знаю, но имя выбрано как будто в напоминание об одном из малоархангельских предков – А.П.).

В жизни матери Жоржетты, её самой и брата, несмотря на то, что Владимир Андреевич Подгорецкий был приёмным отцом и дедом, он всегда оставался в их семейных преданиях не просто легендарным персонажем, а человеком, достойным памяти.

После смерти Джорджа Подгорецкого его жена (мать Жоржетты – А.П.) решила принять французское гражданство (не для себя, скорее, ради детей – А.П.), и ее новый работодатель предложил изменить фамилию Podgoreckiy на что-либо более французское. Но она отказалась и сказала дочери, что это имя останется священным, и его надо сохранить.

С того времени Жоржетта стала больше внимания уделять поискам информации, связанной с Россией, с Малоархангельском,

с Подгорецкими. И хотя по-русски она не говорит, но письменная русская речь ей близка (сербскохорватский язык использует в алфавите как кириллицу, так и латиницу – А.П.), поэтому уроженка Франции хорошо ориентируется в интернетских русскоязычных сайтах. Так она однажды вышла и на «Малоархангельск.Ру».

Я немного помог ей в поисках сведений о семействе Подгорецких из Малоархангельского уезда, она мне рассказала, что знает о Владимире Андреевиче, своём приёмном деде, и его родственниках. Поведала Жоржетта, что первоначально у бывшего белого офицера и документы в эмиграции имелись, и даже карта Малоархангельска. Но при бегстве из Югославии в Италию почти всё пропало. Сохранилось только три фото, да и то не очень хорошего качества.

Жоржетта Фаррелл в настоящее время живёт в Ирландии, в Голуэе, она - преподаватель французского языка в Альянс Франсез, а также читает лекции в университете. Кроме того, учит на дому французскому языку, искусству и живописи детей и взрослых.

Странная штука жизнь… Владимир Подгорецкий, уроженец Малоархангельского уезда, белый офицер, ещё в 1920 году покинувший родину, должен был давным-давно раствориться в реке времени, ведь он и детей-то родных не имел. Но его имя помнят уже в третьем поколении люди, совсем другие по национальности, языку и религии. Помнят потому, что он всегда, куда бы судьба его не заносила: в Югославии, Италии, Бельгии, оставался человеком.

Жоржетта Подгорецки Фаррелл из Ирландии, где зарабатывает на хлеб насущный, регулярно ездит во Францию, навещая маму. И в обеих странах, как только выдаётся свободная минутка, быстро заглядывает на сайт «Малоархангельск.Ру» - как там дела, в маленьком уголке России, на родине её деда?

Неожиданное продолжение

После того, как на сайте «Малоархангельск.Ру» была опубликован эта часть повествования, я не рассчитывал ни на какое продолжение. Но «человек предполагает…», а что получилось? Спустя короткое время мне на электронную почту поступило послание от Жоржетты Подгорецки Фаррелл, которая до этого не писала достаточно давно. А тут вдруг (цитирую – Александр Полынкин):

«Уважаемый Александр!

Это давно просроченное сообщение, но, как вы знаете, все происходит в свое время. И Вы были правы, я действительно слежу за вашим маленьким уголком России из моего влажного и ветреного уголка на западе Ирландии.

Прежде всего, я хотела бы поблагодарить Вас, а также выразить благодарность моей матери за вашу работу по публикации истории моего дедушки Владимира Подгорецкого.

Как вы упомянули, он должен был затеряться в реке времени, но нам удалось вернуть его на родину, в Малоархангельск.

Моя мать, которая прожила 1940–1950 годы в Югославии, слишком хорошо знает, как люди просто исчезали, поглощенные ночью, чтобы никогда больше не быть услышанными или увиденными. Ужасная вещь для тех, кто остался позади, вечно задаваясь вопросом: «Что случилось с их близкими?»

Поэтому огромное достижение – восстановить личность Владимира как человека, родившегося и получившего образование в конце XIX века в Орловской губернии.

Как вы говорите, меньше известно о судьбе его братьев и сестер, которые оставались там до 1925 года. Может быть, кто-то сможет прочитать вашу статью и установить связь.

А пока я могла бы найти что-нибудь, что бы Вас заинтересовало. Я довольна тем, что было найдено до сих пор, но Вы сказали, что не смогли установить, как и почему отец Владимира Андрей, родившийся в Смоленске, приехал жить в этот район.

Я попыталась выяснить, используя информацию из вашей статьи, что-либо о Подгорецких и селе, в котором они жили. Я думаю, что нашла ответ в книге «Польский костел и курское панство» (автор - Вероника Тутенко), в которой упоминается Мария Иосифовна Рудзиевская, из села Упалый Колодезь Малоархангельского уезда».

Жоржетта прислала и ссылку на названную ею книгу, из которой я процитирую чрезвычайно любопытный документ:

«Таинственная героиня истории

В истории костела (сохранившегося до настоящего времени и располагающегося в Курске по улице Марата, 23, до революции – улица Нижняя Гостинная – А.П.) остается немало тайн. Одна из загадочных и светлых фигур в ней – дворянка из Орловской губернии Мария Рудзиевская. О судьбе ее практически ничего не известно, но ее доброе имя вписано в историю.

Приводим ниже текст завещания, сыгравшего столь важную роль в судьбе курской Католической общины (с сохранением орфографии и пунктуации оригинала).

«Выписка из актовой книги на недвижимое имение МалоАрхангельского нотариуса Савицкого за 1889 год, стр. 14, стр. 15, № 82 тысяча восемьсот восемьдесят девятого года, августа одиннадцатого дня.

Я, Альфонс Осипович Савицкий Мало Архангельский нотариус, имеющий контору на Нижней улице в доме Голованова, по приглашению дворянки девицы Марии Осиповны Рудзиевской направлялся в дом ее, находящийся в селе Упалом Колодезе Мало Архангельского уезда, где она, г. Рудзиевская, лично мне известная и имеющая законную правоспособность к совершению актов, в присутствии трех, лично мне известных свидетелей: священника Упалого Колодезя Алексея Ивановича Красовского, Коллежского Секретаря Бронислава Антоновича Долячко и Мало Архангельского мещанина Александра Петровича Никулина, живущих: Красовский в селе Упалый Колодезь, Никулин – в селе Коротеевка Мало Архангельского уезда, Долячко – в г. Москве, на Большой Молчановке, дом № 33, объявила, что желает совершить духовное завещание следующего содержания:

«Я, нижеподписавшаяся, дворянка девица Мария Осиповна Рудзиевская, находясь в здравом уме и твердой памяти, на случай моей смерти признаю за благо настоящим моим духовным завещанием, совершенным мною у Орловского нотариуса Архиреева двадцать четвертого января тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года, стр. 36 № 16 и взамен такового объявляю посмертную волю мою в нижеследующем:

1. соответственно мне принадлежащее, мною благо, приобретенное недвижимое имение, состоящее в Орловской губернии Мало Архангельского уезда при селе Упалый Колодец и заключающееся в земле разного качества и наименования, с домом и иными всеми постройками, всеми вообще угодьями, завещаю я в вечную и потомственную собственность родным братьям дворянам Смоленской губернии Ихновского уезда капитану Николаю и подпоручику Андрею Ивановичам Подгорецким в их общее владение, в равных частях с тем, чтобы они из доходов означенного имения выдавали ежегодно сестре своей Елизавете Ивановне Протопоповой по день ее смерти по сто рублей серебром, т.е. каждый по пятидесяти рублей;

2. Все расходы, как по утверждению к исполнению настоящего моего духовного завещания, так и по исполнению

изложенной таковой моей воли, а также и на мои похороны должны быть уплачены из принадлежащих мне денег, находящихся по книге вкладов за № семьсот четвертым в Орловском Отделении Государственного Банка, остаток которых, словно бы такового не оказалось, я завещаю на постройку размещенного в г. Курске Римско-католического костела, с тем, чтобы деньги эти после моей смерти были обращены в Государственные процентные бумаги и сданы на хранение в Государственный Банк или его отделение в г. Курске. Из процентов по этим бумагам, ежегодно по триста рублей должно выдаваться ныне находящемуся в г. Курске костелу на его украшение и нужды, а остальные проценты должны быть присоединены к капиталу. По открытию постройки нового вышеописанного в г. Курске костела, должны выдаваться по частям в суммах, надобность которых будет доказана лицами, заведующими постройкой костела;

3. Душеприказчиком по исполнению настоящего моего духовного завещания назначаю помещика Мало Архангельского уезда Андрея Христофоровича Языкова, которого прошу и поручаю ему все мои распоряжения исполнить в точности;

4. Цену завещаемому имуществу предоставляю право объявить по совести при предоставлении этого духовного завещания на утверждение к исполнению проекта сего акта читать завещательницу Марией Осиповной Рудзиевской в присутствии вышеупомянутых свидетелей, и по одобрению его, и удостоверении, что она, Рудзиевская, по доброй воле желает этот акт совершить и понимает его смысл и значение. Внесен в актовую книгу, из которой вновь может быть прочитан под тем же порядковым номером».

Выписка на восьмидесятикопеечном гербовом листе следует выдать завещательнице Дворянке девице Марии Осиповне Рудзиевской, после смерти которой в течении годового Срока, должно быть представлено в Орловский Окружной Суд на утверждение к исполнению. К сему духовному завещанию дворянка девица Мария Осиповна Рудзиевская, живущая в селе Упалом Колодезе Мало Архангельского уезда, а по слабости руки из-за болезни и по ее личной Просьбе приложил руку, псаломщик села Упалый Колодез Мало Архангельского уезда Василий Михайлович Звягинцев. При совершении этого духовного завещания дворянкою девицею Марией Осиповной Рудзиевской, которую я вдел и нашел в здравом уме и твердой памяти.

В том, что за слабостью руки по болезни завещательницы Рудзиевской, по ее личной просьбе к этому духовному завещанию

приложил за нее псаломщик села Упалого Колодезя Василий Михайлович Звягинцев, свидетелем был и руку приложил священник села Упалого Колодезя Мало Архангельского уезда Алексей Иванович Красовский, живущий в том же селе.

В том же свидетелем был и руку приложил Мало Архангельский мещанин Александр Петрович Никулин, живущий в селе Коротеевке Мало Архангельского уезда.

Нотариус А. Савицкий.

Выписка эта слово в слово, сходная с подлинным актом записана в реестре 1889 года под № 1107 и выдана дворянке девице Марии Осиповне Рудзиевской тысяча восемьсот восемьдесят девятого года, августа одиннадцатого дня. Нотариус А. Савицкий.

Подлинные подписи».

Сумма завещанного капитала, хранившаяся до поры в государственном банке, по тем временам была внушительной — 15 554 рублей».

Из этого завещания видно, как и почему Андрей Иванович Подгорецкий оказался в селе Упалый Колодезь: он получил наследство от родной сестры (правда, сразу возникает вопрос, почему у неё другие фамилия и отчество? – А.П.) и переехал сюда. А сестрица, между тем, оказалась крупнейшим меценатом, пожертвовав сумму в 15 с лишним тысяч рублей на строительство в Курске католического костёла.

Дальше я продолжу цитирование письма Жоржетты Подгорецки Фаррелл:

«Я ничего не нашла по селу Упалый колодезь, но я уверена, что вы знаете, где искать, может быть, сведения о его церкви.

Я иду по следам рассказа моей матери, Марии Рукавиной-Подгорецкой, которая вспомнила об этой истории. Иногда вы чувствуете, что люди приукрашивают истории, но всегда есть элемент правды. Она знала, что эта семья родом из Польши, и что они - католики. После конфликта (войны, сражения), в котором они участвовали, и где были разногласия с другой частью семьи (братьями, двоюродными братьями), наши предки покинули Польшу, поселились в России и, очевидно, спустя какое-то время приняли православие. Однако зачем Марии Осиповне Рудзиевской, если она православная, дарить более 15 000 рублей на строительство католического храма?

Я верю, что как историк, Вы найдете интересное продолжение истории, которую вы уже напечатали.

Я также рада видеть имя матери Владимира. Я не была уверена, как это пишется. Просто из любопытства, это русское

имя? Мы уже такая смешанная семья, что на данном этапе меня ничто не удивит.

Я очень надеюсь, что на каком-то этапе кто-то сможет пролить свет на судьбу братьев и сестер Владимира. Вы были правы, упомянув, что мой брат Борис назван в честь старшего брата Владимира, а я назвала свою дочь в честь его младшей сестры Елены.

Может быть, в Упалом Колодезе осталось кладбище, где покоятся его родители? Может быть, если вы посетите церковь, вы могли бы зажечь свечу для них. Приятно знать, что они живут в наших сердцах.

Александр, я желаю Вам удачи в ваших дальнейших исследованиях и надеюсь, что жители Малоархангельска по достоинству оценят ту работу, которую Вы делаете. Для людей, которые знают, откуда пришли их предки, и которые живут в том же районе, это не те вопросы, о которых они, вероятно, спросят. Но для переселенцев, живущих за тысячи километров, в разных странах, есть необходимость исследовать какие-то корни и в нашем случае вернуть имя Владимира на родину.

У меня есть друг, который, когда я упомянул о своих исследованиях, просто сказал: «Ваш дедушка хочет, чтобы вы его нашли!»

Со всей моей благодарностью,

Жоржетта Подгорецки Фаррелл».

Вот такое продолжение и, уважаемый читатель, видимо совсем не окончание, потому что по селу Упалый Колодезь я, действительно, попытаюсь что-то найти. Что-то по ставшим неожиданно близкими польским выходцам Подгорецким…

А в заключение – несколько слов о курском католическом костёле, немалую сумму на построение которого пожертвовала помещица села Упалый Колодезь Малоархангельского уезда Мария Осиповна Рудзиевская, сестра Андрея Ивановича Подгорецкого и родная тётя всех названных в первом очерке его детей, в том числе и Владимира, оказавшегося в эмиграции.

В 1892 году было принято решение о строительстве римско-католической церкви в Курске. Финансы поступали в качестве благотворительности из Польши, а также от дворянки Малоархангельского уезда Орловской губернии Марии Иосифовны Рудзиевской.

В 1896 году храм был построен в неоготическом стиле, с двумя башнями-шпилями, 27 позолоченными крестами, расположенными на портале и по бокам храма. Был богато

украшен мозаикой. 15 августа его освятили во имя Успения Божией Матери. В стенах католического храма звучал орган. В центре алтарной части высилось изображение Пресвятой Девы Марии, а по бокам стояли фигуры апостолов Петра и Павла. В костёле хранились редкие книги и иконы. В нём венчался и крестил своих детей знаменитый художник-абстракционист Казимир Малевич.

После революции 1917 года храм некоторое время функционировал. В 1938 г. договор с католической общиной был расторгнут. В 1939 году здание передано под антирелигиозный музей, где демонстрировался опыт с маятником Фуко, а так же выставлялись иконы, книги и другие духовные принадлежности.

В послевоенные годы в здании разместили склады. В 1970 году здание было отреставрировано (во время войны в одну из башен попала бомба) и в нём разместился Дом культуры.

Восстановление нормальной деятельности Католической церкви в России началось в 90-х годах XX века. С 1992 года здесь вновь по воскресеньям и большим праздникам совершались богослужения. В 1993 году в Курске зарегистрирована католическая община, а в 1997 году здание храма было возвращено католической церкви.

Дореволюционное фото Курска с видом на костёл

Глава четвёртая.
Документы и люди

Сведения о жителях города Малоархангельска по метрическим книгам Михаило-Архангельской (Вознесенской) церкви (1780-1800 годы)

Уважаемый читатель, в первой главе этой книги я постарался рассказать тебе о городе Малоархангельске и его жителях устами его уроженцев, Варвары Ивановны Яковлевой и Николая Ильича Захарьева. Во второй главе, используя архивные документы и небольшую долю воображения, поведал об известных и забытых именах малоархангельцев, в третьей – представил твоему вниманию некоторые подробности жизни самого уездного центра и некоторых его сёл.

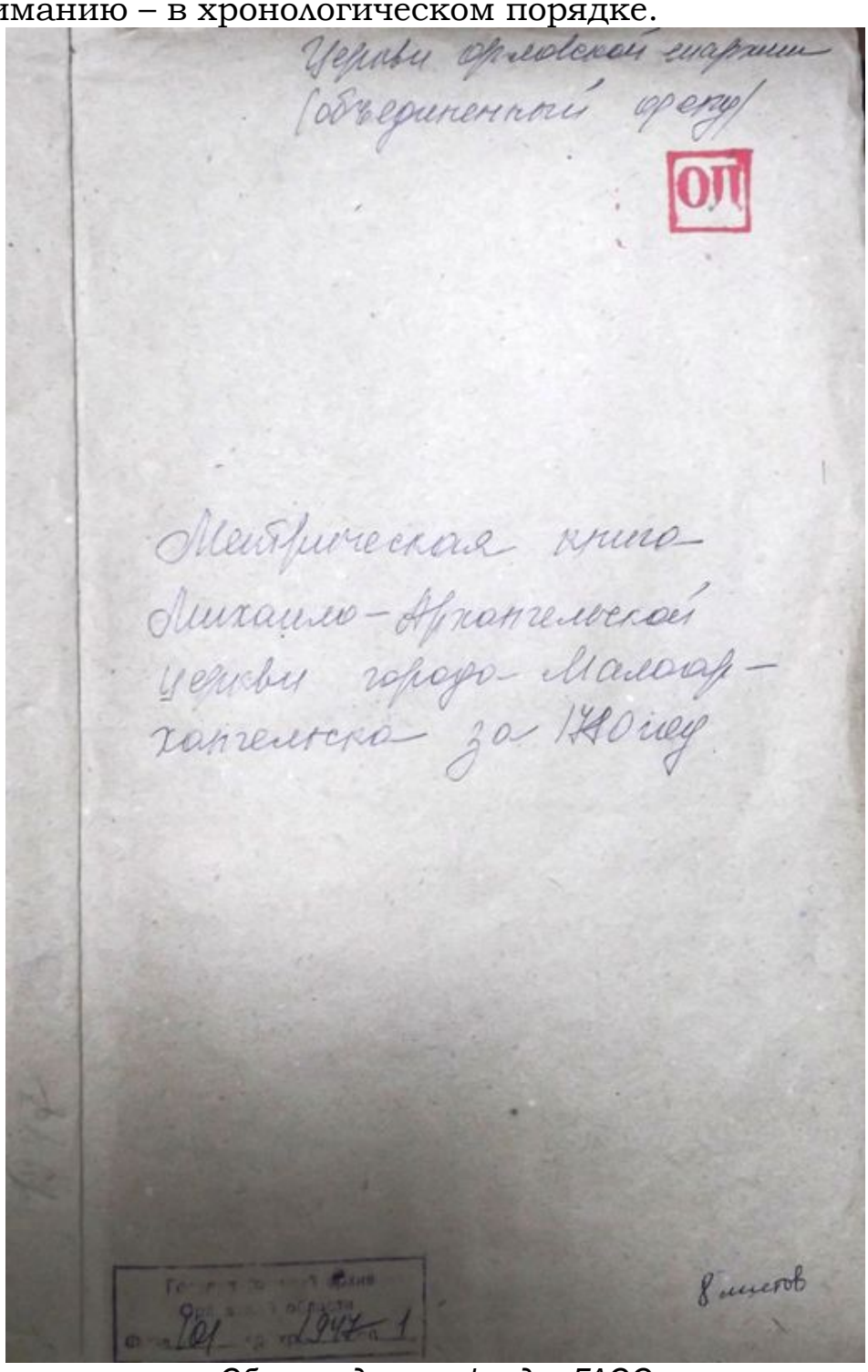
Теперь же пришла пора познакомить тебя с жизнью города и Малоархангельского уезда с помощью первоисточников, в основном, – из фондов Государственного архива Орловской области. Начну я с самых ранних метрических записей по городу Малоархангельску, сохранившихся в архиве.

Но, прежде чем предоставить их твоему вниманию, приведу цитату из «Путешественных записок Василья Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году», в которых впервые озвучены сведения по только что возникшему городу («Записки» были изданы в 1787 году в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук – А.П.):

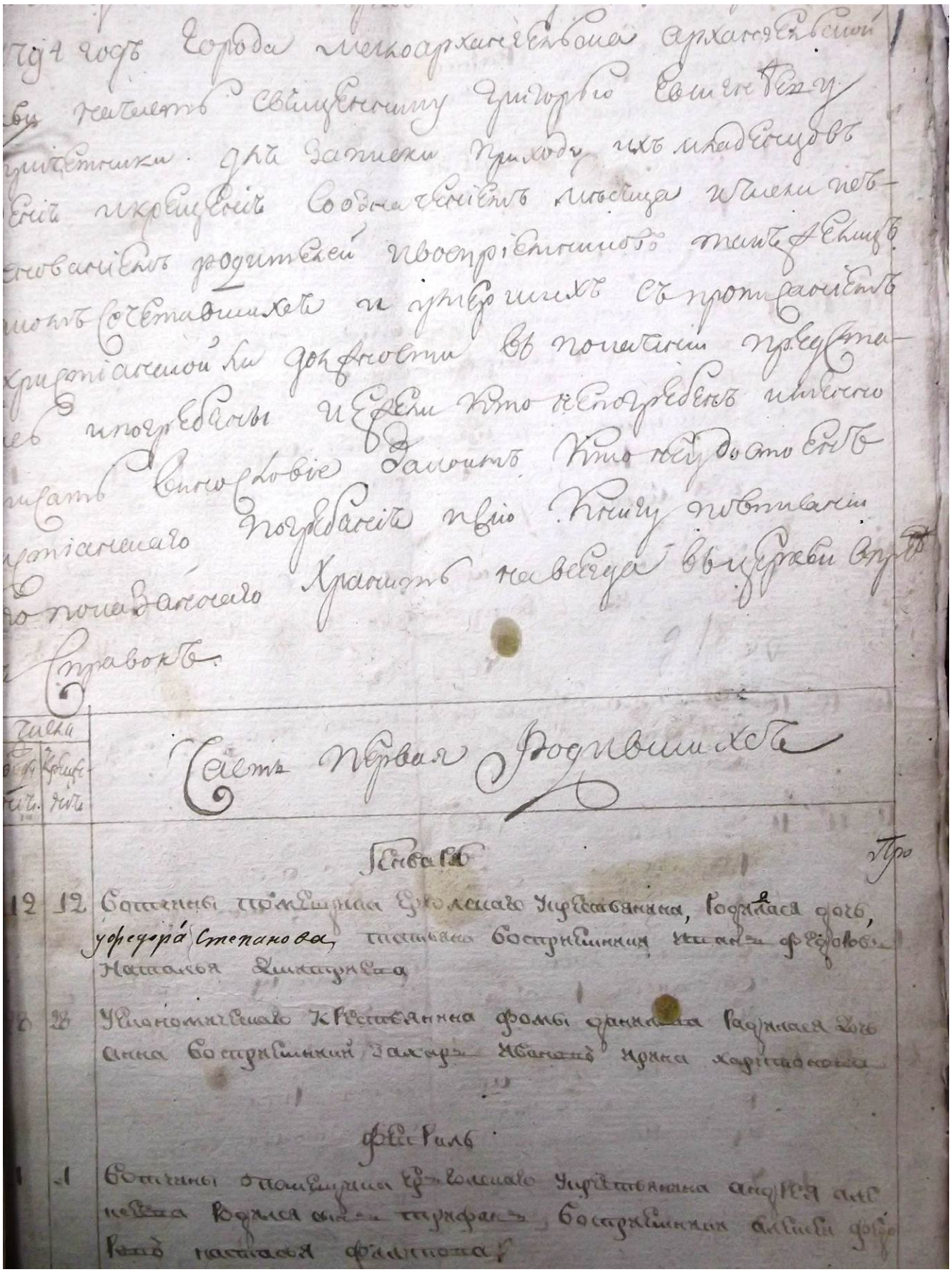
«Малоархангельск: городок учинён в 1778 году при открытии Орловского наместничества, а до того был селом монастырским. Он расположен на маленькой речке Колюковке, в Сосну впадающей, которая течёт в Дон. В городе строение как казённое, так и обывательское, деревянное, числом до двухсот и одна ветхая деревянная церковь во имя Архистратига Михаила. Через реку имеются два деревянных моста, жителей разного звания мужеского полу около 650 душ. Что касается до уезда, то он лежит в изобильном, как лесом, так и пашнями месте. Хлеб родится весьма избыточно, а сверх того жители содержат разного скота заводы, наипаче конские. В городе бывает дважды в неделю съезд, а в уезде частые в году ярмонки. Город Малоархангельск отстоит от Москвы на 432 версты, от губернского города Орла – 65, от Мценска – 110, от Ливен – 77 вёрст».

Таким образом, читатель, ты понял, что в новом городе имелась спустя три года после объявления лишь одна «ветхая» Михаило-Архангельская церковь. Именно в ней крестились, венчались и отправлялись в последний путь горожане.

Первые метрические записи по храму сохранились за 1780 год, далее – 1788 год, потом – документов становится больше. Мне удалось познакомиться с ними, и выписки из МК я предлагаю твоему вниманию – в хронологическом порядке.

Обложка дела из фондов ГАОО

Первая страница МК Михаило-Архангельской церкви за 1792–1797 годы

Метрические книги Михаило-Архангельской церкви города Малоархангельска за 1780 год (8 листов)
ГАОО, ф.101., опись 1, ед. хранения 1947

Целы все три части книги – «О рождении», «О бракосочетавшихся», «О умерших».

Упомянуты в ней протопоп Иван Андреев, помещик Кастюрин, а в списках – экономические крестьяне и помещики.

В приходе, кроме города Малоархангельска, названа деревня Ергольская.

Итак, родилось в 1780 году – 38 младенцев (январь – 4, февраль – 5, март – 3, апрель – 4, май – 1, июний – 3, июлий – 2, август – 2, сентябрь – 7, октябрь – 1, ноябрь – 3, декабрь – 3).

Браков заключено – 13 (май 1, сентябрь -1, октябрь – 2, ноябрь – 9).

Умерло душ – 15 (январь – 3, февраль – 2, март – 3, апрель -1, август – 1, сентябрь – 1, ноябрь – 2, декабрь – 2).

Запись №1

от 2 января 1780 года

У мещанина Казмы Герасимова и жены его Феодосьи Феодоровой родился сын Селиверст, крещён того ж числа.

Восприемниками были – А. Иванов и Агафья Антонова.

Запись от 16 января 1780 года

У Дмитрия Леонова и Вассы Семёновой родился сын Пётр (фамилии не названы).

Первый брак в книге – от 31 мая 1780 года

Браком однодворец Казма Иванов и отроковица Евдокея Филиппова.

Поручители – крестьяне Ермил Антонов и Филипп Ильин.

Первый умерший – 20 января 1780 год

У экономического крестьянина Ефима Яковлева умре жена Наталья, 57 лет.

26 января 1780 года умре крестьянин Григорий Сысоев, 75 лет.

28 января 1780 года умре крестьянин Яков Фролов, 50 лет.

Из умерших – ни одного младенца, все – от 16 до 80 лет.

Метрические книги Михаило-Архангельской церкви города Малоархангельска за 1788 год (5 листов) ГАОО, ф.101., опись 1, ед. хранения 1948 Плохая сохранность текста (выцвел)

Назван священник Григорий Евсигнеев
Родилось – 22 человека, браки – 10, умерло – 11 человек.

Метрические книги Михаило-Архангельской церкви города Малоархангельска за 1790-1792 год (30 листов) ГАОО, ф.101., опись 1, ед. хранения 1949

Священник – Григорий Евсигнеев (до 1792 года включительно) с причетниками.

Рождения

26 января 1790 года у экономического крестьянина Тараса Васильева родился сын Иван.

27 января 1790 года – у однодворца Саввы Уварова родился сын Ефим.

3 июля 1790 года – у купца Якова Облецова родился сын Иван.

Восприемники – орловский купец Иван Иванов и купеческая жена Ирина Бавыкина.

28 августа 1790 – у крестьянина графа Мусина-Пушкина Николая Степанова родился сын Прохор.

26 сентября 1790 – у мещанина Василья Алексеева родилась дочь Настасья.

Восприемники – капрал Фёдор Иванов и купеческая жена Феодосья Облецова.

27 октября 1790 – у крестьянина графа Мусина-Пушкина Дениса Фёдорова родилась дочь Прасковья.

11 января 1791 года – у бухгалтера Осипа Иванова родился сын Михайла.

Восприемники – городничий Николай Иванов сын Ададуров, секретарша Авдотья Иванова дочь Биженова.

14/19 февраля 1791 года – у подканцеляриста Матвея Самойлова родился сын Лев.

Восприемники – лекарь Матвей Леонов и секретарша Евдокия Иванова.

12/16 апреля 1791 года – у мещанина Тимофея Облецова родился сын Фёдор.

Восприемники – Михайла Облецов и Феодосия Лаврентьева.

17/20 апреля 1791 года – у дьячка Прохора Григорьева родилась дочь Феодосья.

Восприемники – регистратор Анисим Филиппов и Матрона Васильева.

18 октября 1791 года – у купца Родиона Николаева родился сын (имя не названо).

8/15 ноября 1791 года – у дьячка Андрея Иванова родилась дочь Марья.

Восприемники – городничий Николай Ададуров и Анисья Алексеева.

25 ноября 1791 года – у прикащика деревни Бунина Василья Фомина родилась дочь Екатерина.

Восприемники – Фёдор Иванов, Фёкла Никитина.

Браки

27 января 1790 года – Малоархангельского уездного суда подканцелярист Иван Силуянов понял (то есть, взял в жёны – А.П.) отпущенную на волю дворовую девку Татьяну Михайлову, оба – первым браком.

26 апреля 1790 года – мещанин Тимофей Облецов понял отставного сторожа Лариона Евсеева дочь Наталью, оба – первым браком.

27 января 1790 года – графа Алексея Семёновича Мусина-Пушкина крестьянин сельца Богородского Сергей Злизунов понял поручика Семёна Ергольского крепостную девку Марфу Кириллову, оба – первым браком.

1 июля 1792 года – вотчины Ея сиятельства княжны Елисаветы Александровны Черкасской крестьянин Андрей Фёдоров понял в супружество той же княжны крестьянскую девку Евдокею Петрову, оба – первым браком.

Умершие

5 сентября 1791 года – вдова Ирина Филиппова умре с покаянием и погребена по христианской должности.

3 ноября 1791 года – экономический крестьянин Степан Симеонов умре от пьянства без покаяния и не погребён по христианской должности.

Старинная могильная плита на Малоархангельском кладбище

1790 год

Родилось: 24 (февраль – 1, март – 2, апрель – 4, июль – 3, август – 2, сентябрь – 3, октябрь – 2, ноябрь – 1, декабрь – 2). Большинство родившихся – из семей экономических крестьян (17), есть мещане и крепостные крестьяне.

Браки – 9 (январь – 3, апрель – 1, ноябрь – 5), шесть браков из девяти – экономические крестьяне.

Умерли – 8 (июль – 1, август – 1, октябрь – 3, ноябрь – 1, декабрь – 1).

1791 год

Родилось – 25; браки – 7; умерло – 4.

1792 год

Родилось – 27; браки – 9; умерло – 6.

С 1791 года в Архангельской церкви появилось два священника, списки стали вестись отдельно.

Имя второго – Захарий Михайлов (у него в приходе – д. Афонасовка).

Упомянута княгиня Елизавета Александровна Черкасская и её деревня Афонасовка, у неё же – часть сельца Богородского.

Упомянута деревня Ергольская (позже – Ерженка), вотчина Сергея Дмитриевича Ергольского, у него же – часть сельца Богородского.

Названа д. Костюрина

Метрические книги Михаило-Архангельской церкви города Малоархангельска за 1794-1799 годы (46 листов) ГАОО, ф.101., опись 1, ед. хранения 1950

1794 -1795 годы

Священники – Григорий Евсигнеев и Захарий Михайлов.
С 1796 года священник – Василий Иванов Померанцев.
Дьячок Борис Данилов.
Пономарь Василий Гревцев.

С 1797 года

диакон – Андрей Иванов, дьячок – Фёдор Александров.

1794 год

Родилось – 56; браки – 14; умерло – 13.

1795год

Родилось – 53.
Браки – 8 (записи только у одного священника – Евсигнеева).
Умерло – 8 (записи только у священника Евсигнеева).

1796 год

Родилось – 27; браки – 12; умерло – 17.

1797 год

Родилось – 63; браки – 22; умерло – 15.

1798 год

Родилось – 37; браки – 5; умерло – 9.

1799 год

Родилось – 64; браки – 20; умерло – записи нет.

Рождения

5/6 ноября 1794 года – у порутчика Ивана Евтушенкова – сын Илия

Восприемники – Григорий Васильев Ефимьев и Пелагея Андреева дочь Цурикова.

6/6 декабря 1794 года – у купца Василья Николаева сын Николай. Восприемники – купец Иван Иванов и Аксинья Васильева.

28/30 декабря 1794 года – города Малоархангельска канцеляриста Николая Григорьева сына Оболенского сын Василий. Восприемник – Павел Андреев.

7/8 января 1795 года – у города Малоархангельска присяжного Казьмы Михайлова сын Фёдор. Восприемник – того ж города поверенный Фёдор Фёдоров

12/15 января 1795 года – Её сиятельства княжны Елизаветы Александровны Черкасской у дворового человека Михайлы Дорофеева сын Павел

Ноябрь 1795 года – у подканцеляриста Афонасия Радионова дочь Митродора. Восприемники – того ж города земского суда секретаря жена Дарья Егорова

Ручей Кулико-Ржавец
в Малоархангельске

Мост через ручей Кулико-Ржавец

Браки

Января 1794 года – солдат Яков Сидоров понял в супружество Кромской округи села Разсыльного у экономического крестьянина Степана Иванова дочь, вдову Пелагею, оба – вторым браком.

Января 1794 года – д.Афонасовки крестьянин Федот Митрофанов сын понял в супружество той же деревни крестьянскую девку Настасью Иванову дочь, оба первым браком.

Умершие

1795 год – в деревне господина Сергея Дмитриевича Ергольского прикащик Василий Фомин убит и на дороге поднят. Погребён по христианской должности.

11 мая 1797 года – бываго города Малоархангельска купец Илья Григорьев – от лошадиного удара умре без покаяния и погребён по христианской должности, 26 лет.

16 августа 1797 года – купец Фёдор Гаврилов Волею Божией умре с покаянием и погребён по христианской должности.

Декабрь 1797 года – города Орла мещанин Семён Горбунков утоп и по христианской должности погребён, 35 лет.

Упомянут повытчик Пётр Сопов.

Метрические книги Михаило-Архангельской (Вознесенской) церкви города Малоархангельска за 1797-1802 год ГАОО, ф.101., опись 1, ед. хранения 1951

Брачные обыски

1797 года, ноября 13 дня, я, нижеподписавшийся, Ливенской округи, деревни Ергольской, господина Сергия Дмитриевича Ергольского староста его, Степан Иванов, даю сию сказку бываго города Малоархангельска Архангельской церкви священнику Василью Иванову Померанцеву и священнослужителям в том, что нашего господина Ергольского умершего крестьянина его Ивана Иванова жёнка Василиса Никитина, желающая выти замуж Ливенской округи сельца Богородского за крестьянина Григорья Дмитриева нашего же помещика Ергольского, не беглая и не чужого помещика, но нашего Ергольского, не солдатка, и не от живого мужа, – подлинно.

А ежели что явится когда-либо можно, то я, староста Степан Иванов, яко обольститель священно – и церковнослужителей, исключая их от всякого ответа, себя подвергаю как церковному истязанию, так и строгости гражданских законов, в чём и подписуюсь.

Черкасской крестьянин Фёдор Екимов и невеста того ж сельца и княгини, крестьянская жёнка, Ефимия Михайлова, оба – вторым браком.

К сему обыску Малоархангельской городовой ратуши секретарь Матвей Емельянов сын Великанов и капеист Ефим Оболенский

1799 года, октября 2 дня

Что хотящие совокупиться законным браком Малоархангельского государственного конного завода конюх Илья Алексеев сын Аптекин и бывшего города Малоархангельска

оставшегося праздным канцеляриста Николая Иванова сына Иванова дочерь его, девица Евгения Николаева, оба первым браком.

Названы экономические крестьяне.

1799 год

Церковь Архистратига Михаила

При оной церкви дворов – 293, церковной земли 57 десятин.

По указному Положению священно-церковнослужителей быть должно: священников – 2, диаконов – 1, дьячков – 2,

пономарей – 2. Протопоп Иоанн Кутепов

К сей г. Малоархангельска церкви Архистратига Михаила священник Василий Померанцев руку приложил.

1800 года, генваря 8 дня – назван Севской семинарии ученик Виктор Оболенский.

Браки

1800 года, февраля 10 дня

Сельца Белого Колодезя, умершего господина капитана Сергея Дмитриевича (Ергольского – А.П.) крестьянин Степан Фомин и бывшего города Малоархангельска экономическая девица Мавра Денисьева, оба первым браком.

1800, апреля, города Малоархангельска экономический крестьянин Фёдор Алексеев сын Шебанов и невеста – того ж города экономического крестьянина Панкрата Афонасьева дочь девица Варвара, жених – вторым, невеста – первым браком.

1800 года, апреля 29 дня, *я, нижеподписавшийся вследствие состоявшегося блаженной и вечно достойной памяти Государя Императора Петра I Генваря в 5 день 1724 года, за собственноручным Его Величества подписанием Указа, свидетельством сим, по евангельской заповеди и присяжной должности в том, что хотящие совокупиться законным браком бывшего города штатного Малоархангельска, а ныне – Орловской губернии Мценской округи дворовой мой крепостной человек Никифор Никитин сын Муратов и девица крепостная моя Меланья Прохорова, оба первым браком, сочетаются по собственному своему произволению, родства между ними, брачующимися, духовного и плотского и присвоения до супружества недопущающегося, ни иного какого правильного препятствия супружеству возбраняющего, не обретается, и им,*

сочетающимся, принуждений ко сему браку ни напредь сего ни от кого не происходило и ныне нет…

В чём и подписуюсь к сему обыску, Ливенский помещик, титулярный советник Гавриил Иванов сын Леонтьев.

Упомянут в 1800 году – Господин действительный статский советник и разных орденов кавалер Алексей Ильич Муханов и его крестьянин Никифор Гаврилов сын Гудков

С ноября, 4 дня, 1800 года, церковь в Малоархангельске именуется уже Вознесенской, а священник тот же – Василий Иванов сын Померанцев, дьячок в 1804 году – Иоанн Маликов.

Малоархангельские служители Божии
(Вознесенский собор в 1844-1846 годах)

Прежде чем приступить к изложению сведений, выявленных мною в метрических книгах Вознесенского собора, надо обязательно сказать несколько слов о нём самом. Я буду использовать при этом два источника. Первый – **«Страховую оценку храма от 1910 года»**, присланную мне Дмитрием Борзовым (он скопировал её в фондах РГИА – А.П.) и найденную мною в ГАОО (ф.р-1327, оп.1, ед.хр.49) «Опись церковного имущества Вознесенской Соборной города Малоархангельска Орловской епархии». Я приведу оба документа с небольшими сокращениями.

Вознесенский соборный храм

(по «Страховой оценке 1-ого Благочинического округа Малоархангельского уезда. 1910-ые годы» – РГИА, ф.799, оп. 33, д.1352)

«4 июля 1910 года мы, нижеподписавшиеся, произвели оценку строений, принадлежащих Малоархангельскому Вознесенскому Собору Орловской епархии.

При осмотре строений оказалось, что Вознесенскому Собору принадлежат нижеследующие строения:

1. Соборный храм во имя Вознесения Господня, каменный, покрыт железом, снаружи оштукатурен, внутри оштукатурен, выкрашен масляною краскою и почти сплошь украшен живописью по столпам и сводам. Длина церкви вместе с колокольнею и алтарём 18 саж, наибольшая ширина его – 8 сажен. Высота его до карнизу – 8 аршин. Увенчан двумя главами над самим храмом

и над колокольнею – по одной главке. Окон имеет больших 18 штук и меньшего размера в куполе 5 штук. Дверей створчатых 8 штук. Иконостас главного храма имеет в ширину 11 аршин, в высоту – 18 аршин. Иконостасы двух приделов – Успенского и Архангельского – шириною каждый по 8 аршин, высота их – 4,5 аршина. Оценены в 10 000 рублей. Церковь отапливается шестью печами. Колокольня в два яруса, высотою до верхнего карниза 7 саженей. В нижнем ярусе подвешены колокола, во втором ярусе устроены башенные часы. Ближайшая чужая постройка – градские дома – отстоят от Собора на Север в 10 саж. ***Храм построен в 1779 году****, сохранился хорошо, оценён вместе с иконостасом, колокольнею и часами в ней в 25 000 рублей.*

2. Сторожка при сей церкви – стены кирпичные, покрыта железом, в длину имеет 22 аршина, в ширину – 9 аршин, высота стен – 3,5 аршина, окон - 6 штук, дверей - 3, печей – 2, построена 15 лет назад. Сохранилась хорошо, оценена в 1000 рублей.

3. Сарай для дров – досчатый, в длину имеет 18 аршин, в ширину – 9 аршин, высота – 3,5, устроен на дубовых столбах, построен в 1896 году. Сохранился хорошо. Покрыт железом. Оценён в 400 рублей.

4. Вся усадьба, принадлежащая церкви, обнесена оградою, которая на юг и восток кирпичная сплошной кладки высотою 3,5 аршина и протяжением 85 сажен, а на север кирпичная с железной решёткой, в этой части ограды имеются двое ворот и две калитки и протяжение имеет 38 сажен, и, кроме этого, внутри этой ограды имеется деревянная решётчатая оградка, отделяющая сад церковный от остальной церковной усадьбы. Ограда строилась в разное время, местами обветшала. Оценена в 600 рублей.

5. Двухклассная церковноприходская женская школа. Каменная, покрыта железом. Размером по Щигровскому переулку в длину 27 аршин, в ширину – 13 аршин. Эта часть школы имеет два этажа. Длина ея по Архангельской улице 32 аршина, ширина – 13 аршин. Высота до карнизу на углу Щигровской и Архангельской улиц 11 аршин. В верхнем этаже окон 20 штук, дверей 8 штук, печей 5 штук. В нижнем – окон 10 штук, печей – две. Построена в 1907 году. Оценена в 7 000 рублей.

6. Школа грамоты деревни Вавилоновки. Деревянная, покрыта соломою и глиной, без фундамента, в длину имеет 12 аршин, в ширину – 8 аршин, высота – 3,5 аршин, окон в ней – 7

штук, 3 дверей. Построена в 1900 году, сохранилась хорошо. Страховалась в земстве за ? рублей. Оценена в 750 рублей.

7. Сарай, деревянный, размером 7х8 аршин, покрыт соломой, устроен в 1900 году, сохранился хорошо, оценён в 50 рублей.

Общая сумма застрахованного имущества – 34 800 рублей.

Оценку производили: протоиерей П. (подпись неразборчива)

Священник Андрей Рождественский

Псаломщик-диакон Александр (подпись неразборчива)

Псаломщик А. Шестаков

Церковный староста Александр Иванов В (подпись неразборчива)

Представитель прихода П.Третьяков

Священник Василий (подпись неразборчива)

Священник Герасим Георгиевский».

А теперь – цитирую второй документ:

Опись церковного имущества Вознесенской Соборной города Малоархангельска церкви Орловской епархии Составлена в 1924 году сентября .....дня.

Наименование вещей:

1. Соборная церковь в честь Вознесения Господня, каменная, крытая железом. ***Поставлена в 1779 году****. Имеет вид удлиненного четырёхугольника, длина церкви с востока на запад – 50 аршин, с юга на север – 27 аршин, имеет 22 световых окна, 6 печей. Алтарь имеет форму большого полукруга с 5 окнами. Всё здание имеет трое входных дверей.*

2. Церковная колокольня – каменная, крытая железом, построена в 1814 году. Все крыши здания крашены масляной краской. Крест на колокольне – зеркальный. Церковь обнесена каменной оградой, с лицевой стороны устроена в столбах железная решётка.

3. Престолов в храме – 3: в честь Вознесения Господня, южный – в честь Архистратига Михаила и северный – в честь Успения Божией Матери.

4. Жертвенников в храме – 3 (престолы и жертвенники – деревянные, на престолах – антиминсы в шёлковых платках).

5. На горнем месте – икона Христа Спасителя на цинковой доске в позолоченной столярной раме – 1.

6. За престолом – крест и икона Божией Матери – металлические, резные – 2.

7. Над жертвенником – икона Спасителя в терновом венце и «Моление о чаше» – 2. У стен иконы чеканной работы – 6.

Главный иконостас.

Иконостас столярной работы в четырёх ярусах, вызлащенный, царские врата прозрачные, имеют круглых малых икон – 6.

На иконостасе в четырёх ярусах находится 44 иконы, одна из них – «Сошествие Святого Духа» в медной ризе.

На южной стороне алтаря находится икон – 4.

На северной стороне алтаря находится икон – 4, одна из них – в медной ризе.

На правой стороне у канона находится икон – 3, одна из них – ? Божья матерь в медной ризе.

На правой стороне у стены икон – 3 и большой крест -1.

На левой стороне у канона икон – 3, у стены икон – 4, одна из них – в медной ризе.

Пред алтарём крест живописной работы – 1.

В разных местах находится малых икон – 9, из них 3 – в медных ризах.

В южной стороне – иконостас в честь Архистратига Михаила, деревянный, окрашенный белой краской, имеет икон – 24, из них 3 – в медных ризах.

Царские врата резные, имеют малых икон – 6.

У иконостаса находится приставных икон – 8, из них 2 – в медных ризах.

На правой стороне у канона и стен находится икон – 6, из них 3 – в медных ризах.

В алтаре находится икон – 8, из них 4 – в медной ризе.

В северной стороне – иконостас в честь Успения Божией Матери, деревянный, окрашенный белой краской, имеет икон – 24.

Царские врата резные, имеют икон – 6.

У иконостаса находится приставных икон – 7.

На северной стороне у канона и стены находится икон – 6, из них 4 – в медных ризах.

В алтаре за престолом – крест и икона Божией Матери – 2.

Там же находится икон – 5, из них две – в медных ризах.

В кладовой находится золотых праздничных икон – 40.

В храме висячих люстр – 4.

Хоругвей металлических – 4, матерчатых – 2.

Подсвечников стоячих больших – 31, малых – 8, висячих – 24.

Плащаниц – 2, лампад – 30.

Семисвечников – 1, подсвечников напрестольных – 9.

Чаш для освящения воды – 2, для благословления хлеба – 2.

Кадил – 3

Евангелий большого размера – 2, малого – 3.

Крестов напрестольных медных – 4Потиров с принадлежностями – 2

Недостаток одной ложицы.

Венцов медных – 3 пары.

Облачения (разных видов) – 36 комплектов

Ковров – 3

На колокольне имеется колоколов – 6

Часы – 1

При храме имеется сторожка каменная, крытая железом – 1.

Деревянный сарай, крытый железом.

Уполномоченный от Малоархангельского УИК В.Ревякин.

Священник Симеон.

Прихожане: Сергеева, Насонова, Сосунова, Введенский, Русанова, Забина, Сидоров.

(В заключение цитирования документов необходимо сделать одно разъяснение. И в «Страховой оценке за 1910 год» и в «Описи церковного имущества за 1924 год» временем строительства Вознесенского храма назван 1779 год. Но есть некоторые сомнения по этому поводу, поскольку, во-первых, путешественник Василий Зуев, посетивший Малоархангельск в 1781 году, говорит о наличии в нём ветхого деревянного Михаило-Архангельского храма, а во-вторых, в метрических книгах церкви с 1780 по 1800 год она, действительно, именуется Михаило-Архангельской; получается, что каменный соборный храм был освящён только к концу 1800 года – А.П.).

Ну и теперь, читатель, перехожу непосредственно к метрическим книгам Вознесенского собора города Малоархангельска. Здесь, всего лишь за три года (1844-1846) передо мной открылось буквально сказочное богатство в виде россыпи имён, многие из которых за полторы с лишним сотни лет давно скрылись в пыли времени. Но стоило чуть копнуть – и это человеческое достояние стало снова видно глазу.

Фамилий оказалось несколько сотен, и мне пришлось основательно потрудиться, прежде чем их свести в несколько очерков. Некоторые из найденных персон мне уже были известны, но большинство встретилось впервые.

Предлагаю и читателям познакомиться со «служителями Божиими». Фамилии и имена написаны так, как это было в первоисточнике.

К малоархангельскому духовенству относились как священнослужители, то есть лица, непосредственно участвовавшие в проведении церковных служб, (протоиереи, иереи, дьяконы), так и церковнослужители, помогающие при службах (общее название – причетники, к которым относились: пономари, дьячки, псаломщики и другие).

Приход Вознесенского храма был достаточно большой. В число его прихожан входили не только жители прилегающих улиц города, но также жители Подгородней и Экономической слободы (была в те годы такая – А.П.), деревень Костюриной, Афонасовой и Ерженки, принадлежавших помещице Ольге Николаевне фон Рутцен, деревни Вавилоновки, принадлежавшей помещице Ольге Васильевне Киреевой.

Справиться с таким количеством прихожан было не просто, поскольку, в среднем, за три названных года (1844-1846), ***ежегодно рождалось 310 младенцев, умирало – 215 человек, а венчалась 51 пара.*** То есть, собор практически никогда не пустовал, ежедневно в нём что-то происходило: крещение, венчание или отпевание, не считая воскресных и праздничных молебнов и служб.

Архангельская улица и Вознесенский собор

По причине такой загруженности штат Вознесенского собора состоял из трёх священников, трёх дьяконов и нескольких причетников. К каждому из батюшек ходили свои прихожане.

Настоятелем Вознесенского собора был в эти годы протоиерей Василий Петрович Гаврилов. Протоиереей (греческое слово: от πρώτος — первый + ἱερεύς — священник) — титул, даваемый лицу белого духовенства как награда в Православной церкви, то есть, это старший иерей.

В Московском патриархате протоиерейство даётся не ранее чем через пять лет после награждения наперстным крестом или через десять лет после хиротонии при условии назначения на руководящую должность.

Все главные события в жизни Вознесенского собора были связаны именно с отцом Василием. Он крестил младенцев у самых известных прихожан, венчал их и отпевал. Однажды случилось так, что загостилась в Малоархангельске Анастасия Скуридина, жена смотрителя Ливенских духовных училищ, протоиерея Григория Скуридина, и родила она 9 октября 1846 года дочку Екатерину. Крестил девочку и крёстным отцом её стал протоиерей Василий Гаврилов – ему как раз по чину и по статусу положено было.

У отца Василия случилось и собственное трагическое событие: 5 апреля 1845 года у него скончалась от водяной болезни жена Екатерина, в возрасте всего лишь 49 лет. Отпевание и погребение её на Сретенском городском кладбище провёл сам вдовец.

Другими священниками Вознесенского собора были: ***Иоанн Филиппович Зернов и Иоанн Егорович Жданов.*** Эти батюшки были более молодыми. У ***Иоанна Филипповича Зернов***а и его ***жены Феодосии Григорьевны*** 22 сентября 1845 года родилась дочь Анастасия. К сожалению, не прожив и года, она умерла. Погребение совершил сам священник, – на том же градском Сретенском кладбище.

Соборными дьяконами в эти годы были: ***Александр Гаврилович Амфитеатров, Василий Павлович Гурнов*** и ***Иван Петров Диамидов (Диомидов).***

Диакон (литературная форма, разговорная – дьякон; в переводе с древнегреческого – служитель) — лицо, проходящее церковное служение на первой, низшей степени священства. Диаконы помогают священникам и епископам при совершении богослужений, но самостоятельно ни служить, ни совершать таинства не могут. Служение диакона украшает службу, но не является обязательным — священник может служить и один.

Обязанности пономаря исполнял в Вознесенском соборе ***Василий Матвеевич Попов.*** Пономарь (от греческого – «приставник», «привратник») — служитель православной Церкви, обязанный звонить в колокола, петь на клиросе и прислуживать при богослужении. Он наблюдал также за имуществом храма, возжигал светильники перед богослужением и гасил их по окончании его. Со временем к обязанности пономаря было отнесено чтение и пение за богослужением, принесение в алтарь просфор, вина, воды, ладана, приготовление и подача священнослужителям кадильницы и теплоты, призывание верующих к богослужению колокольным звоном и, наконец, уборка храма и алтаря.

С конца XIX века в Русской Церкви термин стал использоваться неофициально, а его обязанности были разделены между звонарями, певчими, алтарниками и псаломщиками (чтецами).

Кроме Василия Попова, в соборе служили ещё два причетника – его брат, ***Пётр Матвеевич Попов, и дьячок Стефан Колпенский.***

Служители Вознесенского храма были уважаемыми людьми в Малоархангельске. С ними общались и роднились известные городские чиновники. Так, когда у священника Ивана Зернова и его жены Феодосии родилась дочь Анастасия, то её крёстной матерью (восприемницей) стала жена малоархангельского городничего (начальника полиции) Татьяна Михайловна Щепотьева.

А крёстной матерью маленькой Евдокии, родившейся у дьякона Ивана Диомидова и его жены Татьяны, вызвалась быть жена малоархангельского почтмейстера Екатерина Арчековская.

Но гораздо чаще крёстными отцами и матерями у священно- и церковнослужителей были их сослуживцы по Вознесенскому собору. Да и женились они почти всегда на выходцах из своей духовной среды.

Крёстным отцом Едесия, сына дьякона ***Василия Гурнова*** и его ***жены Пелагеи*** стал священник Иван Жданов, а крёстной матерью – жена соборного дьякона Александра Амфитеатрова Мария.

Вот так жили и общались между собой духовные лица маленького города Малоархангельска.

Должностные лица Малоархангельского уезда и города Малоархангельска в 1844-1846 годах
(по метрическим книгам Вознесенского собора)

Малоархангельский уездный предводитель дворянства – *лейтенант* ***Александр Александров Потулов***

(представитель известного в Малоархангельском уезде дворянского рода, члены которого не раз избирались на эту должность – А.П)

Об Александре Александровиче мне удалось найти сообщение в газете «Орловские губернские ведомости» за 1856 год:

24 ноября 1856 года, №47

О купчих крепостях

11 сентября 1856 года в Орловской Палате Гражданского Суда дворянка Анастасия Андрианова Щербакова ***продала коллежскому советнику Александру Александрову Потулову*** недвижимое населённое ***имение – Орловской губернии, Малоархангельского уезда, селе Колпенском, деревне Доробине Колодезе***, в коем земли разных угодий – 78 десятин и крестьян – 16 мужского пола по 9 ревизии – за 3200 рублей серебром (это имение, кстати, стало для него основным, там помещик Потулов и жил – А.П.)

Малоархангельский уездный суд

1. ***Судья уездного суда*** – капитан ***Пётр Барсуков*** (эти обязанности он стал исполнять с июля 1843 года – А.П.)

2. ***Секретарь уездного суда*** – губернский секретарь ***Николай Григорьев Кулешов*** – (с июня 1843 года, перейдя с должности письмоводителя окружного управления имуществ – А.П.)

3. ***Заседатель уездного суда – коллежский секретарь Владимир Григорьев Максаков*** (19 марта 1844 года у него умерла дочь Мария, 1 года, от простуды – А.П.).

4. ***Заседатель уездного суда подпоручик Семён Петров Юдин*** (у него умер от кори 20 октября 1846 года сын Николай, 5 лет – А.П.).

5. ***1-ого разряда писец Михаил Павлов Ярошенко,*** служащий в Малоархангельском уездном суде**,** православного вероисповедания, 20 лет, первым браком, взял в жёны дочь

коллежского асессора Петра Пантелеева Кабинова, девицу Марию, 18 лет, первым браком

Поручители – по жениху: драгунского полка штабс-капитан Григорий Иванов Говоров и поручик Гавриил Михеев Воробьёв; по невесте: титулярный советник Александр Михайлов Говоров и коллежский регистратор Никандр Иванов Бобров.

6. ***Уездный стряпчий*** – титулярный советник ***Аркадий Васильев Лелуниц*** (возможно, Лелунц).

(Должность уездного стряпчего введена в соответствии с указом от 7 ноября 1775 г. "Учреждения для управления губерний Всероссийской империи". Стряпчий состоял в ведении губернского прокурора и осуществлял надзор за соблюдением законов в деятельности судебных и административных государственных учреждений в уезде. Должность упразднена с 1864 года – А.П.)

Малоархангельская уездная полиция

1. ***Начальник полиции – исправник,*** штабс-ротмистр ***Николай Васильев Пушечников***

(Исправник – представитель уездной администрации в России 18 – начале 20 века. Впервые должность исправника (капитан-исправника) была учреждена в ходе губернской реформы 1775 года. Он избирался дворянами уезда сроком на 3 года и осуществлял управление сельской территорией уезда, в первую очередь, в полицейском отношении, с помощью возглавлявшегося им коллегиального органа — **нижнего земского суда** (его члены также выбирались местными дворянами). С 1882 года, после упразднения нижних земских судов, исправники стали назначаться губернаторами и превратились в высших представителей полицейской власти в уезде.

Земский суд после реформы 1837 года состоял из земского исправника, двух непременных заседателей, избиравшихся дворянством, двух заседателей от поселян, секретаря, регистратора, двух повытчиков, заведовавших столами, с несколькими канцелярскими чиновниками и писцами, и трех рассыльных.

Малоархангельский же уездный исправник Пушешников принадлежал к старинному дворянскому роду, восходящему к середине XVI века, внесенному в VI, II и III части родословных книг Курской, Орловской, Воронежской, Калужской и Тульской губерний.

Я нашёл упоминание о Николае Васильевиче в газете «Орловские губернские ведомости» за 7 августа 1856 года, в которой сообщалось, что штабс-ротмистр Н.В.Пушешников купил у коллежского асессора Василия Николаевича Володимирова 20 десятин земли, в Малоархангельском уезде, в даче отдельной части деревни Белозеровой и села Тапков – за 800 рублей. Эта покупка сделала Пушешникова соседом Ивана Сергеевича Тургенева, имение которого находилось неподалёку, в селе Топки – А.П.).

2. ***Секретарь Малоархангельского земского суда, коллежский регистратор Георгий (Егор) Александров Оболенский*** (у него и его законной жены Елизаветы Ильиной, отец – православного вероисповедания, мать – евангелического, **11 марта 1845 года у них родился сын Леонид**.

Вопремники – исправник, штабс-ротмистр Николай Васильев Пушешников и штабс-лекаря Афанасия Иванова Боровиковского жена Наталья Михайлова. С 15 февраля 1863 года ***Е.А.Оболенский был утверждён в должности Малоархангельского уездного казначея*** (об этом семействе Оболенских в книге – отдельная история; кстати, дата рождения будущего известного общественного деятеля и писателя Леонида Егоровича Оболенского в метрической книге отличается от имеющихся справочных сведений на 2 дня – А.П.)

3. ***Дворянский заседатель земского суда, титулярный советник Тимофей Георгиев Кононов (его жена, Глафира Васильева,*** умерла в 32 года, от чахотки, 28 июля 1845 года).

4. ***Земского суда коллежский регистратор Николай Карпов Яковлев*** (у него и его жены Александры Павловой родилась 24 марта 1845 года дочь Мария).

Восприемник – того ж суда ***копиист Фёдор Иванов Умеренков.***

5. Служащий в Малоархангельском ***земском суде титулярный советник Алексей Иванов Филиппов*** (у него и его жены Екатерины Стефановой 6 мая 1846 года родилась дочь Елена)

Восприемник – ***исправник, штаб-ротмистр Николай Васильев Пушешников*** и Кромской округи, села Воронца дьякона Андрея Борисова Покровского жена Мария Григорьева.

6. Малоархангельского ***земского суда 2 разряда писец Иван Григорьев Девятин,*** православный, первым браком, 23 лет, 11 ноября 1846 года взял в жёны мещанскую девицу Евдокию Алексееву, 17 лет.

7. ***Становой пристав I стана Иван Фёдоров Герасимов*** (становой пристав — полицейское должностное лицо в Российской империи, возглавлявшее стан — полицейско-административный округ из нескольких волостей. Должность учреждена в 1837 г. Положением о земской полиции. В том же году государственные крестьяне получили самоуправление, волостное (волостной сход и волостное правление) и сельское (сельский сход, сельский старейшина, сельский староста). Становой пристав контролировал данные органы в плане осуществления ими полицейских и судебных функций. Становой пристав был заседателем Земского суда, который до 1862 г. ведал уездной полицией.

До 1862 года он назначался и увольнялся губернатором от имени императора из кандидатов, представленных местным дворянством. Подчинялся земскому исправнику и земскому суду (с 1862 — уездному полицейскому управлению в лице его главы — уездного исправника). В подчинении станового пристава находились сотские и десятские.

Руководство города Малоархангельска

Городовая ратуша

Её штат состоял из секретаря, двух повытчиков, двух писцов и двух сторожей. Годовое жалованье секретаря составляло 171 рубль 42,5 копейки, повытчика – 128 рублей 57 копеек, писца – 85 рублей 71 копейку, сторожа – 28 рублей. Всего содержание Ратуши (с канцелярскими расходами в 120 рублей) обошлось городскому бюджету в 1844 году в 775 рублей 98,5 копеек.

1. Служащий в ***городовой ратуше*** вторым столоначальником ***копиист Николай Михайлов Вавилов и его жена Ирина Александрова*** (родился 7/8 августа 1846 года сын Олег).

Полиция в городе Малоархангельске

Глава полиции и городнического правления – городничий ***Иван Александров Щепотьев*** и ***его жена Татьяна Михайлова*** **(**Щепотьевы – старинный русский дворянский род, восходящий к началу XVI века и считающий своим родоначальником Истому Федоровича Щепотьева, внуки которого Козьма и Семен Никитичи "за московское осадное сиденье" были пожалованы вотчиной. Род Щепотьевых записан в VI часть родословных книг Рязанской и Тульской губернии. Есть еще несколько дворянских родов Щепотьевых более позднего происхождения. Иван Щепотьев был

переведён в Малоархангельск в мае 1843 года с должности Оханского городничего. Оханск – маленький городишко в Пермском крае, сейчас в нём проживает чуть больше 7 тысяч человек, а в 1843 году жителей там было меньше 900 человек – А.П.).

Городническое правление

Городнические правления в 1775–1862 гг. являлись административно-полицейской властью в уездных городах. Правление выполняло следующие функции: хозяйственно-распорядительные, судебные, следственные. Во главе правления стоял городничий. В городе следили за порядком два квартальных надзирателя (каждому в год полагалось жалованье по 71 рублю), и полицейская команда из шести полицейских служителей (жалованье каждого в год составляло 2 рубля 68,5 копеек). Поскольку жалованье полицейских служителей было небольшим, то им из городского бюджета выделялись деньги на питание и амуницию. Имелась в Малоархангельска и гаубтвахта, место для содержания арестованных.

В дополнение к этим расходам, в связи с недостатком в Малоархангельске штатных полицейских служителей, Городовая Ратуша нанимала ещё 13 человек нижних чинов, платя каждому по 27 рублей 42,5 копейки годового жалованья. Всего же на содержание полицейской команды городской бюджет предусмотрел израсходовать в 1844 году 730 рублей 70 копеек.

На пожарную часть (содержание шести пожарных лошадей и пожарного инструмента) предполагалось истратить 394 рубля 7,5 копейки.

1. Служащий в Малоархангельском городническом правлении ***квартальный надзиратель Василий Матвеев Корогодин,*** православного вероисповедания, 26 лет, взял в жёны дочь надворного советника Гаврилы Петрова ***Медведева, девицу Анну,*** 20 лет, первым браком.

Поручители по жениху: коллежский регистратор Егор Александров Оболенский и штабс-ротмистр Николай Васильев Пушечников; по невесте – учитель Малоархангельского уездного училища Иван Захаровский и капитан Пётр Барсуков.

2. Малоархангельской градской полиции ***канцелярист Андрей Ефимов Созанович*** (у него и его жены Пелагеи Никифоровой родилась 1 июля 1845 года дочь Людмила).

Восприемники – того ж города городничий Иван Александров Щепотьев и малоархангельская помещица Анастасия Никифорова.

В 1846 году Созанович назван письмоводителем в городническом управлении. У них с женой 7 октября 1846 года родилась дочь Ева

Восприемники стали – городничий Иван Александров Щепотьев и надворного советника Гавриила Петрова Медведева дочь, девица Анна.

3. Полицейской команды ***унтер-офицеры Аким Мартынов и Яков Иванов.***

4. Полицейской команды ***рядовой Александр Дмитриев.***

Малоархангельская инвалидная команда

Инвалидные команды в уездных городах существовали в 1811-1865 годах. Пополнялись военнослужащими, не отслужившими положенный 25-летний срок, как правило, после перенесенного ранения. Еще до окончания срока службы рядовые могли перейти в другие воинские формирования, в том числе, в городскую полицию.

С 29.12.1850 г. состав команды входили: обер-офицер; фельдфебель; унтер-офицеров – 14 и рядовых – 185.

1. Малоархангельской инвалидной команды ***унтер-офицер Мокей Климентиев*** (у него и его жены Марии Ивановой 19 августа 1846 года родился сын Александр).

2. Рядовой Малоархангельской инвалидной команды ***Василий Данилов.***

Казначейство

1. Коллежский асессор, ***уездный казначей, Василий Николаев Володимиров*** (у него и его жены Варвары Николаевой 6 августа 1844 года родилась дочь Наталья, имелась также дочь, девица Надежда (эта фамилия писалась также ***и Владимиров*** – А.П.)

2. Служащий в уездном казначействе ***копиист Пётр Семёнов Макаров*** (у него и его жены Анны Павловой родилась 1 октября 1845 года дочь Пелагия).

Восприемник – служащий в окружном управлении канцелярист Василий Иванов Покровский.

3. Служащий в Малоархангельском уездном казначействе из дворян ***бухгалтер-канцелярист Семён Васильев Шаталов*** (у него т его жены Варвары Алексеевой родился 20 июля 1846 года сын Илья).

Восприемники – канцелярист Фёдор Фёдоров Орлов и губернского секретаря Алексея Михайлова Семёнова дочь девица Любовь.

4. Служащий в Малоархангельском уездном казначействе ***губернский регистратор Пётр Иванов Самсонов и его жена Мария Матвеева*** (у него и его жены Марии Матвеевой родились 27 октября 1846 года близнецы Михаил и Мария).

Восприемники – губернский секретарь Николай Григорьев Кулешов и коллежского асессора Павла Димитриева Арчековского жена Екатерина Васильева.

Окружное управление государственных имуществ

1. ***Окружный начальник, титулярный советник Дмитрий Павлов Волков*** (у него и его жены Евдокии Яковлевой родилась 2 мая 1844 года дочь Елена).

Восприемники – статский советник Евгений Николаев Норов и штабс-капитанша Татьяна Михайлова Щепотьева.

2. Служащий в окружном управлении государственных имуществ ***канцелярист Василий Иванов Покровский.***

Почта

1. Малоархангельский ***почтмейстер, титулярный советник Павел Дмитриевич Арчековский*** (у него и его жены Екатерины Васильевой 1 апреля 1845 года родилась дочь).

Восприемники – Енотаевский, 3-ей гильдии купец Григорий Алексеев Попов и надворная советница Ольга Васильева Киреева.

2. Малоархангельский ***почтальон Александр Петров Иванов*** (у него и его жены Александры Андреевой 5 апреля 1845 года родился сын Александр).

Восприемники – Астраханской губернии, енотаевский купец Григорий Алексеев Попов и купца Николая Феодорова Конькова дочь девица Ольга.

3. Малоархангельский ***почтальон Павел Петров Руднев*** (у него и его жены Пелагии Алексеевой родилась 21 июня 1846 года дочь Агриппина).

Восприемники – квартальный надзиратель Василий Петров Антонов и ливенская мещанка Евдокия Алексеева Бобракова.

Вот такими были они, малоархангельские чиновники 170-летней крепости. Может быть, их потомки что-то позаимствуют из этого наследия. Судов и полицейских, наверное, достаточно. Если только инвалидной команды не хватает?

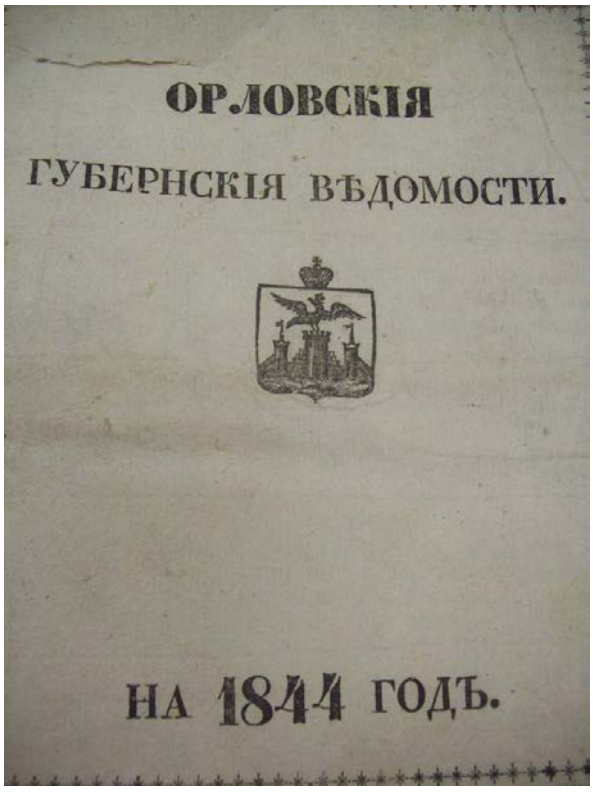
О бюджете города Малоархангельска в 1844 году

Наверное, многие читатели думают, что утверждение и исполнение бюджета какого-либо города, района или области – это недавнее по времени изобретение. Между тем, это совсем не так.

Газета «Орловские губернские ведомости» уже в 40-ые годы XIX века регулярно публиковала бюджеты городов Орловской губернии. 22 апреля 1844 года, к примеру, в ней была опубликована «Смета о приходах и расходах городских доходов по городу Малоархангельску на 1844 год».

По сравнению с современными бюджетами – это очень небольшой документ, всего лишь на четыре с небольшим странички (газета тогда выходила похожей по формату на современный А4 – А.П.).

Но, хотя структура бюджета прошлых лет заметно отличалась от современных финансовых документов, суть его оставалась такой же: в нём были прописаны основные источники доходов и расходов города Малоархангельска на 1844 год.

ОРЛОВСКІЯ
ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.
НА 1844 ГОДЪ.

Во вступительной части бюджета Орловское Губернское Правление, рассмотрев представленное Малоархангельскою Городовою Ратушею сметное расписание городских расходов и доходов, потребовало от последней объяснить, почему в 1843 году не были выполнены расходы по устройству уличных фонарей со столбами, и не была устроена пожарная труба.

А дальше пошли, собственно, сами статьи городского бюджета.

Доходная часть была представлена семью отделениями (статьями): 1) доходы с общественных городских имуществ; 2) сборы с частных обывательских имуществ; 3) с записки в городскую обывательскую книгу единовременно; 4) сборы с заведений промышленности и промыслов; 5) сборы с актов; 6) вспомогательные доходы; 7) случайные доходы.

Наибольший доход был запланирован с первых двух отделений, да и немудрено, поскольку там подразумевалась плата за использование земли и владение имуществом.

Так, за ещё незанятую городскими кварталами землю, которую заинтересованные лица брали в аренду под хлебопашество, предполагалась плата в 247 рублей 63 копейки, под заводы разных наименований – 67 рублей 50 копеек, под кузницы – 28 рублей, под лавки и подвижные лавочки – 324 рубля.

За полученные для строительства домов земельные участки малоархангельцы должны были заплатить 1554 рубля. Солидную сумму городского бюджета 1844 года составляли недоимки за прошлые годы – 900 рублей 82 копейки.

Сборы с заведений промышленности и с промыслов (акциз с трактирных заведений, с гостиницы, с харчевен, сбор с купеческих капиталов и с торгующих крестьян) планировался на общую сумму в 439 рублей.

Сбор с актов (со всех представленных к протесту векселей) предполагался в 200 рублей. Доходы вспомогательные и случайные составляли незначительную часть – всего 132 рубля.

И всего доходов по городу Малоархангельску Городовая Ратуша в 1844 году должна была получить 3934 рубля 7 копеек (какая точность, а, читатель?)

В расходной части бюджета тоже имелось семь статей (отделений): 1) на устройство городских фонарей со столбами и пожарной трубы (по смете 1843 года); 2) отпуск сумм на благотворительные заведения; 3) содержание мест городского управления и лиц, на счёт доходов города определяемых; 4) на наём домов для мест городского управления и для городских заведений; 5) на отопление и освещение Городовой Ратуши, пожарной избы и четырёх будок; 6) ремонтные издержки по устройству города и по поддержанию городских зданий; 7) на разные расходы и непредвиденные надобности.

И если некоторые статьи (отделения) были лишь обозначены суммами (например, на содержание городской больницы –

90 рублей, на содержание Приходского Училища – 57 рублей 14 копеек), то некоторые другие содержали очень конкретные мелкие детали расходов городского бюджета.

Очень многое о жизни Малоархангельска поведала нам статья третья бюджета – «Содержание мест городского управления и разных лиц…».

По ней мы узнали, что в городе следили за порядком два Квартальных Надзирателя (каждому в год полагалось жалованье по 71 рублю), и полицейская команда из шести полицейских служителей (жалованье каждого в год составляло 32 рубля 68,5 копеек). Поскольку жалованье полицейских служителей было небольшим, то им из городского бюджета выделялись деньги на питание и амуницию.

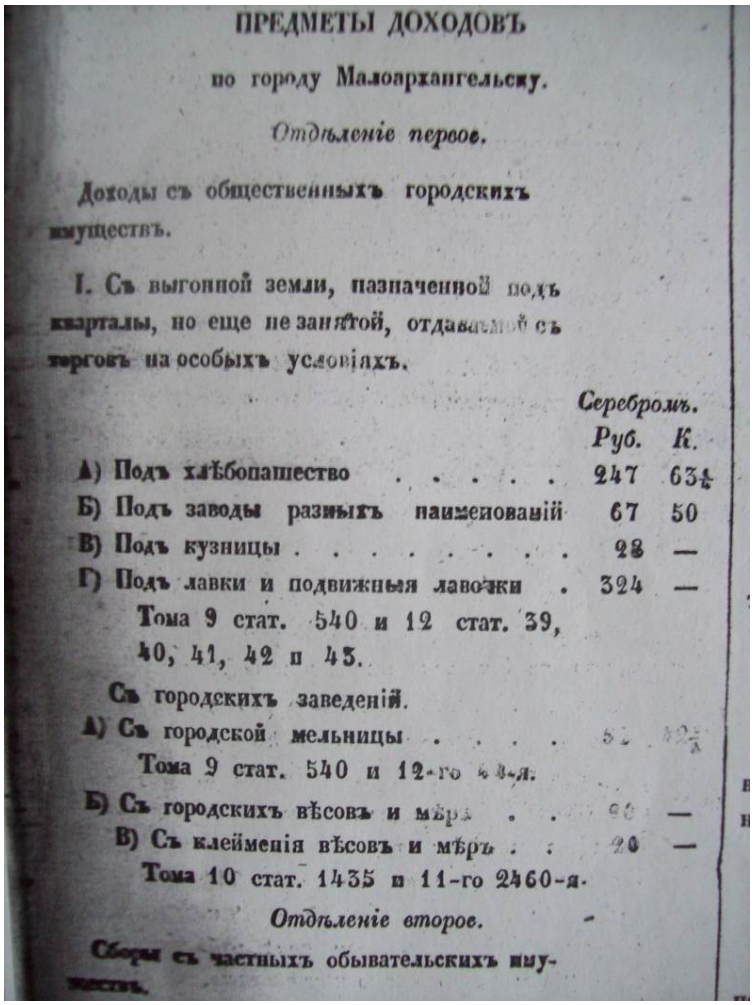
Причём, и продукты, и вещи были прописаны конкретно. Так, каждому полицейскому было положено выдать на год 7 пудов и 10 фунтов муки ржаной, 2 четверика и два гарнца крупы (всего на общую сумму 31 рубль 50 копеек).

Из амуниции они на год получали по три рубашки, двое панталон, две пары сапог и портянки. Раз в два года те же служители получали деньги на шитьё двух мундиров (серого и красного сукна), кителя, на приобретение шести галстуков, лакированных козырьков к фуражкам, тесьмы для нашивки на мундиры.

Раз в три года вся полицейская команда снабжалась деньгами на шитьё шинелей с воротниками. Кроме этого, предусмотрено было и лечение полицейских в больнице на случай их болезни за городской счёт. Всего на нужды шести полицейских служителей было предусмотрено израсходовать 184 рубля 55 копеек.

В дополнение к этим расходам, в связи с недостатком в Малоархангельске штатных полицейских служителей, Городовая Ратуша нанимала ещё 13 человек нижних чинов, платя каждому по 27 рублей 42,5 копейки годового жалованья. Всего же на содержание полицейской команды городской бюджет предусмотрел израсходовать в 1844 году 730 рублей 70 копеек. На пожарную часть (содержание шести пожарных лошадей и пожарного инструмента) предполагалось истратить 394 рубля 7,5 копейки.

Были запланированы расходы на содержание чиновников Городовой Ратуши – секретаря, двух повытчиков, двух писцов и двух сторожей. Годовое жалованье секретаря составило 171 рубль 42,5 копейки, повытчика – 128 рублей 57 копеек, писца – 85 рублей 71 копейку, сторожа – 28 рублей.

ПРЕДМЕТЫ ДОХОДОВЪ

по городу Малоархангельску.

Отдѣленіе первое.

Доходы съ общественныхъ городскихъ имуществъ.

I. Съ выгонной земли, назначенной подъ кварталы, но еще незанятой, отдаваемой съ торговъ на особыхъ условіяхъ.

	Серебромъ. Руб.	К.
А) Подъ хлѣбопашество	247	63½
Б) Подъ заводы разныхъ наименованій	67	50
В) Подъ кузницы	28	—
Г) Подъ лавки и подвижныя лавочки .	324	—

Тома 9 стат. 540 и 12 стат. 39, 40, 41, 42 и 43.

Съ городскихъ заведеній.

А) Съ городской мельницы . . . . .

Тома 9 стат. 540 и 12-го [illegible]-я.

Б) Съ городскихъ вѣсовъ и мѣръ . . .

В) Съ клейменія вѣсовъ и мѣръ . . .

Тома 10 стат. 1435 и 11-го 2460-я.

Отдѣленіе второе.

Сборы съ частныхъ обывательскихъ имуществъ.

Всего содержание Ратуши (с канцелярскими расходами в 120 рублей) обошлось городскому бюджету в 775 рублей 98,5 копеек.

Поскольку к этому времени большинство городских общественных учреждений (Городовая Ратуша, Городская больница, приходское училище, к примеру) ещё не имело своих зданий, то сметой города были предусмотрены средства на аренду (наём, по тогдашней терминологии) необходимых для их работы помещений – всего на сумму 304 рубля 46,75 копейки.

Отдельными строчками бюджета были прописаны деньги на отопление и освещение общественных сооружений, на ремонт городских зданий и мостов, на очищение дымовых труб и наём трубочиста.

Не забыли чиновники Городовой Ратуши заложить некоторую сумму на непредвиденные случаи и надобности.

Всего расходная часть городского бюджета составила в 1844 году 3448 рублей 61,25 копейки. Как бы сейчас заметили – с профицитом (превышением доходов над расходами) в почти 500 рублей. И это правильно – некоторый запас денежных средств в любом бюджете никогда не будет лишним. Куда израсходовать «лишние» деньги – быстро решаемая проблема, в отличие от той, когда требуется найти недостающие.

Так что чиновники города Малоархангельска в те далёкие годы правильно понимали финансовые процессы. Надо бы современным городским управителям брать с них пример.

Малоархангельские купцы и их родственники

Что Малоархангельск в середине XIX века, в значительной степени, был купеческим городом, рассказал нам во многих своих материалах орловский краевед, журналист и статистик Александр Степанович Тарачков (например, в очерке ***«О состоянии торговли и промышленности в Малоархангельске» –*** *А.П.)*

На начало 1847 года в городе проживало около 3 тысяч человек, чуть менее 500 из них состояло в купеческом сословии (примерно 15 процентов – А.П.). Купцам принадлежало в Малоархангельске 30 лавок, 4 питейных дома, соляной магазин, гостиница, трактир, 3 постоялых двора, 3 харчевни (примерно 90 процентов предприятий торговли, общественного питания и обслуживания, как бы мы сейчас сказали – А.П.)

Чем торговали малоархангельские купцы, в упомянутом материале А.С.Тарачков рассказал очень подробно: это или непосредственно продукты земледелия и скотоводства, или продукты первичной переработки сельхозпродукции (разного рода хлеб: рожь, пшеница, гречиха, ржаная и пшеничная мука, пшено; пенька, конопляное и льняное семя, конопляное масло, сало говяжье и баранье, солонина, битая птица – гуси, индейки, кожи и прочее). Ремесленные изделия в общем торговом обороте Малоархангельского уезда занимали незначительную долю.

Базарная площадь Малоархангельска

А теперь перейду непосредственно к личностям. В метрических книгах Вознесенского собора города Малоархангельска за 1844-1846 годы упомянуто достаточно большое количество купцов и их родственников, поскольку само звание «купец» относилось только к главе семейства, а остальные его члены были – купеческими жёнами, детьми, внуками, братьями, племянниками, невестками и даже (находил и такую запись – «правнуками» – А.П.).

Вообще-то, купеческое сословие делилось, в зависимости от величины капиталов, на три гильдии. Но в нашем случае они нигде не выделены, а значит, все купцы Малоархангельска и их родственники представляли третью (низшую) гильдию.

Всего за три года (1844-1846) в метрических книгах упомянуты представители 22 купеческих семейств. Из них 21 названы малоархангельскими купцами, а один был иногородним – ***Астраханской губернии, города Енотаевки купец Григорий Алексеев Попов.***

Перечислю фамилии малоархангельских купцов в алфавитном порядке, разделив их на две условных группы.

Один из купеческих домов Малоархангельска

Первой будет та, где в течение трёх лет назывался только один представитель этого семейства:

1. Купеческий сын Лука Фёдоров ***Альшанов*** (у него 28 февраля 1845 года родился сын Василий);

2. Купеческий сын Михаил Тихонов ***Беляничев*** и его жена Вера Петрова (у них родился сын Сергий 20 сентября 1846 года);

3. Купеческий внук Пётр ***Кретов;***

4.Купеческий сын Гавриил Евстратов ***Кубарев*** (1 января 1846 года у него умерла дочь Евдокия, 10 лет, от кашля);

5. Купеческий сын Георгий Иванов ***Лисичкин,*** православный, 21 год, вторым браком, 5 февраля 1845 года взял в жёны города Малоархангельска мещанскую девицу Иулианию Иларионову, 25 лет, первым браком;

6. Купеческий сын Михаил Данилов ***Легостаев*** и его жена Параскева Михайлова (16 августа 1846 года у них родился сын Александр);

7. Купеческий сын Андрей Иванов ***Лукин;***

8. Купеческий сын Пётр Михайлов ***Мулюкин;***

9. Купец Иван Иванов ***Судаков*** (продал государственному крестьянину Ливенского уезда, в д.Вязовой-Дуброве за 300 рублей 6 десятин земли в пустоши Пониковской Ливенского уезда).

Ко второй группе купцов Малоархангельска относились:

Волковы, Голованов, Деевы, Захарьевы, Коньковы, Крыловы, Макаровы, Никулины, Осминины, Пономарёвы, Свиридовы, Тихоновы.

В каждом из этих семейств в метрических книгах названо не менее двух человек, а самыми многочисленными и наиболее известными не только в уезде, но и в Орловской губернии были купеческие роды Захарьевых (4), Коньковых (7), Никулиных (5), Тихоновых (10 человек).

О представителях этих больших семейств скажу отдельно. Итак,

I. Захарьевы

1. Купец ***Константин Константинович Захарьев и его жена Татьяна Иванова*** (18 марта 1844 года у них родилась дочь Мария, умершая 25 сентября того же года от кашля).

15 июня 1845 года у них же родился сын Иоанн.

2. Купеческий брат ***Иван Константинов Захарьев и его жена Матрёна Ефимова*** (у них родилась дочь Елена – 11 мая 1845 года).

3. Купеческий брат ***Захарий Константинов Захарьев***, православного вероисповедания, 24 лет, первым браком, взял в жёны 22 октября 1845 года города Кром мещанскую девицу ***Анастасию Григорьеву Михайлову,*** 21 года, православного исповедания.

Поручители – по жениху: ***купец Константин Константинович Захарьев*** и ***купеческий брат Пётр Константинов Захарьев;*** по невесте: мещанин Митрофан Ефимов Воскресенский и купеческий сын Василий Иванов Никулин.

4. Купеческий брат ***Пётр Константинов Захарьев.***

Из этого семейства и **Николай Ильич Захарьев** – Герой Социалистического труда, лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники, доктор сельскохозяйственных наук профессор, академик, специалист в области повышения продуктивности пастбищ (с его воспоминаниями в первой главе этой книги ты, читатель, уже познакомился – А.П.).

II. Коньковы

1. Купец ***Стефан Феодоров Коньков и его жена Варвара Георгиева*** (у них родился сын Иоанн 30 января 1845 года, умер 8 июля 1845 года).

Восприемники – помещик ***Пётр Константинович Краевич*** и титулярная советница Дарья Дормидонтова Поворова.

10 февраля 1845 года у Коньковых умер сын Дмитрий, 1 года, от природной слабости.

2. Купеческий брат ***Николай Феодоров Коньков.***

3. Купеческий брат ***Пётр Феодоров Коньков,*** имел дочь, девицу Параскеву.

4. Купеческая племянница ***Ольга Николаева Конькова.***

5. Купеческого племянника ***Николая Петрова Конькова дочь Александра***, 7 недель, умерла 6 июня 1845 года от слабости.

6. Купеческий племянник ***Иван Петров Коньков.***

7. Купеческий сын ***Даниил Иванов Коньков.***

О представителях этого рода я нашёл упоминание в газете «Орловские губернские ведомости» за 1856 год

ОГВ, 1856 год, 6 июня

Малоархангельский 3-ей гильдии купец ***Степан Фёдоров Коньков*** *продал малоархангельскому 3-ей гильдии купеческому сыну Фёдору Сергееву Христопову водяную мукомольную мельницу, Малоархангельского уезда, в селе Губкине, сельце*

Извекове, на речке Сучье, о четырёх поставах, с вальницею и толчеёю, с разными к оной мельнице прилегающими строениями и службами, с наливным прудом, и с принадлежащей к оной мельнице землёю приблизительно 5 десятин, с плодовитым на ней садом и разным растущим лесом – ценою три тысячи рублей

«Орловские губернские ведомости»

1856 год, 28 мая

Духовное завещание ***Малоархангельского 3-ей гильдии купца Данилы Иванова Конькова*** *в предоставлении им по оному жене своей Авдотье Егоровой Коньковой движимого и недвижимого имения и деревянной лавки в городе Малоархангельске, оцененных в 6000 рублей серебром*

III. Никулины

1. Купеческий сын ***Иван Филиппов Никулин,*** умер 13 июля 1845 года, 70 лет, от престарелости.

2. Купеческий внук ***Василий Иванов Никулин.***

3. Купеческий внук ***Иван Иосифов Никулин.***

4. Купеческий правнук ***Никифор Данилов Никулин.***

5. Купеческий сын ***Василий Яковлев Никулин и его жена Анастасия Капитонова*** (у них родилась дочь Наталья 12 августа 1846 год).

IV. Тихоновы

1***. Купчиха Агафия Емилианова Тихонова***, 67 лет, умерла 25 августа 1844 года от престарелости (погребение совершил протоиерей Василий Гаврилов на градском Сретенском кладбище).

2. Купеческий сын ***Игнатий Наумов Тихонов и его жена Ольга Филиппова*** (у них родился 9 ноября 1845 года сын Иоанн, умер 2 декабря 1845 года).

3. Купеческий внук ***Василий Наумов Тихонов и его жена Ксения Афонасьева*** (9 марта 1844 года у них родился сын Николай).

18 мая 1846 года у них же родился сын Алексей, умер 1 сентября 1846 года, от поноса.

Восприемники – мещанин Стефан Трифонов Волков и купеческая невестка Параскева Фёдорова Пономарёва.

4. Купеческий сын ***Илия Наумов Тихонов и его жена Наталия Иванова*** (10 мая 1844 года у них родилась дочь Александра).

У них 16 ноября 1845 года умерла дочь Мария, 4 месяцев, от кашля.

У них же 2 сентября 1846 года родилась дочь Анна.

5. Купеческий внук ***Пётр Наумов Тихонов, 19 лет, 23 января 1844 года женился на мещанской девице Пелагее Стефановой Житиной.***

У них родилась 20 апреля 1845 года дочь Александра, умерла 3 августа 1845 года.

У них же 25 июля 1846 года родилась дочь Параскева.

6. Купеческий сын ***Михаил Тихонов и его жена Вера Петрова*** (5 ноября 1844 года у них родилась дочь Клавдия).

7. Купеческий брат ***Спиридон Иосифов Тихонов и его жена Евдокия Фёдорова*** (у них родилась дочь Агриппина – 2 июня 1845 года).

8. Купеческий сын ***Иван Иосифов Тихонов и жена Агафия Александрова*** (у них родился сын Фёдор – 17 февраля 1845 года, умер 21 июля 1845 года).

У них же 4 июня 1846 года родился сын Тихон, умер 1 сентября 1846 года.

9. Купеческий племянник ***Фёдор Матфеев Тихонов,*** 26 лет, первым браком, взял в жёны солдатскую дочь, девицу ***Наталию Алексееву,*** 20 лет.

Поручители – по жениху: купеческий брат ***Павел Иосифов Тихонов***; по невесте: мещане ***Фёдор Егоров Тихонов*** и Дмитрий Сергеев.

10. Купеческий брат ***Павел Иосифов Тихонов.***

V. Волковы

1. Купеческий сын ***Андрей Михайлов Волков.***
2. Купеческий сын ***Иван Михайлов Волков.***
3. Купеческий внук ***Пётр Михайлов Волков.***

VI. Голованновы

1. Купеческий сын ***Василий Памфилов Голованов.***

2. Купеческого сына ***Михаила Памфилова Голованова*** дочь Мария умерла 19 июня 1845 года, 3 недель, от слабости.

VII. Деевы

1. Купеческая вдова ***Надежда Адрианова Деева.***
2. Купчиха ***Мария Фёдорова Деева.***

VIII. Крыловы

1. Купеческий сын ***Кирилл Александров Крылов.***
2. Купеческий племянник ***Пётр Алексеев Крылов.***

3. Купеческая племянница ***Анна Алексеева Крылова*** (в замужестве – Макарова).

IX. Макаровы

1. Купеческий сын ***Тимофей Иванов Макаров.***
2. Купеческий брат ***Иосиф Иванов Макаров.***
3. Купеческий сын ***Борис Яковлев Макаров***, православный, первым браком, 25 лет, взял в жёны 10 ноября 1846 года купеческую племянницу Анну Алексееву Крылову, 22 лет.

Поручители: по жениху – мещанин Гавриил Филиппов Макаров и орловский мещанин Василий Николаев Васильев; по невесте – купеческий племянник Пётр Алексеев Крылов и купеческий сын Кирилл Александров Крылов.

X. Осминины (Асминины)

1. Купеческий сын ***Иван Гаврилов Осминин***
2. Купеческий сын ***Алексей Андреев Осминин***

XI. Пономарёвы

1. Малоархангельский 3-й гильдии купец ***Иосиф Афонасьев Пономарёв***, умер 2 сентября 1846 года, в 60 лет, от удара.
2. Купеческий сын ***Андрей Иосифов Пономарёв.***

XII. Свиридовы

1. Купец ***Андрей Васильев Свиридов.***
2. Купчиха ***Гликерия Георгиева Свиридова.***

Судя по записям в метрических книгах, дети и внуки купцов почти всегда женились или выходили замуж за представителей своего сословия. Исключения бывали, но достаточно редкие.

Приведённые списки купеческих фамилий, надеюсь, помогут тем, кто будет искать своих родственников или составлять родословную.

Купцы Пономарёвы во времени и пространстве

Весной 2018 года ко мне (через посредство админа сайта «Малоархангельск.Ру Александра Белевцева – А.П.) обратился с просьбой в поиске родословных корней житель Москвы Дмитрий:

«Добрый день! С большим удовольствием и радостью открыл для себя в Интернете Ваш сайт! Часть моих предков ведет свою историю именно из Малоархангельска. Так, моим прадедом был

Василий Никитович Пономарев, живший в конце XIX - начале XX веков в Вашем (и нашем) замечательном городе. У меня есть очень отрывочные сведения о нем, знаю, что у него были две кожевенных мастерских и торговая лавка. У него был сын и три дочери. Сын получил образование инженера, умер в Москве в 1947 году. И у меня вот какое предложение: может ли Ваш сайт поспособствовать (через краеведов, например) проведению исследования о семье Пономаревых в Малоархангельске? Я так понимаю, существует вероятность, что Василий Пономарев имел отношение к упомянутым в статье на Вашем сайте купцам Пономаревым.

Можно ли это установить через сохранившиеся архивные данные в областном и городском архиве, включая архивы газет и так далее?

Заранее благодарен за ответ, с уважением, Дмитрий».

Я ответил ему, и завязалась наша переписка, продолжающаяся по сей день. Дмитрий во втором послании чуть дополнил свои скупые сведения о предках:

«У меня осталось не очень много информации о семье, поскольку большая часть ее погибла. ***Моя бабка, Екатерина Васильевна Пономарева,*** *родилась в 1899 году, кажется, закончила женское училище (аналог гимназии?), и кажется, преподавала потом французский и немецкий в одной из школ. Где, точно, не знаю.* ***Ее отец, Василий Никитович Пономарев****, занимался выделкой и продажей кож. Жили они в Малоархангельске. Дополнительная информация:* ***у моей бабушки, Екатерины Васильевны, были две сестры и брат. То есть, у прадеда было, минимум, четверо детей».***

Вот так всё начиналось. За несколько месяцев мне удалось изучить метрические книги двух малоархангельских церквей (к сожалению, очень небольшое их количество сохранилось – А.П.), три «Ревизских сказки» (1811, 1816 и 1858 годов) и большое количество документов первых лет Советской власти. Не могу сказать, что получилась очень точная и ясная картина, но многое о купцах (а потом – и мещанах) Пономарёвых удалось выяснить.

Самые первые сведения о Пономарёвых обнаружил я в метрических книгах Вознесенской церкви Малоархангельска. Процитирую эти выписки:

Метрические книги Вознесенской Соборной церкви города Малоархангельска за 1804-1812 годы

ГАОО, ф.101., оп.1, ед.хр.1941

На 181 листе

1806 год

О брачующихся

29 октября 1806 года

Малоархангельской купеческой сын Осип Афонасьев сын Пономарёв понял за себя города Мценска купца Ильи Стефанова дочь девицу Ксению, первым браком.

По жениху поручители были оного города посацкой Фёдор Михайлов, Иван Лукин и руку приложили; а по невесте – города Мценска посацкой Константин Захаров и Ливенской округи села Альшань однодворец Иван Ульянинов руку приложил.

О родившихся в 1808 году

11/11 майя 1808 (первая цифра в дате – рождение, вторая – крещение – А.П.) **– у купца Леона Афонасьева сына Пономарёва сын Епифаний,** восприемник был посацкой Фёдор Фёдоров сын Лукин.

25/25 декабря 1808 – у купца Иосифа Афонасьева сына Пономарёва родилась дочь Анисья, восприемница была того же города посадского Фёдора Фёдорова сына Лукина жена Ирина Афонасьева дочь.

О родившихся в 1810 году

14/16 августа 1810 – у купца Иосифа Афонасьева сына Пономарёва родился сын Андрей, восприемник был посацкой Самсон Емилианов сын.

О бракосочетавшихся в 1810 году

№12 – 9 февраля 1810

Того же города купеческий сын Иван Афонасьев сын Пономарёв понял себя в супружество города Орла у купца Фёдора Ефрасимова сына Щербакова дочь девицу Дарью, оба первым браком (20 лет и 18 лет соответственно).

Поручители были по жениху – того же города посацкой Пётр Ильи сын Захарьев, Ливенской округи села Ольшаного однодворец Иван Алхимов; **по невесте – Малоархангельской купеческой сын Осип Пономарёв,** посацкой Фёдор Лукин, кои своеручно подписались.

19/22 марта 1811 года

Того же города у купца Ивана Афанасьева сына Пономарёва сын Гаврил.

Восприемники были – того города посацкой Константин Ильин сын Синельников.

А теперь перейду к «**Ревизским сказкам купцов, мещан, экономических крестьян города Малоархангельска, однодворцев и однодворческих крестьян, казённых поселян и малороссиян Малоархангельского уезда за 1811-1812 годы**

(ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.387, на 1275 листах).

Здесь, среди прочих, сохранилась «**Ревизская сказка 1811 года ноября дня Орловской губернии города Малоархангельска о состоящих в городе купцах третьей гильдии мужеска пола душах** *(женский пол в этой «Ревизской сказке» не написан – А.П.).* На листе 2 оборотном под №17 обнаружил я семейство Афанасия Пономарёва**.** Он, как показано в записи, вступил в купцы недавно (но дата не названа – А.П.). Цитирую:

№17

Афанасий Александров сын Пономарёв – поступил (в купцы 3-ей гильдии) – 58 лет (на 1811 год).

Афонасьевы дети:

Леон – 33 года (на 1811 год)

Осип – 24

Иван – 21

Леоновы дети:

Семён – вновь рождённый – 9 лет (на 1811 год)

Епифан – вновь рождённый – 3

Осипов сын Андрей – полугода

Всего в Малоархангельске в ноябре 1811 года в «Ревизской сказке» было названо 23 купеческих семьи (54 души мужского пола). Я все эти фамилии перечислю:

1. Облецовы
2. Сабуровы
3. Лунины
4. Палоевы
5. Канковы *(будущие Каньковы или Коньковы – А.П.)*
6. Каленины
7. Кузнецовы

8. Удалых-Меньшой
9. Кузнецовы
10. Кузнецовы
11. Бавыкины
12. Канковы
13. Сырцовы
14. Турковы
15. Клюковы
16. Дьяковы
17. Пономарёвы
18. Кузнецовы
19. Саравковы
20. Мелиховы
21. Мишулины
22. Голованов
23. Поляковы (вновь поступили – из отпущенных на волю в 1798 году).

Через четыре с половиной года в Малоархангельске была проведена очередная перепись (седьмая по счёту в России – А.П.). И в «**Ревизских сказках купцов, мещан и экономических крестьян г.Малоархангельска; однодворцев и однодворческих крестьян, дворовых людей, казённых поселян и малороссиян Малоархангельского уезда за 1816-1817 годы (населённые пункты на буквы А-Е, З-К,** ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.392, на 1598 листах, без начала – А.П.) на листах 1-2 под №3 я обнаружил знакомые фамилии:

Л.1об.-л.2

1816 года марта дня Орловской губернии города Малоархангельска

Купцы

Афонасий Александров Пономарёв – 58 лет – 62 года (на 1812 и 1816 годы – А.П.)

Афонасия Александрова сын Леон – 33 – 37

Леоновы сыновья:

Семион – 9 – 13

Епифан – 3 – 7

Афонасия Александрова 2-ой сын Иосиф – 24 – 28

Иосифовы сыновья:

Андрей – полугода – 4

Лев – новорожденный – 2

Казма – новорожденный – 3 месяца

Афанасия Александрова 3-ий сын Иван – 21 – 25

Афанасия Александрова жена Грипена – 61
Леона Афанасьева жена Аксинья – 35
Его же дочь Акилина – 9
Иосифа Афонасьева жена Ксения – 27
Его же дочь Елисавета – 9
Ивана Афонасьева жена Дарья – 24
Его же дочь Прасковья – 3 месяца

Как ни странно, в 1816 году число купеческих семейств сильно сократилось (и это за 4 с половиной года!) – с 23-ёх до 13-и.

Две последующие переписи населения – за 1834 и 1850 годы – по городу Малоархангельску не сохранились, пришлось внимательно штудировать **«Ревизские сказки купцов г.Малоархангельска за 1857-1858 годы (№№семей 1-63, ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр. 421, на 273 листах».** В них оказался и **«Алфавитный список купцов (фамилии на буквы А-Д, З-Н, П-Т, Ф-Х, Ш, Я)** *(трудность заключалась в том, что промежуток в 32 года достаточно большой для работы по родословным – А.П.).*

Здесь, почти в самом конце документа, на л.241-л.245, нашлась под №25 **«Ревизская сказка 1858 года майя 20 дня Орловской губернии города Малоархангельска о состоящих налицо мужеска и женска пола душах в семействе купчихи Аксиньи Ильиной Пономарёвой.**

Итак, №25 (по 9-ой ревизии) – №57 (10-я ревизия)
Аксиньи Ильиной Пономарёвой сыновья:
1. Андрей Иосифов – 42 (на 1851 год) – 49 (на 1858 год)

Его сыновья:
Петр – 12 – 19
Алексей – новорожденный – 5
Семён – новорожденный – 2

2. Лев Иосифов – 40 – 47

Его сын Михаил – 13 – 20

3. Филипп Иосифов – в неизвестной отлучке с 1843 года
4. Иван Иосифов – 26 – 33

Аксиньи Ильиной деверь Иван Афанасьев – 55 – 62
Его сыновья:
1. Егор Иванов – 13 – 20
2. Иван Иванов – 8 – 15
3. Алексей – 6 – 13
4. Василий – 4 – 11

Аксиньи Ильиной племянники:
1. Симон Леонов – 48 – 55
Его сыновья:

1-й. Никита Симонов – 26 – 33

Его сыновья:

Василий – 8 месяцев – 8 (1849 года рождения, сентябрь или октябрь)

Алексей – новорожденный – 6

2. Иван Симонов – 22 – 29

3. Никифор Симонов – 1,5 – умер в 1852 году

2. Епифан Леонов – 45 – 52

Епифановы сыновья:

Илья – 18 – 25

Феодор – 3 – 10

Итого мужеского пола налицо – 20

Аксинья Ильина Пономарёва – 72 (на май 1858 года)

Андреева жена Прасковья Фёдорова – 42

Их дочери:

Аграфена – 11

Надежда – умерла

Льва Иосифова жена Настасья Александрова – 42

Их дочери:

Пелагея – выдана замужество

Анна – 12

Александра – 10

Настасья – новорожденная – 7

Ивана Афанасьева жена Марья Андреева – 20

Ивана Афанасьева дочери:

Агафья – выдана в замужество

Агрипена – 18

Симона Леонова жена второго брака Анна Трифонова – 42

Никиты Симонова жена Анна Ионова – 29

Их дочь Александра – новорожденная – 1

Ивана Симонова жена Настасья Григорьева – 26

Симона Леонова дочь второго брака Екатерина – новорождена – 7

Епифана Леонова жена Настасья Михайлова – умерла в 1853 году

Их дочери:

Татьяна – выдана в замужество

Анна – 15

Итого женскаго пола налицо – 16

Что в сей Ревизской сказке все души к 20 числу майя месяца 1858 года в наличности, бывшие показаны и прописных нет, в

том Малоархангельская 3-й гильдии купчиха Аксинья Ильина Пономарёва, заместо её неграмотной, по ея личному прошению купец Иван Семёнов Пономарёв руку приложил, веры с семейством православной.

Для читателя: и в этой «Ревизской сказке», и в предыдущих жирных шрифтом я выделил родословную линию тех Пономарёвых, которые привели потом к бабушке Дмитрия – Екатерине Васильевне Пономарёвой.

Всего же, по переписи 1858 года в Малоархангельске насчитывалось 63 купеческих семейства. Их фамилии и число душ мужского и женского пола – смотри, читатель, ниже:

Купцы Малоархангельска в 1858 году:

1. Горшковы – 9 мужского пола +5 женского пола=14 душ
2. Снагиревы (Спагиревы) – 7+2=9
3. Гревцевы – 8+9=17
4. Инбирские – 5+2=7
5. Горшковы – 4+5=9
6. Шумейкины – 12+8=20
7. Вениковы – 5+2=7
8. Тихоновы – 4+6=10
9. Павловы – 4+4=8
10. Кириловы – 3+7=10
11. Садкевич – 12+11=23
12. Лисичкины – 14+15=29
13. Соколовы – 5+4=9
14. Дружинины – 6+3=9
15. Прифанцевы – 3+4=7
16. Никулины – 2
17. Асминины – 2+1=3
18. Фирсов Пётр Егоров – в 1856 году отпущен на волю от помещика Александра Агеева Абазы, причислены Указом Казённой Палаты от 6 февраля 1858 года в малоархангельские 3-ей гильдии купцы (4+0=4)
19. Куприяновы – 4+1=5
20. Легостаевы – 5+4=9
21. Макаровы – 4+5=9
22. Свиридовы – 4+4=8
23. Размологовы – 2+3=5
24. Тихоновы – 13+14=27
25. Сосины – 4+3=7

26. Ивановы – 5+2=7
27. Асмаковы – 23+20=43
28. Веденские – 5+3=8
29. Судаковы – 7+6=13
30. Кузнецовы – 10+10=20
31. Стретенцевы – 11+8=19
32. Каньковы – 5+2=7
33. Захарьевы – 11+13=24
34. Колесниковы – 7+3=10
35. Никулины – 17+21=38
36. Крыловы – 15+14=29
37. Никулины – 22+13=35
38. Поляковы – 4+4=8
39. Каньковы – 7+9=16
40. Соины – 7+6=13
41. Нецветаевы – 4+3=7
42. Кубаревы – 1+1=2
43. Беляничевы – 8+10=18
44. Яковлевы – 10+11=21
45. Захарьевы – 3+3=6
46. Голованов – 11+9=20
47. Мелиховы – 10+9=19
48. Каньковы – 2+3=5
49. Христоповы – 4+2=6
50. Тарубаровы – 4+3=7
51. Волковы – 2+1=3
52. Волковы – 6+11=17
53. Мулюкины – 11+14=25
54. Асминины – 10+12=22
55. Крыловы – 12+5=17
56. Легостаевы – 8+10=18
57. Пономарёвы – 20+16=36
58. Никулины – 4+4=8
59. Малютины – 6+7=13
60. Макаровы – 16+7=23
61. Шебанниковы – 10+7=17
62. Митякины – 4+2=6
63.Тихоновы – 5+1=6

Пономарёвы здесь – под №57.

А теперь – несколько дополнительных записей по этому большому семейству из 36 душ **из метрических книг Вознесенской Соборной церкви за 1858-1864 годы:**

О бракосочетавшихся

№ 1 – 8 января 1858

Жених – купеческий внук Пётр Алексеев Осминин, первым браком, 25 лет, и **купеческая внучка Татьяна Епифанова Пономарёва, первым браком, 18 лет.**

№ 5 – 12 января 1858

Жених – купеческий племянник Георгий Иванов Пономарёв, первым браком, 25 лет, и мещанская девица Татьяна Филиппова Степанова, первым браком, 19 лет.

Один из поручителей 22 января 1858 года – купеческий внук Михаил Леонов Пономарёв

Об умерших

1/3 мая 1863 – купеческий племянник Симеон Леонов Пономарёв, 57 лет, от простуды.

Соборный священник Иоанн Жданов с диаконом Иваном Диомидовым.

О рождении

21/22 марта 1864 – Василий

Родители: Купеческий сын Иван Иванов Пономарёв и законная его жена Агриппина Дионисиева, оба – православного вероисповедания.

Купец Иван Семёнов Пономарёв назван восприемником (1 мая 1864 года у купца Ирадиона Спиридонова Тихонова при рождении его сына Николая).

С метрическими книгами и «Ревизскими сказками» я, уважаемый читатель, закончил и перехожу к другим документам, в которых тоже упомянуты Пономарёвы.

Вот **«Журнал чрезвычайного Малоархангельского уездного собрания о проекте соединения Малоархангельска с Московско-Курскою железною дорогою особою веткою железной дороги и список гласных состоявшегося 26 апреля 1877 года»** (начато 18 апреля, окончено 26 апреля 1877 года, на пяти листах, ГАОО, ф.473, оп.1, ед.хр.12).

На собрание прибыл 21 гласный, и состоялось заседание, которое вёл Председатель – известный в Малоархангельском уезде (и не только в нём – А.П.) Дмитрий Яковлевич Скарятин. Для участия в собрании пригласили и городского главу Никулина вместе с четырьмя самыми уважаемыми малоархангельскими купцами: Н.С. Пономарёвым, И.С. Белоусовым, Н.Е. Кубаревым и С.Н. Тихомировым. Первым по счёту назван **Н.С. Парамонов, это**

как раз Никита Семёнович, прапрадед Дмитрия – А.П.). Купцы, *«выслушав предложение правления Общества Московско-Курской железной дороги, удостоверили, что город нисколько не затруднится отводом при приобретении для постройки станции земли, в количестве до пяти десятин, и просили собрание, не стесняясь приобретением под станцию земли, войти с Обществом в соглашение по предмету устройства ветки»…* То есть, купцы прямо дали своё «добро» на строительство железнодорожной ветки. Жаль, что, в конечном счёте, до этого дело так и не дошло.

А теперь перейду к результатам изучения мною губернских газет за период с 1890 по 1895 год. В «Орловском вестнике» и «Орловских губернских ведомостях» за этот период неоднократно встречается фамилия Пономарёвых.

Вот «Орловский вестник» под №64 за 25 августа 1890 года, в котором опубликован «Список лицам, **имеющим право голоса для избрания гласных в Малоархангельскую городскую Думу на четырёхлетие с 1891по 1895 год**». В числе таковых, по первому разряду назван купец **Никита Симонов Пономарёв,** а по второму разряду – его жена, купчиха **Анна Ионовна Пономарёва.**

Из 22 мещан, имеющих право голоса (по 3-ему разряду), названы **Максим Иванов Пономарёв, Василий Иванов Пономарёв, Алексей Андреев Пономарёв, Семён Андреев Пономарёв, Александр Яковлев Пономарёв, Василий Семёнов Пономарёв.** Скорее всего, это представители того же семейства, слишком сильно разветвившегося, чтобы все его мужчины оставались в купеческом сословии. Надо было тогда платить гильдейский налог. Если для этого возможности или желания не было, купцы записывались в «мещане».

Среди присяжных заседателей 1891-1893 годов снова были Пономарёвы: купец Никита Семёнович и мещане Максим Иванович и Василий Иванович. Они же (плюс ещё **мещанин Семён Андреевич) имели право на это и в 1894-1896 годах.**

Таким образом, как **купцы (Никита Семёнович), так и мещане (Василий Иванович, Максим Иванович и Семён Андреевич)** входили в число тех горожан Малоархангельска, кто управлял городом через структуры местного самоуправления.

К бабушке Дмитрия, исходя из перечисленного выше, можно провести прямую родословную линию от начала 19-ого до начала 20-ого века:

Афанасий Александрович Пономарёв, поступивший в малоархангельские купцы 3-ей гильдии из мещан или крестьян (1753 – ?) и его жена Агриппина (1755 -?);

Леон Афанасьевич Пономарёв (1778 – ?) и его жена Аксинья (1780 – ?);

Семён Леонович Пономарёв (1802 – 1/3 мая 1863) и его вторая жена Анна Трифонова (1815/1816 – ?);

Никита Семёнович Пономарёв (1824/1825 – ?) и его жена Анна Ионова (1828/1829 – ?);

Василий Никитич Пономарёв (сентябрь/октябрь 1849 – ?) и ? возможно, что у него была вторая жена;

Екатерина Васильевна Пономарёва (1899 – ?) и ещё трое детей.

Мещане Малоархангельска в 1858 году

В самом начале, уважаемый читатель, напомню тебе, кто такие мещане. Для этого использую сведения из Википедии:

«Мещанство (польск. mieszczanin — горожанин) — в Российской империи до 1917 года — сословие, низший разряд городских обывателей. Мещане относились к податным сословиям, несли рекрутскую и податную повинность, могли подвергаться телесным наказаниям.

Мещанство берёт начало от посадских (жителей городов и посадов) Русского государства, в основном — ремесленников, мелких домовладельцев и торговцев. Считается, что название происходит от польского названия небольших городов — «местечко». Официально сословие мещан было оформлено в Жалованной грамоте городам Екатерины II в 1785 году. Наименование «мещане» в ней было определено как: «городовые обыватели», «среднего рода люди», мелкие торговцы и ремесленники. Мещанское сословие по положению стояло ниже купеческого. Именно мещанам принадлежала бóльшая часть городского недвижимого имущества. Будучи основными плательщиками налогов и податей, мещане, наряду с купцами, относились к категории «правильных городских обывателей».

Мещане, как и остальные сословия Российской империи, исчезли вместе с самой империей.

В Государственном архиве Орловской области хранятся три «Ревизских сказки мещан Малоархангельска за 1857-1858 годы», в которых содержатся сведения о 577 семьях, проживавших на тот

момент в городе. Они разного объёма (985, 494 и 364 листа). В первой из них – ««Ревизские сказки мещан г.Малоархангельска за 1857-1858 годы (номера семей 1-321)» – ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.422, на 985 листах) – имеется «Алфавитный список мещан, с указанием номеров «Ревизских сказок» и их страниц. Я использовал его, выписав все фамилии мещан Малоархангельска и подсчитав, сколько представителей каждой фамилии проживало в городе.

Для удобства каждую новую букву выделил жирным шрифтом, цифра после фамилии – число семей. Итак, читатель, вот они:

Абрамовы – 1, Абрецовы – 1**,** Агарковы – 1**,** Агафоновы – 1**,** Азаровы – 1**,** Акимовы – 2**,** Александровы – 6**,** Алексеевы – 2**,** Андреевы – 4**,** Аретинский – 2**,** Артеменковы – 1**,** Аремковы – 1 (?), Аркадиевы – 1, Асминины – 2, Афонасьевы – 6.

Бабковы – 1, Багданчиковы – 1, Багликовы – 1, Балычевы – 1, Байдаковы – 1, Баранчиковы – 1, Барковы – 3, Баевы – 1, Басовы – 1, Беликовы – 1, Беляничевы – 2, Белоусовы – 1, Блинчиковы – 1, Богдановы – 1, Болоцкий – 1, Боравковы – 1, Борисовы – 3, Булгаковы – 1, Булгаковские – 1, Бунины – 2, Бурины – 1, Буровы – 1.

Васильевы (13 семейств), Введенский – 1, Владимировы – 6, Вознесенский – 1, Волковы – 4, Володимировы – 1, Волоховы – 1, Ворошиловы – 1, Воскобойниковы – 2, Воскресенский – 5, Вытарковы (Выжарковы) – 1.

Гавриловы – 4, Герасимовы – 2, Гладковы – 1, Глинкины – 1, Голиковы – 1, Голосовы – 1, Горбатовы – 1, Горбуновы – 3, Горины – 1, Гороховы – 1, Горячкины – 1, Григорьевы – 3, Губановы – 2, Гулидовы – 2, Гуляевы – 3, Гуровы – 1, Григорьевы – 4, Грузиновы – 1.

Даниловы – 4, Деевы – 1**,** Дементеевы – 1**,** Денисовы – 1**,** Десятниковы – 1**,** Дмитриевы – 3**,** Дорофеевы – 1**,** Драчёвы – 1**,** Дубочевская – 1**,** Дугины – 1**,** Дьяковы – 1.

Евсеевы – 1, Егоровы – 1**,** Ермаковы – 1**,** Ермолаевы – 1**,** Ерохины – 1**,** Ефимовы – 3**,** Ечеевы – 1.

Жердевы – 1, Жидковы – 1**,** Жильченковы – 1**,** Журавлёвы – 1.

Забздины – 1, Задворецкая – 1**,** Захаровы – 6**,** Зерновы – 2**,** Зверевы – 1**,** Зикеевы – 1**,** Злобины – 3**,** Золотарёвы – 1**,** Зубковы – 3.

Ивановы – 26, Игнатовы – 3**,** Иларионовы – 1**,** Ильины – 6**,** Имбирский – 1**,** Иосифовы – 1.

Казариновы – 1, Казелковы – 1, Казмины – 3, Калединиевы – 1, Каньковы – 2, Канюхины – 2, Каралёвы – 1, Карповы – 1, Каструковы – 1, Кательниковы – 1, Кириловы – 2, Карповы – 1, Клачковы – 1, Кобозевы – 1, Ковалёвы – 1, Козверевы – 1, Козловы – 3, Колесниковы – 2, ***Ко (а)линниковы – 8***, Коломейкины – 1, Комышовы – 1, Кондратьевы – 1, Константиновы – 3, Коричковы – 1, Корогодины – 2, Кородской – 1, Косины – 1, Костины – 1, Котовы – 1, Кочетовы – 1, Красильниковы – 1, Крутиковы – 2, Крыловы – 1, Кубаревы – 2, Кудрявцевы – 1, Кузнецовы – 1, Куликовы – 1, Кунишевы – 1, Куприяновы – 3, Куржуповы – 2, Кустовы – 3, Курдюмовы – 2.

Лавровы – 1, Лазаревы – 1, Ларионовы – 3, Лбищевы – 1, Легостаевы – 2, Ленский – 1, Линёвы – 1, Лобынцовы – 1, Лукины – 6, Львовы – 1, Любской – 1, Лякины – 1.

Макаровы – 6, Максимовы – 2, Мареевы – 1, Мастерины – 1, Матвеевы – 6, Медведевы – 2, Меньшиковы – 1, Милютин – 1, Мирошниковы – 1, Михайловы – 3, Молчановы – 1, Москвитины – 1, Мулюкины – 1, Муравлёвы – 1.

Нарченковы – 1, Насоновы – 1, Наумовы – 2, Незнамовы – 1, Некрасовы – 1, Немкины – 1, Нецветаевы – 6, Никитины – 5, Никифоровы – 1, Николаевы – 5, Никольский – 1, Никулины – 2, Новиковы – 3.

Обидовы – 1, Облецовы – 2, Оболенские – 5, Одинцовы – 2, Орловы – 1, Осиповы – 1, Ощеуловы (Ащеуловы) – 1.

Павловы – 4, Панины – 2, Пантелеевы – 1, Парамоновы – 1, Патаповы – 2, Персияниновы – 1, ***Петровы – 19*****,** Пирашковы – 1, Плоткины – 1, Позняковы – 1, Покровский – 1, Поляковы – 6, Помпеевы – 1, Попковы – 1, Поповы – 7, Порамоновы – 1, Прошины – 1, Пряхины – 2, Пузановы – 1, Пчелины – 1.

Рагозины – 1, Раевский – 5, Раздобаровы – 1, Размалоговы – 3, Разсихины – 2, Решетниковы – 1, Родгоновы – 2, Розоновы – 1, Рудневы – 3, Рыжаевы – 1.

Сава́роковы – 1, Савины – 1, Садкевич – 2, Салтыковы – 1, Самароковы – 1, Сапруновы – 2, Свиридовы – 1, Селиверстовы – 1, ***Семёновы – 8,*** Сергеевы – 4, Сероплековы -2, Сидневы – 1, Соболевы – 2, Соколовы – 6, Сорокины – 1, Сошниковы – 1, Спиридоновы – 1,

Степановы – 4, Стефановы – 2, Сумароковы – 1, Суслины – 1, Сырцовы – 5.

Такмаковы – 4, Тарасовы – 2, Тихомировы – 1, Толевы – 1, Толстопятовы – 1, Турковы – 1, Тюковы – 1, Тюрины – 1.

Уваровы – 1, Удаловы – 4**,** Устиновы – 1.

Фалеевы -1, Фёдоровы – 5, Федосеевы – 2, Филиновы – 1, Филипповы – 1, Фроловы – 1.

Харитоновы – 2, Хохловы – 2**,** Христоповы – 1.

Цветовы – 1, Цветовкины – 1**,** Цибуленковы – 1.
Чебановы – 2, Чеботарёвы – 1, Черепнины – 1, Череповский – 1, Чертовы – 1, Чеховский – 1, Чижевский – 1, Чуваевы – 1.

Шабаниковы – 1, Шадский – 1, Шведовы – 1, Шворкины – 1, Шевелёвы – 2, Шелковы – 1, Шелиховы – 1, Шераповы – 1, Шеренко – 1, Шестаковы – 1, Шиловы – 1.

Юровы – 2.

Яковлевы – 2.

*Итак, как читатель убедился после чтения этого списка, фамилии были разнообразны, и представителей каждой из них имелось немного. Исключения – **Ивановы,** которых насчитывалось 26 семей, **Петровы** – 19 и **Васильевы** – 13 семей. По восемь семей было **Калинниковых (Колинниковых) и Семёновых**. Остальных – и того меньше.*

Поищи, читатель, может, найдёшь знакомые тебе фамилии.

Город Малоархангельск в 1862 году

(информация из газеты «Орловские губернские ведомости», 1863 год, 5 января, №1)

К городу Малоархангельску примыкают слободы государственных крестьян, но от этих слобод он составляет отдельное поселение.

Жителей по 10 ревизии числится:

купцов – мужского пола – 549, женского пола – 748,

мещан – мужского пола – 2020, женского пола – 1874.

(то есть, общее число, – 5191, сравни, читатель, с числом жителей в современном Малоархангельске – А.П.).

Лиц, владеющих в городе домами и другими недвижимимы имуществами:

дворян – 16, разночинцев – 64, лиц духовного звания – 7, купцов – 97, мещан – 207.

Жителей в примыкающих к городу слободах по последней ревизии (1858 года):

государственных крестьян – мужского пола – 1230, женского пола – 1328.

Главный предмет торговли составляет пенька.

На 1862 год по городу Малоархангельску объявлено купеческих капиталов:

1 гильдии – один, 2 гильдии – один, 3 гильдии – 92.

Иногородних купцов в городе Малоархангельске – два.

Магазинов, трактиров и белых харчевен – нет, лавок – 44, гостиниц – 4, постоялых дворов – 3.

Ярмарок не бывает, а базаров – два раза в неделю, по понедельникам и пятницам. Торговля по базарам чрезвычайно слабая, и купцы за покупкою пеньки, большей частью, ездят по уезду.

Лиц, занимающихся ремёслами: кузнецов – 8, портных – 5, сапожников – 5, столяров – 7.

Из них местных жителей – 13, а остальные – иногородние и государственные крестьяне.

Сбыт ремесленных изделий происходит в самом городе.

Заводов в Малоархангельске не имеется, кроме одного кожевенного, и то весьма незначительного.

Для промыслов и заработков большая часть жителей выбывает в уезд, где закупает пеньку, хлеб и другие предметы сельского производства и продаёт их в городе.

В летнее время многие нанимают в уезде сады и огороды, а некоторые отправляются в Малороссию и занимаются торговлею скотом.

В 1862 году выдано паспортов на отлучку в разные местности:

купеческих – 53, мещанских – 540.

Обыкновенный годовой доход города в 1862 году простирался до 1294 рублей 44 копеек

Земли, принадлежащей городу Малоархангельску, числится 234 десятины 1390 сажен, вся – под поселением города.

О начале деятельности органов земства в Малоархангельском уезде

С 1 января 1864 года в Российской империи стала осуществляться земская реформа, очередная в череде знаменитых преобразований императора Александра II.

Когда только-только комиссия, созданная в Министерстве внутренних дел, разрабатывала проект местного управления (именно так!) Н. А. Милютин, председатель комиссии, сформулировал принципы будущей системы. Эти положения, одобренные царём, выражались в формуле: дать местному самоуправлению возможно больше доверия, возможно больше самостоятельности, возможно больше единства.

Я коснусь общих ее моментов: как была организована система властных органов, как они функционировали, а для примера буду использовать Малоархангельский уезд, один из 12-и в Орловской губернии.

Итак, как в губернии, так и в уездах органы земства делились на распорядительные (законодательные) и исполнительные.

Первые устанавливались в виде земских собраний, вторые — в виде земских управ. И те, и другие избирались на трехлетний срок, а во главе стоял один человек — местный предводитель дворянства. Он, как Господь Бог, был триедин.

Во 2-ой половине 60-х — начале 70-ых годов XIX века в Малоархангельском уезде трижды «предом» был Дмитрий Яковлевич Скарятин — личность известная и колоритная, один из шести сыновей Якова Фёдоровича Скарятина, участника заговора против Павла I. Дмитрию Яковлевичу принадлежали поместья в Пеньшино и Нижнем Жёрновце.

Первый срок существования Малоархангельского уездного земства длился с **1866 по 1869 год**. За это время оно сумело сделать первые, достаточно робкие шаги, за которыми внимательно наблюдали и в Орле, и в Санкт-Петербурге. А из столицы вскоре (в 1867-ом году) дошел до провинции закон, поставивший местные земства под жесткий контроль царских чиновников.

В таких условиях **летом 1869 года** прошли выборы в Малоархангельское земское собрание. Три курии — землевладельцы, горожане — собственники Малоархангельска и крестьяне уезда избрали 50 гласных в свой законодательный орган (кстати, какое замечательное русское слово — гласные, т. е.

имеющие право голоса, право голосовать. Ведь само собой подразумевается, что гласные — голосуют, отдают свой голос, и почему у нас сейчас какие-то депутаты? – А.П.). Кто же они были — 50 гласных Малоархангельского уездного земского собрания?

От первой курии, уездных землевладельцев, было избрано 25 человек дворян (16 состояли на военной службе и 9 — на гражданской). Вторая курия избрала всего двух человек — купцов города Малоархангельска А. Я. Канькова и С. М. Захарьева.

Самым интересным оказался состав гласных, избранных по третьей курии — от крестьянских сообществ: один священнослужитель, пять дворян, пять старшин волостей, пять временнообязанных крестьян, пять государственных и один крестьянин — собственник.

Если дворян из третьей курии прибавить к землевладельцам из первой, то становится очевидным подавляющее большинство помещиков — землевладельцев над представителями других сословий (30 против 20, т.е. они всегда могли обеспечить в свою пользу решение любого вопроса, это была такая «фракция», которая определяла всю «внутреннюю политику» земских собраний).

Когда выборы завершились, орловский губернатор Лонгинов дал разрешение Малоархангельской уездной земской управе на назначение первого очередного Земского собрания второго созыва.

Земская Управа днем начала работы собрания назвала 6 сентября 1869 года (вообще, по традиции, очередные земские собрания проходили всегда в сентябре – А.П.).

В этот день в Малоархангельск приехал 41 гласный (из 50, напомню – А.П.). Перед началом заседаний все собравшиеся посетили Вознесенский кафедральный собор и дали присягу Императору на верность и законопослушность в своей деятельности.

В час дня, после возвращения из храма, открылось первое заседание. По предложению Председателя, Д. Я. Скарятина, собрание приступило к *«поверке числа и прав гласных; на основании 61 статьи «Правил и порядка к приведению в действие Земских Учреждений» и 37 статьи Положения о тех же Учреждениях».*

Обсуждение этого вопроса началось с зачтения обращения орловского губернатора Лонгинова к земскому собранию — *«О нарушениях при выборе гласных на сельских избирательных съездах в селах Ворово, Архарове и Луковце».*

Губернатор обратил внимание, что на выборах в селе Ворово гласных избирали не шарами, как было положено, чтобы обеспечить закрытую баллотировку, а единогласно, без баллотировки. Кроме того, выборный лист подписали здесь только председательствовавший старшина и мировой посредник, а не все избиратели, как этого требовали 47-я и 48-я статьи «Правил и порядка приведения в действие земских учреждений».

Аналогичные нарушения губернатор заметил на выборах в Архарове и Луковце. При обсуждении данного вопроса гласные пришли к выводу, что, действительно, нарушения имели место, но их следует признать незначительными, поскольку на волеизъявлении выборщиков это не сказалось во всех почти случаях, кроме одного. Государственного крестьянина Коробова сельский избирательный съезд в селе Луковец избрал гласным в нарушение всех законов, поскольку он был под следствием и судом.

Полномочия других гласных, избранных в Ворове, Архарове и Луковце, земское собрание утвердило, хотя на будущее предостерегло сельские съезды от даже небольших нарушений.

Вторым вопросом было избрание секретаря собрания. Закрытым голосованием (28 против 13) им стал коллежский регистратор Нарцисс Костецкий. Затем приступили к обсуждению кандидатур в члены ревизионной комиссии. В нее избрали трех человек — гвардии ротмистра Н. Карташова, поручика А. Мейера (через 10 лет он сам возглавит Малоархангельское земское собрание) и купца А. Канькова.

Были созданы также три отдельные комиссии, по три человека в каждой (без уточнения конкретного названия, но в каждую входили два землевладельца и один крестьянин). Рассмотрев четыре вопроса, в пять часов пополудни земское собрание закрыло свое первое заседание.

На заседании втором, вечером (этого же дня) гласные рассмотрели не менее важные вопросы. Для начала они увеличили число членов Земской Управы с двух до трех (за это проголосовали 37 членов, против были четверо).

За жалованье Председателю Земской Управы в 1200 рублей ежегодно проголосовали все, а вот по жалованью членам Управы голосовали трижды. За 400 рублей жалованья для каждого члена Земской Управы высказались 5 (против -37), за 500 рублей — 4 человека (против — 33), за 600 рублей выступило большинство — 29 (но 13, все-таки, остались «против»).

Итак, вначале договорились о числе членов Управы и определили суммы их жалованья, а уже потом речь зашла о

персональном составе постоянно действующего, исполнительного органа — Земской Управы.

В результате «закрытой баллотировкой» (в тексте журнала написано «болтировкой») председателем Земской Управы вновь избрали Д.Я. Скарятина (34 голоса — «за», 8 — «против»).

Членами Земской Управы по результатам голосования стали М.А. Челюсткин (35 — «за», 7 — «против»), А.Я. Каньков (32-10), Н.П. Костецкий (27-15).

Так Малоархангельское Земское Собрание избрало на новый трехлетний срок (1869-1872 гг.) свой постоянно действующий орган, члены которого работали на постоянной основе, получая жалованье из бюджета земства.

Земское же собрание 1869 года собиралось еще три дня: 7 сентября (два заседания, 41 гласный), 8 сентября (на утреннем заседании — 41 гласный, на вечернем — 35), 9 сентября (одно заседание, 31 гласный).

Журналы Малоархангельского уездного земского собрания, на основании которых я писал этот материал, позволяют сделать вывод, что к нарушителям, отсутствовавшим на заседаниях, остальные гласные относились очень мягко.

Действительный статский советник Захар Николаевич Мухортов был избран гласным Малоархангельского земства в 1865 году от землевладельцев уезда и за три года не посетил ни одного заседания (он жил и служил постоянно в Петербурге). Земское собрание даже в этом случае не стало исключать своего высокого по положению члена (как-никак генерал-майор, если переводить на военный язык его чин, да еще друг Тургенева), а перевело З.Н. Мухортова в запасные гласные (это позволяло тогдашнее «Положение»). Эту же процедуру провели в отношении еще трех гласных, уехавших за пределы уезда.

Добросовестные же гласные, приезжая в Малоархангельск на 4-5 дней, чтобы поучаствовать в работе земских учреждений, времени на это не жалели: вечерние заседания нередко заканчивались в 11-12 часов «пополуночи».

А что обсуждалось на этих ночных «посиделках» — это уже другие истории, рассказанные тебе, читатель, ранее.

P.S. Кстати, деятельность своего председателя Д.Я.Скарятина, 140 малоархангельских дворян оценили высоко и необычно. По их заказу были изготовлены кубок и поднос из серебра. На одном из трёх горельефов кубка художник изобразил Земство, а на первом плане рисунка рельефно выдавалась фигура самого Дмитрия Яковлевича, «замечательная по сходству и отчётливости

изображения». Вокруг верхней части кубка была сделана надпись выпуклыми славянскими буквами: «Дмитрию Яковлевичу Скарятину от дворян Малоархангельского уезда. 1868 год». К сожалению, у нас нет этого изображения.

Становой пристав Василий Юркевич и его семья

Совсем недавно в фондах ГАОО мне удалось найти формулярные списки полицейских чиновников Малоархангельского уезда (ГАОО, ф.4, оп.1, ед.хр.3556, л.л.16-19), из которых удалось почерпнуть сведения о семье станового пристава 2-ого стана Василия Юркевича. В дополнение к ним я получил информацию и от родственницы Юркевичей из Питера – Татьяны Панкратьевой. Благодаря им получился портрет полицейского чиновника Василия Юркевича, который 7 лет прожил на территории Малоархангельского уезда. А теперь – подробности.

Итак, **Василий Васильевич Юркевич,** пристав 2 стана Малоархангельского уезда, православного вероисповедания, из дворян, имения нет, родился в 1851 году, обучался в Полтавской гимназии, из воспитанников которой 16 мая 1869 года вступил в службу унтер-офицером в 1-ый пехотный Невский Его Величества Еллинов полк (шефом полка с 1867 по 1913 год был греческий король Георг I, а на погонах офицерского и рядового состава имелись две скрещённые буквы «Г» – А.П.). 31 августа его командировали в Московское пехотное юнкерское училище, в котором он проходил курс до начала июня 1870 года, а потом – с 3 октября до 15 июня 1871 года.

По завершении полного курса портупей-юнкер Василий Юркевич возвратился в свой полк, где Высочайшим приказом 23 ноября 1871 года был произведён в прапорщики. Но военная карьера бывшего выпускника юнкерского училища длилась недолго: вследствие прошения 11 февраля 1873 года он был уволен от службы Высочайшим приказом.

Малость отдохнув от армии, Василий Юркевич пошёл по гражданской стезе: 13 августа 1873 года он был определён помощником городового пристава 2 части г. Орла. В Орле было положено начало семейной жизни бывшего юнкера: он женился на орловской дворянке Любови Николаевне (девичья фамилия её нам

пока неизвестна – А.П.), а вскоре (15 марта 1874 года) родилась здесь и дочь Ольга – первый ребёнок в семье.

11 апреля 1874 года года по распоряжению г. Орловского губернатора Василий Юркевич стал приставом 1 стана Болховского уезда. В Болховском же уезде он получил повышение в чине, став коллежским регистратором.

Не прослужив и года в Болхове, Василий Васильевич, по договорённости с коллежским регистратором Брянцевым и с согласия губернского начальства **был перемещён 2 апреля 1875 года на должность пристава 2 стана Малоархангельского уезда**. Вот здесь он уже обосновался надолго, заложив основы будущей карьеры и пройдя ступеньки служебной лестницы до титулярного советника.

Проживала семья станового пристава короткое время в селе Спасское-Вязовое, а потом – вплоть до отъезда – в селе Покровское-Липовица (современный райцентр – посёлок Покровское – А.П.). В Малоархангельском уезде родились в семье Юркевичей ещё четверо детей: Владимир (1875 год), Евгения (1877 год), Наталья (1878 год) и Елена (1879 год).

Татьяне Панкратьевой удалось найти в фондах ЦГИА (Центрального Государственного Исторического архива) «Дело об опеке детей Василия Юркевича», в котором имеются две копии из метрических книг Покровской церкви (села Покровское, что на Липовице) Малоархангельского уезда.

Первая выписка касается рождения 30 октября 1877 года у дворянина Василия Васильева Юркевича и его законной жены Любови Николаевой дочери Евгении. 3 ноября 1877 года она была крещена в Покровской церкви. Восприемниками (крёстными отцом и матерью) выступили дворянин Фёдор Васильевич Юркевич (брат отца) и дворянка Прасковья Филимоновна Лисовская. Таинство крещения осуществил священник Иосиф Архангельский с причтом.

Вторая выписка – о рождении у Василия Васильевича Юркевича и его законной жены Любови Николаевны 12 ноября 1878 года дочери Наталии. 17 ноября в Покровской церкви её крестил священник Николай Первозванский с причтом, а восприемниками стали поручик Андрей Васильевич Юркевич (второй брат отца) и орловская дворянка Наталья Николаевна Позверк (вполне возможно, родная сестра матери – А.П.).

Данные же о рождении детей, приведённые в «Формуляре о службе» станового пристава, чуть-чуть расходятся, но, это, наверное, не очень принципиально (несколько дней одного и того

же года). Владимир родился и был крещён в селе Спасское-Вязовое, а три дочери – в селе Покровское-Липовица.

Зарплата станового пристава была сравнительно неплохой по губернским меркам – 600 рублей в год, денег для сельской жизни вполне хватало, но, по всей видимости, Василию Юркевичу мечталось о большем, в том числе и образовании своих детей.

И потому 25 августа 1882 года он написал Орловскому губернатору прошение об отставке по домашним обстоятельствам. Малоархангельский уездный исправник Крылов прошение об отставке Юркевича уже сам передал рапортом на имя Орловского губернатора. Прошло почти три недели, а ответа от губернатора не было, и тогда 15 сентября 1882 года Василий Юркевич написал повторное прошение. Отрывок из него я процитирую:

«…Не получая до сих пор аттестата о моей службе и желая переехать на жительство в другую губернию, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение о выдаче мне аттестата о моей службе по моему месту жительства в селе Покровское-Липовице Малоархангельского уезда.

Титулярный советник Василий Васильев Юркевич».

По всей видимости, бывший становой пристав дождался и ответа, и аттестата. И спустя короткое время он перебрался с семьёй в Воронеж. В 1898 году Василий Васильевич проживал там по адресу: Большая Дворянская, в доме Адлер. По информации Татьяны Панкратьевой, Юркевич за полтора десятилетия в Воронеже нажил приличное состояние: владел книжным и писчебумажным магазинами, типо-лито-хромографией, переплётным и лицевальным заведениями.

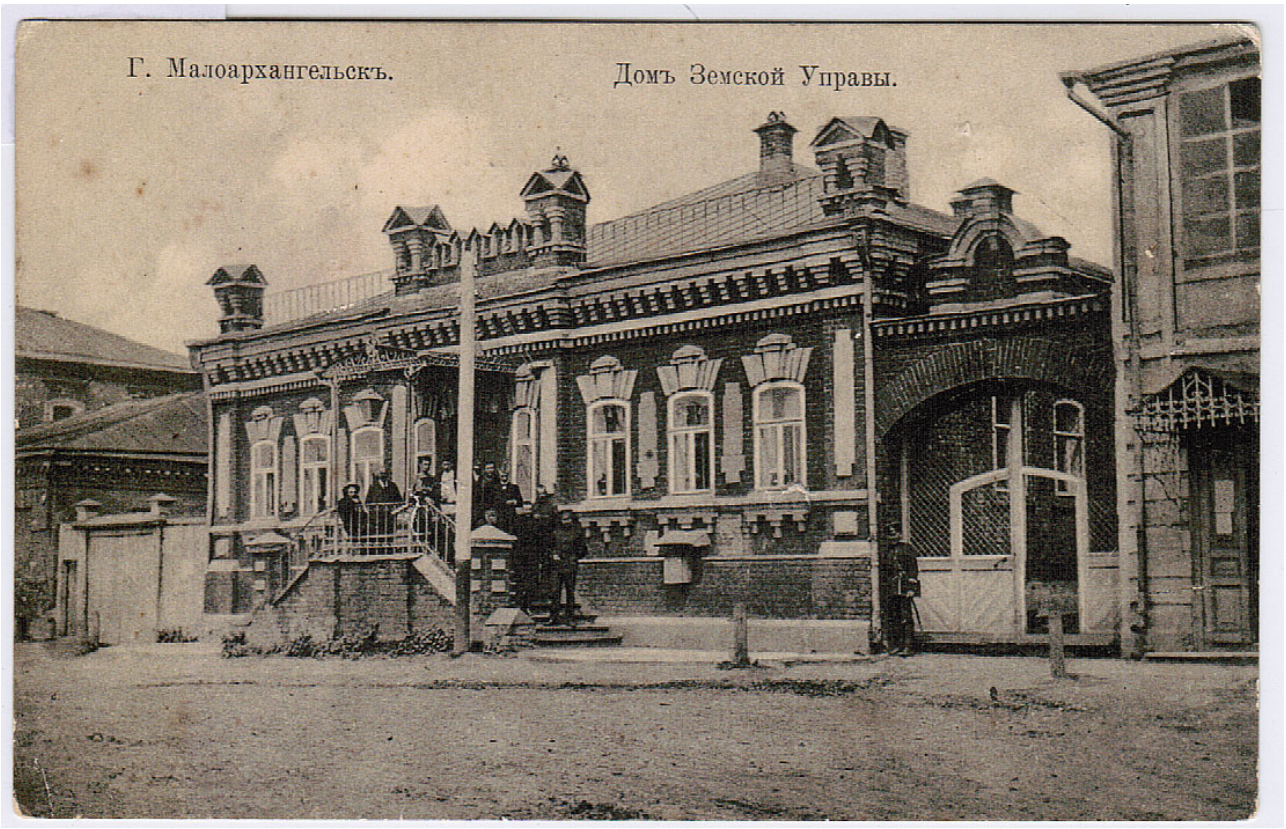
А родившиеся на Орловщине дети образование получили уже в воронежских учебных заведениях. К примеру, Наталья Юркевич (прабабушка Татьяны Панкратьевой) с 1888 по 1894 год училась в Мариинской женской гимназии, как и две её сестры…

Малоархангельск в 1881 году
(глазами станового пристава)

Уважаемый читатель, ты только что познакомился с очерком ***«Становой пристав Василий Юркевич и его семья»,*** в котором рассказано об очень интересном семействе, которое оставило заметный след в наших краях, хотя и недолго здесь проживало. Теперь же я поведу речь, вроде бы, о другом, но…

В общем, читатель, объясню. Изучал я в архиве подшивку губернской газеты «Орловский вестник» за 1881 год, в которой искал нужную мне фамилию, а наткнулся на очень любопытную «корреспонденцию» из Малоархангельска. Я её процитирую почти в полном объёме.

Итак, №177 – 4 (16) октября 1881 года
Малоархангельск, 1 октября.

«Городок наш невелик как по пространству, так и по населению, – невелик настолько, что виден простым глазом с одного конца до другого; населения в городе, как гласит календарь Суворина, 5891 человек (намного больше, кстати, чем в настоящее время – А.П.).

Общественной жизни у нас нет, увеселений ровно никаких, нет ни клуба, ни библиотеки.

Жизнь мы проводим большей частью у себя дома или поигрываем друг у друга в картишки, с неизбежным, разумеется, прохождением «по одной».

В нашем маленьком интеллигентном кружке намечается несколько отдельных групп: к первой из них, самой многочисленной, принадлежит купечество, но оно живёт исключительно интересами кармана, наживы и в этой сфере

сосредоточены их интересы; затем следует вторая группа, с исправником во главе, которая выбивается из сил, чтобы сплотить общество, чтобы сделать жизнь более сносной, более разнообразной и с этой целью изредка устраивает семейные вечера; но все её попытки разбиваются об изумительное равнодушие членов других групп; затем следует самая маленькая по числу членов и совершенно обособленная группа уездных аристократов-юристов, относящаяся к членам других групп так же, как брамины к париям. Врачи уживаются мирно со всеми группами, да иначе и быть не может – они одинаково нужны всем.

Что сказать о наружном благоустройстве города? Хорошего сказать можно очень немного. Город наш стоит в овраге, а потому весной и осенью в нём такая грязь, что, не рискуя утонуть, даже ставни закрывать выезжают верхом, а сколько калош и сапог потеряно, сколько экипажей поломано в малоархангельской грязи – про то один Бог знает.

Против лавок Никулиных и ещё на одной из улиц есть такие ямы, что попавши в них ночью, живым не выберешься; но обывателям известны эти ловушки, и они осторожно избегают их, делая дальние обходы. Несмотря на такое печальное состояние улиц, местная городская управа пальцем не шевельнёт для исправления их и представления местной администрации к ней остаются гласом вопиющего в пустыне.

Если городская управа не желает замостить улиц, то хотя бы позаботилась об освещении города, а то у нас на весь город имеются только 2 или 3 фонаря, да и те почти никогда не зажигаются.

Постройки у нас в городе и в подгородных слободах по преимуществу деревянные, с соломенными крышами, а между тем средства для тушения пожара очень ограниченные – две трубы и четыре бочки, а с этими средствами многого не сделаешь.

Мне приходилось присутствовать на пожарах, и, Боже мой, что там происходит! На пожар обязательно являются все члены городской управы: один из них не позволяет трубе подъезжать близко к огню, говоря, что попортятся лошади, другой кричит, чтобы не ездили шибко, а то рассыпятся бочки, третий, вместо того, чтобы тушить пожар, поливает из трубы крышу своего приятеля, которой и не угрожает опасность и т.д.

Распоряжается голова, распоряжаются члены управы, товарищ прокурора, и полиция поневоле должна оставаться пассивным зрителем. Когда же пожар случается в одной из

подгородных слобод, по пожарная команда выезжает на окраину города и из прекрасного далёка любуется, как десятки бедняков лишаются последнего крова. Не понимаю, как возможно так пассивно относиться к чужой беде».

А в конце корреспонденции – фамилия её автора: **В. Юркевич**.

Я, честно говоря, очень удивился. Нет, не совпадению, это именно тот Василий Васильевич Юркевич, поскольку в самой корреспонденции он выделяет с положительной стороны ту группу, к которой принадлежит сам (отмечено жирным шрифтом – А.П.). Я удивился тому, что полицейский чиновник (не бывший, а действующий) выступает публично в губернской газете с критикой уездных властей, являясь их составной частью и не особенно выбирая выражений.

К тому же, в газете оказалось и ещё несколько публикаций, почти стопроцентно принадлежащих перу станового пристава Василия Юркевича, но уже не подписанных его фамилией. Или он уже готовился к отъезду из губернии в Воронеж (рапорт последовал в следующем году) и потому осмелился обратиться в газету?

Не буду ничего утверждать, но «корреспонденции» станового пристава Василия Юркевича стали в «Орловском вестнике» первыми настоящими критическими материалами из Малоархангельского уезда…

«Цены одинаковы с губернскими…»
(о хлебной торговле в Малоархангельске в 1881 году)

Предлагаю читателям ещё одну «корреспонденцию» из Малоархангельска того же года и написанную, скорее всего, тем же автором, то есть, Василием Юркевичем, хотя он и не подписал своё сочинение. Цитирую первую часть этой заметки:

№194 – 25 октября (6 ноября), воскресенье
Малоархангельск, 19 октября

«Вот и наступила осень, а вместе с нею обычная, в последнее время, ссыпная и выгрузная операции наших воротил – хлеботорговцев; редкий день пройдёт без того, чтобы улицы маленького Малоархангельска не были буквально загромождены обозами с хлебом и овсом, отправляемыми хлеботорговцами до ближайшей станции или полустанка, а затем, конечно, по железной дороге, до места назначения.

Вследствие хорошего урожая и громадной ссыпки сюда на днях не замедлили уже явиться евреи-скупщики и, конечно, падкие до барышей купцы не откажутся от хорошей наживы, запродав по высокой цене хлеб и овёс, за которой, как известно, евреи не стоят. Мне, в последних числах сентября, пришлось быть на полустанке Малоархангельск, и я видел, что целая платформа была завалена мешками с хлебом и овсом, а из Малоархангельска тянулась ещё вереница подвод с хлебом.

Хотя Малоархангельск и служит центром ссыпки почти всего уезда, но хлебного запаса, специально предназначенного для города, нет; в лавках же, доставляющих жителям съестные продукты, постоянного запаса его не имеется, и часто, вследствие неблагоприятной погоды, мука в лавках выходит вся, и жителям приходится дожидать, в особенности беднякам, привоза по установившейся погоде, или чуть не ради Бога вымаливать уберегшийся у какого-нибудь мелкого торговца пудик.

Цены на все жизненные продукты первой необходимости, несмотря на малонаселённость и изобилие, одинаковы с губернскими, а в некоторых случаях, даже превышают…

О должниках Малоархангельского уезда

При просмотре в Государственном архиве Орловской области газеты «Орловские губернские ведомости» за 1895 год я почти в каждом номере находил информацию о должниках из числа помещиков-дворян – буквально по каждому уезду Орловской губернии.

Помещики брали ссуды чаще всего в Дворянском земельном банке под достаточно льготные проценты на различные нужды – под залог своих имений, но очень многие рассчитывались не вовремя. Когда Банку надоедало «ждать у моря погоды», он принимал меры «за невзнос платежей вовремя».

Вот такое объявление было опубликовано в №34 «Орловских губернских новостей» (13 мая 1895 года):

«Совет Государственного Дворянского земельного банка за невзнос платежей объявляет о продаже нижеследующих имений в Малоархангельском уезде Орловской губернии

(далее идут номер имения должника, его фамилия, место расположения имения, его размер в десятинах и сумма взятой ссуды – А.П.):

№509 – Мухортов Фёдор Акимович, в Покровской даче – 468 десятин – 41581 рублей (размер ссуды);

№1595 – Мацнев Анатолий Васильевич – при сельце Моховом – 1226 десятин – 116400;

№3560 – Апальков Пётр Сергеевич – в селе Верхососенье и д.Несчастной Михайловке – 313 десятин – 25100;

№4888 – Князь Кугушев Дмитрий Павлович – при с.Трудках, в даче села Ворова и сельца Княжева – 139 десятин – 156005;

№5883 – Кологривова Надежда Николаевна – Мценского уезда – при селе Никольском (Усов Колодезь тож) – 35 десятин – 3900 рублей;

5884 – она же – Малоарх.уезда – при д.Бахтеевке – 210 десятин – 19800;

№6315 – Оловенникова Любовь Даниловна – при сельце Приятном, Покровская Липовица тож – 141 десятина – 9300;

№6317 – Оловенников Андрей Николаевич – там же – 164 десятины – 12100;

№7628 – Покатилова Елизавета Александровна – в даче сельца Зубкова – 237 десятин – 22800;

№7639 – Рошток Александр Иванович – при сельце Хорошем и др. – 190 десятин – 19600;

№8608 – Князь Куракин Александр Борисович – при с.с. Александровском, Преображенском и других – 1953 десятины – 191700;

№15218 – Шеина Наталья Акимовна – при сельце Самарка – 210 десятин – 22500;

№19008 – Оловенникова Надежда Владимировна – при сельце Черёмухова Плота – 276 десятин – 26500;

№10216 – Киреевские Анастасия и Варвара Алексеевны – при д.Юдинка – 467 десятин – 43500 рублей.

Я выписал фамилии самых известных в наших краях помещиков – землевладельцев. Но число должников было гораздо больше, при чтении списков создавалось ощущение, что все эти добропорядочные семейства жили в долг, не особо стараясь возвратить деньги кредитору (по крайней мере, вовремя), правда, когда такие объявления появлялись, часть должников принимала экстренные меры (если размер недоимки был невелик) и срочно «гасила» долг. Тогда в одном из следующих номеров ОГВ их имения исключались из общего списка выставленных на продажу. До следующего накопления долга.

Малоархангельская уездная мозаика

Полистал я как-то старые газеты, «Орловский вестник» за 1899 и 1904 годы, и обнаружил в них несколько любопытных материалов, присланных в редакцию корреспондентами из города Малоархангельска. Оба корреспондента (а быть может, это один под двумя разными псевдонимами — А. П.) — наверняка, местные обитатели, которые живут обычной провинциальной жизнью и простым языком повествуют об этом житии-бытии.

Итак, «Орловский вестник» от 8 января 1899 года
г. Малоархангельск (от нашего корреспондента)

«Что бы, вы думали, случилось у нас на первый день праздника Рождества Христова? Спектакль, народные чтения, литературный вечер и т. д.? Совсем нет — кулачный бой. Вы, может быть, думаете, — в подгородних слободах? Нет, средь города. Собрались две большие толпы народа и после недолгих переговоров порешили «толкануться», как выражаются на нашем «патриархальном наречии». Начали бой, как обыкновенно, «с маленьких», т. е. начали ребятишки, но благодаря вмешавшейся в дело полиции скоро бой был прекращён, и обескураженные бойцы должны были разойтись».

(Дядя Алексей)

5 февраля 1899 года

«С начала зимы для жителей нашего уезда, по отсутствию промыслов, наступает время полнейшей безработицы. В нашем уезде нет ни фабрик, ни заводов, а потому нет и заработка; крестьянину, положительно, негде заработать лишнюю копейку, которая так нужна, особенно в зимнее время. Большей части населения приходится отправляться на отхожие заработки на сторону» (много ли изменилось, читатель, за сто с лишним лет? — А.П.)

«Нельзя не упомянуть о дороге от города до станции Малоархангельск. Это совершенно головоломная дорога, особенно осенью, когда она сплошь покрыта выбоинами и канавами. Предполагали провести шоссе до станции, но до сих пор не провели. Да если проведут, то потратят большие деньги, а пользы будет мало.

Постройка железной дороги (которая предполагается чуть ли не 10 лет) была бы гораздо полезнее как городу, так и населению. Но можно предполагать, что ни то, ни другое скоро не

осуществится. А пока что на этой дороге хотя бы гать исправить — и то было бы хорошо» (дорога, наверное, сейчас получше, а про железную через 120 лет и вспоминать-то неудобно — А.П.)

«Крестный ход на Крещение на «Иордань», вследствие тонкого льда на городском пруду, по невозможности, был отменён, а вместо этого, крестный ход был на «Мотовский колодезь» (где это, сохранился ли он? – А.П.).

«Наши малоархангельские купцы и прасола изобрели собственный язык. Непонятные другим слова ловко идут для облапошивания мужика. Привожу здесь же этот словарь малоархангельских купцов и прасолов:

«Заена» означает «вместе»,
«паруй» — «работай»,
«кирсань» — «сбавь из цены»,
«винт» — когда купленная вещь продаётся без барыша и её возвращают владельцу,
«анжай» — «отходи», «не принимай участия»,
«лаче» — «барыш»,
«лачевая» — «хорошая»,
«коза» или «лира» — «ничего не стоящая вещь»,
«пензе» — 5 копеек,
«марошник» — 10 копеек,
«черепло» — 25 копеек,
«саранда» — 45 копеек,
«полмаруо» — 50 копеек,
«мардо» — 1 рубль,
«драй» — 3 рубля,
«краснуха» — 10 рублей
(Дядя Алексей)

25 февраля 1899 года
Малоархангельский уезд

«Озимые по уезду сильно повреждены, частью от вымерзаний, частью от вымочек, благодаря нынешней гнилой зиме. Особенно сильно пострадали озимые в Александровской волости, крестьянам которой грозит новая голодовка: в прошлые два года, 1897-1898, озимого на десятине становилось только 3-4 копны, а где и одна, и то пополам с лебедой. Александровцы занимаются отхожими промыслами, большая часть уходит на подряды, копать торф и на сахарные заводы в Киевскую и другие губернии, где работают только зиму, в течение трёх месяцев, а с весны уходят на торфяные подряды, работая до того времени, когда

поспеет хлеб, возвращаясь к уборке его домой. Местные промыслы в этой волости — кирпичное и горшечное производство, но занимаются ими мало, в виду того, что нет сбыта».

(Антон Горемыка)

P. S. Да, псевдоним к этой заметке соответствующий.

Громилы из села Ивань

В последнее время по тракту Ливны – Малоархангельск езда, особенно в ночное время, небезопасна. Запоздавший проезжий не только рискует быть напуганным, но и ограбленным. В Ивановской волости пошаливают «во всю Ивановскую». Мне сообщают, что эти ночные «сборщики» – крестьяне села Ивани. Обыкновенный прием нападений на проезжих у них таков: несколько молодцов запрягают ночью сани – «розвальни», садятся и пускаются в «путь-дороженьку». Едут по дороге, как обыкновенные запоздалые путники; заслышав едущих, действительно запоздавших, они делают особые приёмы; или заезжают незаметно вперёд, продолжая путь тихо, а как только поравняются с ними запоздавшие путники, соскакивают с саней и – «сарынь, на кичку!», лошадь под уздцы, тпру! И делают, что хотят; или же догоняют проезжих и делают тоже самое.

Одних напугали, других ограбили и строго-настрого запретили, предварительно заставив побожиться, говорить, что их ограбили, а кого обязали молчанием под угрозой «тогда не быть живым».

Главным местом этих «соловьёв» служит овраг около деревни Цурикова и в нём мосток, именуемый «Лоток», а также так называемый Акинтьевский лесок.

Что касается преследования этих громил, то со стороны сельских властей ничего не делается. Да и как это сделать властям, которые живут в полной от них зависимости; громилы всегда могут любому старосте или старшине наделать неприятностей, от которых и не одумаешься.

Дядя Алексей

(Орловский вестник, 1904, 4 января, воскресенье)

Как в Малоархангельском уезде в 1913 году храмы ремонтировали

Среди огромного количества документов, которые хранятся в Государственном архиве Орловской области, немалую часть занимают и те, которые оставлены нам чиновниками Орловского губернского правления (фонд 4 ГАОО). Губернское правление представляло собой коллегиальный орган при губернаторе и состояло из нескольких отделений. Очень важную роль среди них играло строительное отделение, ведавшее всем тем, что в городах и уездах губернии строилось и ремонтировалось.

Имеются среди разнообразных документов этого отделения и рапорты местных полицейских управлений. Один из них, значащийся как единица хранения № 7154, я процитирую полностью.

«Рапорт Малоархангельского уездного полицейского управления в Орловское Губернское Правление.

Полицейское Управление доносит губернскому правлению, что новых построек церквей в городе Малоархангельске в 1913 году не производилось, в уезде же производилась и производится в настоящее время постройка церкви в селе Красном, той же волости. Ремонты же производятся в следующих церквах:

***Соборно-Вознесенской города Малоархангельска**, восстановлена в трапезной части храма стенная живопись за 200 рублей;*

***Воскресенской города Малоархангельска**, покрыты масляной краской стены и потолки трапезной части храма, и возобновлена живопись нескольких картин — 930 рублей;*

***Села Протасова Малоархангельской волости**, ремонт крыши, внутренних и наружных стен и полов, а также позолота иконостаса и киота в приделе — 1000 рублей;*

***Села Лесков Малоархангельской волости** — произведена позолота иконостаса с разрисовкою на потолке нескольких картин, сделано 8 новых оконных рам и покрашена вновь вся крыша храма — 465 рублей;*

***Села Корсунского Успенской волости** — произведена окраска внутренней и наружной части храма — 1200 рублей;*

***Села Успенского той же волости** — произведена перестилка пола в церкви, перемена оконных рам, потолка, установка нового шпиля и перемена двух крестов;*

Села Ворова той же волости *— произведена окраска крыши церкви — 95 рублей;*

Села Покровского (Липовицы), Покровской волости *— оштукатурка, побелка и окраска наружных стен — 250 рублей;*

Села Фошни той же волости *— надложены кирпичные стены в северном приделе, сделаны новые кирпичные своды и верх покрыт железом — 919 рублей 87 копеек;*

Села Дроскова той же волости *— реставрирован иконостас в холодной части храма, произведена внутри всего храма окраска и побелка наружных частей храма, исправления иконостасов и живописи и переделка дверей и оконных рам — 2200 рублей.*

Февраля 28 дня, 1914 год

Помощник полицейского исправника (подпись неразборчива)».

P. S. Перед событиями 1917 года во всём Малоархангельском уезде насчитывалось 54 церкви. И сразу 10 из них в 1913 году ремонтировались, не считая той, что строилась (в селе Красное — А.П.). 10 от 54 — это почти 20 процентов, масштабы солидные. Жаль только, что всё это — уже глубокая и далёкая история.

Из всех вышеперечисленных храмов уцелел только один — в селе Лески. Правда, в современном Покровском районе две из названных и уничтоженных церкви — Покровская (в райцентре Покровское) и Христорождественская (Михаило-Архангельская) в селе Дросково построены заново и в 2005 году открыты для прихожан. В том же году был освящён и новый храм в Малоархангельске. Храмы понемногу открываем…

Боже, помоги не вымереть русской деревне и людям русским!

Первая Мировая война и Малоархангельск

Интересную историческую информацию по Малоархангельскому уезду иногда находишь в совершенно неожиданном месте. В поисках фамилий священнослужителей малоархангельских храмов изучал я «Орловские епархиальные ведомости», одну из первых губернских газет, которая публиковала материалы на православную тематику и всё, что с нею связано. И вот какую любопытную статью обнаружил я в номере ОЕВ от 13 марта 1916 года:

«Вечер для раненых воинов в соборной города Малоархангельска церковно-приходской школе

В г. Малоархангельске, в земской больнице и в городском лазарете, с ноября месяца 1914 года находятся около 50 человек раненых воинов. Для утешения страждущих воинов различные лица и учреждения города Малоархангельска устраивают время от времени доступные для их понимания развлечения: ёлки, вечера чтения и т. п.

8 февраля сего года (1916-ого — А.П.) *отец заведующий соборной г.Малоархангельска школой протоиерей Иоанн Красовский, законоучитель диакон Виктор Иванов, учитель пения А. Шестаков и учительницы О. Дубачевская, А. Петрова, Е. Чуксина с ученицами, — в стенах школы устроили литературно-музыкальный вечер для раненых воинов. С разрешения заведующего лазаретом доктора К. М. Шущлябина, в семь часов вечера раненые прибыли в сопровождении двух сестёр милосердия в школу.*

Программа вечера был следующая:

Отделение I. Гимны:

русский, французский, английский, сербский и бельгийский.

Отделение II.

«Трубочист» — комедия К. Лукашевич в одном действии, пяти явлениях.

Отделение III. Декламация.

«Все люди — братья» Плещеева; «Мать», «Ребёнок» Надсона; «Сон» Гарина; «Рассказ добровольца» и «Мцыри» Лермонтова; «Растворил я окно» К. Р.; «Птичка» Пушкина.

Отделение IV. Струнный оркестр (балалайка).

«Любительский марш», «Плач над рекою», «Сиротка», «Воспоминания» и «Мечты» (вальсы), «Выйду ль я на реченьку», «Баламуты», «Деньги», «Светит месяц», «Помпадур», «Лезгинка», «Барыня».

Отделение V. Пение.

«Колыбельная песня», «Ты взойди, солнце красное» (соло), «Попурри», «Тучки небесные», «Вейся, капустка», «Лугом иду», «Вниз, по Волге-реке», «Молитва» («В минуту жизни трудную»), «Лён».

Отделение VI. Игры с пением.

Все номера программы были выслушаны воинами с удовольствием. Приняли солдаты участие и в детских играх: в «Воробушку», в «Трифона», в «Кошки-мышки».

После вечера состоялись чай и закуска. Ученицы 4-5-ых классов разносили солдатам стаканы с чаем, бутерброды, конфекты (именно так это слово писалось ***тогда*** *— А.П.), печенье и пряники.*

В 11 часов вечера, поблагодарив участников программы, раненые отправились в лазарет».

«При сем представляется...» *(о работниках Малоархангельского уездного военкомата в 1919 году)*

Среди документов первых лет Советской власти, хранящихся в Государственном архиве Орловской области, есть самые разные, порой очень любопытные документы, которые скажут многое исследователям о людях той переломной эпохи.

Предлагаю читателям познакомиться с **«Документами о мобилизации граждан Малоархангельского уезда 1901 года рождения в Красную Армию» (11.01.1919-03.01.1920) из фонда** ГАОО, ф.р-1296, оп.1, ед.хр.28. Это большая папка подшитых, самого разного формата листов количеством 525 штук.

В ней содержатся сведения не только о гражданах указанного года, но и о самом уездном военном комиссариате и его работниках.

Для начала сообщу читателям, что уездные военные комиссариаты времён гражданской войны в Орловской губернии были очень солидными как по значению (ведь именно они осуществляли мобилизацию в Красную Армию, которая вела кровопролитную войну с белыми – А.П.), так и по количеству работников. Я, честно говоря, удивился, увидев численный состав Малоархангельского уездного военкомата. Посмотри сам, читатель:

Список служащих Малоархангельского Уездвоенкома (1919 год)

Военный комиссар – С.П. Некрасов, его помощник – А.Л. Забелин, военный руководитель – И.Д. Ермолаев, его помощник – Г.И. Ревякин, начальник канцелярии – И.И. Пономарёв

(у него в подчинении – 12 человек), начальник мобилизационного отделения – В.Н.Данилов (у него – 20 человек), отделение снабжения – А.И.Агарков (6 человек), помощники делопроизводителя – 5, заведующий оружием – 1, казначей – 1, переписчики – 11 человек, каптенармусы – 2, счетовод – 1, чертёжники – 1, сторожа – 2, конюхи – 5, коновод – 1, заведующий политико-просветительным отделением – Бакуров (у него – 22 человека), комиссия по борьбе с дезертирством – 3 человека.

Итого – 101 человек.

Прямо скажем, очень солидное учреждение. И в нём, как оказалось, работали бывшие офицеры царской армии и чиновники, на которых Орловская ГубЧК попросила малоархангельского военкома Ченцова (вспомни, читатель, очерк о нём – А.П.) представить их подробный список. Ответ был сделан оперативно и по требуемой форме (ФИО, год и место рождения, какое учебное заведение закончил, последняя должность до 1917 года, семейное положение, какую должность занимает в уездном военкомате, где проживает). Цитирую:

Секретно

В Орловскую губернскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениям по должности

На №724

24 июня №3087

При сем представляется список на бывших офицеров и чиновников, служащих уездвоенкома и сообщается, что списки таковые на служащих волостных военкомов не представляются, потому что таковых на службе волвоенкомов нет.

Военком Ченцов

Секретарь Ревякин

1. **Ермолаев Иван Дмитриевич**, 1877 года рождения, Орловской губернии и уезда, закончил реальное училище и Казанское пехотное юнкерское училище, последняя должность – командир полка, полковник, в пехоте, жена – Варвара Павловна, 27 лет, и дочь Ирина, 2,5 года. С 1 августа 1918 года – военный руководитель. Проживает – г. Малоархангельск, улица Маркса, д. 44.

2. **Пастухов Александр Иванович,** 1868 года рождения, родился в Женеве (Швейцария), закончил Александровский кадетский корпус, последняя должность – старший адъютант штаба, подпоручик, жена – Варвара Михайловна, 29 лет, сын Иван – 5 лет, дочь Ирина – 3 года. С 15 мая 1919 года – помощник

военного руководителя. Проживает – улица Урицкого, дом Волкова.

3. **Пономарёв Иван Павлович,** 1885 года рождения, родился в Малоархангельске, закончил городское 3-классное училище. Делопроизводитель управления воинского начальника, коллежский секретарь. Жена – Лидия Ивановна, 32 года, сыновья: Виталий – 9 лет, Евгений – 1,5 года, дочь Антонина – 6 лет. Заведующий общим отделом с 1 июня 1918 года (переименован в начальника канцелярии с 1 марта 1919 года). Проживает – г. Малоархангельск, ул.Либкнехта, д.7.

4. **Ревякин Георгий Иванович,** 1891 года рождения, родился в с.Губкино Губкинской волости Малоархангельского уезда, закончил Губкинское земское училище, помощник старшего адъютанта штаба Тамбовского Военного округа, чиновник, письмоводитель. Делопроизводитель с 20 июня 1918 года. Мать – Наталья, 70 лет, брат Григорий – уездный волвоенком, место жительства – Губкино.

5. **Коптев Павел Акимович**, 1886 года рождения, родился в селе Верхососенье, закончил Московские коммерческие курсы, школу писарей Юго-Западного фронта. Делопроизводитель 641 вьючного транспорта на Румынском фронте. Холост, мать – 60 лет, отец – 70 лет, сестра – 15 лет. Делопроизводитель с 23 августа 1918 года. Место жительства – село Верхососенье.

6. **Ушаков Николай Петрович,** 1888 года рождения, родился в селе Преображенское Малоархангельского уезда. Закончил двухклассное училище. Полковой писарь 683 Ангорского полка. Жена – Нина Фёдоровна, 29 лет, дети – Мария, Анастасия, Феврония и сын Иван. Делопроизводитель с 15 марта 1919 года. Место жительства – село Преображенское.

7. **Воронцов Николай Игнатьевич**, 1890 года рождения, слобода Жилая Московской волости Крапивенского уезда Тульской губернии. Заведующий оружием, коллежский регистратор. Жена – Мария, 28 лет, работает в отделе народного образования Малоархангельского уезда. Заведующий оружием с 15 июня 1918 года. Проживает на Советской улице в доме В.Г.Никулина.

8. **Ревякин Григорий Иванович,** 1885 года, родился в селе Губкино Малоархангельского уезда, закончил двухклассное училище Министерства Просвещения. Холост, живёт в селе Губкино.

9. **Сокольников Николай Алексеевич,** 24 года, родился в Малоархангельске, закончил высшее начальное училище, 3 Московскую школу. Начальник пулемётной команды 193

пехотного Свияжского полка, штабс-капитан. Жена – Раиса Александровна, 20 лет. Старший инструктор по спорту с 1 марта 1919 года. Проживает на улице Урицкого, д.32.

10. **Жданов Михаил Фёдорович,** 1889 года рождения, родился в Губкинской волости Малоархангельского уезда, образование – общее, закончил школу прапорщиков. 290 пехотный полк, поручик. Командир караульной роты. Жена Мария Васильевна, 26 лет. Дети – Михаил, 7 лет, и Александра – 4 года. Проживает в Малоархангельске, при караульной роте. Ротный командир – с 1 января 1919 года.

Ответственные работники Малоархангельского уезда в 1919-1920 годах
(по анкетам из ГАОО, ф-1347, оп.2, д.3)

Корнюшин Николай Иванович
(данные от 24 марта 1919 года)

Председатель комитета партии с 14 марта 1919 года, коммунист с 1 мая 1917 года, 42 года, родился в 1877 году, семейный.

Образование – ЦПШ (*церковно-приходская школа – А.П.)*, техник.

Крестьянин Орловской губернии, Малоархангельского уезда, Александровской волости, д.Каменки.

До 27 февраля 1917 года работал в Автомобильной мастерской в Петрограде

С 27 февраля по 25 октября 1917 года – там же, в заводском комитете.

По 8 августа 1918 года – в Петрограде и Москве, а с 10 августа 1918 года – в Малоархангельске.

Член Исполкома с 1 марта 1919 года.

Служил в Петрограде в Боевой дружине до Октябрьской революции.

Был призван на военную службу в 1899 году.

Служил на Балтийском флоте, уволен в 1905 году.

(В другой анкете сказано – из крестьян, слесарь – А.П.).

Адрес – улица Урицкого, дом Захарьева.

Постоянное место жительства – д.Каменка Александровской волости.

Всё время работал на хозяев.

Усиков Пётр Тимофеевич
Член комитета, секретарь и казначей.

Коммунист, из крестьян, служил в государственных учреждениях.

Живёт – улица Урицкого, дом Ключарёвой.

Постоянное место жительства – Петроград.

Краткая биография

Сын рабочего. Боролся за существование, добывая кусок хлеба. Работал по разным учреждениям торговли, на заводских предприятиях, одновременно учился в Художественной школе.

Со дня Февральского переворота работал на благо трудящихся.

Старая (земская) больница в Малоархангельске

Списки
на 26 ноября 1919 года
Отдел управления и подотдел информационно-инструкторский Малоархангельского Уездного исполкома

Коростелёв Константин Фёдорович *– заведующий отделом;*
Авдеев Павел Миронович *– секретарь.*

Списки
на 9 декабря 1919 года
Отдел управления, подотдел информационно-инструкторский и подотдел милиции Малоархангельского Уездного исполкома

Отдел управления

Внуков Фёдор Иванович *– заведующий;*
Авдеев Павел Миронович *– секретарь.*

Информационно-инструкторский подотдел

Булатов-Ушаков Григорий Романович *– заведующий подотделом с 17 июня 1919 года;*

(1895 года рождения, закончил городское 4-ёхклассное училище, занимался письмоводством, 1-ая Подгородняя Слобода, 1,2 десятины и 500 сажен усадебной земли);

потом – ***Коростелёв Константин Фёдорович.***

Подотдел милиции

Самойлов Владимир Сергеевич *– начальник уездной милиции;*
Гостев Александр Антонович *– заведующий уголовно-розыскным отделом;*
Борискин Андрей Игнатьевич *– начальник городской милиции;*
Никольский Александр Алексеевич *– секретарь;*
4 делопроизводителя, 2 помощника делопроизводителя;
Токмаков Михаил Феодорович *– заведующий Арестным Домом;*
Летов Михаил Андреевич *– агент I разряда;*
Фетюшин Михаил Андреевич, Поняев Василий Борисович, Башкиров *– агенты II разряда.*

Списки на 15 декабря 1919 года

Внуков Поликарп Дмитриевич *– начальник уездной милиции;*
Семериков Георгий Никитьевич *– начальник милиции 3 района;*
9 июня 1920 года В.П.Внуков отбыл в Орёл в распоряжение губмилиции, оставив за себя помощника начальника В.С.Самойлова.

Список надзирателей бывшей Малоархангельской тюрьмы, ныне Арестного Дома (январь 1920 года)

Старший – ***Кононов Иван Васильевич,*** *служит 34 года;*
Надзиратели:
Коробов Максим Михайлович *– служит 33 года;*
Бежинов Алексей Ульянович *– служит 17 лет;*
Агарков Тимофей Спиридонович *(болен тифом) – служит 12 лет.*

Список всех местных функционирующих учреждений Малоархангельского уездного исполкома от 19 января 1920 года

Отдел управления, информационно-инструкторский подотдел, уездная милиция укомпарт, уездный военный комиссариат, уездный

продкомитет, узагосель, Союз кооператоров, уездный финотдел, уездный земотдел, уорсасев, упленбеж, уездное казначейство, уездное судебное бюро, комиссия правозаступников и обвинителей, профессиональный союз, почтово-телеграфная контора, уездный отдел труда, уездный подотдел распределения рабочих сил, уездный отдел социального обеспечения, уездный отдел народного образования, уездный отдел здравоохранения, ветеринарный отдел, уездный Совет народного контроля, уездный подотдел жилищный, уездный отдел государственных сооружений, уездный подотдел городского хозяйства.

Отдел управления
Списки на 7 февраля 1920 года

***Внуков Фёдор Иванович**, уроженец и житель села Ворово – зав.отделом управления до 24 апреля 1920 года (оклад – 2240 рублей);*

***Бурыкин Георгий Дмитриевич** – зав.отделом управления с 25 апреля 1920 года, по постановлению УИК (1896 года рождения, окончил начальную сельскую школу, занимался хлеборобством и письмоводством в Луначарской волости);*

***Сезонов Иван Петрович** – помощник заведующего (оклад – 1960 рублей);*

***Авдеев Павел Миронович** – секретарь отдела управления (2170 рублей);*

***Мороз Елена Люциановна** – бухгалтер (уроженка Царства Польского, 31 год). Работала в Польше в правлении железной дороги. В Москве – в акционерном обществе «Анонс» и в Земгоре. В Москве – до 1.1.1919. Потом – в Малоархангельске (2160 рублей);*

***Красовская Мария Васильевна** – помощник бухгалтера (1540рублей);*

***Теряев Фёдор Филиппович**, разъездной инструктор Инф-инст. Подотдела (1894г/р, 26 лет, женат. постоянное место жительства – д.Труды-Теряево Троицкой волости, окончил сельскую школу; занимался письмоводством – конторщик на руднике «Мария» при станции Варваро-Поле Екатеринославской губернии, во время войны – на фронте; после революции – секретарь Троицкого комбеда; в период эвакуации находился в Карачеве. 23 июня 1920 года как бывший подпрапорщик по телеграмме губвоенкома был отправлен на врачебную комиссию в Орёл)*

***Шелухин Иван Афанасьевич** избран Председателем Президиума УИК – с ноября 1919 года;*

***Кривоногих М.И.** избран Председателем Президиума УИК (переведён с должности зав. Утрудсобесом) – 23 марта 1920 года;*

***Созонов Яков Давыдович** – Председатель Президиума УИК – с 21 мая 1920 года, заменив Кривоногих.*

9-й общеуездный съезд Советов.
Первое пленарное заседание Малоархангельского УИК
от 6 июля 1920 года (начало – 19.30)

По первому вопросу выступили:

Председатель Президиума УИК – Созонов *(сам он писал свою фамилию как Сазонов) Яков Давыдович (1897 года рождения, на службе с 1 января 1918 года, служил в царской армии, в Красной Армии – военком полка). Он был в этой должности до декабря 1920 года:*

Бурыкин Георгий Дмитриевич *– член Президиума и зав.отделом управления;*

Тимофеев и Мухин *– уземотдел;*

Трагедин *– Уфинотдел;*

Францев, Зернов и Владимирцев *– Унаробраз;*

Гарин *– Рабкрин;*

Фомичёв *– Уздравотдел;*

Михайлов *– Утрудсобес;*

Брылёв *– коммунальный отдел;*

Рязанцев *– Умукой.*

21 декабря 1920 года прошли перевыборы Советов

Председателем Президиума УИК стал ***Афонин Н.В.;***

Брылёв *– член Президиума и зав.отделом управления;*

Гарин *– секретарь;*

Шелухин Иван Афанасьевич и Сапрыкин *– уземотдел;*

Булатов Григорий Романович *– Рабкрин;*

Гаврилов Григорий Петрович *– Укомтруд;*

Медведев *– начальник уездной милиции.*

Протоколы Малоархангельского УИК и его отделов
(10 декабря 1919 – 10 сентября 1920)
ГАОО, ф.Р-1347, оп.1, д.12

Из Протокола №7
от 20 января 1920 года

Принимая во внимание, что военное положение по всей Орловской губернии, и что жизнь в уезде приняла устойчивый характер – упразднить Уревком и ликвидировать его дела.

Из Протокола №9 Чрезвычайного Пленарного заседания УИК
от 13 февраля 1920 года

п.2. Вменяется в обязанность всем волисполкомам в течение двух недель со дня публикования настоящего приказа искоренить на территории своей волости варку самогона, объявив населению обществ волости за круговой порукой населения борьбу с самогонщиками; всякий раз при обнаружении хотя бы единоличного

случая варения самогона в обществе сажать население всего общества на 20-фунтовую норму, семейство же самогонщика, кроме детей до 15-летнего возраста, на 10-фунтовую норму, самого преступника подвергать наказанию в порядке изданного на этот счёт приказа, по истечении срока, если варка самогона в волости будет обнаружена, ВИК предаётся суду Ревтрибунала.

Из Протокола №10 от 24 февраля 1920 года

…Рассмотреть дело Фошнянского ВИК о расстреле зав.ОНО Сухинина и о похищении белыми бандами 52 500 рублей казённых денег. Память Сухинина почтить вставанием.

Из Протокола №13
от 30 марта 1920 года (открыто в 19 часов)

Председатель – Кривоногих, секретарь – Ефремов

В повестке – 6 вопросов

Т. Кривоногих докладывает о необходимости централизации перевозочных средств, в настоящее время разбросанных по отделам и лишённых возможности обслуживать мельницы, приюты, больницы и т.п. Кроме того, при некоторых отделах имеются кровные лошади, место которых в рассадниках.

3) Т. Ченцов поддержал это предложение. 8 голосов – «за». Шелухин (бывший Председатель УИК) доказывает, что централизация при Утрамоте не улучшит дела перевозки и экстренных разъездов по уезду, а неизбежно приведёт к разрухе, предлагает оставить, как было. Надо просто в отделе взять на учёт Утрамотом всех лошадей. За предложение Шелухина – 7 человек.

4) Т. Зернов доложил о ходатайстве перед Наркомпросом и Наркомземом об отводе Смирновского совхоза – бывшего имения Вишина – в распоряжение комиссии по организации института для подготовки кадров работников просвещения и социальной культуры. Между тем, Райсовхоз в настоящее время принимает энергичные меры к выбрасыванию на улицу имеющихся там и налаженных с затратой больших усилий и денежных средств очагов культуры: школы II ступени, библиотеки, детского сада и народного Дома.

Постановили: признать действия Райсовхоза ошибочными

5) Завфинотделом Трагедин докладывает о безуспешности своей поездки за денежными знаками, вследствие того, что Губсовнархоз, Губпродком и Губвоенком почти всю наличность дензнаков в отделении Народного Банка забронировали для своих нужд. В местное же отделение Народного Банка удалось перевести для Упродкома 1 000 000 рублей.

Постановили: 500 000 тысяч из них – затратить на покупку семян.

Глава пятая.
Современная жизнь Малоархангельского района

ООО «Дубовицкое» – флагман сельскохозяйственного производства Орловщины

Есть в Малоархангельском районе населённый пункт, хорошо известный и во всей Орловской области. Прежде всего, – своим замечательным и высокорентабельным сельскохозяйственным предприятием. Я имею в виду ООО «Дубовицкое», центральная база которого расположена в селе Дубовик. Об этом селе несколько раз шла речь в моих предшествовавших очерках, поскольку история Дубовика связана с такими выдающимися именами, как князья Куракины, дворяне Вревские, писатель Тургенев. Но я поведу речь о современном сельхозпредприятии и его руководителях. А начну с цитаты десятилетней давности:

«2 октября 2009 года Дмитрий Медведев провел в Малоархангельске Орловской области совещание по развитию сельского хозяйства. На совещании с основным докладом выступила Министр сельского хозяйства Елена Скрынник. Перед началом совещания состоялась рабочая встреча Президента с губернатором Орловской области Александром Козловым, в ходе которой обсуждалась ситуация в сельском хозяйстве и промышленности региона.

В ходе поездки по Орловской области Д. Медведев ознакомился с работой агропромышленного комплекса региона: ***посетил элеватор в селе Дубовик, осмотрел выставку сельскохозяйственной техники, а также ознакомился с тем, как идёт уборка, в частности, кукурузы и сахарной***

свёклы. *Глава государства также посетил Парк Победы в городе Малоархангельске, где возложил цветы к Вечному огню и встретился с жителями города».*

Почему же тогдашний президент России Дмитрий Медведев побывал не в каком-то другом сельхозпредприятии Орловской области, а именно в ООО «Дубовицкое»? Очевидно, в столице нашей Родины уже были наслышаны об успехах работников этого хозяйства.

С чего и как всё начиналось – я и поведаю читателю. До начала 90-х годов в Дубовике и нескольких ближайших деревнях существовал обычный колхоз, средний по малоархангельским меркам – не хуже соседних, но и не лучше. Когда все местные коллективные хозяйства «приказали долго жить», в селе Дубовик образовался сельскохозяйственный производственный кооператив под названием «Дубовицкий». Несколько лет он просто выживал, а руководители менялись один за другим, пока на очередном собрании, 4 ноября 1998 года, не избрали председателем СПК уроженца деревни 2-я Ивань Сергея Борзёнкова. Сергей Петрович к этому времени успел за 10-летие после окончания Орловского сельхозинститута (специальность – «зоотехник») поработать на нескольких должностях в родном районе и всюду зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

В качестве председателя СПК «Дубовицкий» он сумел наладить не только производство, но и отношения между людьми, за счёт чего показатели хозяйства заметно выросли – вместе с заработной

платой. И потому, когда Малоархангельскому району представилась возможность наладить контакты с инвестиционной компанией «Щелково Агрохим», которая реализовывала государственную программу развития АПК и внедряла передовые технологии сельскохозяйственного производства, то выбор областного и районного начальства пал на СПК «Дубовицкий» и его руководителя Сергея Борзёнкова. Но произошло это не спонтанно, а при самом непосредственном участии куратора проекта, представлявшего интересы «Щёлково Агрохим», кандидата сельскохозяйственных наук Петра Васильевича Матвейчука. Он заранее выяснил всё, что можно, об СПК «Дубовицкий» и его руководителе Сергее Борзёнкове.

1 апреля 2006 года он и был избран Генеральным директором созданного на базе прежнего кооператива общества с ограниченной ответственностью (ООО) «Дубовицкое», а Пётр Васильевич продолжил кураторство уже нового сельхозпредприятия как представитель АО «ЩёлковоАгрохим», у которого находится контрольный пакет акций, а вся земля хозяйства взята в аренду у физических лиц и администрации Малоархангельского района. Основная отрасль ООО «Дубовицкое» — растениеводство: производство и реализация семян зерновых, производство сои, сахарной свеклы и зерна кукурузы.

В начале пути основные экономические и финансовые показатели нового хозяйства были скромные: 3000 га земли, 80 человек персонала, 3 с лишним тысячи заработная плата, 27, 2 млн. рублей — валовая продукция в действующих ценах, 0, 5 млн. рублей — прибыль.

С таких цифр и показателей начиналась жизнь нового сельхозпредприятия, которое, при поддержке вышестоящей структуры и под умелым руководством С.П.Борзёнкова быстро превратилось в лучшее хозяйство Малоархангельского района и одно из лучших – в области и Центральном Черноземье.

Вот такие показатели имело ООО «Дубовицкое» в 2010 году (то есть, спустя всего лишь четыре года – А.П.): «7000 гектаров земли, 140 человек персонала, 16 250 — среднемесячная заработная плата, 165 млн. рублей — валовая продукция в действующих ценах, 16, 5 млн. рублей — прибыль».

После визита Дмитрия Медведева прошло ещё пять лет, и газета «Комсомольская правда» опубликовала большой очерк, посвящённый ООО «Дубовицкое» и его людям. Я процитирую статью с небольшими сокращениями:

«ООО «Дубовицкое»: на пороге юбилея

В ведущем хозяйстве Малоархангельского района прошло собрание по итогам работы в 2014 году. Подобные собрания проводятся ежегодно: это стало доброй традицией и говорит о том, что хозяйство тщательно анализирует результаты своей работы, чтобы и дальше успешно развиваться, и ценит своих передовиков, которых всегда торжественно награждает.

Работать с прибылью

ООО «Дубовицкое» вот уже девять лет работает в партнерстве с инвестиционной компанией «Щелково Агрохим» и считается одним из самых крепких и перспективных хозяйств не только

в районе и области, но и в стране. Результаты прошедшего сельскохозяйственного года — еще одно тому подтверждение.

Объем произведенной продукции в «Дубовицком» составил 300 миллионов рублей. Урожайность озимой пшеницы — 67,4 центнера с гектара, яровой пшеницы — 57,7, ячменя — 57,6, овса — 56,9, гороха — 56, сои — 18, кукурузы на зерно — почти 80 центнеров с гектара.

В последние годы основной доход сельхозпредприятие получает от реализации семенного материала: в хозяйстве имеется две тысячи тонн семян яровой пшеницы, 2 700 тонн гороха, 800 тонн сои, 300 тонн гречихи, две тысячи тонн ячменя. В том числе и за счет реализации семян фонд заработной платы в этом году составил 30 миллионов рублей, а в следующем году вырастет до 33 миллионов. К слову, зарплата в «Дубовицком» — на уровне ведущих промышленных предприятий Орловщины, будет она расти и дальше.

— Наша задача постоянно повышать экономические показатели, чтобы следом за ними поднимались и социальные, — уверен генеральный директор АО «Щелково Агрохим» Салис Каракотов. — Оплата труда в ведущем предприятии российского аграрного сектора должна быть достойной. А мы будем и дальше направлять свои инвестиционные проекты в это хозяйство, потому что оно сегодня являет собой яркий пример того, как нужно работать на земле с прибылью. Здесь первыми научились считать экономику каждого конкретного гектара в сложном севообороте нескольких культур и работать без господдержки и кредитов.

Перспективы и планы

Чтобы и дальше успешно развиваться, в хозяйстве не собираются останавливаться на достигнутом: в следующем году здесь планируют получить среднюю урожайность зерновых культур не менее 65 центнеров с гектара, а выручка от хозяйственной деятельности должна составить 330 миллионов. Особое внимание планируется уделить выращиванию семян сахарной свеклы.

Помимо этого в ближайшей перспективе — развитие отрасли животноводства. Сегодня в «Дубовицком» содержится 500 голов крупного рогатого скота, полторы тысячи голов овец. Планируется построить молочный комплекс, провести реконструкцию дойного стада, освоить имплантирование молочных эмбрионов телят.

— В следующем году будет 10 лет, как АО «Щелково Агрохим» стало нашим главным акционером, — отметил генеральный директор ООО «Дубовицкое» Сергей Борзенков. — Поэтому нам нужно тщательно проанализировать результаты своей работы и понять, что нужно сделать, чтобы работать с еще большей отдачей.

Залог успеха — люди

Сегодня «Дубовицкое» — одно из лучших хозяйств России, и это заслуга не только инвестора, но и профессиональной грамотной работы каждого его труженика. А таковых в хозяйстве 148. Более 30 из них получили в этот день почетные грамоты, денежные премии и ценные подарки, а четверо лучших — автомобили «Нива-Шевроле».

Один из обладателей новенькой машины — главный агроном ООО «Дубовицкое» Юрий Невзоров. Он пришел работать в хозяйство сразу после окончания Аграрного университета, в 2010 году. Два года назад молодому перспективному специалисту хозяйство приобрело дом, теперь — подарило машину.

— Такой подарок мне сейчас очень кстати, — радостно говорит Юрий. — Ведь у меня семья, малыш подрастает.

Профессия агронома беспокойная и ответственная: молодой отец сутками пропадает на работе. Опасения за урожай были: засуха в этом году была не меньше, чем в 2010-м. Но, несмотря на все трудности, результаты прошедшего сельскохозяйственного года порадовали.

Вместе с ним ключи от новенькой машины вручили и механизатору Александру Коптеву. Он родился здесь же, в селе

Дубовик. В большие города никогда не стремился, считает, что где родился, там и пригодится. На тракторе работает уже семь лет, и каждый год ударно. В этом году, вместе с севом и подготовкой почвы, обработал более шести тысяч гектаров, проехав по полю на своем «Джон Дире» 12 тысяч километров.

— Техника новая, работать на ней одно удовольствие, — признается он. — Но труд у нас не из легких: смена — 12 часов, выдержит не каждый, ответственность большая.

Получил автомобиль и механизатор Павел Вэрзару. На тракторе Т-150 он работает уже 10 лет. В этом году обработал на нем почти 700 гектаров. Сел на него, когда пришел в «Дубовицкое», с тех пор — не расстается.

— Знаю его до последнего винтика, — смеется Павел Давидович. — Мы с моим Т-150 уже одно целое.

В лихие 1990-е ему пришлось покинуть родную Молдавию, и переехать в Россию. До того, как окончательно осесть в «Дубовицком», судьба немало помотала его по стране: работал не в одном колхозе, да все они развалились. Здесь же он нашел стабильную зарплату, помогли ему и построить дом.

Сел за руль новенькой «Нивы» и комбайнер Игорь Стрельцов. Парень уже восемь лет ставит рекорды намолота, в этом году его вклад в общее дело — 6200 тонн зерна.

Немногим меньше намолоты Сергея Ампилогова и Сергея Юшина, хоть и трудятся они на отечественных комбайнах. Кого в «Дубовицком» не возьми: все работают на совесть. Александр Тарасов и Владимир Матрасов внесли по шесть тысяч гектаров минеральных удобрений. Даже на старой технике работники «Дубовицкого» умудряются ставить рекорды, и они не остаются незамеченными руководством не только предприятия и района, но и области.

Гордость аграрного сектора

— Мы гордимся нашим аграрным сектором, — подчеркнул в своем выступлении председатель Орловского областного Совета народных депутатов Леонид Музалевский. — В этом году в Орловской области намолочено свыше трех миллионов тонн зерна! И «Дубовицкое» внесло большой вклад в достижение таких показателей. Здесь умеют грамотно работать, добиваться лучших не только в области, но и в стране результатов, благодаря использованию в производстве новых научных разработок, высокоэффективных ресурсосберегающих технологий, системы защиты растений, современной техники.

- Это хозяйство — наша гордость, — сказал глава администрации Малоархангельского района Юрий Маслов. — Это школа передового опыта, где проходят крупнейшие международные научные семинары. Благодаря таким хозяйствам нам удастся решить важнейшую задачу укрепления продовольственной безопасности страны.

Иметь такое хозяйство — большое подспорье для района. Ведь «Дубовицкое», являющееся промышленным центром малоархангельского села Дубовик, постоянно помогает решать социальные проблемы. Содержание и прокладка водопроводной системы, ремонт внутрихозяйственных дорог — все это забота хозяйства. Оно же проводит реконструкцию и благоустройство воинских захоронений, помогает храму Покрова божьей матери, взяло на себя размещение и содержание украинских беженцев. На таких хозяйствах держится сегодня аграрный сектор России. Нет сомнений, будет развиваться и дальше».

«Комсомольская Правда», 12.12.2014

ООО «Дубовицкое» на современном этапе

В феврале 2017 года, в зале на 120 мест нового административного здания ООО «Дубовицкое», с трудом вместились желающие принять участие в собрании по итогам 2016 года. ***Юрий Маслов, глава Малоархангельского района***, выступая, подчеркнул: *«В районе сравнений нет никаких. Даже в области было отмечено, что лучшее предприятие Орловской области – это ООО «Дубовицкое».*

В прошлом году в хозяйстве было намолочено более 27 тысяч тонн зерна при средней урожайности 58 центнеров с гектара. Урожайность озимой пшеницы почти 62 центнера. Радуют и экономические показатели».

Сергей Борзенков, руководитель сельхозпредприятия, *дополнил главу района: «В денежном выражении, если переводить, – 250 миллионов выручки при затратах на всё производство 140 миллионов».*

Дальнейшее увеличение объёмов производства связывают в хозяйстве в первую очередь с внедрением достижений науки. Для повышения квалификации кадров в новом административном здании выделили специальный учебный класс, где обучаются как работники предприятия, так и специалисты других хозяйств.

Доволен был достигнутыми результатами **руководитель компании «Щёлково Агрохим», академик Салис Добаевич Каракотов, главный инвестор**. По его словам, *«Дубовицкое» на сегодня - одно из лучших сельхозпредприятий страны.*

Однако говорили на собрании не только о производственных достижениях. Особое внимание уделялось решению социальных проблем и повышению жизненного уровня. С 1 марта 2017 года зарплата в хозяйстве увеличилась на 10%.

Вскоре после этого собрания покинул родное хозяйство Сергей Борзёнков: он ушёл на повышение, став с 31 октября 2017 года руководителем Департамента сельского хозяйства Орловской области. Новый губернатор, Андрей Евгеньевич Клычков, за короткое время сумел оценить успехи ООО «Дубовицкое» и его руководителя: *«Сергей Борзёнков не понаслышке знает отрасль АПК. Поэтому с его назначением мы дополнительно усилим этот сектор в областном Правительстве».*

Вступив в новую должность, Сергей Петрович подвёл некоторые итоги своей 19-летней работы в «Дубовицком»: *«…Это огромный и бесценный опыт. Мы начали применять инновационные технологии, современные препараты, которые дали возможность получать стабильный высокий урожай. Главное для развития сельского хозяйства – это тандем науки и производства. Не должна*

наука существовать отдельно от производства! Аграриям нельзя недооценивать достижений классической науки, современных разработок. В «Дубовицком» всё это было и есть, и отсюда такие результаты. Я хотел бы, чтобы все наши предприятия смогли достичь такого уровня. Тогда не только решим проблему собственной продовольственной безопасности, но и полмира накормим, как это было в лучшие времена. …

И ещё одно важное дополнение от Сергея Борзенкова: *«Мы не можем допустить, чтобы инвестор работал на нашей земле, получал доходы, ничего не принося взамен. В мою бытность директором в «Дубовицком» мы на средства нашего инвестора «Щёлково Агрохим» не только производством занимались, но и дороги делали, школам помогали, газифицировали населённые пункты…».*

Генеральный директор
ООО «Дубовицкое»
Матвейчук Пётр Васильевич

После ухода Сергея Петровича АО «Щёлково Агрохим» не стало мудрить с выбором нового руководителя для своего опытного хозяйства. Генеральным директором был назначен человек, стоявший у истоков ООО «Дубовицкое» - его куратор на протяжении всех лет существования, кандидат сельскохозяйственных наук Пётр Матвейчук.

Все хорошие наработки, конечно же, были оставлены, но жизнь не стоит на месте. Новые задачи требуют их решения. *«Одной из таких для нас стало переломить стереотип, что отечественные сорта сельхозкультур, средства защиты и питания не могут быть конкурентоспособными по сравнению с иностранными. Сегодня могу с уверенностью сказать: по многим направлениям отечественное производство не уступает зарубежному, а иногда даже превосходит его»*, — отметил Пётр Васильевич в интервью газете «Комсомольская правда».

Это на протяжении последних лет доказывается высокоэффективной работой ООО «Дубовицкое» – ведущего

семеноводческого предприятия в Орловской области. Главная его продукция в настоящее время: производство семян от супэрэлиты до I репродукции, семян гибридов сахарной свеклы отечественной селекции и производство продукции высокого качества.

Обсудили

Теперь – к делу

У хозяйства 7430 га пахотных земель, 120 га отведено под научно-производственную деятельность, где в рамках классического четырехпольного севооборота ежегодно закладывается большой объем новых селекционных разработок отечественной и зарубежной науки, российские системы питания и средства защиты. Несколько лет назад «Дубовицкое» передало в безвозмездное пользование 65 га филиалу ФГБУ «Госсорткомиссия» по Орловской области, где, в том числе, испытываются сорта Орловского ВНИИ зернобобовых и крупяных культур. Это еще один шаг со стороны компании для стимулирования и поддержки отечественной науки.

«На нашем Щелковском научно-производственном поле площадью 120 га мы закладываем российские и иностранные сорта, поскольку нам важно не предвзято выявить и оценить самое лучшее. Только после этого запускаем в производство, предлагая нашим аграриям семена высокопродуктивных сортов. Всем важно иметь высокое качество по доступной цене», — рассказывает Петр Матвейчук. Не удивительно, что при таком подходе к работе слава об опытном хозяйстве «Дубовицкое» перешагнула границы ЦФО.

За соей - большое будущее

На базе ООО «Дубовицкое» вот уже несколько лет проводятся многочисленные мероприятия в целях распространения передового аграрного опыта. В 2019 году, к примеру, в рамках «Аграрной недели Орловской области», здесь побывало несколько сотен гостей со всей России. Участникам отраслевого форума были представлены испытательные участки филиала «Госсорткомиссии» по Орловской области и делянки ООО «Дубовицкое», где на 8-9 га заложены соя, фасоль, горох, яровая пшеница, просо, ячмень, овес, а также гибриды кукурузы и сахарной свеклы от «Агрохим Щелково». «Дубовицкое» располагает и всем необходимым для проведения научных чтений и дискуссий, в том числе обустроенным конференц-залом. Высокая материально-техническая оснащенность для хозяйства стоит во главе угла. У хозяйства имеется техника для работы в полях (подобран шлейф машин и оборудования под каждую конкретную технологии), современный семяочистительный завод и офисное здание, в котором есть компьютеризированный учебный класс. «Дубовицкое» является базовой кафедрой ФГБОУ ВО «Орловский ГАУ».

Обмен опытом: очередная конференция (21 июня 2019 года)

Гендиректор «Щелково Агрохим» Салис Каракотов из тех инвесторов, которые смотрят на перспективу, готовы вкладывать

средства не только в бизнес, но и в благоустройство сельских территорий. «Красивые поля и современные хранилища — это, конечно, хорошо. Но не менее важен комфорт для жителей», — рассказывает Петр Матвейчук. Еще до открытия опытного хозяйства «Дубовицкое» за счет средств компании в селе Дубовик была проложена дорога, отремонтирован участок водопроводных сетей, проведены другие работы.

Выступает руководитель АО «Щёлково Агрохим»,
академик Каракотов Салис Добаевич

В последнее время Генеральный директор ООО «Дубовицкое» нашёл поддержку своего руководства и в плане возрождения духовности в этом уголке Орловщины.

Покровскому храму в соседнем селе Лески, который восстанавливается после многих лет запустения, ООО «Дубовицкое» оплатило приобретение новых колоколов, звон которых уже был услышан прихожанами.

А в мае 2019 года площадь перед зданием администрации украсил памятник известнейшей исторической личности – Юлии Вревской, изготовленный скульптором и художником Юрием Черкасовым (очерк о нём звершает эту книгу – А.П.). Благоустраивается и заброшенная было на некоторое время деревня Мишково, в которой когда-то жила Юлия Петровна Вревская.

Салис Добаевич Каракотов делится опытом индивидуально

Генеральный директор ООО «Дубовицкое» Пётр Васильевич Матвейчук –
на одном из полей хозяйства

Руководители – тоже учатся

У реки Дубовик, при подъезде к центральной усадьбе ООО «Дубовицкое», полным ходом идут работы по установке часовни у святого источника, издавна почитаемого местными жителями. Само здание уже стоит, приобретена икона, не за горами и освящение.

И это правильно: главное на селе – не забывать о людях, которые трудятся на земле, надо заботиться не только об их материальном благополучии, но и душах - такое отношение к ним обязательно окупится сторицей.

«Кому в Лесках жить хорошо?»

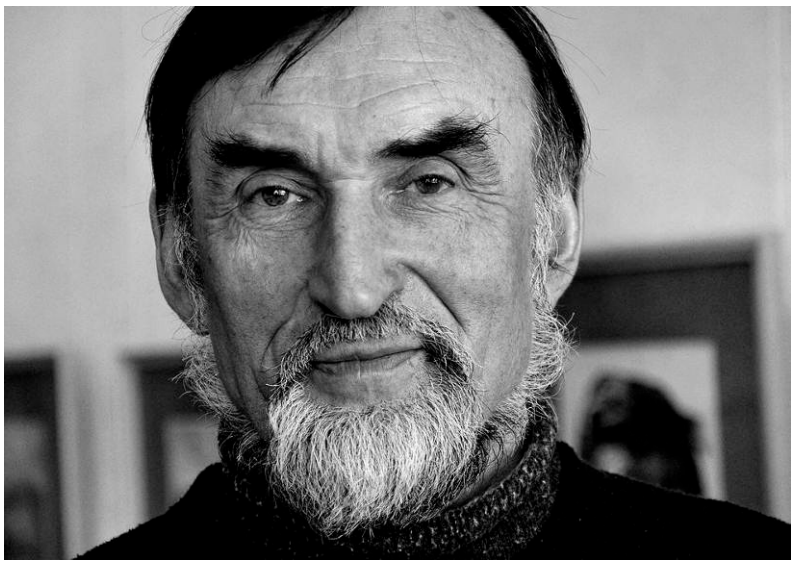
(о художнике Юрии Черкасове и его храме)

Я познакомился с Юрием Михайловичем Черкасовым осенью 2014 года, когда мой малоархангельский родственник, Виктор Иванович Фомкин, привёз меня в село Лески. Здесь находится Покровская церковь, которая до недавнего времени была заброшена и находилась в полуразрушенном состоянии.

Юрий Михайлович взял на себя нелёгкий труд по её восстановлению, и вот уже в течение пяти лет (как он сам мне сказал, – *«…сразу после того, как события на Украине начались» – А.П.)* занимается этим благородным делом.

Второй раз мы встретились с Черкасовым в октябре 2015 года на очередных Куракинских чтениях, которые проходили в Орле в музее изобразительных искусств, и на которых мы оба выступали с сообщениями. Тогда я узнал последние на тот момент новости о Юрии Михайловиче и его храме. Потом ещё дважды оказывался я в Лесках, наблюдая, как быстро меняется внешний и внутренний облик Покровской церкви.

И прежде чем повести далее рассказ о самом храме и о том, что происходит с ним в настоящее время с Божьей помощью и благодаря Юрию Михайловичу и присоединившимся к нему добровольным помощникам, – несколько слов о его биографии. Часть информации я взял с сайта Орловской региональной организации Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России», а об остальном поведал сам Черкасов во время беседы с ним.

Родился он 20 августа 1948 года в деревне Костюрино Малоархангельского района (это старинное селение, названное фамилией его владельца, находится в паре километров от Малоархангельска – А.П.), закончил Малоархангельскую среднюю школу и в 1966 году поступил на художественно-графический факультет Орловского пединститута. Получив через пять лет диплом, Черкасов был направлен на работу преподавателем Орловского художественного училища.

Но просто преподавания Юрию Михайловичу вскоре оказалось мало: душа просила творчества, а для этого, как он решил, необходимо поучиться ещё – уже как профессиональному художнику, и Черкасов в 1976 году стал студентом Харьковского художественно-промышленного института (сразу – второго курса –

А.П.). Тогда это учебное заведение высоко котировалось в Советском Союзе как высококлассная лаборатория по подготовке живописцев.

После окончания Харьковского института в 1980 году Юрий Михайлович возвратился в Орёл, где очень быстро стал заметной фигурой в местном художественном сообществе, выставляя свои картины для обозрения коллегами и творческой публикой. В 1982 году стал членом Союза художников России, а через три года – главным художником Орловских художественно-производственных мастерских.

На счету Черкасова – множество художественных экспозиций: в Орловском областном краеведческом музее, литературных музеях Орла, Орловском государственном музее-заповеднике «Спасское-Лутовиново». Это не говоря уже об огромном количестве выставок его картин в Орле, России и за рубежом, на которых Юрий Михайлович неоднократно становился лауреатом и обладателем различных дипломов и грамот, включая губернаторские.

Не забывал Черкасов все годы и о преподавательской деятельности, трудясь доцентом кафедры факультета технологии предпринимательства и сервиса (1998-2007), доцентом кафедры рисунка (с 2007 г.) на художественно-графическом факультете Орловского государственного университета.

За активную общественную позицию, честность и добросовестность орловские мастера кисти дважды избирали Юрия Михайловича председателем Орловской организации Союза художников России (1992-1995; 2006-2009).

Работы Черкасова находятся в Орловском музее изобразительных искусств, Орловском краеведческом музее, Орловской народной передвижной картинной галерее, Орловском государственном литературном музее И.С. Тургенева, частных коллекциях России, Германии, Израиля, Нидерландов. В общем, подводя творческие итоги к своему 70-летию, скромно отмеченному в августе 2018 года, Юрий Михайлович мог бы честно сказать: «Да, кое-что

сделано, и это оценили не только коллеги, но и обыкновенные люди».

13 переломов и старец Илий

Однако с некоторых пор, а если точнее, с событий 2008 года, Черкасов стал задумываться о чём-то гораздо большем и выходившем за рамки его обычной творческой и преподавательской деятельности. Весной того года, находясь по делам в Липецкой области, Юрий Михайлович попал в страшную аварию, в которой получил 13 переломов и только чудом остался жив. Во время разбора обстоятельств ДТП признал себя виновным («дреманул за рулём» – А.П.), в возмещение ущерба отдал свой автомобиль пострадавшим и – обратился к небесам: скоро 60 лет, и это – их сигнал.

Незадолго до аварии в руки Черкасова попали чертежи старого и полностью уничтоженного в послевоенные годы Воскресенского храма города Малоархангельска, который, по воспоминаниям старожилов и свидетелей, расписывал известный художник Николай Струнников. Вознамерился Юрий Михайлович сделать что-то для возрождения этой церкви, и целых полгода готовил он свои чертежи и рисунки, чтобы показать их тогдашнему Орловскому владыке Антонию.

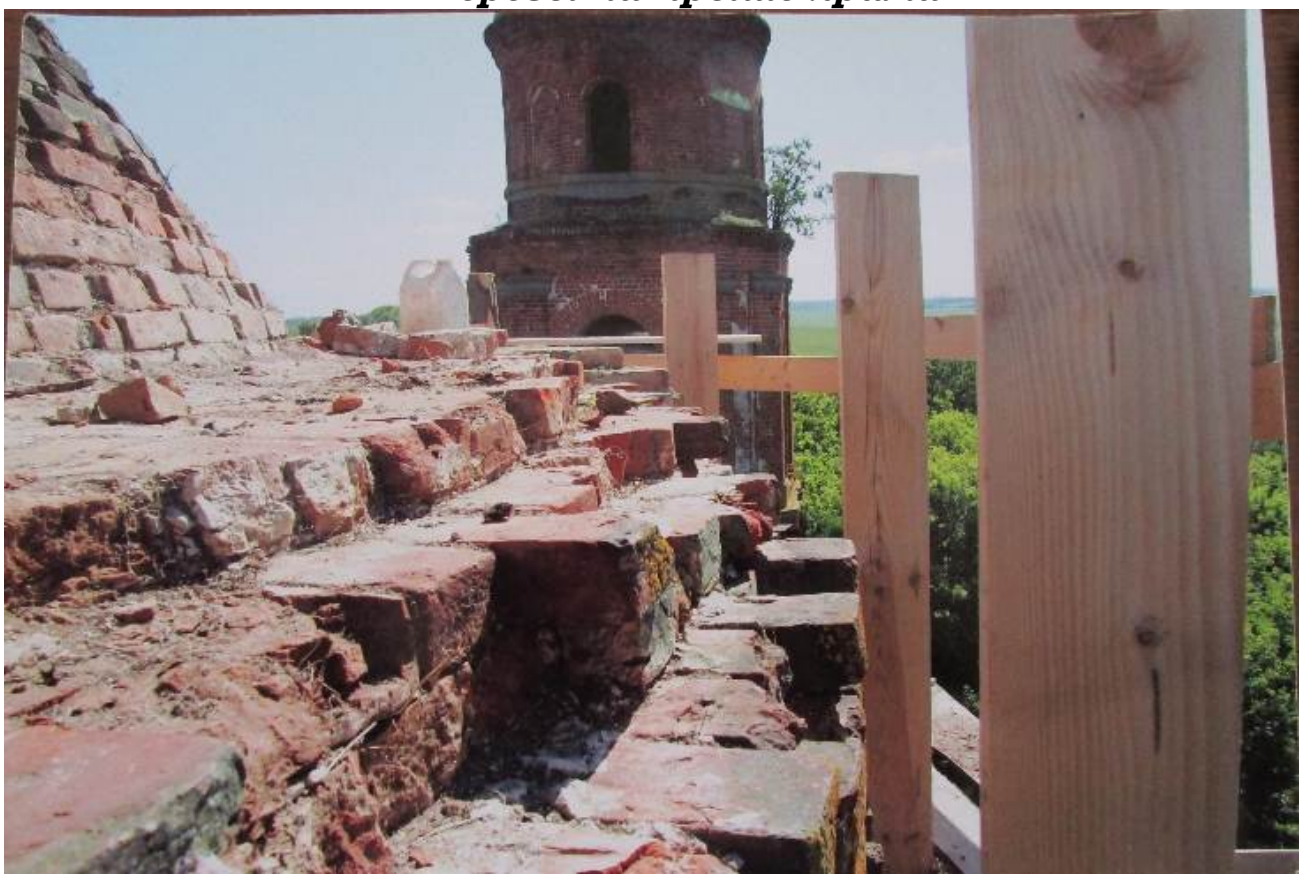
Долго ждал приёма, объяснил при встрече, чего хочет, оставил помощникам Его Преосвященства три наиболее представительных рисунка будущего Храма Воскресения, но дальнейших действий со стороны епархиального (тогда ещё) начальства не дождался.

Не успокоился Черкасов и решил попытаться встретиться со старцем Илием (известный православный деятель России и духовник патриарха Кирилла – А.П.) – во время Крестного хода, который проходил в Орле в мае 2014 года на месте уничтоженного Георгиевского (Егорьевского или Сретенского) храма (здесь размещается теперь кинотеатр «Победа» – А.П.).

Случилось тогда чудо небольшое – Илий сам обратил внимание на Юрия Михайловича, подошёл к нему и выслушал. И вместо длинного ответа, что да как или выяснения подробностей, сказал вдруг: «Тебе этим и заниматься». И не просто так отговорился, а достал из кармана пачку денег (там оказалось 50 тысяч рублей – А.П.): «Вот тебе на начало работ».

Представляешь, читатель, духовник патриарха Кирилла первому встречному и совершенно незнакомому для него до этого человеку вручает деньги, не опасаясь, что их используют совсем на другие нужды.

Берёзы на крыше храма

Озадачен и озабочен был Черкасов: теперь уж точно надо начинать. Но Воскресенский храм города Малоархангельска пришлось ему в мечтах и планах отставить: на его месте стоят давно другие здания (в частности, кинотеатр «Колос»), и никаких свободных площадок для закладки нового городского храма здесь нет. Да и с 2005 года существует в Малоархангельске одноименная церковь рядом с городским кладбищем, в ней пока хватает места для прихожан.

И тогда мысли Юрия Михайловича сразу же обратились к Покровскому храму села Лески (от него до города – 5 километров), к которому Черкасов несколько раз в предыдущие годы приезжал писать пейзажи. Приезжал – и всегда с болью наблюдал, как всё больше и больше приходит в запустение здешняя церковь, на крыше которой давно выросли берёзы, а над трапезной обвалилась крыша, и сквозь дыру в ней небо видно.

Между тем, у Покровского храма имелась долгая история. Первая церковь в селе Лески была деревянной и существовала уже к 1789 году. Когда она окончательно обветшала, прихожане собрали средства на строительство каменного храма. Он и появился в 1855 году. Была эта Покровская однопрестольная

церковь очень небольшой по размерам, не вмещала всех желающих помолиться, и потому во второй половине XIX века прихожане собрали средства на расширение трапезной и постройку колокольни, которая первоначально отсутствовала.

По рассказам местных жителей, во время строительных работ упал и разбился один из мастеров, которого похоронили внутри церковной ограды, а на его надгробной плите выбили дату – 1893 год. Прихожанами Покровской церкви были жители села Лески и нескольких окрестных деревень: Афонасьевки, Малых Лесок, Мамошино, Удерево. Храм был обнесён кирпичной оградой с железной решёткой.

В 1930 году церковь закрыли для верующих, но, в отличие от многих храмов, она устояла, хотя долгие годы пребывала в полуразрушенном состоянии. Местные старушки вспоминали последнего священника Курдюмова, его жену, ставшую крестной матерью многим ребятишкам, показывали место, где стоял дом батюшки. Сам Курдюмов, как антисоветский элемент, давным-давно сгинул где-то. Колокола с церкви сбросили еще в 1936 году, с тех пор потеряла она свой звонкий голос, вещавший на всю округу о начале службы.

В 90-ые годы Покровскую церковь передали общине верующих, но это никак не изменило положения вещей: по-прежнему храм находился в запустении. «Да, это именно то, что нужно» – решил художник Черкасов. Ведь отсюда рукой подать и до Малоархангельска, и до его деревни Костюрино, и до родины жены Нины – деревни Белозеровой. Получил благословение Юрий Михайлович и приступил к делу. Шло лето 2014 года.

Поклонный крест и Покровская церковь села Лески

Село Лески и его Покровская церковь

Первое богослужение

Первая задача, как ни странно, заключалась в том, чтобы определиться с собственным жильём. Ведь из Орла, если начинать работы в храме, не наездишься каждый день. Юрий Михайлович попробовал купить домик в Лесках, но дешёвого и подходящего здесь не нашлось, и тогда за 20 тысяч рублей Черкасов приобрёл старенький дом с печным отоплением в соседнем селе Губкино (5 километров от храма по прямой – А.П.). Остальные 30 тысяч рублей от пожертвования старца Илия ушли на покупку кирпича для восстановления разрушенной части по верху церковного здания.

Вот так всё начиналось. Был первоначально Юрий Михайлович Черкасов один, но постепенно стали подключаться к его трудам друзья, знакомые, старые товарищи и даже совершенно посторонние люди, узнавшие о восстановлении Покровского храма.

И уже через год в малоархангельской газете «Звезда» и на сайте «Малоархангельск.Ру» появилось первое сообщение о том, что удалось Черкасову за это короткое время сделать. Я процитирую опубликованную информацию с некоторыми сокращениями:

«…20 августа 2015 года, в однопрестольной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы в селе Лески впервые за много лет состоялось богослужение, на него собрались жители Малоархангельска, окрестных деревень. Колокола не звонили, их еще нет, но вновь под старыми сводами слышалось церковное пение.

Восстановлению Храма мы обязаны уроженцу Малоархангельска Юрию Михайловичу Черкасову. Молодым жителям эта фамилия вряд ли много говорит, но в старом Малоархангельске она много значила. Род Черкасовых был известен. Юрий Михайлович — художник, преподавал в ОГУ, смотреть на гибнущий памятник архитектуры 1855 года постройки ему было тяжело, и он приступил к восстановлению Храма.

— Не страшно было браться за такой труд? — спросила я его.

— Я получил благословение у духовника патриарха Кирилла Илии. А с Божьим благословением ничего не страшно.

Юрий Михайлович рассказал о людях, помогающих ему. Средства нужны огромные. Но мало-помалу дело движется.

— Свои пенсии мы с женой отправляем на ремонт храма, так мы оба решили.

На сегодняшний день поставлены окна, делают купол, стены обкладывают кирпичом. Настлан пол в алтаре, заготовлены доски для пола во всем храме.

— Главка, крест установлены новые, — рассказал Юрий Михайлович…

Работы предстоит еще много. На прощание я спросила Юрия Михайловича, не обошлось ли богоугодное дело без искушений.

— Были, были искушения, это целая история, — сказал художник и махнул рукой, — отдельно нужно рассказывать.

Вокруг храма кучи песка, лежат рабочие инструменты. Ремонт продолжается».

После публикации статьи прошло-пролетело ещё три года, и в сентябре 2018 года в селе Лески побывал журналист областной газеты «Красная строка» Андрей Грядунов. Его очень впечатлило то, что он увидел в умирающем малоархангельском селе, и материал по итогам посещения Лесков получился большой, тёплый и душевный. Заголовок из него я позаимствовал и для своего очерка о художнике Юрии Черкасове. Отрывки из очерка Андрея Грядунова («Красная строка» от 28 сентября 2018 года – А.П.) я предлагаю вниманию читателей.

«Кому в Лесках жить хорошо?

«…На прошлой неделе в редакцию «Красной строки» зашел известный орловский художник Н.Я. Силаев и рассказал о своем друге и однокашнике, члене Союза художников Юрии Михайловиче Черкасове, который недавно отметил свое семидесятилетие и в течение четырех последних лет занимается восстановлением православного храма во имя Покрова Богородицы в с. Лески Малоархангельского района. Самостоятельно, за свой счёт. Мы не могли не откликнуться. И, согласовав день и час, вместе с Н. Я. Силаевым отправились в гости к Ю. М. Черкасову.

Он сразу расположил нас к себе — человек в запачканной краской робе под белыми, еще не расписанными сводами небольшого сельского храма. Признаться, давно мы не встречали таких счастливых людей. Успешных — да, озабоченных стремлением к

успеху — сколько угодно. А еще больше удрученных недостижимостью оного. А вот счастливых — что-то не доводилось. Таким счастьем были счастливы только советские романтики или люди, повстречавшиеся с настоящим чудом. А еще те, кто нашел главное дело своей жизни — дело по душе, а не ради кармана.

Черкасов говорит, что у него всё произошло очень просто. Его покойные родители родом из этих мест. Сам он вырос в Малоархангельске. А когда стал зрелым художником, частенько ездил сюда на этюды. Ездил, ездил и однажды подумал, глядя на заброшенный храм: «Надо же что-то делать!»…

И он занялся. Летом того же года начал очищать храм и территорию вокруг него от зарослей. Получил «добро» в Ливенской епархии. Поставил в известность о своих намерениях районное начальство. Помощи никто не предложил, но и мешать не стали.

Как выяснил Черкасов, в реестре памятников истории и культуры этот храм не значился. Будь иначе — утонул бы в согласованиях. Но известный орловский краевед В. Неделин в одной из своих книг упоминает храм в Лесках как одно из оригинальных церковных сооружений Орловщины: три яруса его колокольни разделяют не просто деревянные перекрытия, а своды, что в нашем краю практиковалось не часто. То ли денег не хватало, то ли не считали нужным тратить время и силы на сооружение кирпичных сводов там, где можно было обойтись «малой кровью».

Но, видимо, для храма в Лесках нашелся заинтересованный и дотошный заказчик: уж если делать, так делать. Юрий Михайлович предполагает, что им мог быть местный помещик барон Вревский (два очерка о Вревских размещены в книге, и читатель уже с ними познакомился – А.П.). *Его имение располагалось неподалеку, в д. Мишково. Но интересен не столько сам Вревский, сколько его жена Юлия Петровна. Она овдовела через год после венчания и, как принято было у русских женщин, воспитанных в православной вере, не замуж вышла во второй раз, а посвятила себя христианскому служению, в данном случае — ушла на русско-турецкую войну за освобождение Болгарии в составе отряда сестер милосердия, который сама же и снарядила на свои средства. Ушла и погибла. И была похоронена в болгарском городе недалеко от знаменитого перевала Шипка.*

Ю. М. Черкасов увековечил память об этой забытой на родине русской женщине, которая была дружна с И. С. Тургеневым, и которую В. Гюго называл розой на снегу: рядом с

храмом Покрова Богородицы в Лесках стоит теперь изящный памятник работы Ю. М. Черкасова. Уже после того, как он был готов, Юрий Михайлович прочитал в местной «районке» заметку, автор которой сокрушался, что ни в Малоархангельске, ни в Мишково нет памятника Вревской.

Черкасов улыбается. Он по-детски счастлив тем, что сделал.

— Мне это самому нравится, — говорит он, — цветочки сажать, ухаживать…

И кирпичную кладку восстанавливать, и металлические прутья гнуть, формируя каркас церковных маковок, и краски варить, и храмовые стены расписывать. И хотя до полного окончания ремонтно-восстановительных работ еще далеко, но уже две росписи украшают стены храма — одна кисти Н. Я. Силаева — «Богородица Всецарица», другая работы Ю. М. Черкасова — «Троица Ветхозаветная».

Кто-то любит гнуть и полировать штампованное железо автомобилей. Кто-то делает мебель, а Ю. М. Черкасов восстанавливает храм. Кто-то занимается ремеслом, чтобы зарабатывать и жить припеваючи. Черкасов поработал зиму, расписывая храмы в Брянске, чтобы летом вложить заработанные деньги в материалы для Покровского храма в Лесках.

Об источниках средств он говорит так. У них с женой был дом в Орле. Теперь там стоят современные высотки. Но за снос фамильного дома семья получила деньги, на которые Черкасов построил новый — в Подмосковье.

*— И деньги у меня остались, — раскрывает он, улыбаясь, секреты своих «финансовых возможностей». — Вот с них-то все и началось здесь, в Лесках (*тут я сделаю небольшое дополнение, почему остались деньги: дело в том, что Юрий Михайлович сам, своими руками, сделал большую часть работ по строительству дома и его внутренней отделке, затраты шли только на приобретение материалов, сэкономили Черкасовы, таким образом, больше миллиона рублей – А.П.).

Можно скопить пенсию за год, а жить вдвоем на одну. А еще есть Анна Николаевна Плохих, семья Луневых, семья Красниковых, кто не пожалел денег на восстановление старинного сельского храма. Наконец, есть трудолюбивые руки старых друзей Черкасова — Виктора Ивановича Фомкина, Юрия Анатольевича Нецветаева, Александра Алексеевича Кононова, Олега Романова. Орловские друзья Черкасовых помогли в оснащении возрождающегося храма необходимой церковной

утварью (три старушки, «Божьи одуванчики», одна – родом из Лесков, и две её подруги насобирали, в общей сложности, 300 тысяч рублей, на которые и приобретена была эта утварь; а в дополнение, они нашли благотворителей, подаривших два паникадила для Покровского храма – А.П.). *И богослужения в Лесках уже проходят, хотя и не часто пока.*

— На первой службе,— рассказывает супруга Черкасова Нина Михайловна, — свечи оплывали так быстро, как будто плакали. А потом, на следующих богослужениях, удивительно, горели, как всякие другие.

Один из немногих местных жителей с. Лески однажды сказал Черкасову, что готов отдать свой дом священнику, который будет прислан служить здесь.

Покинувшие деревню после развала местного колхоза лесковцы теперь, как уверяют Черкасовы, с трепетом ждут, когда храм будет окончательно отремонтирован и в нем начнутся регулярные воскресные богослужения. Похоже, так проявляется последняя надежда русских людей на возрождение жизни на родной земле. Хотя, как отмечает Черкасов, это, в основном, люди зрелого возраста или совсем пожилые.

Молодые проявляют себя иначе. Юрий Михайлович рассказывает: когда вокруг храмовых стен была только-только выровнена территория, в одно недоброе утро оказалось, что она вся изрыта ямами — некая молодежная «бригада» что-то искала на подворье старинного храма с помощью миноискателя. Нашли какое-то железо, как говорит Черкасов, продали найденное, выпили и… разбились в автокатастрофе.

А вот еще одна притча из новейшей истории храма Покрова Богородицы в Лесках. Заказал Черкасов в Орле у неких мастеров главку-маковку на церковный купол. Старую, проржавевшую и изрешеченную осколками во время войны, пришлось снять. Договорились о цене. Но когда мастера привезли маковку и новый крест в Лески, старший вдруг взвинтил цену в два с половиной раза. Черкасов на такой шантаж не согласился. На следующий день не нашел ни маковки, ни креста.

— А заодно и аванс «уехал» вместе с ними, — улыбается теперь Юрий Михайлович.

Но прошел год, и Черкасов узнал, что тот человек, который так некорректно торговался с ним, спился и умер. Как недолго прожил и один старый знакомый, который одно время крушил кувалдой подоконники в заброшенном храме в поисках «поповских кладов».

Хотите — верьте, хотите — нет, но за всё в жизни приходится платить, и есть грехи, за которые наказание следует уже при жизни. Начните восстанавливать храм — убедитесь.

Показал нам Черкасов и один любопытный документ из прежнего правительства Орловской области. Это был ответ на просьбу Юрия Михайловича оказать помощь в ремонте дороги от существующей трассы до Лесков. Старая, грунтовая, раскисает от дождей. И к храму не проехать. А, значит, ни материл не подвезти, ни людей.

Кстати, отсутствие дороги с твердым покрытием, как свидетельствует Юрий Михайлович, было одной из главных причин того, что жители, в конце концов, оставили некогда большое село Лески и почти все перебрались в райцентр. Выходит, что дорога к храму и дорога к возрождению жизни на селе — суть одно понятие.

Черкасов обращался к районным властям. Надеялся, что хотя бы «отсыпят» дорогу щебнем или строительным мусором, на худой конец. Но ответ пришел из областной администрации и достоин того, чтобы его процитировать: «…В селе Лески расположено два домовладения, в которых проживает 4 человека. В связи с малой численностью проживающих и отсутствием социально-значимых объектов, за исключением неработающего храма в селе Лески, администрацией Малоархангельского района не запланировано выполнение работ по устройству твердого покрытия данной дроги…».

Вот так. Храм вроде и не исключен из числа социально значимых объектов и даже в оригинале текста написан с большой буквы, но в то же время дороги не достоин, потому что других, видимо, «более социально-значимых объектов» в деревне нет. А мы говорим, что нынешнее российское государство и Церковь близки как никогда за последние сто лет! (Во время моего последнего приезда в Лески, 26 апреля 2019 года, увидел я, что та часть дороги до храма, где самая грязь всегда была после дождей, засыпана кирпичным щебнем, а сделали это сами храмовосстановители – Юрий Черкасов и его товарищ Виктор Фомкин, не ставшие дожидаться милости от властей – А.П.).

А ведь историки в голос утверждают, что любое, даже малочисленное, русское поселение, если и возникало, то возводило храм одновременно с жильем. И для власти это был самый что ни на есть социально-значимый объект.

Храм Покрова в Лесках, как рассказывает Черкасов, объединял когда-то в одном приходе сразу несколько деревень. Их названия Юрий Михайлович помнит наизусть: Мамошино, Удерево и поселок Серебряный тож. Последнее словечко добавляю от себя, потому что одно перечисление этих самобытных названий невольно напоминает Некрасова и перекличку деревень в его поэме «Кому на Руси жить хорошо».

У Некрасова, если помните, был и Влас, который с кружкой по миру ходил, собирая деньги на храм. А теперь есть Юрий Михайлович Черкасов. Он восстанавливает храм, который — как знать? — может быть, был построен, в том числе, и на деньги, собранные в позапрошлом столетии каким-нибудь Власом…

— А в Лесках-то уже скупили все пустующие дома, — говорит Черкасов.

И по его наблюдениям, начался это процесс после того, как стал оживать старинный приходской храм Покрова Богородицы, который восемьдесят лет простоял в запустении.

Вот такая получается диалектика».

Юлия Вревская и колокола для Покровского храма

После появления очерка Андрея Грядунова в «Красной строке» прошёл год. И за это время новые изменения случились в Лесках. Юрий Михайлович заканчивает роспись алтарной части Покровского храма (пока без сводов), появились здесь новые иконы и уже висят, там, где положено, 7 новеньких именных бронзовых колоколов, самый большой из которых – на 140 килограммов (надпись на нём – «Храм Покрова Пресвятой Богородицы села Лески» – А.П.). Изготовили колокола в городе Жуковском, а средства нашлись из разных источников. Основную роль сыграл Генеральный директор ООО «Дубовицкое» Пётр Васильевич Матвейчук. Известное не только в Малоархангельском районе, но и на Орловщине хозяйство базируется в селе Дубовик и окрестных деревнях, одной из которых является Мишково. Это бывшие куракинские и тургеневские места, здесь находилось имение баронов Вревских.

Узнал Матвейчук, что художник Черкасов поставил памятник Юлии Вревской в селе Лески и захотел установить настоящий бюст этой замечательной женщины уже в Дубовике. Юрий Михайлович помог Петру Васильевичу и руководимому им хозяйству. Черкасов изготовил из мрамора бюст Юлии Вревской, который отныне возвышается на постаменте у здания администрации ООО «Дубовицкое», став главной достопримечательностью села.

А в благодарность скульптору и по его просьбе – вместо гонорара – инвесторы оплатили изготовление колоколов, которые (надеются все) будут звонить на восстановленной колокольне Покровского храма.

Накануне Пасхи, 27 апреля 2019 года, в церкви прошла очередная служба, после которой состоялось освящение куличей и пасхальных яиц.

Жизнь в Лесках возрождается, и во многом – благодаря замечательному человеку, благотворителю и храмовосстановителю – Юрию Михайловичу Черкасову. Побольше бы нам таких личностей!

земель положеніе ... по обѣимъ сторонамъ рѣчки Хлиновы рѣчныя; разстояніемъ отъ столичныхъ городовъ: Москвы 408 ... отъ Губерніи. Города Орла 30 верстъ, протчіе по достности онаго обозначены на городовомъ планѣ. Земли ... земель города 116 десятинъ 672 квадратныхъ Сажень. — Слободъ 2. Сель 37. Погостовъ 6. Селедъ 102. Деревень 211. ... Писцовыхъ и иновныхъ земель. — При всѣхъ оныхъ ... мелеванныхъ и отмѣтныхъ земель: подъ Селеніемъ ... 11869 десятинъ 10708 десят. 1118 Сажень. — Сѣнныхъ покосовъ ... 3 десятинъ 3 ... Сажени, Лѣсу строеваго 15773 десятины ... наго 6414 десятинъ 1289 Сажени. Неудобныхъ ... 6956 десятинъ 289 Саженъ. Всего въ Уѣздѣ и городѣ 11 квадратныхъ Сажень. — Церквей Каменныхъ 22. Деревянныхъ 17. ... ныхъ господскихъ Каменныхъ 1 дере... ныхъ 111. Казенныхъ — поселянъ 6: 24. Помѣщичьихъ крестьянъ 1661. Заводовъ Конныхъ 2. Мельницъ Водяныхъ 113. Ветряныхъ 3. Жителей числится однодворцовъ 17217. ихъ крестьянъ 730, Помѣщичьихъ 26402. Малороссіянъ 22. Экономическихъ крестьянъ 754. Итого 45509 душъ. Неплатящихъ подати Священно- и церковно-служителей 296. Отставныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ 27 итого 323 души. —

Объясненіе Плана

Подъ литерами А. Соборная церковь Воэнесенія Господня, В. Мѣсто для постройки Соборной церкви, С. Мѣста для присудственныхъ Корпусовъ. D. Гостиной рядъ. Е. Соляные анбары. F. Инвалидный домъ. G. Мѣста для кузницъ. H. Площади. I. Валъ проведенъ по ограниченію города. K. кладбище. Въ городѣ состоитъ домовъ деревянныхъ 217. Городъ населенъ Купцами, Мѣщанами — дворянами, и разночинцами. Жителей вообще обоего пола 707. душъ, а особенно платящихъ подати: Гильдейскихъ мѣщанъ 65. посадскихъ 312 душъ. — Экономическихъ крестьянъ 754 души. Заводовъ и фабрикъ въ городѣ никакихъ неимѣется. — Присудственныя мѣста расположены по обывательскимъ квартирамъ. —

Содержание

Вместо вступления (*несколько слов от автора*) 3

Глава первая.
Малоархангельск и его жители во второй половине XIX – первой трети XX века (по воспоминаниям уроженцев города)

1. Из Санкт-Петербурга и Красноярска о Малоархангельске – с любовью от Варвары Яковлевой 4
2. Малоархангельск и его жители в начале XX века (*из воспоминаний Героя Социалистического труда Николая Захарьева*) 81

Глава вторая.
Малоархангельские лица

Как герой Очакова войну женщине проиграл 97
О подпоручике Савенкове, который земли фельдмаршала Салтыкова и генерала Сабурова отсудил 101
Малоархангельские городничие – участники войн с Францией 105
Как профессора из Парижа генеалогия на Орловщину привела ... 107
Александр Пушкин и малоархангельские помещики Безобразовы 112
Помещики Мусины – Пушкины 117
Как орловский губернатор Боборыкин героя взятия Парижа обидел 121
Ипполит Вревский и его Юлия 127
Александр – Борис – Александр и далее до бесконечности... 132
Четвёртый Толстой 138
Фон Рутцен, он же – Руцын, он же – Рудин... 145
Аральская одиссея адмирала Бутакова 150
Оболенские 155
Малоархангельские чиновники Исаевы 161
Доктор Владимир Ченцов 165
Герой Советского Союза Манзус Ванахун 171
«Отважных враг боится» (*генерал Вячеслав Цветаев*) 177

«Переправы, переправы, берег левый, берег правый»
(*Герой Советского Союза Николай Волков*) 181
Из 118-го гвардейского штурмового
(*Герой Советского Союза Леонид Костин*) 186
«Отличный воздушный разведчик»
(*Герой Советского Союза Андрей Локтионов*) 191
«А жизнь короткая такая…»
(*Герой Советского Союза Иван Федяков*) 198
Всего лишь одна буква…
(*Герой Советского Союза Пётр Черняев*) 209
«Ночная ведьма» из морских глубин – в воздушном океане
(*Герой Советского Союза Марина Чечнева*) 218
Один – на три страны
(*Герой Советского Союза Николай Яшин*) 231
Малоархангелец, которого белорусы свои считают
(*Полный Кавалер ордена Славы Валентин Мишин*) 237
Нет пророка в своём Отечестве
(*Скульптор Иван Семеновский*) 242
Фомкины из деревни Елизаветиной 246
Луничевы из деревни Елизаветиной 255
Приложение к очеркам о Фомкиных и Луничевых 262
Загадка одной фотографии
(*О Ретинских и Масловых из Малоархангельска*) 265

Глава третья.
Малоархангельские селения и их жители

Архарово и архаровцы 269
Село Протасово и его владельцы 278
Гнилая Плота и её «Белые голуби» 282
Малоархангельцы и железная дорога 288
Как в Малоархангельске тюрьму в школу превратить хотели
и что из этого вышло 293
Год 20-й: проигранная битва за урожай 297
Можно ли рубль на сутки променять? 301
Как Советская власть бывших малоархангельских помещиков
из их усадеб выселила 306
Владимир Подгорецкий и его иностранные потомки 315

Глава четвёртая.
Документы и люди

Сведения о жителях Малоархангельска по метрическим книгам Михаило-Архангельской церкви (1780-1800 годы) 326
Малоархангельские служители Божии (*Вознесенский собор в 1844-1846 годах*) 337
Должностные лица Малоархангельского уезда в 1844-1846 годах (*по метрическим книгам Вознесенского собора*) 345
О бюджете города Малоархангельска в 1844 году 352
Малоархангельские купцы и их родственники 356
Купцы Пономарёвы во времени и пространстве 362
Мещане Малоархангельска в 1858 году 373
Малоархангельск в 1862 году 376
О начале деятельности органов земства в Малоархангельском уезде 377
Становой пристав Василий Юркевич и его семья 382
Малоархангельск в 1881 году (глазами станового пристава) 384
«Цены одинаковы с губернскими...» (о хлебной торговле в Малоархангельске в 1881 году) 387
О должниках Малоархангельского уезда 388
Малоархангельская уездная мозаика 390
Как в Малоархангельском уезде в 1913 году храмы ремонтировали 393
Первая Мировая война и Малоархангельск 394
«При сем представляется» (*о работниках Малоархангельского военкомата в 1919 году*) . 396
Ответственные работники Малоархангельска и уезда в 1919-1920 годах 399

Глава пятая.
Современная жизнь Малоархангельского района

ООО «Дубовицкое» – флагман сельского хозяйства Орловщины 405
«Кому в Лесках жить хорошо?» (*О художнике Юрии Черкасове и его храме*) 421

Литературно-художественное издание
12+

Александр МихайловичПолынкин

Малоархангельские истории

Автор-составитель и редактор – А.М. Полынкин

Фотографии – А.М. Полынкин и из семейных архивов
Технический редактор С.А. Ветчинников

Подписано в печать 30.09.2019 г. Формат 60Х80 1/16
Печать ризограф. Бумага офсетная
Гарнитура Bookman Old Style
Объём 27,75 усл. печ. л. Тираж 150 экз. Заказ № 224

Лицензия ПД № 8– 0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано в авторской редакции в ООО ПФ «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел. (4862)44-51-45

500-00

ISBN 978-5-9708-00786-6